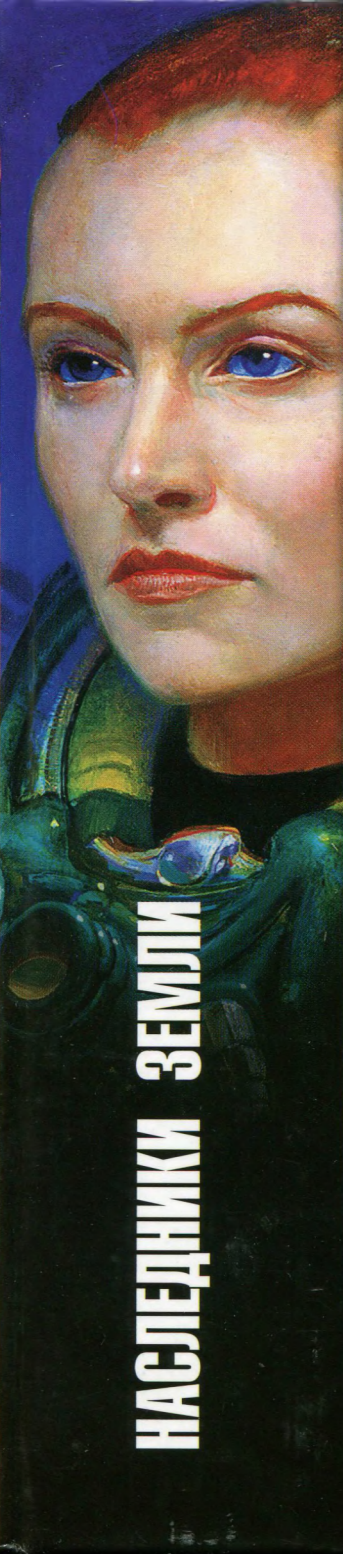

Уильямс
Шейн
Дикс

НАСЛЕДНИКИ ЗЕМЛИ

НАСЛЕДНИКИ ЗЕМЛИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Уильямс
Шейн
Дикс

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

SEAN
WILLIAMS

SHANE
DIX

HEIRS OF EARTH

ШОН
УИЛЬЯМС

ШЕЙН
ДИКС

НАСЛЕДНИКИ ЗЕМЛИ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
2006

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

У36

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Sean Williams & Shane Dix
HEIRS OF EARTH

Перевод с английского Д. Кунташова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Сергеева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 25.10.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 4000 экз. Заказ № 2778.

Уильямс, Ш.

У36 Наследники Земли : [фантаст. роман] / Шон Уильямс, Шейн Дикс;
пер. с англ. Д. Кунташова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. — 539,
[5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-034342-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-1135-2 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Долгожданный контакт человечества и «чужих» наконец СОСТОЯЛСЯ!

Представители неизвестной инопланетной цивилизации преподносят людям
БЕСЦЕННЫЙ ПОДАРОК — возводят на одной из планет, ПОДЛЕЖАЩИХ
КОЛОНИЗАЦИИ ЗЕМЛЯН, ГИГАНТСКИЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ о Вселенной.

Предложение мира?

Приглашение к сотрудничеству?

Нет. Колоссальная диверсия, целью которой было — и СТАЛО! — уничтожение Земли.

Однако опасность угрожает и остаткам человечества, рассеянным по отдельным
колонизированным планетам...

Загадочная негуманоидная цивилизация Морских Звезд, все дальше распространяясь по
Галактике, сметает на своем пути ВСЕ ЖИВОЕ.

Отчаянная попытка вступить с Морскими Звездами в контакт терпит сокрушительный
крах.

Земляне присоединяются к вечным врагам Морских Звезд — загадочным
Прядильщикам...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Sean Williams, Shane Dix, 2004

© Перевод. Д. Кунташов, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

Посвящается Робину Пену, сэнсэю

Краткий обзор

**«Эхо Земли»
2050 нашей эры**

По программе международных исследований ближайших звезд «Околоземная звездная исследовательская программа» (ОЗИ-ПРО) к звездам направляется 1000 экспедиций, осваивая миры, подобные нашему и расположенные «вблизи» Земли, то есть попавшие в поле зрения приборов. Не желая рисковать людьми — существами из плоти и крови, — для экспедиций ОЗИ-ПРО составили своеобразные экипажи: в них вошли только смоделированные человекоподобные существа — андрониды. Андронид, по сути, не был даже клоном — тело выращивали искусственным путем, а его сознание представляло собой всего лишь «энграмму», то есть программную эмуляцию человеческой личности, «код» которой загружали в электронный «мозг» при активации.

Каждый андронид был совершенно аналогичен любому другому из принадлежащих подмножеству таких же, как он, «близнецов». Энграммы, как грампластинки, тоже представляли собой оттиски с одной и той же

матрицы, однако матрица эта несла на себе лишь фрагментарные треки из всего набора ментальных копий, снятых с памяти конкретного живого человека.

Как ни странно, разработчики считали, будто в работе «энграммы» поведут себя так же, как люди, а их коллективы будут столь же продуктивны, как людские, составленные в свое время из настоящих ученых — действительных «оригиналов». Следуя такой простой логике, ядро научного коллектива, состоявшего поначалу из 60 исследователей, воспроизвели в виде их копий, причем множество раз, обеспечив все экспедиции миссии достаточным количеством персонала. Затем миссия успешно стартовала в космос.

Однако через двенадцать лет после начала программы исследований все сигналы с Земли внезапно прекратились. С того момента, лишенные связи с центром ОЗИ-ПРО, экспедиции продолжили свое исследование в надежде, что неизвестная — и скорее всего печальная — судьба родной системы не настигнет ее несчастных гонцов.

2163 год по стандартному времени космических миссий

Чужие явились в систему Эпсилон Водолея и, как всегда, внезапно. Обнаружив свое присутствие в виде огромных золотистого цвета веретен, они занялись постройкой десяти башен на круговой орбите около планеты Адрас-тея, являвшейся конечной целью экспедиционного корабля «Фрэнк Типлер». Закончив строительство, машины

пришельцев связали все построенные башни воедино массивным орбитальным кольцом и затем исчезли, не оставив ни малейшего намека на собственные цели или происхождение.

Питер Эландер, личность, некогда бывшая высоко и универсально одаренной, а сейчас всего лишь нестабильная и едва не потерявшая рассудок энграмма, послан к орбитальным башням для их тщательного обследования. Приказ отдала статс-менеджер по науке Кэрил Хацис. В башнях Эландера обнаружил столь убедительные свидетельства высокого интеллекта — несомненно, искусственного, — что их назначение стало очевидным всем. Конечно, это был дар человечеству от мощной, странствующей среди звезд цивилизации. Хозяева Башен — их называли «Прядильщиками» — оказались скрытными и таинственными созданиями, однако их дары явно стоили того, чтобы отдать за них жизнь: подробная карта Млечного Пути, информация о других звездных цивилизациях, интереснейшие знания из медицины и хирургии, описание совершенно уникальных мембран, предохраняющих от всяких телесных повреждений того, кто в них укутан.

Помимо прочего, пришельцы оставили средства для мгновенной коммуникации, действующие в радиусе примерно двухсот световых лет, и все технологии, необходимые для постройки космических кораблей и позволившие людям — против законов современной науки — двигаться со сверхсветовой скоростью.

Нуждаясь в поддержке для изучения даров, оставленных пришельцами, Питер Эландер решает направить сверх-

световой корабль сквозь внепространство к Солнцу — узнать, что стало с Землей. Однако цивилизация, обнаруженная на родной планете, мало напоминает мир, некогда оставленный им. Расцвет технологий — период времени, получивший собственное имя «Спайк», — привел столет назад к войне с чуждым природе человека искусственным разумом; результатом этого столкновения, помимо прочего, стала планетарная катастрофа. Лишь малой части человечества удалось выжить, благодаря полному изменению форм своего существования. «Постлюди» встретили появление Питера Эландера с подозрительностью и даже презрением — ведь теперь частичные копии полноценных людей считались жалким подобием намного более совершенных форм разумной жизни, развившихся вновь на земном пепелище.

Для ответственного задания выпущена новая и хорошо исполненная энграмма Кэрил Хацис — единственной из людей-волонтеров, выживших со времени первой экспедиции. Новая Хацис отправляет свой «оригинал» на Адрастею, чтобы оценить правдивость слов Эландера. Оказавшись на Адрастее, Питер и Кэрил обнаружили поселение разрушенным; погибли и люди, и «подарки» пришельцев. Что-то неведомое пронеслось сквозь систему Эпсилон Водолея, уничтожив все и стерев всякие следы корабля «Фрэнк Типлер».

Потрясенные происшедшим, Эландер и Хацис возвращаются в Солнечную систему и видят на Земле ту же картину тотального уничтожения. Все ресурсы и технологии возрожденного человечества, объединенные вместе, не

смогли ничего противопоставить мощи превосходящего флота пришельцев. В течение одного дня на планете не осталось ни одного целого камня.

Выбираясь из кошмара, Эландер и Хацис непрерывно действуют, не желая погибнуть от рук пришельцев — Морских Звезд. Питер и Кэрил не могут стать друзьями, и трение, существующее между ними, совсем не уменьшается при очередном «открытии»: возможно, что Эландер сам дал нечаянный повод к уничтожению остатков человечества.

Следуя сообщениям другой колонии, с которой контактировали неведомые Прядильщики, Питер и Кэрил определили: Морские Звезды приходят на сигналы, распространяемые во всех направлениях передатчиками мгновенной связи, доставшимися людям вместе с Дарами. Попытка Эландера связаться с Адрастеей, предпринятая из Солнечной системы, привела Морских Звезд к цивилизации Винкулы.

Такая схема — Питер и Кэрил поняли это — будет повторяться всякий раз с продвижением Прядильщиков по освоенной части Вселенной, и будет совершаться вслед за «раздачей» Даров по мере этого продвижения. Сильно поврежденная энграмма Питера Эландера, да еще подлинник Кэрил Хацис: женщина одинокая и страдающая из-за обилия копий собственного «Я» — самой судьбой на этих двух существ возложена миссия по спасению остатков человечества. Сиротливые осколки экспедиции, копии некогда застывших фрагментов человеческой памяти, вечные скитальцы среди вечных звезд.

«Сироты Земли»

Подлинник Кэрил Хацис (прозвище Сол, по названию звездной системы ее происхождения) назначает своей штаб-квартирой давно заброшенную колонию на Сотисе. Здесь положено начало организованному сопротивлению. Попытки связаться и с Пряжильщиками, и с Морскими Звездами заканчиваются впустую. Колонии предупреждают об обратной стороне мгновенной коммуникации: опасность привлечь сигналом корабли Морских Звезд оказывается реальной.

Самих Морских Звезд изучают с безопасного расстояния в надежде найти способ их нейтрализации. Опираясь на помощь своих многочисленных копий, Сол организует межзвездную сеть, исполняющую все ее распоряжения.

Питер Эландер оказывается незаменимым помощником Кэрил. Трение между ними растет прямо пропорционально влиянию, которое Кэрил оказывает на личности всех остальных участников экспедиции, относящихся к ней, последнему представителю человеческого рода, с благоговением. Среди поселений распространяются слухи о контакте с представителями иной цивилизации, и Питер соглашается сопровождать одно из воплощений настоящей Хацис, энграмму по имени Тор, в новой миссии по поиску доказательств контакта.

Вместо чужих существ они обнаруживают Фрэнсиса Эксфорда («Фрэнк-Топор»), в прошлом занимавшего пост в руководстве проекта объединенных исследований и ставшего впоследствии тем самым генералом, что кинул

на произвол судьбы миссию, просто захватив власть на своем корабле и перебив его экипаж. Позднее Эксфорд создал множество своих энграмм, и теперь тысячи этих копий населяют систему Вега, пользуясь преимуществами Даров, оставленных им пришельцами. Соблюдая осторожность, ему удастся привлечь и направить внимание на новую расу чужих — существ, которых Эксфорд называл поначалу «тараканами» и которые именовали себя сами как Юлы/Гоэлы. Юлы следуют за Прядильщиками, держась на отдалении и подбирая Дары там, где это возможно. Всегда и везде Юлы должны были на один шаг опережать Морских Звезд. Кстати, Морских Звезд и Прядильщиков, всех вместе, Юлы относили к некоей общности, или «Двуличию».

При помощи двух захваченных пленников Эландеру удастся отследить направление миграции Юлов и выйти на огромное скопление внепространственных кораблей, объединенных вместе под названием «Мантисса». Здесь ему приходится столкнуться с еще одним из чужих существ — со странным созданием по имени Практик, покровительствующим Юлам в их борьбе за выживание. Практик буквальным образом поглощает Эландера и, «съев» его, «впитывает» информацию о строении тела последнего, а затем принимается за создание собственной «модели» человека, наделяя его новыми качествами. Практик извергает из своего нутра уже нового Эландера, теперь обладающего скорее реальным телом живого человека, чем плотью генетически выращенного андроида. Событие серьезно отражается на Питере: он становится

более стойким в отношении окружающего мира и более стабильным внутренне.

Люди учатся у Юлов, своих союзников, и находят все новые знания, содержащиеся в Дарах пришельцев. Они узнают, как модифицировать формы сверхсветовых кораблей и как объединять несколько кораблей в одно целое — искусство, способное сохранить жизнь многим. По мере движения по освоенной части Вселенной Морские Звезды разрушают новые и новые поселения, включая и те, что не располагают Дарами. Это ставит само будущее человечества под угрозу. Вдобавок растут сомнения в сути Прядильщиков — похоже, они вовсе не те, кем кажутся, а странные изъятия в библиотеке Даров и картографической комнате звездного пути явно содержат намеки на то, что не следовало узнать людям.

Одна из систем освоенного космоса — Пи-1 Большой Медведицы — становится смертельной ловушкой для всех, кто оказывается в ее пределах: из посланных для ее обследования сверхсветовых кораблей еще не возвратился ни один. Энграмма Хацис по имени Тор, угнетенная осознанием разрушения ее родной звездной системы, как и противоречиями с Питером Эландером, расстается со своим оригиналом (Сол) и движется по направлению к Пи-1 Большой Медведицы, чтобы узнать, в чем там дело.

Новые знакомые довольно осторожны в отношении людей и запрещают человеческим копиям проникать в мир Юлов. Принять такое решение было нелегко, и оно вызвало определенное сопротивление. Планы противодействия Морским Звездам не выдерживают встречи с простым фактом: даже технологическое могущество Юлов

не может противостоять врагу. Флот Морских Звезд феноменально силен.

Решение не вступать в борьбу фактически дезавуировано из-за действий предавшего всех Фрэнка Эксфорда. Он сам привел Морских Звезд прямо к «Мантиссе», стоявшей в системе Бейд, спровоцировав этим начало войны. Сражение было жестоким и принесло с собой огромные жертвы; тем не менее союзникам удалось повредить куттер — один из наиболее мощных кораблей Морских Звезд. Повреждения, полученные «Мантиссой», несколько смягчены тем, что многие колонии пожертвовали собой, растянув фронт атаки противника. Примерно половина из потока миграции Юлов/Гозлов выжила. Люди потеряли Сотис; Фрэнк Эксфорд лишился Веги.

Всякая надежда людей, одержавших эту крошечную победу, на прилив новых сил потерялась перед осознанием простого факта: скоро на союзников может обрушиться настоящая армада мощных куттеров Морских Звезд, таких же ужасных, как единственный поврежденный ими корабль. И, кстати, люди все еще далеки от решения главной загадки: почему ни Прядильщики, ни Морские Звезды не вступают в контакт.

Тем временем забытая всеми у края освоенной вселенной Тор старается выжить в смертельной борьбе на Пи-1 Большой Медведицы. Вместо прямой схватки с неизвестным Тор предпринимает поиск одной из копий Люции Бенк, в прошлом — возлюбленной Питера Эландера, а теперь пионера-одиночки, самостоятельно исследующего вселенную. Тор надеется, что Люция Бенк могла видеть прибытие «чего бы то ни было» в эту систему. Люция стра-

дает от жестокого недомогания, вызывающего стремительное дряхление тела копии, так что код ее энграммы приходится спешно загрузить в процессор сверхсветового корабля. Дальше Лючия видит собственное спасение именно с этой позиции, испытывая смешанные ощущения удивления и благоговейного ужаса. Чувства ее спутаны — из-за надвигающейся скорой встречи с Эландером и вследствие еще одного обстоятельства: она, кажется, стала свидетельницей довольно странных вещей, происшедших именно в районе Пи-1 Большой Медведицы.

1.1

Редукция как способ доказательства

2160.9.26 по стандартному времени
космических миссий
(28 августа 2163 года по земному календарю)

1.1.1

Питер Эландер перевернулся на спину, часто моргая и стараясь разглядеть что-нибудь в сумерках комнаты. Помещение было почти пустым и казалось тесным из-за изогнутых стен. Здесь не было никого за исключением самого Питера, его койки и женщины, отвернувшейся от Эландера. Ткань скользила по ткани — женщина поправляла что-то в одежде, и, как понял Питер, этот звук его и разбудил.

— Лючия?

Женщина замерла, наклонив голову.

— Ты ошибся, Питер, уже в третий раз подряд.

Кэрил Хацис неловко обернулась и, стараясь скрыть смущение, глянула на него через плечо, продолжая одеваться.

Эландеру оставалось лишь смотреть на нее, задумчиво щелкая небольшим кремниевым диском, висевшим на шее. Он чувствовал запах Хацис, исходящий от постели рядом с ним — это были тонкие ощущения, странно волнующие и казавшиеся совершенно неуместными в обстановке каюты. И что, в конце концов, могли они делать в постели вместе?

Окончательно одевшись, Кэрил повернулась к нему. Если она и заметила смущение Питера, то не подала виду.

— Кэрил!

Она улыбнулась неувимой, исчезающей улыбкой.

— Опять ты разговаривал во сне. Знаешь, видно, тебе и впрямь стоит подумать о новых впечатлениях.

— Что ты делаешь?.. — «здесь», хотел добавить к сказанному Питер, но запнулся, опасаясь обидеть женщину.

— Геба позвала, — ответила она. — Прядильщики прибыли на Сагарси.

Смущение не проходило.

Вздых.

— Питер, настало наше время... Или мы начнем действовать сейчас, или упустим свой шанс, последний шанс.

Наконец что-то включилось в сознании, и Эландер все вспомнил: Земля уничтожена, и вместе с ней уничтожен весь порядок вещей, некогда естественный. То немногое, что осталось от человечества, ничтожно малая его часть, оказалось зажатой между Прядильщиками и Морскими Звездами, не зная, что делать: бежать, спрятаться или сражаться. Ни один из путей уже не выглядел в достаточной мере разумно, ни одна из возможностей не давала людям реальной надежды на спасение.

Питер сел на кровати, а Хацис направилась к выходу из комнаты. Остановившись в дверном проеме, она обернулась и посмотрела на Питера. Было что-то чувственное в ее взгляде, но он не обнаружил в себе ничего похожего на влечение. Эландер подумал, что следовало бы поцеловать или, возможно, обнять ее, но он даже не знал толком, произошло ли что-то между ними. А если и произошло, это не могло иметь ничего общего с любовью. Разве что древний гормональный императив, вылезший наружу в опасной ситуации.

Хотел бы он иметь настоящие гормоны. Или феромоны, что наверняка есть у Юлов. Собственное тело Питера представляло собой андроид, в мозгу которого была отсиснута человеческая личность, но ведь позже тело «подправил» Практик — чужое и странное существо, командовавшее Юлами/Гозлами.

Питер не знал, что и как изменил в нем Практик, понятно было одно — изменение произошло, оно оказалось глубоким и вполне реальным. Типаж андроида не предполагал наличия волос, однако теперь Питер щеголял многодневной щетиной, а прежде геометрически правильный рисунок вен под его оливковой кожей стал произвольным и изменчивым. Он чувствовал себя более сильным и энергичным, чем раньше, и, дотрагиваясь с полузабытым и странным ощущением до руки Хацис — в восхищении ее собственной бесчеловечной жесткостью, — ощущал исходящие от кожи сильные биоволны (кстати, явные свидетельства вмешательства в природу Кэрил знаний постчеловеческой цивилизации из навсегда уничтоженной Солнечной системы); теперь же странные импульсы

перемещались и по нервам самого Питера, вызывая эмоциональные порывы, присущие скорее участкам коры головного мозга — так, будто у него в мозгу действительно имелись такие структуры.

— Разве ты не собираешься присоединиться к нам? — спросила Кэрил.

Голос ее стал резким. Она явно не собиралась принимать фатум человечества как нечто должное. Похоже, Хацис предполагала, что Питер последует за ней.

— Я приду один и тогда, когда все кончится.

— Но твоя вера в меня, в мои способности управлять толпой сильнее, чем когда-либо. И я это вижу вполне отчетливо.

— Кэрил, ничего личного. Просто рядом с тобой мне делать нечего.

— Ну что ж, хорошо, что сказал, мне уже лучше... Питер. Спасибо...

— Я же говорю — присоединюсь к вам, но позже.

— Мне все равно. Постарайся использовать свое бытие по полной программе!

Она постояла в дверях на секунду дольше обычного, будто хотела добавить что-то или ждала ответа Питера. Но он промолчал. Слова Кэрил казались хлесткими, однако в последние недели Питер достаточно хорошо узнал ее, чтобы понимать: язвительные и насмешливые замечания — всего лишь маска, под которой спрятаны нервозность и нерешительность. Что бы ни произошло между ними, не стоит заходить слишком далеко. Что ни скажи, будет только хуже.

Питер понимал, что намеченная встреча принципиально важна для Кэрил, но не мог привести собственных и, главное, убедительных аргументов. Казалось, он мог заранее слышать все, что будет сказано участниками, мог пункт за пунктом проследовать по всему их пути к окончательному и полному несогласию. Если и есть один шанс на то, что оставшиеся представители человеческого рода придут к единству, то Питер не поставил бы на это и грош.

Хацис направилась к выходу, не произнеся больше ни слова. Когда она исчезла, Эландер снова лег на кровать, скрестив руки за головой, и с изумлением подумал: кем же он стал?

«Ты опять говорил во сне». Так сказала Хацис. Неудивительно. Должно быть, он снова мечтал о Лючии — той, любимой, оставленной им некогда ради звезд. Особенно часто грезился Питеру их последний разговор, вернее, разговор оригиналов, «настоящих» Лючии и Питера, происшедший незадолго до старта к звездам их многочисленных копий. Тогда разговор зашел о философской загадке, вытекающей из теории относительности; в разное время эта мысль преследовала каждого, с кого были сделаны энграммы. Вопрос состоял в следующем: насколько острыми будут ощущения личности-«оригинала», сознающей, что сотни эхо-копий его самого уходят в бездну релятивистской бесконечности и что они увидят места, которые не суждено узнать ему самому. И каковы ощущения эхо-копий, сознающих, что их исходная «первая» личность навсегда осталась позади, что ей пришлось состариться и умереть в своем вполне безотносительном измерении времени.

— Бессмертны ли мы, — спросила однажды Лючия, — или каждому из нас предназначено умирать тысячу раз?

У него все еще не было ответа на ее простой вопрос, хотя Питер обдумывал его множество раз. Он сам или его оригинал — причем сказанное справедливо для большинства копий участников миссии — имели врожденные изъяны, делавшие личность энграммы нестабильной. Из сотен, посланных с Земли, ни один не продержался самостоятельно больше нескольких недель. Со всяким из них случались тяжелые аварии, принудительные «отключения» и перевод энграммы в долговременную память.

Сам Питер выжил, попав сначала в виртуальную среду, а затем — будучи «загруженным» из хранилища — в сознание андроида, что дало его энграмме и стабильность, и надежное физическое тело, позволяя ощутить собственную цельность. Вдруг однажды цепочка взаимосвязанных событий нарушила спокойствие Эландера. Он уже не был лишь тем, кем должен быть — как то диктовалось кодом его первой личности. Он менялся и эволюционировал.

Хацис избавила Питера от барьеров внутреннего «Я», присущих всякой копии, Практик, в свою очередь, наделил его тело свойствами живого человеческого существа. Однако у Питера по-прежнему не было ни понимания собственного мира, ни ясности своего положения относительно других энграмм, к ним он чувствовал лишь странную привязанность.

Больше ли это, чем простое родство? — думал он. — Или чем сострадание?

Напротив, Хацис всегда составляла прекрасный союз со своими копиями. Они подходили друг к другу, как со-

четаются кусочки одной сложной мозаики, — по крайней мере так выглядело внешне. Собственные же копии Питера отталкивали его, всегда и резко отвергая предложения сопоставить части их общих воспоминаний, сформировав некое единство. И это пугало Питера в большей мере, чем он ожидал.

— Не может быть потрясения более сильного, чем то, что доставляет личности ее отторжение собственным «Я», — так внушала ему Хацис после первого подобного инцидента. — Это даже больнее, чем потерять близкого человека или лишиться собственного дома.

Ирония заключалась в том, что именно Хацис была той, кому пришлось повести Питера по этому пути. Быть тем человеком, рядом с которым пройдет все — начиная от пробуждения Питера на Адрастее в новом теле, до его уверенности в ее, Хацис, обиде за нечто, взятое у нее Питером. Правда же в том, что одна Хацис уже погибла, давно, вместе с «Фрэнком Типлером» и всей его командой — и что это случилось после одной из первых атак Морских Звезд. И еще в том, что теперь рядом совсем другая Хацис — последняя из настоящих людей, чудом оставшаяся в живых.

— Если твой дубликат предпочтет смерть через поглощение — это его проблема, не твоя. Не позволяй его провалу увлечь на дно тебя самого. Ты больше не он, Питер. Ты уже лучше — так позволь ему уйти. Кем бы ты ни стал, не существует таких моральных обязательств, чтобы не идти вперед самому.

— Но куда я направляюсь?

Тогда Питеру был необходим ее ответ.

— Нас поддерживает одно: мы сами. Стоит помочь себе — и тогда победим мы все.

Диалог явственно запомнился Питеру. Это было, когда они впервые обняли друг друга — и тоже не в порыве любви или страсти, а из желания простого утешения перед лицом жестоких обстоятельств.

— Необходимо ясное представление, какой именно идее ты привержен, — сказала она. — И если уж корабль дал течь — убедись, что привязан к маленькому плоту, а не к тонущему судну. Так?

— И ты — мой плот, Кэрил?

Помнится, ее смех заполнил всю кабину сверхсветового корабля.

— Прижмись ко мне, Питер, все может быть... И пусть мы потонем вместе!

Он кивнул сам себе. Все это правда — он должен сам отыскать свой центр тяготения, должен сам вытащить себя из депрессии. А еще — чтобы его усилия чего-то стоили — должен найти путь к спасению остатков человечества. Да и, конечно, он не был уверен, что обращение к сообществу даст им готовое решение, однако не мог не видеть уверенности Хацис. Это был ее путь и ее талант. То, как она организовала сопротивление с Сотиса, доказывало способность Кэрил к великим свершениям и демонстрировало ясность ее идеалов. Были, однако, и такие моменты, когда Питер сомневался, не лучше ли выйти из игры с кем-то еще, вроде Фрэнка Эксфорда. Пока Фрэнк не втравил их во все это, никто даже не помышлял о противостоянии с Морскими Звездами.

— Кроме всего прочего, должна быть причина, и весомая причина, — сказал Питер Эландер, обращаясь уже сам к себе.

После боя осталось всего сорок процентов флота «мусорщиков» Юлов/Гозлов и шесть поселений людей, включая Сотис и Вегу. Морские Звезды потеряли всего один из своих больших куттеров, корабль в форме диска, в сравнении с которым все созданное человеком больше напоминало ненужный на войне хлам. Может, эта скромная победа и значила что-то в смысле укрепления боевого духа — если бы не оставалась вероятность появления у Морских Звезд кораблей еще большего класса, в сравнении с которыми уже знакомые куттеры покажутся простыми песчинками.

В итоге союзники узнали о Морских Звездах то, чего не могли знать раньше, и вот почему Фрэнк-Топор сделал то, что было сделано! Нужен разум военачальника, чтобы осознать: для определения военной мощи противника должно готовиться к жертвам; должно также готовиться принять бой, из которого необязательно выйдешь победителем. Когда Морские Звезды были еще незнакомы, они представлялись огромными и ужасными. Сейчас очевидно, что пока безликий враг имеет и свои слабые стороны. В конце концов это успокаивало, пусть ограниченность сил врага и не была особенно явной.

Мысли Эландера повернулись к Эксфорду, и Питер задался вопросом: где теперь может находиться экс-генерал? С тех пор как битва при Бейде была столь неудачно завершена, об этом человеке совсем не было вестей — ни об одном из его воплощений, — а его база на Веге теперь

лежала в руинах; возможно, это произошло не без содействия самого Эксфорда, пожелавшего скрыть собственные следы.

— Входящая почта, Питер, — прервал размышления Эландера бесстрастный голос корабельного информатора.

Искусственный разум сверхсветового корабля располагал менее сложной структурой, чем сами Дары Прядильщиков, но и он был достаточно гибким.

— Сообщение исходит от сверхсветового корабля, который вы называете «Жемчужина».

— Этим ли кораблем командует Тор?

— Думаю, что так, Питер.

— Отлично. Если она ищет встречи с Сол — сообщите ей, кто я.

— Сообщение адресовано лично вам, Питер, — отрезал голос информатора.

Эландер нахмурился. Копия Кэрил Хацис из поселения, известного под именем Тор, числилась пропавшей вот уже несколько дней. Вернувшись, она должна была отчитаться, обратившись лично к Кэрил, которую среди энграмм знали как Сол, но вовсе не к нему самому. Возможно, Тор беспокоила реакция на ее доклад, ведь она покинула миссию «крестового похода», не посоветовавшись ни с кем, сразу после того как поселение было уничтожено.

Эландер вполне мог понять ее чувства. В свое время он испытал подобную эмоциональную травму, став свидетелем уничтожения собственной миссии на борту «Фрэнка Типлера», унесшего с собой всю команду, его друзей. Пи-

тер, однако, сомневался, сможет ли Сол проявить подобное понимание.

— Полагаю, стоит выслушать ее, — сказал Питер, опустив ноги на пол.

Он ожидал, что экран, в который должна была превратиться стена, покажет изображение прибывшей Тор — обычный способ, которым подобные корабли реализовывали связь между пассажирами. Увиденное, однако, оказалось чем-то совершенно иным.

Стены, пол и потолок отступили, образовав распаханное пространство головокружительной глубины. Сквозь темноту Питер ощущал движения темных форм, странные касания, непонятные чувства — все это как бы связывалось в загадочный интимный танец. Затем из темноты к нему вышла женщина. Ее движения были спокойными и уверенными, а улыбка на лице — мягкой и нежной.

Потрясение, испытанное узнавшим ее Питером, можно уподобить удару. Это была Она. Одета в зеленую униформу объединенных исследований фигурка была освещена золотым светом, падавшим прямо на волосы — так, как это запомнилось ему когда-то. Ее кожа напоминала цвет меда, сияя совсем уже немыслимым светом. Карие глаза смотрели на Питера прямо из невозможного пространства, слишком выразительного, чтобы быть виртуальным.

Питер медленно встал на ноги, бессмысленно раскрыв рот и подбирая подходящие слова.

— Привет, Питер, — сказала ему Лючия Бенк. — Давно тебя не видела.

1.1.2

Расмуссен — мир, из космоса истинно прекрасный: только зелень и темпера по экватору, с равномерными промежутками между океаном и землей. Оба полюса покрыты льдами и окружены океаном, полным айсбергами. Воздух насыщен кислородом и питает богатую экосистему, производящую большущих насекомых, способных ужалить андроида за несколько метров многими жалами. BSC-5070 — звезда класса G6V — светило несколько более красное, чем Солнце. Расмуссен обращается вблизи центра собственно обитаемой зоны.

«Маркус Чон», отправленный миссией объединенных исследований для изучения системы, прибыл сюда пятнадцатью годами раньше и тогда же установил орбитальный комплекс, с которого и были проведены тщательные биологические и геологические исследования. Ими руководил Роб Сингх, именно благодаря его умениям вмешательство в природу планеты удалось свести к минимуму. Даже во время прибытия Даров первоначальная экосистема осталась практически не тронутой. Судя по всему, здесь был просто рай, что делало выступление Кэрил Хацис особенно трудным, учитывая характер предстоящего заявления.

— В течение пяти дней, — сказала она, сразу перейдя к сути, — эта планета и все, что на ней находится, погибнет. Собрание слушало ее молча.

— Тремя днями позже, — продолжала Кэрил, — за ними последуют Земина и Деметра, потом наступит очередь Гебы и Сагарси. А затем, — она сделала паузу, и ко-

роткий призыв эха отметил всю важность сказанного, — затем в космосе не останется ни одного действующего человеческого поселения. Все, чего следовало достичь миссии объединенных исследований, уже сделано. Все, что останется от человечества, — это пыль и мусор в тех мирах, которые мы уже посетили.

Хацис кожей чувствовала на себе взгляды, реальные и виртуальные.

Собрание было создано для выработки единого мнения в отношении прибытия Прядильщиков на Сагарси, колонизированный мир из системы BSC-5148, последней в ряду пяти близко расположенных систем, образовавших кластер, известный как Алькаиды. Кластер находился на стороне той сферы, образованной радиусом изученного человеком космоса, что была противоположной месту первого появления Прядильщиков.

Пока загадочные благодетели человечества не поменили вдруг образа своего действия, Сагарси и остальные системы из Алькаидов оказались последними, где ожидали Прядильщиков, и, следовательно, последними, на кого нападут Морские Звезды. Если человечеству и суждено выжить — именно здесь следовало сделать остановку Кэрил Хацис и ее «сборной команде» из последних уцелевших копий.

Кэрил хотелось кричать, высказать все, что накипело, но она сделала усилие и приготовилась говорить спокойно, с подчеркнутым самообладанием и достоинством.

— Мы пытались связаться с Прядильщиками и не получили ответа. Потом пробовали вызвать на контакт Морских Звезд, но те проигнорировали наш призыв. Мы пы-

тались противостоять врагу и едва не погибли сами. Итак, пора решить, что делать дальше.

— Не сделай мы ничего, — продолжала Кэрил, — и человечество умрет. Все видели, что случилось с поселениями-«страусами» — с теми из нас, кто пытался отсидеться в уже разгромленных системах или там, где еще не было Даров. Все они полагали, что Морские Звезды не станут рассматривать такие колонии как угрозу. Но ошиблись, поплатившись за ошибку жизнями. Имея такую же цель, любая из представленных здесь колоний, избравшая аналогичный путь, должна забыть про Дары и про сверхсветовые коммуникаторы. А если человеческой расе и суждено получить свой шанс, то потребуется положить на это все имеющиеся у нас ресурсы.

Кэрил замолчала, как бы в ожидании реакции на свои слова, но никакой реакции не последовало, да и не могло последовать. Слушатели были ошарашены, даже подавлены грубой реальностью ситуации.

— Одна из возможностей: примкнуть к Юлам и идти с ними и их путем — по следам Прядильщиков. Мы в состоянии, используя те же Дары, устроить достаточно широкие проходы во внепространстве, способные пропустить с нами все наше материальное достояние, оборудование для изготовления собственных копий и все, на чем хранятся записанные еще на Земле «слепки» энграмм. Теперь мы умеем объединять сверхсветовые корабли и, так же, как Юлы, способны идти от системы к системе, неся все свое с собой, полностью обеспечивая собственный флот. Если верить Практику, наши новые знакомые идут таким путем две с половиной тысячи лет — и я не

вижу причины, почему мы не можем следовать той же стратегии.

Это реальная возможность спасения, хотя, на мой взгляд, не самая привлекательная. Знаю, многие из вас все еще не приняли как факт то, что Земля была уничтожена в войне более ста лет тому назад. Я уже показала вам, что случилось, и вы уже знаете, как Морские Звезды повели себя, попав в Солнечную систему.

Наступая на пятки Питеру Эландеру, — добавила она про себя, не в состоянии подавить остатки жгучего сожаления — хотя сама, глубоко внутри, понимала: дело не только в личной ошибке Питера.

— Там нас не ждет ничего, и все же это еще наша родина. Потому я вовсе не склонна забыть о ней навсегда, — вслух продолжила Кэрил.

У нас остается несколько дней, причем мы располагаем ресурсами Даров. Возможно, есть еще что-то, о чем мы не подумали, что следует сделать для выживания. Наконец, мы можем найти иное решение — в последний момент, — увидеть то, что укажет путь к выживанию и к восстановлению утраченного нами достояния.

Мы здесь, чтобы решить: воспользуемся мы последним шансом или нет. Мы — единственные выжившие представители человеческой расы, и на наших плечах лежала и продолжает лежать ответственность за будущее нашего вида. Необходимо вместе найти путь к согласию, или нам придется разделиться.

Думаю, вам следует иметь в виду: жить, как сейчас живут Юлы, — означает не передать будущим наследникам ничего. Ничего, кроме страха и покорности. Нам сужде-

но уйти от величайшего из вызовов истории, и с этого момента отступление станет единственным законом нашей жизни. Но если сегодня, сплотившись, мы сможем отыскать другой выход — возможно, тогда потомки унаследуют от нас еще кое-что. Выжив в эти несколько дней, мы сможем вернуть себе Солнечную систему и восстановить наш род, а наши потомки унаследуют от нас новую, возрожденную Землю.

С этими словами, подхваченными многократным эхо и заполнившими зал виртуального собрания, Кэрил Хатчис отступила от ярко освещенного круга, с облегчением избавляя себя от участия в дальнейшем обсуждении. С эмоциональной стороны выступление выглядело искренним и вполне основательным, но в глубине души она еще не знала, какой именно выбор сегодня был бы лучшим.

Сбежать из уже освоенной части Вселенной и стать галактическими скитальцами, оказавшись в ловушке между чуждыми человеку созданиями из двух космических рас, — звучит как приговор, не оставляющий ни единого шанса на избавление. Но что хуже — оказаться взаперти или погибнуть сразу, при первой попытке смертельного противостояния?

Сол вполне разделяла точку зрения Эландера, она сама устала от бесконечных стычек, ежеминутных требований и контртребований, мелких взлетов и ожесточенной борьбы. Сол хотелось, чтобы ее более высокая сущность — создание, погибшее вместе с Винкулой в разрушенной Солнечной системе, волшебным образом оказалось бы на ее месте. Та Кэрил, должно быть, знала что делать. С ресур-

сами посттехнологической эры, наступившей в XXII веке земного человечества, нынешние человекоподобные энграммы могли обрести хотя бы малый шанс к спасению.

Все же — тут она остановилась в своих фантазиях — это не смогло помочь людям в Винкуле. Пришельцы вскрыли оборону людей, войдя в нее, словно горячий нож в масло. Воспоминания о разрушенном доме были «выжжены» в памяти Сол и ныли почти физически, как незажившая рана.

— Мы не можем уйти отсюда! — настаивал кто-то. — Здесь наш дом!

— И кроме того, нужно обязательно связаться с ними, нужно договориться, — встревал кто-то еще.

— Морским Звездам все безразлично, — быстро отвечали им. — Оставшись, мы обрекаем себя на уничтожение — посмотрите, что произошло в Солнечной системе.

— Кто сказал, что Солнечная система разрушена полностью? — спрашивал очередной участник дебатов. — Мы располагаем лишь словами Кэрил Хацис. Может, это трюк, придуманный, чтобы избавиться от нас и освободить поселение в ее личных интересах?

Так или иначе, все сказано. Так или иначе, существуют лишь три возможности ответить на ситуацию. Сообщество человеческих существ может отвергнуть суровую реальность — тогда оно обречено на гибель. Оно может выжить, если научится ловить «пулю» врага на лету. А еще они могут остаться с сомнениями: а реален ли сам предмет собрания? Последнее особенно характерно для молодых поселений, которые еще не встретились с Прядильщиками и не могли видеть с борта собственного корабля,

какова сила пришельцев. Это вполне можно понять. Затаиться — куда более легкий выбор в сравнении с осознанием реальности настоящего ужаса геноцида.

К счастью, численное превосходство в зале оставалось за колониями, выжившими после атак Морских Звезд. Из тысячи присутствовавших примерно восемьсот энграмм потеряли свои жилища и своих товарищей в результате нападений чужих. Хотя они могли и не видеть самого нападения, а это довелось испытать и выжить совсем немногим из делегатов, все же у большинства не было сомнений в отчаянном положении еще оставшихся от человечества энграмм.

Бежать или умереть, — думала Кэрил. — Это вовсе не выбор, это ультиматум, предъявленный нам судьбой.

Сквозь размышления она внезапно услышала голос. Голос, читавший вслух ее мысли, — и он звучал пугающе. Кэрил постаралась определить, где именно находится обладатель голоса. Бесполезно.

— Все потому, что меня нет здесь, Кэрил, — голос Фрэнка-Топора звучал весело, — и еще потому, что никто не может слышать меня, только ты. Видишь ли, сейчас мне важно знать только твое мнение.

— Предполагается, что я должна чувствовать себя польщенной, Фрэнк?

Она услышала что-то, похожее на тихий смех.

— Неужели ты испытываешь враждебность?

— Не знаю, Фрэнк. Почему я обязана таить что-то плохое по отношению к тебе?

Она не могла удержать сарказма.

— Твоя неудачная шутка, запущенная в дело у Бейда, нас в общем-то не зацепила.

Говоря так, Кэрил подняла на максимум темп своего процессора, стараясь выиграть эту партию у собеседника, принесшего столько смерти и разрушений людям и их союзникам. Однако голос сказал правду: Фрэнка не было в зале собрания. Следов его присутствия не было ни в ассамблее, ни в сетях, подключенных к сети зала. В системах кораблей, пришвартованных к докам на орбите Расмуссена, его следов также не было — как не было их и в сетевом окружении Даров. Единственно возможным местом для входа был стоявший на орбите «Маркус Чон», выглядевший теперь старой коробкой и антиквариатом в сравнении со сверхсветовыми кораблями, построенными по технологиям Прядильщиков. Он висел на сравнительно небольшой высоте, мерцая боками в солнечных лучах.

— Вот ты где, — сказала Хацис, обращаясь и к себе, и к собеседнику.

Сигнал Фрэнка шел непосредственно из старого корабля, давно уже заброшенного, со времен прибытия Прядильщиков и их Даров.

— Думаешь, я так глуп, Кэрил? — парировал Эксфорд. — Это просто ретранслятор. Я могу быть где угодно в системе.

— Ты недалеко — сигнал довольно слабый.

— И что ты предполагаешь сделать, когда найдешь меня? Достанешь меня? Ведь я лишь один из многих, не так ли? Окажешься против сотни-другой копий Фрэнка Эксфорда.

— Звучит как угроза, Фрэнк.

— Кэрил, либо ты выслушаешь меня, либо я уйду.

Его голос был невозмутим.

— А какое мне — или кому-то еще — дело, уходишь ты или нет? В прошлом от тебя не было ничего, кроме ущерба: ты лишь воровал в наших колониях, прикрывая свои грабежи делами Морских Звезд, и наконец выставил Юлов перед смертельной опасностью.

— И спас вашу «общественную» задницу, — отрезал Эксфорд. — А вы даже не узнали об этом.

Хацис рассмеялась его последнему замечанию.

— Должно быть, я пропустила что-то. Наверное, была увлечена атакой Морских Звезд, ведь это ты так удачно направил их прямо на нас?

— Кажется, вы сделали дело, и неплохо.

— Боже, Фрэнк, ты хотя бы знаешь, сколько людей мы положили из-за тебя?

— Знаю, конечно. Я наблюдал за вами. И информация, которую я собрал во время боя, имеет достаточно большую ценность.

— Приятно, что эта бойня дала тебе новые ощущения.

— Да ну тебя, Кэрил! Отложи свои колкости и просто выслушай, что скажу я. Мы все в одной лодке. Если потонем, то вместе.

— Значит, слова о твоём уходе были ложью?

— Теперь ты нужна мне почти так же, как и я тебе, — сказал Эксфорд. Затем продолжил: — Через несколько дней мы все уйдём в бега, спасая себя, и начиная с этого момента возврата уже не будет. Поверь, я твой единствен-

ный выстрел — то, что еще способно отвлечь внимание от Морских Звезд.

Возврата не будет. Слова Эксфорда эхом отозвались у нее в голове — вместе с горьким осознанием смысла сказанного. Юлы ушли в никуда, мигрируя среди звезд, и действительно смогли остаться в живых, но превратились в падальщиков, постепенно скатившись до состояния жалких пиратов. Они следовали по одному пути, все равно с кем — то ли с Прядильщиками, то ли с Морскими Звездами, обобщая их даже в названии: «Двуличие». Такая ли участь ожидает теперь человечество?

— Хорошо, Фрэнк. Я тебя слушаю.

— Но готова ли ты к восприятию моих советов?

Кэрил вздохнула.

— Если ты подразумеваешь новую атаку против Морских Звезд...

— Борьба — наш единственный шанс на выживание, Кэрил.

— Ты видел, что случилось после твоей прошлой провокации?

— Послушай, Кэрил, я не настолько глуп. И знаю, что нет ни малейшего шанса, выступи вы, как один, против их сверхмощного орудия. Имейте в виду, их новый корабль, «Трезубец» — огромен, и его можно было бы использовать, поджаривая Луну на вертеле. Нельзя даже толком понять, способны ли мы сопоставить собственные возможности с таким объектом? Солнечная вспышка могла быть сопоставимой ему силой, но Дары ничего не говорят нам о возможности генерировать такие вспышки.

Как не дают и средства подставить корабль подобного «Трезубцу» класса под этот удар.

— Фрэнк, что бы ты ни пытался мне представить, все пахнет одинаково дурно. В любом случае, разве ты не излагаешь информацию, заведомо известную?

— Если ты все знаешь, то для чего устроена эта встреча? К чему тратить время на дебаты по поводу выбора пути, если знаешь заранее все шансы собственного выбора?

Презрение в его голосе жгло, словно соль на открытой ране.

— Не потому ли эти речи, что решение не могло быть принято мной одной?

— Оно не должно было принадлежать им... Боже, Кэрил — они же просто обезьяны! Хотя половина из них все еще верит, что дух человеческий преодолет все трудности сам по себе! Но мы-то с тобой знаем, что Морские Звезды сметут все со своего пути, уничтожив по дороге последние следы человечества. Они даже не остановятся взглянуть на останки — на что это мы еще наступили?

Тяжелая усталость овладела Кэрил. Роковая предопределенность личной ничтожности была как раз тем ощущением, что всегда шло поперек ее сути.

— Что предлагаешь делать, Фрэнк? В чем твой собственный план, о величайший из спасителей человечества?

— Само собой разумеется, мы заставим Морских Звезд заметить нас.

— Уже пробовали. Помнится, не сработало.

— Потому что вы не старались, как следовало.

— Сказать легко. А чем располагаешь ты сам и что можешь сделать, кроме сотрясения воздуха и пустой критики?

— Есть одна идея, но я не уверен, что тебе она понравится.

— В любом случае, говори.

— Прекрасно, — продолжил Эксфорд. — Ты уже пробовала транслировать послания в направлении Морских Звезд. Пыталась оставлять спутники в особенно уязвимых системах, те самые, что излучали сигналы во всех направлениях и использовали любые коды и носители сигнала. Ты жертвовала даже сверхсветовыми кораблями, рассылая информацию через их коммуникаторы. И несмотря на все свои старания, не получила в ответ ничего, ни малейшего — хотя бы электромагнитного — импульса.

Полагаю, причина в том, что ты обращалась не к тем, к кому следовало. Их куттеры — не более чем беспилотные снаряды, средство нападения и только. Они глухи ко всему, кроме собственной программы: убивать. То есть стирать все признаки разума в той системе, в которой последние и были обнаружены. Может, я излишне склонен к антропоморфизму, но именно таким представилось мне их поведение. Морские Звезды — это простые солдаты, пехота и пушечное мясо. Кэрил, да они — если хотя бы имеют разум — просто не те, кто принимает решения!

— Конечно, следует говорить с теми, кто отдает приказы, но, как я вижу, мы еще несколько не приблизились к этой цели.

— Что скажешь насчет «Трезубцев»?

— Возможно, мысль правильная, но на данном этапе нельзя сказать ничего определенного как об одной версии, так и о любой другой. Вот что я действительно поняла: судя по всему, они даже не догадываются о нашем существовании и не имеют причин его обнаружить. Они так же слепы по отношению к нам, как мы по отношению к насекомым в земле, по которой ходим. Они не ищут нас, следовательно, не могут и увидеть.

— Так в чем же твой план?

— Честно говоря, это не мой план. Со мной кое-кто связался, преподнеся эту интригующую идею.

Кэрил хотелось поинтересоваться, что за личность стоит за этим, но времени уже не было — участники собрания устремились в болото пустословия и личных выпадов, что настоятельно требовало ее возвращения в гущу дискуссии. Она спросила:

— И что же?

— Да все очень просто. Если Морские Звезды не хотят прийти к нам, то мы сами просто обязаны направиться к ним.

1.1.3

Эта редкая встреча произошла в пространстве, среди виртуальных стен сверхсветового корабля. Изображение Лючии Бенк нашло Питера Эландера впервые за сто десять Планковских, со смещением, лет. Она выглядела так же, как и в день старта экспедиции; он, напротив, изменился — и явно, и неуловимо, от волос до цвета кожи; от

видимого внешне возраста — казалось, чересчур молодого, моложе, чем тогда, на Земле, даже с учетом использованных им средств против старения, — до манеры двигаться. В нем было что-то, что, как решила Лючия, отличало его от знакомого ей некогда Питера Эландера.

Но, несомненно, это был сам Питер. И только это обстоятельство имело значение. Лючия воспринимала его, чувствуя через все тончайшие сенсоры корабля, рассматривая под разными углами одновременно, анализируя все вибрации его тела. Это была красочная, кубистская абстракция, изображавшая личность, разобрannую на составляющие, а затем — воссоздаваемую пошагово, в каждую секунду и наносекунду до тех пор, пока ее новые чувства прощупывали тело Эландера. Теперь взору Лючии открылись его биологические структуры — те, что свойственны телу андроида, и другие, не имевшие аналогов в человеческой анатомии. Что это такое на самом деле, она не знала.

Его адамово яблоко усиленно задвигалось. Сложная работа желез выдала подсознательное напряжение, вызванное образом женщины. Еще несколько секунд Питер смотрел на нее в напряженном молчании, затем медленно, наклонив голову, проговорил:

— Как ты здесь...

— Меня нашла Тор. Вытащила с «Чанга-5», а потом загрузила код моей энграммы в сеть своего корабля.

— Так ты находишься в... — Питеру было трудно подобрать слова. — Не знаю, пробовал ли кто-нибудь такое.

— Да уж, — засмеялась Лючия, — видно, я первая.

— Ну, ты ведь всегда была энтузиастом, — кивнул Питер.

Ей не было нужды смотреть в глаза Питеру, чтобы понять — за его ответом стояло нечто большее, чем простое изумление.

— Питер, мне искренне жаль, что пришлось уйти. Но это именно так.

Лючия постаралась воспроизвести собственное рационалистическое объяснение и чувства, сопутствовавшие давно сделанному решению. Чувства казались немыслимо далекими — и не только потому, что все произошло много лет назад, даже по субъективной шкале времени.

— Когда-то давно, у нас дома, наши оригиналы были вместе, так почему же имеет значение сделанное мной только после этого? Ты знаешь, ведь я была одной из многих, из сотен таких же, как я и ты.

— Но вы приняли одинаковые решения, — ответил ей Питер.

Вдруг посерьезнев, она кивнула.

— Тор мне рассказала. Очень жаль.

— Знаю, ты сделала так не из желания меня ранить. Тебе ведь и следовало действовать только так, исходя из собственных представлений.

Питер снова ушел в раздумья, неловко пожав плечами.

— Должно быть, ты не могла знать и о случившемся там, на Земле — о безумии Спайка и прочих событиях?

Снова кивок.

— Спаслась только Кэрил Хацис. Что, пожалуй, ужасно само по себе.

Лючия с трудом извлекла это слово из своего подсознания: «ужасно».

Питер засмеялся:

— Забавно. Думаю, если Кэрил услышит о такой трактовке событий — она должна обрадоваться. Я того же мнения. Правда в том, что она и в самом деле последняя из рода людского. И еще вот в чем: она — все, что у нас есть. Возможно, она продукт биомодификации, и вполне вероятно, что ей около полутора сотен лет. Но именно Кэрил Хацис — идея, с которой каждое утро поднимается из постели огромное число человеческих копий. Если эти люди уже не представляют собой ничего, кроме виртуальной реальности или наборов путаных программ с просроченными гарантийными сроками, то у нас больше нет повода для дискуссии. Кэрил — человек и она реальная личность, а не виртуальная, в этом и состоит разница.

В течение всего разговора Питер переминался с ноги на ногу; очевидно, устал или нервничает. Его тело было хорошо сложено, с мягкими линиями и четкими поверхностями, хотя и не имело выраженных следов мускулатуры. Что-то в нем было особенным — не совсем человеческим. Ее собственное изображение — призрак, созданный программным путем на основе энграммы, — нельзя было даже полностью проконтролировать, и поминутно оно то исчезало, то появлялось снова, почему-то со скрещенными на груди руками.

— Ты сам кажешься мне довольно реальным, — сказала ему Лючия.

Питер оглядел самого себя, только теперь осознав, что стоит голый. Схватив с кровати простыню, завернулся в нее.

— Я не такой, как они, — заявил он, стараясь сразу же вскрыть суть вопроса. — Никто, я уверен, не станет спра-

жаться из-за меня. Я — неудачный эксперимент с нестабильным программным кодом, худшим из возможных. Я — копия одного мудака с Земли, который воображал, что вся галактика вращается вокруг него одного, а теперь вовсе не может мыслить самостоятельно или здраво. Меня разбирали на запчасти и снова собирали в одно целое много раз — так много, что теперь не знаю сам, представляет ли мое «Я» хоть какую-то личность.

— А вот мое мнение, Питер: думаю, ты личность. — Каждый нерв ее виртуального тела говорил именно так. — Если ты не принадлежал прошлому, значит, возможно, эта личность — часть будущего.

Шумно выдохнув, он издал странный звук, что-то среднее между смехом и скептическим мычанием:

— Тогда неудивительно, что Прядильщики выбрали меня для установления контакта. Определенно, у них есть чувство юмора.

На некоторое время Лючия остановилась в замешательстве, не зная, что и ответить. Сканирование Питера действительно давало совершенно непонятные результаты. Внутренние органы были странным образом симметричны, а в мозгу — или это лишь показалось — выделялась активность нового отдела. Странной, еле видимой мембраной было облечено все его тело; вроде бы жидкая, она не стекала и не испарялась.

— Питер! Что с тобой? У тебя всегда был сильный и прямой характер... И где все это теперь? Я тебя не узнаю.

— Не сомневайся, все здесь, — ответил Эландер, показывая в сторону стоявшей в углу тяжеловесной маши-

ны с твердотельной памятью, служившей банком данных миссии объединенных исследований.

Лючия посмотрела на Питера с некоторым недоверием.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты спросила, куда делся прежний Питер Эландер. Как раз сюда Кэрил скопировала файлы с кодами моих программ, не работавшими «как положено». Она их коллекционировала. Кажется, здесь все, начиная с момента разрушения Сотиса. Это хранилище Кэрил называла «кладбищем».

Лючия состроила брезгливую гримасу. В ответ Питер только улыбнулся.

— Это как раз то, о чем я думал, — сказал он.

— Да, но интересно знать, почему она так поступала?

— Понятия не имею. И не уверен, что могу понять. Это как напоминание. Или то, что я уже потерял. Или то, кем я уже не могу быть.

— Почему «это» само не может быть «кем-то»?

Он лишь засмеялся:

— По правде говоря, никогда не понимал этого до конца. И тебе не понять — насколько я могу судить по собственной памяти. В конце концов так уж мы запрограммированы.

— Тор что-то говорила насчет программирования. Если все мои версии столь же плохо проработаны, как я сама, — возможно, что реально дееспособных копий Лючии Бенк совсем не много.

— Давно ли ты путешествуешь?

— Очень давно, — медленно проговорила она. — Отправилась я с Пи-1 Большой Медведицы лет сорок назад. По прошествии времени тактовая частота моего мозга несколько упала, но годы я считать не разучилась.

Воспоминания эти казались Люции чем-то расплывчатым, словно все произошло с другим человеком.

— Только подумай, я действительно мечтала увидеть иные галактики! Считала, что если мчишься — никто не сможет догнать тебя и остановить. Как наивно!

Мерцание огня прежней личности нашло свой метафорический кислород, и пламя вновь вспыхнуло. Люция встрепенулась:

— А теперь!..

— Что «теперь»? — неодобрительно отозвался Питер.

— Тор рассказала мне о других пришельцах — Юлах... Говорят, они путешествуют бесконечно — она так и сказала, — перелетая от системы к системе синхронно с Морскими Звездами. Я уверена, они пригласят с собой и нас!

Судя по всему, Питер не разделял ее энтузиазма.

— Ну, Питер, что же ты, как ты не понимаешь... Значит, я смогу увидеть галактику — тогда исполнится моя самая заветная мечта! И в то же самое время смогу быть с тобой... Чего мне еще желать?

Мощные составляющие ее разума — информационные пути — мгновенно наполнились всей энергией жизни, которую Люция смогла вложить в эту мысль. Старая личностная дилемма, мучившая еще оригинал Люции Бенк: заняться ли изучением звезд или остаться, чтобы жить вместе с Питером — тема, прошедшая позднее сквозь все копии ее личности, — нашла, наконец, решение, и осознание это-

го факта проникло во все уголки существа Лючии. Да, она всего лишь чья-то копия, утомленная собственным прошлым, энграмма личности, давно исчезнувшей, — но именно она в состоянии преуспеть там, где ее оригинал уже потерпел окончательное поражение. Несомненно, ей суждено еще съесть свой кусок пирога.

— Все не так просто, Лючия...

— Но почему, Питер? Подумай о том, что мы смогли бы узнать, путешествуя с Юлами. И что могли бы увидеть!

Питер сел на край кровати, вид у него был усталый. Казалось, в нем шла какая-то внутренняя работа, он хотел сказать что-то важное.

— Возможно, есть и альтернатива.

— Например?

— То, над чем сейчас работает Кэрил. Здесь ведь собирали всеобщую дискуссию.

— Знаю, Питер. Тор и я, мы случайно разминулись с тобой на Йоте Волопаса. Там мы узнали, где и когда назначено собрание. Но скажи, какое еще решение могут принять?

Он заколебался, отводя от нее свой пристальный взгляд.

— Что происходит, Питер? Что именно ты не хочешь мне рассказать?

Он вздохнул.

— Есть много того, что нам следовало бы обсудить. Но ты появилась здесь лишь несколько минут назад, да и...

— Питер, я мечтаю о путешествии к звездам *с тобой*.

— Скажи мне, Лючия, как ты добралась сюда? — проговорил Питер внятно и медленно.

— Я уже сказала. Меня нашла Тор и...

— Я спрашиваю, как ты оказалась на этом корабле. Подключена ли «Жемчужина» к нему, или ты смогла вложить свой код в сообщение, отправленное Тор?

— Я сама себя загрузила. — *Почему он спрашивает? Неужели для него это имеет какое-то значение?* — Дело в том, что я научилась перемещаться между сверхсветовыми кораблями.

— Знает ли о твоём местонахождении Тор?

— А нужно ли ей знать, где я? Я свободный агент и могу делать, что хочу.

— «Клото», сбрось все внешние соединения с Расмуссеном, — приказал Эландер. — Разреши прием входящих сообщений и не отвечай ни на что без моего разрешения.

Внезапно Лючия почувствовала, как ощущения окружающего ее пространства изменились; оно как бы обхватило ее, и довольно плотно.

Ее голова оказалась словно в тисках, хотя реально никакой головы быть не могло — ведь все, что представляла собой Лючия, находилось в этот момент в одной из областей памяти центрального процессора корабля, точнее, в зоне семантики.

— Питер, что ты со мной делаешь?

— Тор не понимала степени ответственности, разрешая тебе свободно перемещаться, — ответил он. — У тебя комплекс, а у энграмм только так и проявляются симптомы старения.

— И что?

— То, что ты не способна к рассуждениям. — У него вырвался вздох сожаления. — Слушай меня, Лючия. Я не тот Питер Эландер, которого ты встретила на борту «Лин-

де». И я не Питер, некогда живший на Земле. Я, — он по-медлил, — кто-то еще.

— Я знаю, Питер!

— Нет, не знаешь. — Он опустил голову. — Я уже имел счастье познать твой характер много раз, в других твоих ипостасях: ты видишь меня так, как этого хочет твое «Я», и никак иначе.

Лючия была почти готова запротестовать, но Питер опередил ее:

— Скорее всего ты поступаешь так неосознанно, в той же степени, в какой нельзя осознать механизма работы собственной программы. Я-то знаю, как это происходит. И поверь, сам был в таком положении. Зациклившись, программа всегда идет по кругу, а все, что видишь ты, — это одна прямая линия. Только глядя со стороны, можно понять очевидную безвыходность твоей ситуации.

— Что такое? Ты больше мне не доверяешь?

Он поправил простыню.

— Ситуация меня беспокоит. Полная свобода довольно опасна для тебя самой, раз уж ты способна перемещаться куда угодно, но не сознаешь правды собственного положения. Вот и все. И здесь нет ничего личного.

— И что, по-твоему, я собой представляю?

— Точно сказать затрудняюсь — в том-то и проблема. Откуда мне знать, не решишь ли ты оставить меня без кислорода или овладеть еще одним кораблем?

Питер осторожно взглянул на ее изображение, которое, как оба заметили, тряслось и было сильно искажено, словно от воздействия мощного электромагнитного поля.

— Лючия, если хочешь знать мое мнение — прежде чем мы продолжим нашу беседу, тебе стоит пройти подробное обследование.

— Я в отличной форме, — продолжала настаивать она, не обращая внимания на усилившиеся помехи на экране и дефекты своего изображения. — Можешь мне верить.

Однако Питеру было все равно.

— «Клото», подтвердить мой полный контроль над системами корабля.

— Подтверждаю, Питер.

— Каков статус, предоставленный Лючии Бенк?

— Вы пассажиры с равными полномочиями. Лючия Бенк имеет права, равные вашим.

— Можешь исключить ее из схемы управления? На собственном судне мне не должны мешать чужие приказы.

— Но Питер...

Потрясенная его недоверием, Лючия не могла произнести больше ни слова.

— Лючия, я имел дело со слишком многими «дефективными», включая и свою собственную энграмму. Пока Кэрил не осмотрит тебя, я рисковать не стану. Извини.

На Лючию накатила волна омерзения. Сама того не желая, она все же не могла сдержаться. Держать ее пленницей в собственном доме? Зоны семантики были устроены одинаково в управляющих компьютерах всех кораблей. С момента ее пробуждения эти пристанища для программ стали казаться Лючии более привычными, чем «железо», которым они управляли и с которым она имела дело в прошлом.

Лючия чувствовала, как вокруг нее, один за другим, закрываются пути доступа к программному управлению кораблем. Она словно становилась крошечным транзистором какого-то древнего компьютера, неспособным видеть целостную картину, но все еще чувствовала, как потоки информации пульсируют, уходя от нее куда-то, в системы более мощного искусственного интеллекта. И она все еще понимала, где именно находится точка входа в программу «Клото» и как отдать приказ центральному компьютеру корабля, чтобы вмешаться в команды Питера.

Правда состояла именно в том, что Питер догадался верно — она смогла бы лишить его корабль кислорода, стоило только захотеть. Однако все еще оставалась надежда, что до этого не дойдет.

— «Клото», игнорируй его команды. — Ее приказ ушел прямо в центральный процессор. — Слушай только меня.

— Оба пассажира имеют равные права на управление кораблем, — мгновенно пришел ответ речевого информатора. — Мне следует выполнить обе команды, если они не противоречат друг другу. Мне следует принять собственное решение, если они противоречат друг другу.

— Приказываю не блокировать меня! — настаивала Лючия.

Годы, что прошли в заточении на «Чанге-5», были еще свежи в ее памяти. Она считала себя свободной: думала, что будет путешествовать одна среди звезд, реализует наконец свою мечту... В какую жестокую игру играет с ней судьба, забирая все назад руками Питера. А ведь была надежда, что именно он поймет ее, в отличие от остальных...

— Лючия?

Питер нервно озирался. Несомненно, исчезновение изображения встревожило его.

— Лючия, ты еще слышишь меня?

— Разве я должна?

Она несколько отвлеклась от анализа схемы «Клото».

— Да, потому что я прошу понять следующее. Тогда, на Адрастее, я отчаялся ждать твоего возвращения. Поверь, временами мною двигала только мысль о тебе. Ты была якорем, на котором держалась моя собственная психика. Но тебя не оказалось рядом, и от тебя не пришло ни одного сигнала.

— Для этого не было ни малейшей возможности, — парировала она. — В мои планы входило сообщить о себе из системы прибытия, чем и объясняется вся дальнейшая ситуация. Если хочешь — это простое нежелание кому-то навредить или погубить программу исследований вообще.

Питер поднял взгляд к потолку, словно ища ее взглядом.

— Лючия, «кому-то» ты все равно навредила. В тот раз ты попала прямо в меня и сделала мне очень больно. Теперь слушай. Сначала ожидание твоего появления стало просто надеждой, потом превратилось в призрачную мечту, такую, воплощение которой маловероятно или вовсе нереально. И все же знай, мое чувство не ушло. Много раз я хотел избавиться от него, пытаюсь стать свободным, желая оставить тебя, найти себя самого... Но разве я мог знать? Это чувство не было программой, тем, что можно включить или выключить.

Теперь, когда прошли годы, я вспоминаю, как ты предлагала мне вместе путешествовать по галактике, как туристу и исследователю одновременно. Мне казалось, ты верила, что я должен ухватиться за этот шанс.

— А что ты скажешь теперь?

— Так уж случилось, что когда ты появилась передо мной, Лючия, уже в этот первый миг я понял, что мой путь предопределен. От прежнего остался только особый аромат мечты, которую я хранил и которую не забуду. И еще: во мне осталось то время, которое мы с тобой провели вместе на Земле. Лючия, теперь все ушло. Я вижу и чувствую это. Я в пути, и я изменился. И не могу просто бросить все и болтаться по галактике. Существует определенная ответственность. И ты...

Фраза повисла в воздухе.

Ты больше не нужна мне, — беззвучно пронеслось в ее сознании.

Голос Лючии перешел в высокочастотную вибрацию, мало похожую на звуки, вырывавшиеся когда-либо из ее прежнего рта. Она сама почувствовала эту дрожь — пронизавшую и остановившуюся в ней мертвую зыбь, вдруг заставившую вибрировать все «тело» ее программы. Корабль резонировал и звенел вместе с ней.

Питер прикрыл уши руками. Без слов и без смысла, этот звук был просто мучительным, и казалось, он уже не окончится никогда.

Лючия чувствовала себя разорванной на части, это была труднообъяснимая двойственность между тем, что она представляла собой раньше, и тем, чем ей нужно было стать теперь. Если не остановиться вовремя, думала она,

сознание неминуемо раздробится на части по числу не-реализованных задач — ложь, когда-то преподнесенная энграммам их попечителями и так долго хранившая в целости ее прежнее «Я». *Да, наверное, я и впрямь — жертва плохого программирования, бесконечный сбой, долбанный «глюк»... Господи, прости меня!*

Нет! Она не хочет умирать.

— «Клото», ты должен помочь мне уйти!

— Каковы будут ваши команды? — бесстрастно прозвучал в ее мозгу голос речевого информатора.

— Дай мне отсюда выйти! — снова потребовала она. — Дай мне выйти! Немедленно!

Неизвестно, было ли это результатом простого вызова одной из функций центрального компьютера, или все же сказалась ее настойчивая интонация, но что-то изменилось. Лючия вдруг почувствовала, что удерживавшие ее связи ослабли.

— Лючия! — Питер пытался услышать что-то сквозь ее непрекращающийся крик. — Постарайся понять меня.

— Я не хочу понимать тебя! — снова закричала она и почувствовала, как сопротивление систем корабля исчезает и окончательно рассыпаются окружившие ее стены.

Прежде чем центральный процессор сумел бы отменить это решение, она вырвалась из своей «тюрьмы» и оказалась в пространстве Вселенной. Выброшенная в это одиночество силой собственного горя и болью непонимания, Лючия искала место, где можно просто укрыться; в то же время все вокруг сверкало. Десятки сверхсветовых кораблей, объединенные в сложную сеть с многочисленными точками пересечений, висели в пространстве. Дары

играли и переливались творениями пришельцев, которые Лючия могла воспринимать лишь отчасти, и между ними было нечто, помещенное в центре всего — небольшое, незначительное пятнышко, что-то вроде абсолютно черной крапинки.

Туда она и направилась, хвостом кометы волоча за собой собственное горе и обломки разбитых надежд, а потом нырнула — напрямик в неизвестность.

1.1.4

Ощущение чего-то неправильного и опасного, охватившее Тор, заставило ее бросить взгляд на приборную панель.

— Что это было?

Вопрос прозвучал из той половины рубки, которая принадлежала Эксфорду 1041. Их корабли были связаны в одно целое уже давно, что позволяло общаться запросто, сквозь разделяющий их панели управления барьер. В остальном они были совершенно независимы, по крайней мере Тор на это надеялась.

— Полагаю, Лючия, — прозвучал ее ответ. — Во всяком случае, она может выходить на связь в любое время.

Тут же пришло первое из сообщений, как ни странно, переданное с адреса Сол.

— Тор, что у тебя происходит? Что вообще за хрень? — На изогнутом экране «Жемчужины» появилось изображение Кэрил Хацис. Явно оригинал, а не копия. — Мне еще на Сириусе доложили, что на Пи-1 Большой Медведицы

ты якобы ничего не обнаружила. И вот сейчас я узнаю, что у Эксфорда другие данные, причем исходили они также от тебя. И раз уж я завела этот разговор: какого черта, почему ты ставишь одного ненормального выше нас всех? Ты не в курсе, какие дела он творит?

Со стороны Фрэнка донесся приглушенный смешок.

— Вероятно, она не понимает, что выбора на самом деле нет. — Эксфорд 1041 говорил нарочито расслабленно и доверительно. — Но если захочет найти решение — ей следует поговорить со мной.

— Любое из решений, принятое с твоим участием, это не решение, — отбила подачу Сол.

— Брось свои построения, Сол. Если кто-то останется живым после того, как здесь пройдут Морские Звезды, возможно, они и высекут эти слова — уже на твоей могиле.

— А ты полагаешь, что сам сумеешь их остановить?

— Думаю, нам стоит послушать его, — вмешалась в разговор Тор.

— В таком случае почему он не обратился ко всем, кто собрался слушать?

— Они никогда не достигнут согласия, Сол, — ответил Эксфорд. — И ты сама это знаешь.

Сол на какое-то время ушла из разговора — видимо, пытаясь справиться с кипевшей в ней злобой. Похоже, она понимала правоту своего оппонента.

— Если послушать тебя, Фрэнк, то Верховные должны снова отменить свое решение пригласить нас в новую цивилизацию «человечество/Гоэлы». Независимо от сути твоего плана, я твердо уверена: отказаться от этого

альянса — означает совершить гарантированное самоубийство.

— А нам не нужны Верховные, Кэрил. — Лицо экс-генерала приняло лучшее из тех выражений, которые он обычно использовал для покера: сосредоточенное на собеседнике и с намеком на легкое изумление, остановившееся в углах рта и глазах Фрэнка. — И нам вовсе не нужно ждать единого мнения этих оставшихся человеческих копий. Нам нужны только те, кто готов предложить свои жизни для общего дела, так же как я, например.

Сол скривилась в усмешке.

— Объясни мне, в какой форме ты собираешься передать нам свою жизнь — ты всего лишь один из сонма собственных жалких копий?

— Сейчас это не так важно, Кэрил, — ответил ей Эксфорд 1041. — Перейдем к делу. Мы говорим о выживании вида, как люди — ну и, разумеется, вовсе не с позиций Двумличия. Я не предлагаю поверхностной аналогии со сражением у Бейда и тому подобного. Мной было предпринято все, что необходимо для выживания. К тому же есть один простой факт, состоящий в следующем: мы все нужны друг другу, если хотим добиться одной цели. Итак, к вашим услугам. Хотите выслушать меня или нет?

Еще не был готов ответ, как «Жемчужина» доложила о новом входящем вызове. Изображение на экране разделилось надвое, и Питер Эландер оказался участником этой заранее не подготовленной встречи.

— Стараешься быть незаметной? — Вопрос был обращен к Тор, все еще смотревшей прямо на Эксфорда и Сол, не обращая, казалось, никакого внимания на изрядно

заросшее щетиной лицо Питера. — Полагаю, не стоит возвращаться к визиту Люции Бенк, которая только что посетила меня. Я не прав?

Реакция Сол была незамедлительной:

— Как, она еще здесь?

— Была здесь, — ответил Эландер. — И я не знаю, куда она направляется теперь. Тор спустила ее с поводка — возможно, полагая, что Бенк уведет нас в нужную ей сторону.

— Не совсем верно, — оправдываясь, проговорила Тор. — Да, мы сделали так в надежде, что она сможет отвлечь твоё внимание; кстати, обычно ей такое удавалось. И нам вовсе не нужно было ее заставлять. Она и так хотела тебя увидеть, Питер. А я хочу, чтобы ты понял одно: ее ни к чему не принуждали.

— Да у меня и мыслей таких не было, — сказал Эландер, неодобрительно нахмурившись. — Непонятно другое — почему это было так важно?

— Потому, что она и есть наше доказательство, — прозвучала неожиданная реплика Эксфорда. — Она должна дать нам ключ ко всему. Без этого мы тут все сдохнем, рано или поздно!

Эландер казался совершенно сбитым с толку.

— Я, конечно, извиняюсь, но, может, кто-нибудь объяснит мне, что здесь вообще происходит?

— Я хочу предложить сделку, — произнес наконец Эксфорд.

— В которой лично я выступила бы как помощник брокера, — добавила Тор, с видимым удовольствием посмотрев на выражение лица Сол. *Ты уже не одна, ты не един-*

ственный игрок в этом деле, Сол. — Да, я нашла Фрэнка и рассказала ему то, что сама узнала от Люции.

Сол склонила голову.

— Кажется, тебя вовсе не беспокоит факт, что ты солгала мне, да к тому же еще завела дружбу с виновником массового убийства!

Но Тор не собиралась просить прощения:

— Судя по тому, что ты рассказала мне про Бейд, он был единственным из вас, кто способен мыслить достаточно масштабно и направить мою информацию на реальное дело. Знаю, задача мне не под силу, но, похоже, тебе она тоже не по зубам.

— Итак, где ты нашла его?

— Собственно, он сам связался со мной. Я решила, что если кто и выжил после разрушения Веги, так только Фрэнк. Мне оставалось лишь передать широкопередаточный сигнал, запрашивая позывные для переговоров. Естественно, Фрэнк тут же отозвался.

— Так просто? — скептически пожала плечами Сол. — Фрэнк-Топор обратился к тебе, забыв о своих делах?

— Возможно, если бы ты так страстно не желала пристрелить его, он мог бы прийти и к тебе, — съязвила в ответ Тор.

— Возможно, — кивнула Сол. — И возможно, что мне следовало бы прикончить его прямо сейчас. Взять да и выкинуть Фрэнка Эксфорда из зоны моей личной ответственности, навсегда.

— Ага. Но только в одном случае: если бы это было в твоих интересах. — Фрэнк Эксфорд излучал самодоволь-

ство. — А как я уже сказал, в моих руках находится ключ к вашему спасению.

— Мне казалось, ты говорил, будто ключ — это Лючия? — Эландер совсем растерялся.

— То, что ей известно, — и есть ключ, — разъяснил Эксфорд.

— И что же это? — настаивал Эландер.

— Пи-1 Большой Медведицы, — ответила Сол. — Оттуда прибыла Тор, и там она обнаружила Лючию. Лючия много чего видела в своем путешествии. И среди всего одна интересная штука... Фрэнк, это была база Морских Звезд?

Эксфорд рассмеялся:

— Нет, это вовсе не была база Морских Звезд. Это была база Прядильщиков. По крайней мере я считаю именно так. Привлек ли я ваше внимание?

Эландер и Сол тупо уставились на экс-генерала.

— Доказательства? — вдруг спросила Сол.

— Достаточные, чтобы я поверил в них.

— Допустим, так оно и есть. Что конкретно ты предлагаешь?

— Все очень просто. Мы можем вступить в контакт с Морскими Звездами и предложить им сведения о том, где прячется их враг. Я сильно сомневаюсь, что есть во Вселенной существо-милитарист, разум которого способен проигнорировать подобную тактическую информацию.

— Или проигнорировать тех, кто дает подобные сведения, — добавила Тор, не пытаясь скрыть довольную улыбку.

— И это весь план? — только и спросила его Сол. — Безрассудно залезть туда, где живет наша самая большая проблема?

— Лучше бежать навстречу смерти, чем убегать от нее, — ответил ей Эксфорд.

— Он прав, Сол, — заметила Тор. — А при помощи чужих с их мощным оружием мы приобретем способность развернуть волну обратно.

— Легко сказать, — вдруг очнулся Эландер. — А как насчет моральной стороны вопроса?

— Никто не говорил о легкости, — снова принял мяч Эксфорд. — Преодолеть первый из барьеров всегда не просто.

— Есть мысли о том, как это можно сделать?

Улыбка на лице Эксфорда стала еще шире.

— Меня бы здесь не было, не знай я ответа.

— Постой, — прервала его Сол. — Я согласна с Питером в одном: как это выглядит с моральной точки зрения? Мы просто бьем по руке, нас ведущей. Ставя Прядильщиков в такое положение, мы сами становимся более чем просто неблагодарными тварями. С той же легкостью подобный шаг может повернуть их против нас. В итоге мы окажемся уже против двух противников вместо одного.

— И либо первые, либо вторые одним движением разотрут нас, уже окончательно, — подвел итог сказанному Фрэнк Эксфорд. — Прядильщики не ответят на наши призывы. Раз они не подают никакого знака, скажем, Даров или их отсутствия, то я говорю вам: они не должны получить и нашей признательности.

— Просто послушай его, Сол, — заметила Тор. — Сказанное несет в себе и смысл и, возможно, то решение, которое выведет нас из болота. Кроме всего, непохоже, чтобы мы располагали неограниченным запасом времени. У нас есть восемь дней, если уж быть точной.

— Нам как раз хватит.

Уверенность Эксфорда была заразной. Фрэнк Эксфорд — аморальный, отвратительный тип, Тор знала это. Как и знала, что верить ему в дальнейшем — значит вовлечь себя в проблемы. Но если разговор с дьяволом — единственный способ гарантировать выживание себе самой и всему человеческому роду, то есть ли у них выбор? Возможность может больше не представиться.

— Почему ты так увлечен этой идеей, Фрэнк? — спросила наконец Сол.

— Я вовсе не увлечен, — ответил он.

Сол прищурилась.

— Странно. А если ты лжешь, чтобы увести с пути или погубить всех, предоставив своим собственным копиям...

Эксфорд расхохотался.

— Ладно, ладно. Я понял. Но здесь ты права лишь наполовину. Остальные мои копии вовсе не участвуют в этом деле, и они действительно заняты другим. Но не тем, что противоречит твоим интересам. Видишь ли, лично я не ставлю всего именно на этот план. Я следую также и по пути Юлов. Пойду по следу их миграции, и, возможно, некоторые из моих копий достигнут миров, упущенных Морскими Звездами. Принимая все способы одновременно, я надеюсь на выживание по крайней мере для некоторых из моих копий.

— Точнее, твоих спор, — заметил Эландер, выражение лица которого демонстрировало явное отвращение.

Казалось, Эксфорд 1041 вовсе не смутился такой аналогией.

— Именно. Каждой из моих воплощений — это семья. Разбрасывая их как можно шире, я надеюсь гарантировать сохранение генома Эксфордов.

— Эпидемии Эксфордов, — сказала Сол задумчиво. — Не могу даже думать об этом.

Его улыбка стала еще шире.

— Не так уж плохо выглядит — с моей точки зрения, как коллективного собеседника. Но есть и трудность. С моей другой позиции — уже как индивидуума — ситуация видится несколько иначе. Мысль о том, что одна из моих копий где-то спасется, утешает лишь умозрительно. Это не меняет факта моей возможной гибели здесь. И я полагаю сделать все, чтобы обеспечить благополучное выживание именно этой моей копии. Именно эту идею я пытаюсь «толкать».

— Никаких гарантий, как я и полагала, — резюмировала Сол.

С шутовским видом Фрэнк-Топор согнулся в поклоне, но улыбка на его лице стала довольно-таки хищной.

— Когда окажемся по ту сторону — это будет уже делом каждого. Галактика большая, Кэрил. Уверен, мы сможем сосуществовать довольно мирно.

Имея в виду, что спасется хоть кто-нибудь, — подумала Тор.

— Ладно, — высказалась Сол. — Все свободны, спасибо. Мне нужно немного отдохнуть. И решить кое-что с Питером.

— А как насчет остальных? — забеспокоился вдруг Эландер. — Как насчет идеи предоставить им судить о планах, которые мы тут обсуждаем? Должны они хотя бы знать, что есть альтернатива?

— Возможно, когда они закончат наконец свое обсуждение, мы предоставим им эту информацию, — сказал в ответ Эксфорд. — С момента, когда Юлы разделились — так же, как это сделали люди, — мы знаем, у кого есть достаточно мужества для участия в нашей борьбе. Это и есть те, кто нам нужен: подвид Юлов-«мечтателей», ищущих собственный дом, и патриоты, желающие оборонять то, что они уже имеют. С нами не должно быть тех, кто привык отсиживаться за забором. Мы или выстоим, или падём. Все просто, и этому нет никакой реальной альтернативы.

Слова Эксфорда повисли в воздухе, и на некоторое время все замолчали. По некоторым признакам Тор могла понять, что слова бывшего генерала попали точно в цель. И когда глаза оригинала встретились с ее собственным взглядом, а Сол утвердительным кивком подала ей наконец знак о своем согласии, тогда и Тор смогла разрядить напряжение улыбкой — мимолетной, но ясно выразившей искреннее удовлетворение.

1.1.5

Юэй/Эллил

Разделение Юлов на два лагеря проходило не под бравурные марши. Хотя это потребовало огромных усилий и беспрецедентного внимания участников к мелочам вся-

кого рода, сам момент был отмечен лишь вниманием наблюдателей, нейтрально-молчаливым со стороны людей и подавленным — со стороны самих Юлов. Многие сотни из составлявших «Мантиссу» кораблей, уцелевших в битве при Бейде, уже отделились, а линия разрыва прошла недалеко от середины корпуса. Сорок четыре процента кораблей предполагали остаться, чтобы противостоять Двучичию, отстаивая право на собственный дом. Пятьдесят шесть процентов рассчитывали продолжать движение по дороге вечной миграции.

Итак, род Юлов разделился, осознанно и вполне решительно.

Юэй/Эллил наблюдал за разделением сородичей со смирением, но почти без всякого уныния. Его народ был связан с Двучичием очень давно, несчетное число циклов тому назад. Лишь единицы из современников Юэя/Эллила могли вспомнить детали той легенды, в которую превратилась смутная память народа о родных мирах. Однако и это были вовсе не его личные воспоминания. Он знал все лишь о жизни на сверхсветовых кораблях, думая временами, что это единственный из возможных способов существования. Само предположение, что так хорошо известная ему жизнь может закончиться, казалось Юэю невообразимым.

В то же время кое для кого все уже кончилось. Те, кто проголосовал за предложение остаться, уже перестали быть частью движения Юлов/Гоэлов. Этот новый вид «мечтателей» получил новое имя — Юлы/риилы. Они были добычей, уже мертвыми, и сам Юэй был одним из них.

Он пока не понимал, что за чувство испытывает. Когда-то жизнь представлялась Эллилу совсем простой вещью. Как у всех связанных в пары илотов, задачи его поначалу были простыми, чисто функциональными, не заставляя думать ни о чем, кроме самого лучшего их выполнения.

Но люди, вернее, существа, не имеющие собственного тела, пришли в их мир — и все изменилось. Его пара — илот Эзи/Холина — был взят в заложники человеком со многими телами, по имени Фрэнк/Эксфорд. В то же самое время самому Юэю пришлось сопровождать другого человека — Питера/Эландера в его посещении «Мантиссы» и визите к Практику. Что стало с Эзи/Холина — неизвестно; все предположили, что он погиб у Эксфорда. Как бы то ни было, в отсутствие напарника дальнейшее пребывание самого Юэя среди его народа стало излишним. Он крепко попался в ловушку, оказавшись между двумя сталкивающимися культурами, действительно став сиротой из сирот.

Собственно говоря, не стоило проклинать Питера/Эландера за то, что тот разрушил его жизнь в паре. Человеку вовсе не обязательно заранее знать устройство жизни в культуре, с которой он столкнулся. Эландер и его сородичи демонстрировали замешательство при виде многих вещей и явно были не подготовлены к встрече с этой расой. Само существование Двуличия тоже смущало разум людей, и теперь они неуклюже пытались управиться с тем, что требовало более аккуратного обращения.

Эландер был «отдан» Юэем Практику, и оба не подозревали об ожидавшей их участи. Оказавшись внутри Прак-

тика, физически — будучи «съеденными» этим гигантским существом, — они разом лишились всего, что имели. Практик взял их тела и точно так же растворил в себе разум каждого. Неизвестно, сколь долго могло продолжаться подобное состояние. Обратный процесс вовсе не был гарантирован, и он определенно имел свою цену. Какую? Их тела и разум действовали, по непререкаемому мнению Практика, совершенно неэффективно. Гигант изменил обоих, преобразовав в более приспособленные «инструменты» — решающие задачи, о которых сами они пока не имели ни малейшего понятия.

Нельзя сказать, что Юлы были существами, не привыкшими к радикальным изменениям. Их разум, которому помогала высокоразвитая медицина, обрел способность к пластичности еще на пути эволюции вида, они могли даже «отращивать» новые отделы мозга при необходимости введения в сознание умений нового сорта. И даже с таким запасом, данным от природы, Юэй/Эллил с огромным трудом осознал свое превращение. По мере быстрой трансформации из состояния илота в новое — посланника/проповедника и, далее, в конъюгатора, он все время пытался дать себе отчет: куда же приведет цепочка превращений?

— Кем я становлюсь, и та ли я личность, которой был когда-то?

Уже сам факт возникновения вопроса раскрывал перед ним суть аномалии, преследовавшей все его существование раньше. Юлы редко смотрели на себя как индивидуумов, действующих изолированно друг от друга. До перемены, происшедшей в самом Юэе, и он рассматривал

себя лишь как представителя всего вида Юлов/Гоэлов. Он не был островом в океане; его жизнь не представляла собой независимую ценность, даже в одиночестве глубокого космоса. Он был одной нитью в огромном, сотканном из множества других холсте.

Или по крайней мере раньше был. Теперь же, снова попадая в окружение сородичей, он поражался — насколько неестественными казались его ощущения. Он больше не чувствовал себя, как раньше — когда был одним из них. Он лишился чувства принадлежности. Итак, очевидно: Юэй стал совершенно иным.

— Нас называют Миром Практика, — услышал он голос, звучание которого словно бы наполнило собой вселенную.

Юэй стоял на смотровой площадке, наблюдая за разделением «Мантиссы» надвое. Для Юлов подобное состояние означало плотное присоединение к блестящим «кишкам», свисающим с потолка. Тончайшие, в тысячные доли миллиметра усики, имевшие на концах нервные клетки и проникавшие прямо сквозь кожу, связывались с нервной системой наблюдателя и давали полную иллюзию присутствия в космосе.

— Людям есть чему поучиться, — в свою очередь заметил Юэй.

— Думаю, это необходимо всем нам. — Голос сопровождался глубокими грохочущими призывками, словно внутри самого гиганта перемалывались камни. — Есть одно дело, которое только ты можешь сделать для меня, Юэй.

— Прикажи, я все сделаю.

Казалось немного странным, что Практик выразился так, словно хотел придать своим словам оттенок просьбы. Выдвижение Юэя в конъюгаторы означало, что отныне он служил исключительно самому Практику, и все, что требовалось последнему, в любом случае должно было исполняться без всяких вопросов. Он больше не был привязан к Согласию, как остальные его сородичи.

— Юэй, тут дело совсем иное, — продолжал Практик. — И чтобы оно могло быть исполнено, я не могу тебе приказывать. Да, я выбрал именно тебя, но ты вовсе не обязан повиноваться. Видишь ли, это задание... оно не похоже на те, что ты выполнял прежде.

Юэй был заинтригован. Раньше он не слышал, чтобы Практик так колебался в решениях.

— Что именно ты хотел мне поручить?

Тогда Практик рассказал ему все, в самых подробных деталях, и понемногу Юэй начал осознавать стоящую перед ним задачу. Действительно, она была не вполне обычной. Хотя поначалу масштабы идеи обескураживали, Юэй мог вполне осознать важность самого события, равно как и его символизм. Оно должно было стать значительной вехой в истории Юлов/Гоэлов, так что Юэй был весьма горд фактом, что Практик выбрал из всех именно его. Тем не менее его личные перспективы, стоявшие за просьбой Практика, выглядели достаточно пугающе.

— Кстати, Юэй, никто не должен знать о том, что я тебе рассказал, — поведал ему Практик. — Если уж ты решил последовать моим указаниям, ты должен хранить все в тайне от кого бы то ни было.

— Но как быть с моим отсутствием...

— Оно найдет свое объяснение для каждого, — заверил Практик. — Уж поверь, я смогу убедить всех в том, что твои обязанности исполняются. Ты не окажешься пропавшим без вести, Юэй. Напротив, о тебе будут помнить — и на сей счет ты можешь совершенно успокоиться.

Обещание такого рода тронуло Юэя, он даже обнаружил в словах Практика странную теплоту.

— Но что будет, откажись я от такой задачи?

— Тогда мне придется... Юэй, я съем свои собственные слова.

Юэй содрогнулся в тесных объятиях своей наблюдательной «кишки». В его понимании не существовало сомнений относительно значения выражения «съесть собственные слова». Конечно, это была метафора, означавшая, что «съеденным» окажется сам Юэй, дабы информация о его задании не стала известной никому.

Тем временем «Мантисса» рассыпалась около него, словно разлагающаяся Луна, образуя вслед за этим две, уже новые сферы. Облако из сверхсветовых кораблей постепенно уходило в обе формирующиеся сферы, упорядочивая конфигурацию и обретая структурную прочность. Корабли людей стояли в неподвижности. Сверхсветовой корабль подобного масштаба пока что был выше их понимания. Объединение десяти кораблей в гибкую конструкцию разительно отличалось от операции по слиянию в монолит сотен таких же кораблей.

— Я исполню все, что мне предназначено.

Таков был окончательный ответ Юэя Практику. Слова прозвучали эхом в пространстве, отдаваясь в ушах. Что до понимания очевидной перспективы собственной смерти — оно не делало его решение самым легким.

1.2

Старшина Прядильщиков
2160.9.27 по стандартному времени
космических миссий
(30 августа 2163 по земному календарю)

1.2.1

Тетрада — то есть счетверенный строй из модифицированных сверхсветовых кораблей — шла на двигателях малой тяги с грацией, уместной разве что при обращении с надколотым стеклом. Осторожность эта вряд ли была оправдана — от них требовалась скорее быстрота. Сейчас она была бы единственно справедливым требованием.

Эландер стоял в носовом командном отсеке, тогда как командир, Клео Сэмсон, находилась у общего пульта управления четверкой — узкой тумбы, словно выраставшей из пола. Единственным пассажиром тетрады был Эксфорд 1041, ненавязчиво севший в сторонке, сосредоточив все внимание на экране отсека управления.

— Сигнальный маяк уже развернут, — оповестила присутствующих Сэмсон. — Ожидаю подтверждения от Тор.

Эландер усилием воли заставил себя не волноваться. В конце концов это лишь тестовая проверка, а вовсе не боевая работа. Их тетрада была одной из тридцати, сетью расставленных по заброшенной системе Дзета Золотой Рыбки. Местная колония — Хэммон была разрушена одной из волн той самой атаки Морских Звезд, что сопровождала битву при Бейде. Дым все еще стелился над остатками строений, где оружие пришельцев стерло следы человеческого присутствия и уничтожило артефакты Пряильщиков. Эландер видел довольно много нападений Морских Звезд, чтобы понимать — атака была быстрой и разящей насмерть. А поселенцы, находившиеся на борту «Стивена Фогта» едва ли могли узнать, что именно их убивало.

Эландер нервно мерил шагами пол перед многочисленными экранами, по которым шел поток телеметрии. Другие четверки были разбросаны по всем секторам системы до некоторой степени случайным образом; обычными средствами измерения было трудно определить достаточно точно их положение из-за особенностей в распространении сверхсветовых сигналов. В системе было восемь планет: три газовых гиганта и пять обращающихся вокруг миров. Хаммон находился в одной из двойных систем, не вполне пригодной для обитания, но довольно-таки интересной с позиции тектоники.

Сэмсон ввела корабль в крутой вираж, направляясь к почти неподвижному кораблю своих командиров. Грузовой корабль был найден группой Хацис по исследованию библиотек на Юлоне в системе, следующей за Бейдом. Эландер не понимал, как он работает, но полагался на

мнение исследователей, утверждавших, что корабль просто должен действовать — и все. Юлы использовали иной принцип движения в собственных сверхсветовых кораблях, однако маневр этот был тестовой проверкой и, одновременно, частью общего тактического плана.

Через несколько секунд, не отрывая рук от управления, Сэмсон снова выровняла корабль. Взглянув мельком на Эландера и Эксфорда, нервно улыбнулась.

— Вроде бы работает, — сказала она. — Нужно только привыкнуть немного.

— Могло быть и лучше, если бы был здесь Юэй, — сказал Эксфорд. Оглядываясь вокруг, он словно искал свободное место для кого-то из чужаков. — Хотя без этих «тараканов» как-то спокойнее, — добавил он.

Эландер уже знал, что Фрэнк Эксфорд частенько использует уничижительное прозвище, некогда принадлежавшее чужим. Название произошло от внешнего сходства Юлов/Гозлов с насекомыми. С их неестественно длинными ногами, каждая из которых заканчивалась широким трехгранным бедром и толстой, почти черной хитиновой кожей, эти создания сильно напоминали кузнечиков. Однако они были разумными существами, заслуживающими гораздо более уважительного отношения. Уже имея опыт обстоятельных бесед с Юэем, Эландер получил довольно полное представление о чужаках и их культуре и не мог, конечно, относиться к ним с тем пренебрежением, которое демонстрировал Эксфорд — по крайней мере на публике. Кстати, Питер не сомневался в том, что Фрэнк испытывает более здоровое чувство по отношению к реально полезным возможностям Юлов.

— Нам следует лишь сделать свое дело, — продолжил он, отказываясь клюнуть на приманку и тем лишая Эксфорда удовольствия. — У него, должно быть, есть причины остаться с Практиком.

— Уверен, что есть, — отозвался Эксфорд, и уголки его рта дернулись в ухмылке. — Думаю, и вам следовало бы догадаться.

— Собственно, что вы имеете в виду?

Экс-генерал поднял руки, изображая невинность.

— Ну... думаю, у Юлов достаточно тех, кто пойдет за ними. А я не спешу становиться таким попутчиком, вот и все.

— Никто вас и не просит, — заметил Эландер.

— Сейчас, возможно, и так, — откликнулся Эксфорд. — Следует, однако, смотреть на все с позиций случая. Тела андроидов — аналогичные вашему телу — весьма пластичны, что в случае с вами успешно доказал Практик. Так что со временем может появиться и каста смешанных созданий — «людей/Юлов». Я бы не хотел становиться ее частью.

— Что же, это ваше личное решение.

— Разумеется.

Эландер поджал губы, едва сдерживая раздражение. Некоторая часть из массы человеческих копий, примерно четверть, испытывала в отношении Юлов/Гоэлов что-то вроде ксенофобии, несмотря на выгоды от союза с чужими созданиями — эти плюсы, очевидные двум сторонам, были известны давно, еще до встречи на Расмуссене. Он полагал, что после встречи, вслед за очевидным для Питера провалом в достижении консенсуса, люди, как и

Юлы, будут разделены на два лагеря, и это не оставит им иного выбора, кроме как положиться на знания и технологии чужих. Около половины всех Юлов остаются на месте, приняв план Тор и получив поддержку со стороны Сол. Другая половина, ведомая Практиком, избрала продолжение своего звездного пути. Такое же расслоение постигло и лагерь людей, а напряжение все росло и росло по мере распада старых связей и формирования новых — все это происходило под «тиканье» часов, на которых уже шел обратный отсчет последнего столкновения.

— Представьте, как должны рассматривать нас Юлы, — говорил Эландер. — Уверен, что в их представлении люди выглядят примитивными созданиями. Я имею в виду, что человек весьма мало изменился с тех пор, как его далекий предок покинул Африку. И даже став точным подобием своих оригиналов, мы все равно цепляемся за древние образы и способы действия. Достойно ли это расы звездных странников?

Питеру трудно аргументировать собственное глубокое понимание Юлов тем, что он более открыт для них. Будучи уже гибридом человека и Юла, он, естественно, противился и межрасовой неприязни.

Искренне или же ради эффекта, но Эксфорд уклонился от ответа, невозмутимо пожав плечами:

— Нам нужно делать свое дело.

— Вероятно — да, но сомневаюсь, что нам пришлось бы задуматься о миграции, если бы перед нами не стоял пример Юлов.

— Мне бы пришлось.

— Так вы же отщепенец, генерал. Это общеизвестно.

Эландер говорил невозмутимо, не давая подтексту — «ты просто псих» — влиять на интонацию.

Андроид громко рассмеялся, но еще до того, как он успел что-то сказать, корпус всей тетрады внезапно завибрировал. Оба собеседника устремили взгляды к экранам, распознав отчетливый звук входящей волны сверхсветовой коммуникации.

— Кажется, началось, — проговорила Сэмсон.

Эландер глубоко вздохнул. Сверхсветовые сигналы коммуникаторов привлекали внимание Морских Звезд, как кровь притягивает акул. Разным было только время между передачей сигнала и их прибытием в обнаружившую себя систему. Иногда проходили часы, а с течением времени они стали появляться уже через несколько секунд, отнимая у незадачливого корреспондента последний шанс на спасение. Так что ни одна из колоний, привлечших внимание этих хищников, не сумела выжить.

Эландер был свидетелем двух атак: одной в Солнечной системе, а другой — вблизи корабля-колонии «Мантисса». Оба случая потрясли его, оставив ошеломительное впечатление жестокости и технологического превосходства Морских Звезд. Желания стать свидетелем того же в третий раз у него, по правде говоря, не было; оставалось только осознание суровой необходимости.

Тетрада вновь отозвалась колокольчиком — как все и ожидали, пришло второе сверхсветовое сообщение. Первое было подтверждением с границ системы, его передала Тор. Вторым пришел сигнал собственно от маяка — он и служил наживкой. Все тридцать тетрад синхронно включили передатчики, привлекая внимание врага.

Ожидание было для Эландера самым трудным моментом. Не зная, сколь малое время отведено на отход, все они по своей воле находились в этой опасной и трудной ситуации. Только сорок процентов из составлявших «Мантиссу» кораблей пережили битву при Бейде, хотя сами Юлы всегда были заранее оповещены об атаках Морских Звезд. То, что осталось, теперь разделили на две части: одна из них, чуть большая, «Мантисса-А», сопровождала Практика и убывающих в путешествие с Юлами людей. Остальное — «Мантисса-Б» — досталось новому виду Мечтателей и членам Организации Человеческого Сопротивления, восставшим против Морских Звезд и собиравшимся избавиться от них навсегда. Если их ставка в этой жестокой игре окажется ошибочной — через две недели и даже менее от этой части союзных сил не останется ничего.

Информация, пришедшая с кораблей, стоявших на удалении, пробила «Клото» неровной дрожью странной какофонии. Все тридцать кораблей уже не нуждались в маскировке и могли передавать свои данные по сверхсветовым каналам связи. Мгновенная связь выдавала на экране «Клото» детальную картину системы Дзета Золотой Рыбки. Начиная с самого малого и кончая самым большим газовым гигантом, сформированная картинка была словно испещрена следами чьей-то беззаботности; за следами выбросов радиоактивной пыли там, где некогда находились орбитальные конструкции или спутники, планеты и их луны продолжали свой мерный путь, словно не желая знать о тех, кто мимоходом прошел мимо них.

— Цель захвачена! — резко прозвучал голос Сэмсон, и одновременно раздался сигнал тревоги. — Перестроение!

Тетрады исчезали одна за другой, совершая скачки по системе. Быстрые всплески, сопровождавшие появление энергетических вихрей и огромных дискообразных, словно точеных кораблей усыпали экран. Эландер ощутил, как судорожно напряглись мышцы его брюшного пресса.

Затем, совершенно внезапно, они оказались среди вражеских куттеров, увертываясь от экзотического оружия Морских Звезд. У каждого из этих средств уже было свое прозвание, казалось помогавшее нивелировать их мощь в смертельной агонии битвы: желтые пятна, голубые пики, красные стрелы, энергетические хлысты и тому подобное. Выяснить принцип их действия казалось невозможно. Энергетические хлысты — особенно опасные на вид, представляли собой змеевидные зоны дестабилизированного времени, в которых нарушались самые фундаментальные законы Вселенной, и где даже вакуум раздирало на части. Желтые пятна вспыхивали, входя и выходя из внепространства, каждое находилось в поиске своей мишени, материализуясь внутри ее неудачливой субстанции и вызывая мощный взрыв, когда два фрагмента материи пытались занять одно и то же место.

Это и была тактика, подсказавшая Юлам путь к их первой и единственной победе — в битве при Бейде. Сверхсветовые корабли были способны превращаться в тройки, и точно также снова объединяться вместе; каждая составная часть тройки могла быть послана внутрь мишени, и каждая располагала оружием, наносящим максимум повреждений. Делая так, Юлы сумели полностью вывести из строя один из кораблей Морских Звезд, что привело

последних к необходимости провести настоящую операцию спасения при помощи двух других куттеров.

Эландеру живо вспомнилась необычная картина того, как именно это случилось. Два огромных, с километр в диаметре плоских корабля несли остро отточенные круговые периметры, вращавшиеся с огромной — околосветовой — скоростью, буквально прорезая пространство и волоча за собой воронки времени, словно водовороты в бурной реке. Вращаясь в противоположных направлениях, они с двух сторон подошли к поврежденному кораблю — так, что круговые возмущения, созданные ими, заставили светиться сам вакуум; затем два исправных куттера образовали «бутерброд», в середине которого остался поврежденный корабль, и заставили его полностью остановиться. Потом, в световых сполохах, все разом куда-то исчезло.

Именно с этого момента Юлам пришлось завершить дело отходом, а их корабли бросились буквально «врассыпную» перед лицом столь внушительного и даже ужасающего проявления вражеской силы.

Тут тетрада подпрыгнула, словно взбрыкнула, и внимание Эландера вернулось к настоящему моменту. Сэмсон вела корабль прямо сквозь гущу боевых столкновений, и теперь сложнейшим алгоритмам бортового компьютера помогал ее богатый опыт, уводя всех от наиболее опасных стычек. В какой-то момент одна из детонировавших красных стрел бросила их посудину во вращение, но, к счастью, это не причинило кораблю серьезных повреждений.

— Насколько долго мы сумеем продержаться? — задал Эландер тревоживший его вопрос, наблюдая за тем, как все тридцать тетрад перемигиваются, то уходя во внепространство, то возвращаясь из него в опасной близости от скопления Морских Звезд.

— Не знаю, — ответил Эксфорд. — Но воюя против пяти таких куттеров в одной компактной системе, мы не сможем оставаться здесь долго.

Корабль снова вздрогнул у них под ногами.

— Отошли зонды, — подсказала Сэмсон.

После того как тетрада «отстрелила» от себя часть конструкции, образовав из нее шесть более мелких кораблей, корабль снова ушел во внепространство. Уменьшив массу, он стал из тетрады кораблем-двойкой. Это, однако, не повлияло ни на конструкцию рубки, ни на возможности маневра. Каждый из зондов также остался способен к сверхсветовому полету, хотя и с меньшим, чем у основного корабля, радиусом. В то же время оборудование зондов было скорее предназначено для изучения противника, чем для схватки.

«Клото» вышел из внепространства на окраинной части системы, вместе с другими пилотами из числа Юлов, удачно уклонившись от светового конуса Морских Звезд. Отсюда, из ледяных облаков Дзета Золотой Рыбки, они могли наблюдать за всеми пятью куттерами противника, при помощи оборудования, оставленного на зондах, внимательно изучая всю доступную датчикам информацию.

Данные стекались в сотни информационных потоков. По шесть зондов было выпущено каждой из тридцати тетрад, причем каждый запрограммирован на собственный

маневр, немного отличный от маневра соседа, около и внутри строя куттеров. Примерно четверть зондов была сбита почти сразу, уже в первую минуту после запуска. Еще четверть — в течение второй минуты. Оставшаяся половина продолжала переживать столкновения с огромными кораблями противника, постоянно снимая данные о мощности и структуре их экзотических снарядов. Любой взрыв тут же записывался сенсорами ближайшего к нему зонда, а данные пересылались на пункт удаленного наблюдения.

Вскоре после разделения тетрад с экранов исчезла еще четверть зондов. Однако они вовсе не были сбиты оружием врага. Зонды появились вновь уже спустя пятьдесят секунд — в виде новых источников информации, рассеянных непосредственно по вражеским куттерам. Сделав прыжок во внепространстве, зонды оказались внутри гигантских кораблей, в бешеном темпе анализируя свое новое окружение. Некоторые имели выдвижные сенсоры, анализирующие состав среды, другие использовали более активные воздействия, провоцируя ответную реакцию и стараясь получить представление о начинке вражеского корабля. Иные оставались совершенно незаметными и записывали данные об окружающей их обстановке, используя чисто пассивные датчики.

Эландер и не пытался сразу осознать все получаемые потоки данных. Следует подождать момента, когда они, сделав прыжок в более безопасное место, окажутся вне досягаемости Морских Звезд. Едва он успел понять некоторые из сигналов, как тут же многие зонды померкли на экране, атакованные защитными средствами куттеров.

Кое-какие из зондов успели активировать механизмы самоликвидации, защита остальных была просто взломана. Оставшиеся невредимыми продолжали работать, выдавая превосходные результаты.

Затем внезапно все это куда-то делось. Эландер разочарованно уставился в пустой экран. Он не видел ни системы, ни куттеров — словно их корабль ослепили.

— Что за?..

Вопрос застрял в горле, потому что потоки информации возобновились вновь — столь же неожиданно, как и пропали. Теперь, однако, они сопровождались криками «Тревога!» и паникой среди других кораблей-двоек, Юлов и людей. Куттеры, обнаружив, что цели перемещаются, быстро перестроились для новой атаки. Внезапно все опять завертелось: две двойки мгновенно исчезли, попав под уничтожающий залп внезапно появившегося прямо перед ними куттера. Вражеские корабли били орудиями ужасающей силы. Затем куттеры повторили этот же тактический прием, «отпрыгнув» назад и снова прорезав вакуум космоса с быстротой, никак не вязавшейся с их размерами.

В четырех из них все еще пульсировали точки работающих зондов.

— Так, мы сделали то, зачем все и затевали, — заметил момент Эксфорд. Его голос прозвучал достаточно спокойно, особенно учитывая обстоятельства. — Предлагаю убраться отсюда, пока мы еще не потеряли ход.

— Можете не ждать возражений, — подытожил Эландер.

Зонды меркли один за одним. Их количество уменьшалось, а Эландер думал о том, какая невообразимая драма происходит сейчас внутри куттеров.

— Еще немного, — попросила Сэмсон.

— НАЧИНАЮ ПРОТИВОРАКЕТНЫЙ МАНЕВР, — секундой позже объявил голос автоинформатора.

Эксфорд предупреждающе закричал, и прямо над их тетрадой завис вражеский куттер. Ужасным цветом полыхнула вспышка на экране.

— ПОВРЕЖДЕНИЕ.

Корабль под ними резко дернулся, отбросив Эландера и Эксфорда к дальней стенке. Сэмсон осталась на ногах — руки пилота держались за рычаги управления, и это помогло ей удержаться.

— «Клото», уходим!

Эхо повторило в тишине вскрик Эландера — и их прорезатель тут же провалился во внепространство. Питер расслабился, ощутив, как удары его сердца тяжело отдаются в гортани.

— Прошлись по краю, — проговорил он, с трудом поднимаясь на ноги.

— По охрененно тонкому краю, — заворчал Эксфорд, делая то же самое. Затем он добавил, уже обращаясь к Сэмсон: — А ты, подруга, когда делаешь — что же головой-то не думаешь?

Сэмсон отступила от консоли, повернувшись лицом к Эксфорду.

— Я пытаюсь собрать больше информации, насколько это возможно, — излишне мягко ответила она на ос-

корбление Фрэнка. — За этим мы и явились сюда. Я просто хотела задержаться еще на пару секунд.

— Сучка!.. Да за эти две секунды нас могли перебить всех до единого! — загремел Эксфорд.

— Не рви связи, Фрэнк, — отозвался Эландер, — она же только...

— Да она же дура, и на кой мне такой риск! — сказал, как отрезал, Эксфорд.

— Вас вывели из боя, причем в нешинкованном виде — что вам еще нужно? — перехватила инициативу Сэмсон.

— Мы могли и не вернуться. Что за толк в информации, если мы уже слишком дохлые, чтобы ею воспользоваться?

— Если мне не изменяет память, дело при Бейде было такой же операцией по сбору разведданных, не так ли? — Она встретила пронзительный взгляд Фрэнка. — Странно, но там я не отметила такой заботы о безопасности, как на этот раз.

Экс-генерал рыкнул и выскочил вон из рубки, тряся на ходу головой.

Сэмсон обернулась к Эландеру, пожимая плечами.

— Возможно, что он прав. Однако нам не выиграть эту схватку без элемента необходимого риска.

Питер вздохнул.

— Знаю. Только в другой раз не подрезай куттер так близко.

— Ладно. К счастью, нам предстоит только один другой раз...

Эландер кивнул. Если данные покажут то, что нужно, причин отказываться от плана Эксфорда больше не

останется. Сам он все еще не знал, что обо всем этом думать.

— Не стоит мучить себя сомнениями...

— А?

— Ничего, Клео. Возвращайся домой — посмотрим, кто остался в живых. Нужно подумать о том, что будет с нами дальше.

1.2.2

Глухая стена черноты поначалу тревожила, но скоро Лючия привыкла и успокоилась. В темноте было действительно спокойнее... или безопаснее. Этого достаточно, чтобы собрать осколки самой себя и привести в порядок перепутанные обрывки эмоций, оставшиеся после разговора с Питером. Энграммы действительно представляли собой компьютерные программы с алгоритмом особой сложности: программный код в темпе реального времени моделировал мысли, эмоции, работу человеческой памяти и тому подобное; потом уже шли решения и действия, подобные человеческим.

Когда-то такие программы казались совершенством, однако и они представляли собой лишь этап развития, промежуточное звено между примитивными моделями искусственного интеллекта и всегда «голодным» разумом человека. Высшие руководители ОЗИ-ПРО испытывали стойкую неприязнь к вечной проблеме программистов — заключительной отладке, и всерьез рассматривали совершенно абсурдную идею: дать энграммам сред-

ство для редактирования своего алгоритма на случай возникновения в нем неразрешимых тупиков. Все же разум человека одержал верх, и эта идея не получила общей поддержки, как никогда не имела воплощения идея о «выведении» совершенного человека.

Это было досадной ошибкой, подумала Лючия. Возможно, сегодня такая способность позволила бы Питеру исправить самого себя — без необходимости вмешивать в это дело остальных. Он мог бы сам отключить сбойные участки кода, служившие источником нестабильного поведения, доработать их и затем удостовериться в отсутствии ошибок. Мысль о таком «доморощенном» ремонте собственного «Я» не вполне укладывалась в сознании, но, подумала Лючия, это все же лучше, чем смерть или...

Она приказала себе больше так не думать и ограничиться разбором собственных проблем. Теперь воспоминания о Питере не были фактором необходимым, они всего лишь объясняли ее присутствие в этой черноте.

Где мои собственные «больные» блоки? — думала она. — Что за тупик, в каком алгоритме отвечает за панику, начавшуюся с осознания факта, что я потеряла Питера?

Вскоре, рассуждая последовательно, она поняла: как и предупреждала Тор, проблема, судя по всему, лежала в самой основе — в модуле определений ее программного кода. Определения эти не влияли на процесс моделирования мышления, но они задавали точки отсчета — начальные и граничные состояния всего процесса. Лючия всегда оказывалась зажатой в определенных рамках собственных представлений, казавшихся ей «фактами»: она любила путешествовать и она потеряла Питера, она боль-

ше любила собак и меньше — кошек, она не испытывала интереса к спорту, концовка «Молчаливого бега» все еще заставляла ее плакать — и так далее. Эти рамки все еще существовали, и Лючия вечно попадала в расставленные ими ловушки. И конечно, она не могла изменить себя сама. Понятие «Я» относилось в данном случае к оригиналу Лючии Бенк — той, что умерла на Земле сто лет назад.

В эту минуту «энграмма» Лючии оставила попытку разобраться во всем, что ей было сказано до того. Здесь и сейчас найдется выход, должно быть решение, способное помочь ей без обращения к другим. Ее нынешнее состояние не позволяло гарантировать корректность таких обращений. Лючия начинала подозревать, что единственное объяснение, почему разум Лючии перенес путешествие на «Чанге-5», состояло в полной изоляции от внешних связей. Как и вагончики в «американских горках», она была в полной безопасности, только прочно держась на рельсах. Малейший толчок извне мог превратить ее рассуждения в безумие или вызвать блокировку сознания. О, если бы она умела хотя бы переводить «стрелки» на этих путях...

Минута, когда Лючия спасалась от Питера бегством, была очерчена смутно. Не осталось и ясной памяти — куда конкретно она сбежала. Кажется, она теперь не на корабле — ни в одном из них не встретишь ничего подобного, такой глубокой тьмы и пустоты, и такого удобства, приспособленного именно к ней. Здесь Лючия больше не существовала ни с кем и ни с чем. Это ее и только ее пространство — настоящее логово, где можно вытянуться и

отдохнуть, восстанавливая силы. И здесь даже лучше, чем на «Чанге-5» — в замкнутом пространстве тесного зонда Лючию постоянно преследовали ощущения узницы, запертой в одиночной камере. А здесь, в этой черной глубине, просто нет ничего, кроме нее самой.

Лючия решилась осмотреться. Поначалу она действовала методом проб и ошибок, затем все более уверенно. Едва приступив, она сразу же поняла три вещи.

Во-первых, черное пространство было хотя и легко проницаемым, но определенно имело четкие характеристики. За его границами, гибкими и подвижными, словно мускулы кита, наблюдаемые изнутри гигантского животного, она смогла уловить что-то вроде работы огромного мозга. В окружающей черноте была еще и какая-то глубина, смущавшая Лючию. В остальном — исключая этот непонятный момент — Лючия ощущала себя совершенно вне опасности.

Во-вторых, она отметила, что убежище было фрагментом целого мира, лежащего вокруг. Лючия догадывалась о сложности его строения и о существовании перспектив, которые пока оставались ей недоступны. Точно крот выглядывала она из своей норы, угадывая впереди целый мир, разнообразный и богатый.

В-третьих, проделав первые опыты по изучению обстановки своего нового убежища, Лючия открыла, что наблюдают и за ней самой. Едва начала растворяться чернота, и по мере того как Лючия смогла ощутить присутствие другого — ярко освещенного мира, она тут же почувствовала на себе взгляд, исходящий из внешнего относительно убежища пространства, этот взгляд был явно направ-

лен поверх всего, присутствие чего Лючия уже понимала, он шел извне, из совершенно другого пространства.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь?

Голос принадлежал мужчине и прозвучал он со знакомым европейским акцентом.

— Роб? — наугад выпалила она имя.

Обладатель голоса на мгновение запнулся, потом, после небольшой паузы, спросил:

— Кто это? Как вы здесь оказались?

Лючия тоже медлила, колеблясь, все еще остерегаясь любых внешних воздействий. Все рефлексыв подсказывали ей исчезнуть, но Лючия была знакома с Робом Сингхом раньше, и вместе с этим прирожденным пилотом прошла хорошую школу еще на Земле, на тренажерах. И знала точно — с ним можно быть откровенной.

— Это Лючия.

— Лючия? Когда ты вернулась?

Оказалось, что простой вопрос способен дать утешение. Раз он не осведомлен о ее возвращении, ясно, что ее бегство от Питера не получило широкой огласки.

— Меня обнаружила Тор, и она привела меня сюда, — нашлась с ответом Лючия. — Мне было очень плохо. Спряталась там, где казалось безопаснее.

Роб слегка хихикнул.

— Еще бы, это надежное местечко. Темная Комната особенно хороша, когда крыша у тебя уже поехала. Вероятно, Питер Эландер сподобился отдыхать в такой же комнате на Адрастее — в те времена, когда сам потерял равновесие. Другие тоже пробовали, но, говорят, там слишком пусто. Я лично не расположен к таким средствам.

Из потока его слов Лючия восприняла совсем немного.

— Питеру случилось здесь быть?

— Не именно здесь. Не в этой Темной Комнате. Мы на Расмуссене, а то было на Адрастее. А Адрастеи больше нет, вот уже неделя как нет. Питер использовал другую Темную Комнату, и потом, я не разговаривал с ним на эту тему. Вообще, мне говорили, что он стал много стабильнее, чем раньше.

Кусочки мозаики постепенно вставляли на свои места.

— Так, говоришь, где я теперь, на Расмуссене?

— Именно так.

— И я полагаю, внутри... — Она с трудом подобрала определение. — Я нахожусь внутри Даров?

— Так ты не знала? — удивился ее собеседник. — А ведь я обнаружил тебя лишь благодаря этому обстоятельству. Я тут кое-что высматривал, от лица еще одной из моих копий, той, что погибла на Сотисе — когда вся колония попала под удар. В свое время тот, другой Роб обнаружил кое-какие аномалии в структуре библиотеки и обозначил их в своих заметках. Записи пережили нападение, попав на удачно вышедший из боя корабль. Если хочешь, это что-то вроде наследства — а лично мне показалось, что следовало бы продолжить то, чем занимался он. Может быть, и я смогу добавить что-то к его открытиям.

Я просматривал те места, которые он в свое время пропустил, и, откровенно говоря, меньше всего я предполагал обнаружить тебя, Лючия. Вообще, дорогая моя, ты напугала меня до чертиков — я уже подумал было, что ты — вирус Прядильщиков, карауливший меня здесь, чтобы сожрать!

— Могу ли я попросить об одолжении, Роб?

— Конечно. Все, что захочешь.

— Не будешь ли так любезен не говорить никому о месте моего нынешнего пребывания. Все довольно странно и слишком ошеломляет меня; теперь я предпочитаю скромное уединение.

— Понимаю. Мы все тут немного «без башни», такой уж сейчас момент.

Лючия проследила за направлением, откуда исходил его голос, и обнаружила, что его источником был многорукий дроид, прилепившийся к двери, через которую проникал поток яркого света. Все еще привыкшая к своему уютному темному закутку, Лючия с трудом разобрала это изображение; оно не было виртуальным, это точно. Вне Темной Комнаты был именно тот реальный мир, от которого она и спасалась. А теперь она впервые смотрела на него изнутри Даров.

— А для чего служит Темная Комната? — спросила она.

— До сих пор никто этого не знает, — ответил Роб. — Это все еще загадка. Остальные башни имеют определенное и понятное назначение: Сухой Док, Галерея и так далее. Но Темная Комната... в ней только коридоры и пустые залы. И еще она полна глубочайшей тьмы. Интересно, что она поглощает весь падающий внутрь свет без остатка — поэтому мы никогда не могли видеть ее границ. Очень странная комната.

Лючия согласилась с этим. Она знала о Дарах немного, только то, что Тор сочла нужным рассказать ей по дороге с Пи-1 Большой Медведицы. Но и этого было достаточно, чтобы понять сверхъестественность объектов и, со-

ответственно, странность самих чужаков, оставивших их здесь. Для человечества Дары были одновременно и большим благом, и дразнящей воображение загадкой, распутать которую, возможно, не удастся никогда. А кроме того, они могли быть опасными, как это случилось со сверхсветовыми передатчиками. Если единственное сказанное в их микрофон слово способно принести всю ярость Морских Звезд, с корнем вырывающих посеянные Пряильщиками ростки доброго семени, какие еще неизвестные опасности могут скрывать в себе остальные постройки чужаков?

— Кстати, — попросил Роб, — не скажешь ли мне, как ты это делаешь?

— Делаю что?

— Как ты... остаешься собой. — Телеуправляемый робот выглядел как нечто среднее между обезьяной и морской анемоной, но и он неизвестно каким образом смог изобразить недоумение, «пожав» плечами. — Ты же энграмма без тела, ты вроде бы не должна по-настоящему меня видеть? Или у тебя все-таки есть свой процессор или что-то еще? Или ты управляешь этим дистанционно, как и я?

— Точно не знаю, — честно ответила Лючия. — Когда меня нашла Тор, она не придумала ничего лучше, как загрузить меня в память сверхсветового корабля.

— Да ты что? Даже не знал, что так можно...

Она было захотела тоже пожать плечами, но вовремя вспомнила, что в теперешней ситуации такое вряд ли возможно.

— Кажется, этот вариант работает, и неплохо.

— Что же привело тебя сюда?

— Я почувствовала себя... подавленной, — вывернулась Лючия, опуская детали. — Знаешь, я просто спряталась здесь, чтобы побыть одной.

— И тут, здарсьте пожалуйста, появился я, помешал тебе и болтаю теперь, как идиот. Боже мой... Лючия, прости меня, дурака! — извиняющимся голосом забормотал Роб. Его «представитель» направился к выходу с видом сюрреалистического перекасти-поля, готового немедленно покинуть комнату. — Я должен был просто оставить тебя одну.

— Разве это твоя ошибка, Роб? Ведь ты и знать не мог.

В тренингах астронавтов уединению всегда отводилось самое важное место как праву личности, даже если речь шла, как сейчас, о виртуальном мире. Лючия слишком долго была одна — оставаясь лишь со своими мыслями на «Чанге-5», где только они, эти мысли, могли хоть чем-то ее удивить. Что касается Роба — действительно, он сильно отличался от всех, с кем она общалась после возвращения со звезд. Он не задает никаких вопросов и, похоже, совсем не заинтересован в ее расположении.

— Ты вернешься? — спросила она.

— Можешь на меня рассчитывать. У меня есть еще одно дело — здесь, поблизости.

— Спасибо, Роб, я очень признательна.

— Да ладно. Может, удастся устроить тебе шоу с этими цилиндрами — если тебе еще не случалось видеть их вблизи.

— Было бы интересно, — согласилась она.

— Хорошо. Считай, что время уже назначено.

С этими словами дроид уверенно отправился по своим делам, быстро исчезнув за поворотом высокого белого коридора.

Лючия сразу же почувствовала себя лучше — она здорово отвыкла от общения с людьми. По правде говоря, хотя и согласившись на предложенную Робом экскурсию вокруг цилиндров, она все еще сомневалась, сможет ли вообще покинуть Темную Комнату. Ее одиночество нарушили как раз во время изучения этой возможности. Осторожно пробуя расширить восприятие и ощутить пределы убежища, Лючия обнаружила, что чувствует внешнюю структуру объекта. Это ощущение невероятно сложно выразить в словах или даже в мыслях, но оно присутствовало рядом, более того, являлось частью ее самой.

Решив, что не станет дожидаться возвращения Роба, Лючия вдруг сделала что-то, что представилось ей эквивалентом глубокого вздоха, и словно вытолкнула свой «взгляд» в направлении выхода из Комнаты.

Чернота мягко упала у нее за спиной.

Вдыхая полной грудью вновь обретенную свободу, Лючия продолжила свои изыскания.

1.2.3

Звездная дымка, похожая на светящийся туман, окружала Кэрил Хацис. Минуту она наслаждалась этим, купаясь в свете двухсот миллиардов солнц. Кэрил вдруг представила, что в легких у нее не обычный воздух, а ионизированные атомы и огромные молекулы из кипящего

межзвездного пространства. Она почувствовала себя божеством, восседающим на своем космическом престоле и купающимся в первородном огне творения.

Переведя дух и дав мечтам улететь вместе с уходящим из груди воздухом, она опять замерла. Именно этой идее, однажды взлелеянной мечте стать частью разума, заполнившего собой галактику, безграничного в возможностях и бесконечного в формах, Кэрил и посвятила себя однажды.

— Ты, случайно, не знаешь, что означает «фовиа»? — раздался позади нее голос Кингсли Оборна.

Кэрил обернулась и увидела лицо биотехнолога, спускавшегося по лестнице в отсек Комнаты Карт.

— Что такое, Кингсли?

— «Фовиа», — снова повторил он. — Ты слышала этот термин?

— Кажется, это часть биологической конструкции нашего глаза, она как-то участвует в формировании зрительного образа. Не она ли отвечает за анализ изображения в целом?

— Именно так. Остальное — роговица, и она не обеспечивает достаточно ясного зрения, вот почему мы часто переводим взгляд с одного на другое, не различая собственно самого объекта.

Оборн остановился напротив Кэрил.

— Наш глаз постоянно сканирует поле зрения и пополняет изображение многочисленными деталями. Это быстрое скачкообразное движение также имеет свое название. Оно, вместе со структурой, уже упомянутой как «фовиа», дает у разных видов свои, особенные типы зре-

ния, обусловленные объемом и возможностями мозга в целом. К примеру, если бы наша роговица была столь же чувствительна, как «око» в целом, — тогда и человеческая голова должна была бы иметь размер в полсотни раз больше, чем сейчас, — и все для того, чтобы справиться с потоками видеоданных.

— Осмелюсь предсказать, что где-то так произошло.

Оборн с многозначительной ухмылкой кивнул.

— Похоже, что так. Могу предположить: Морские Звезды именно так сканируют пространство в поисках любого «шевеления», к чему бы оно ни относилось.

— Не уверена, правильно ли тебя поняла... — с сомнением переспросила Кэрил.

Оборн, довольный, пояснил:

— Иного пути, которым Морские Звезды могли бы обшаривать каждый кубический сантиметр столь обширного фронта, просто не существует. Иначе необходимы ресурсы, которые невозможно даже вообразить. Однако они могут собирать и более частные данные, анализируя точки, заранее отнесенные к «подозрительным», а затем направляя на них то, что у них выполняет функции «ока». Этот орган дает сигнал о подозрительной активности — и в указанное им место направляются куттеры.

Мысли Кэрил заработали, опережая слова.

— Значит, если мы хотим спрятаться, нужно лишь найти способ обмануть систему опознавания?

Он кивнул.

— Нам не удастся сделать много в части средств локального обнаружения, поскольку неизвестен принцип их

действия. Напротив, «око» — это особая история. Смотри-ка сюда...

Оборн вытянул руку, Кэрил взяла ее. Теперь информация проходила по его смуглым пальцам к ней, прямо через их сложенные вместе ладони.

— Мы уже видели достаточно атак Морских Звезд, чтобы понять последовательность их действий, — продолжал Оборн. — И всегда незадолго до их появления проходит фронт какой-то аномальной волны. Она здесь, в этой точке характерного излучения. — Он продемонстрировал данные за предыдущие недели, где были отмечены такие же всплески. — Мы всегда считали, что это характерно для импульсной техники Морских Звезд. Куттеры идут, как мы полагали, много быстрее, чем сверхсветовые корабли; таким образом всплеск рассматривался как своего рода обратное эхо, каким бы невозможным ни казалось нам это явление. Но что-то тревожило меня все время. Суди сама: раз Морские Звезды столь совершенны и столь агрессивны, почему они допускают так просто обнаруживать свое прибытие? Это же бессмысленно!

Он склонил голову, как бы прислушиваясь к собственным словам.

— Нет. Я считаю, что увиденное нами — это действие «фовиа», недреманного Ока Морских Звезд, наблюдающего за целью в момент приближения карающего меча. А раз мы сами видим это Око, значит, можем попытаться стать невидимыми для него.

Изображение исчезло, Оборн отступил, еще более довольный собой, чем в начале доклада. Кстати, у него были все права на такую гордость. Как и у аналогичной копии с

Юноны, его код был оптимизирован для придания энграмме качеств лидера исследовательской группы, в задачи которой входило изучение Даров и поиск в них любой информации, способной помочь в будущем сражении с Морскими Звездами. Несмотря на то, что Юлы уже несколько столетий изучали свои Дары, они всегда ограничивались изучением вторичной информации. Юлы редко прибегали к непосредственному исследованию физической структуры Даров, ограничиваясь обыкновенно изучением их описаний. Дополнительные сложности вносила обычная для пришельцев тактика: как в случае с людьми, так и в случае с Юлами они выбирали для контакта единственного их представителя, игнорируя при этом всех остальных. Наконец, Юлы, даже получив доступ к Дарам, могли только изучать их, но никогда не пробовали включать себя в структуры Даров, чтобы работать с ними интерактивно.

— Отличная работа, Кингсли, — похвалила его Кэрил. — Подход правильный.

Он наклонил голову, словно подтверждая смысл ее фразы.

— Разумеется, мы еще очень далеки от выработки способа действенной маскировки, но когда-нибудь мы его получим. И хорошо, если имеешь план «Б» — на случай, если провалится твой план «А».

Про себя Кэрил от чистого сердца согласилась с его словами.

— Поговорим на одну из таких тем, — попросила она. — Лично я пришла сюда для того, чтобы взглянуть на систе-

мы, вызывавшие у меня вопросы. Ты мог бы разъяснить мне кое-что?

Биотехнолог просиял от радости.

— Конечно, это честь для меня.

Хацис жестом пригласила его идти вперед. Все копии Оборна испытывали к ней подобие страстного обожания и всегда работали лучше, если вознаграждались ее личным вниманием. В свою очередь она была рада дать им такое поощрение, но остерегалась заходить далеко. Один из ее собственных «дублей» переусердствовал с этим, еще задолго до прибытия первых Даров, и обнаружилось, что при недостаточном внешнем контроле Кингсли Оборн иногда переходит в нестабильное состояние. Как выяснилось, его энграмма изначально запрограммирована с глубоко спрятанным страхом интимности, который мог превалировать над всеми физическими желаниями.

Забавно, но это не могло уберечь Кэрил от легкого ощущения вины. В прошлом она уже привлекала Оборна к руководству своими исследованиями — на Юноне. Потом он с радостью последовал за Хацис в кошмар возле Бейда, чтобы защищать ее — и погиб. В философии Кэрил не нашлось места, предусмотренного для благородной печали, да она совсем и не стремилась возбуждать это чувство в ком бы то ни было.

Кэрил пассивно наблюдала за тем, как Оборн разворачивает вокруг них массивную карту звездного неба. Совершенное полотно — без единого стыка, эта до предела детализированная трехмерная карта была еще одним из чудес, оставленных Прядильщиками. Она давала наблюдателям изображения каждого из тел, существовавших в

галактике, вместе с описывающим его вектором движения. Уже известные людям объекты вполне точно совмещались с их местоположением, приведенным в земных астрономических картах; многие из объектов, ранее не известных, объясняли аномалии, имевшие место при наблюдениях сквозь пылевые туманности или через ядро галактики. Даже если карта и обнаруживала несовершенство — а в ней действительно имелись необъяснимые пробелы, — все-таки она была истинным благодеянием для астрономов и астрофизиков.

— Здесь! — Изображение вдруг увеличилось и взяло центром одну из ярких звезд. — Аселлус Примус. Переменная звезда F-типа, эту систему должен был посетить «Шелли Райт» еще несколько десятков лет назад, но он туда не прибыл. Не то чтобы они должны были многое найти, но все же...

Хацис знала карту, как никто другой.

— Может, они передумали и предпочли пойти на Аселлус Секундус — в надежде на большую удачу?

— Если так, то они все еще в пути. — Оборн засмеялся, будто таким способом благодарил за вполне возможное и явно более счастливое объяснение долгого отсутствия «Шелли Райт». — Мы уже подготовили точку контакта на орбите четвертой планеты. Думаю, что можем гарантировать хорошую степень правдоподобия.

Кэрил кивнула. Одним из основных допущений их плана было то, что активность будет замечена Морскими Звездами, а их силы пойдут на цель, когда сигналы покажутся им подозрительными. Все определялось поведением куттеров Морских Звезд — дело должно идти обычным

образом, как всегда бывало при перехвате ими сигнала передатчиков мгновенной связи. Если они будут колебаться с решением или не придут вовсе...

— Насколько точна карта? — спросила она, устыдившись собственного малодушия.

Теперь не за чем было задерживаться на анализе негативных вариантов.

— Ожидаемое отклонение менее одного перцентиля, как я и говорил.

— Хорошо. А что за вторая система?

Звезды на карте вновь метнулись вкруговую, центрируясь на другой точке. Эта цель была несколько более знакома. Кэрил сразу же узнала звезду — и по цвету, и по расположению относительно ее ближайших соседей.

— Пи-2 Большой Медведицы, — пояснил Оборн. — Пять планет с голыми скалами, шесть газовых гигантов, два пояса астероидов и обычные скопления комет. Пятая планета — тот из миров, что следовало бы колонизировать. Здесь, на карте, даже отмечен уровень кислорода в атмосфере. И я слышал — об этом говорил Отто Вира, как раз на днях. Информация уже закодирована на карте, на всех частотах спектра. В любом случае она выглядит так же, как и в видимой нам части спектра, но при наблюдении, внешнем относительно указанных границ, можно обнаружить все разновидности...

Он остановился, заметив, что внимание собеседницы притупилось.

— Во всяком случае на карте нет ничего необычного. Все выглядит вполне пристойно.

— Короче говоря, ты полагаешь, что мы идем в верном направлении, так?

Оборн взглянул на Кэрил с явным сомнением.

— Не уверен, что правильно понял...

— Вопрос вполне конкретный: мы поступаем правильно?

Внезапно он разволновался.

— Видите ли, я не должен бы комментировать, чтобы не сбить вас с толку. И какова же будет позиция...

— Продолжай, Кингсли. Порадуй меня, или ты передумал? Мне нужно всего лишь твое личное мнение, а вовсе не мое собственное, пересказанное еще раз. Если тебе так легче — хорошо, я приказываю тебе говорить.

Он сглотнул.

— Честно говоря, Кэрил, я в совершенном ужасе.

Она ободряюще кивнула.

— О'кей, теперь объясни почему.

— Да потому, что это же, черт, опасно, охрененно опасно, вот почему. Не знаю, где вы собираетесь найти добровольца — для такой-то миссии, — но нужно быть долбанутым, чтобы просто думать об этом!

— Кингсли, доброволец — это я.

— Что?! Вы что, серьезно?

— А почему ты считаешь, что мои коллеги будут делать то, что не готова сделать я сама?

— Ну, Тор собиралась. Этого достаточно?

— Тор? Откуда тебе известно?

— Да это, вообще, не секрет.

— Да, конечно... Секрет — но лишь для меня одной, — проглотила она обиду.

Он осторожно повел головой:

— Значит, вам уже не хочется идти на это? Или я не прав?

— Боюсь, что нет. — Кэрил рискнула прикоснуться к нему. — Тебе не нужно опасаться за мою безопасность, Кингсли, и никому не нужно. В колониях хватает других проблем.

— Я так не могу, Сол. — Оборн отвел глаза. — Ты — все, что осталось. Если потеряем тебя — во имя чего нам бороться дальше?

— Во имя много чего, — ответила она, стараясь говорить как можно тверже. — Тебе следует просто работать над планом «Б», а уж мое дело — позаботиться об остальном. Договорились?

Начнем с Тор, — добавила она про себя, отвернувшись от карты, и направилась к выходу, оставив позади и карту, и иллюзию божественности.

Данные испытаний шли тягучим потоком, текли как мед, медленно просачиваясь через соты систем высокоуровневого моделирования. Тор словно купалась в них, позволяя исходной информации накапливаться постепенно, медленным и в то же время неразрывно плотным потоком. Ей помогали Мардук и Махатала — две другие копии Хацис, казалось, были счастливы выполнить любое приказание. Они фильтровали каналы входящей информации, организуя их так, чтобы не перегружать Тор. Даже при сверхвысокой тактовой частоте ее мозгового процессора данных было многовато, учитывая необходимость их непрерывного просмотра.

Однако трудности не убавляли ее желания. В первую очередь хотелось понять, что именно они получили. Было бы совсем неплохо воспользоваться опытом Сол в том, что касается этой информационной трясины, но Тор следовало увидеть результаты самой. Если ей и доведется попасть в самое пекло, то хотелось бы заранее знать точные данные о температуре пламени и возможных результатах всего пожара.

Десяткам зондов удалось пробить корпус куттеров Морских Звезд и передать ценнейшие данные ожидающим их наблюдателям. Тор смогла увидеть точные детали всего, с чем они боролись, пока не вышли из строя. За взрывами шли немедленные и масштабные действия куттера по обороне, по заделыванию пробоин в корпусе, пожаротушению при помощи невидимых и почти неощутимых отрошков-щупалец. Лазерные лучи встречали на своем пути зеркальные поверхности с превосходными отражающими характеристиками, отбрасывавшие почти всю энергию назад к зондам, химические же атаки разбивались о вставившие вдруг инертные преграды или поглотители. Казалось, только неожиданная вспышка аннигилирующей материи могла обладать запасом достаточной для повреждения куттера энергии. И если окажется нужным нанести противнику наибольший урон — следовало бы запастись бомбами из антивещества, причем само «бомбометание» пришлось бы выполнять с помощью орудия, способного к внепространственному перемещению всей массы такого экзотического заряда.

Изучив записи атаки, Тор пришла по крайней мере к одному выводу. Менее значительные воздействия, про-

изведенные зондами, давали в большей степени неоднозначные данные. Зонды, специально «замолчавшие» после своего попадания внутрь куттера и находившиеся в состоянии пассивного съема его параметров, совершенно игнорировались противником. Те же, что участвовали в любых тестах окружающей их среды, немедленно становились объектом воздействия систем обороны. Информация датчиков говорила о росте давления, о мощных электромагнитных импульсах, других аномально жестких воздействиях, применявшихся в самых разных формах.

Никакие из данных не показывали Тор присутствия того, что можно было бы принять за чужое, но разумное поведение, подталкивая ее к выводу — защитные системы скорее всего действовали автоматически. Хотя она все еще не решалась надеяться на встречу со следами одного из загадочных существ, именовавшихся Морскими Звездами — однако, помимо своего желания, не испытывала ничего, кроме разочарования. Быть первой, кто обнаружит присутствие чужого существа в какой бы то ни было форме, — огромный стимул для нее самой и чувствительный щелчок по носу Сол.

Еще с момента того откровения, что настигло Тор на руинах Сотиса, она знала: Сол не способна принимать решения, необходимые для спасения человечества от опасности, которую несут Морские Звезды. Она ощущала необычайную, почти тревожную свободу от верности своему оригиналу. И тут же пришло понимание: если уж она собирается выжить, то должна сделать собственные шаги по этому пути. И то, что выглядело понятным для нее, вовсе не должно было казаться очевидным всем прочим.

Почему? — с изумлением спрашивала Тор саму себя. — *Что делает меня отличной от других, таких же, как я, энграмм? Почему я — единственная, кто противится ей?*

Вероятно, таким образом проявляло себя действие естественного отбора. Лишь самым сильным представителям вида суждено пережить нашествие Морских Звезд. Однако если биологические существа способны эволюционировать при помощи мутаций своего генетического кода, человеческие копии могли лишь ощущать действие ошибок в коде собственной программы. Здесь — она только сейчас начала понимать это — имела место как раз такая ошибка, принадлежавшая только энграмме по имени Тор и сделавшая ее сильной и, в отличие от других, независимой.

А если с ней самой что и не так, то вряд ли она способна оценить это «изнутри».

Тор снова вернулась к неторопливому течению потока данных. Из всех многочисленных зондов, посланных ими для сбора информации, к концу эксперимента оставались в работе не более двенадцати. Поведение их следовало изучить с максимальной тщательностью, установив точную причину, по которой зонды остались неповрежденными так долго. Это казалось непонятным — ведь прочие зонды давно погибли, находясь в такой же внутренней среде куттеров. Неужели все определяется местом, куда попал тот или иной зонд? Или, возможно, главным фактором было его поведение? Какая бы причина за этим ни стояла — сейчас требовалось установить ее доподлинно. Нельзя упускать ни малейшей возможности, придется изучить все, каждую крупницу информации.

Единственное, что оставалось неизвестным, — это для какой цели их оставляли нетронутыми так долго. Когда куттеры покинули Дзета Золотой Рыбки, все сверхсветовые передачи с зондов прекратились, что означало либо их выход из зоны устойчивой связи, либо одновременное окончательное уничтожение. Тор сложила пальцы в крестик, «голосуя» за первое. Она не собиралась направляться в пасть тигра, не имея хотя бы малейшей надежды выбраться оттуда.

— Есть ли что-либо, ради чего ты можешь оторваться от стула?

Голос — собственный, но произнесенный не ее губами, отвлек Тор от потока данных. Точно ртуть, внимание снова перетекло в тело андроида, и перед глазами оказался стоящий рядом ее собственный оригинал.

Такая красивая и такая сильная, — мелькнула мысль. — *Настолько же она лучше... чем я...*

Тор заставила себя переключиться.

— Я полагала, что теперь ты даешь право принимать решения другим, — сказала она, как только Сол присела. — Похоже, это была особая тема — после Бейда, не так ли?

— И это все еще тема, — ответила Сол. — До тех пор, пока ты сама не попросишь об участии.

Тор оторвала взгляд от рук Сол и от ее кожи поразительного естественного цвета. Человеческая плоть теперь была вполне доступна — в понимании нужд сообщества энграмм, — однако ее постоянная нехватка могла принести желающим лишь разочарование.

— Что есть, то есть, Сол, как тебе хорошо известно. Что еще хуже — ты сама потворствуешь этому. Ведешь к повторению того, что однажды уже произошло — на Сотисе. И главное, сама позволяешь им поклоняться тебе так, словно ты — божество.

Что-то дрогнуло в лице женщины-оригинала, и Тор в душе рассмеялась, убежденная, что попала в точку. Однако последовавший ответ Сол застал врасплох и ее:

— Что, если бы ты была объектом их поклонения, Тор? Вероятно, это обстоятельство понравилось бы тебе больше?

Ответ не требовал особого размышления. Еще секунды хватило, чтобы решить, стоит ли озвучивать его. Мардук и Махатала смотрели из-за плеча Сол, нервные и податливые, в ее присутствии какими обычно бывали все.

— Да, — наконец согласилась Тор. — Полагаю, что так.

— И ты думаешь, что справишься даже лучше, чем я?

В голосе слышалась неопределенность, вдруг поколебавшая решимость Тор.

— Полагаю, это пока неизвестно, или я не так поняла?

Сол пожала плечами.

— Не я поручала тебе эту работу, Тор, и я не особенно нуждаюсь в ней.

Совершенно бесцветные глаза внимательно смотрели на Тор.

— Я всерьез задумала уйти и сдать дела после Бейда, но из вашего строя до сих пор никто не вышел вперед. Вы даже не смогли самостоятельно представить план Эксфорда Совету, однако взамен вы смогли использовать меня. И — да, они выслушали меня, как известно из их заявле-

ния. Кстати, сейчас они все еще прислушиваются ко мне, независимо, хочу ли этого я. Однако еще не поздно. Судовольствием отдам полномочия — в любое время, когда захочешь. И я готова письменно подтвердить твоё лидерство. Пусть это будет моим последним приказанием.

Несколько минут Тор взвешивала её слова.

— Похоже, я сильно достала тебя, не так ли?

— Нет, Тор. Вовсе нет. Пусть это станет моим освобождением от гнета ответственности.

— Хорошо. — Тор ощутила волну легкого озноба. Трудно было понять, был ли причиной страх или эйфория. — Итак, теперь уже я должна освободить тебя от ноши?

Сол просто кивнула, протянув руку. Инстинктивно Тор приняла пожатие; сомнение охватило её лишь на какой-то миг, когда выражение лица Сол стало решительным, а их руки уже сомкнулись воедино.

— *А для начала,* — голос Сол звучал уже в её голове, — *тебе понадобится вот это.*

Взрыв воспоминаний и эмоций распустился в её сознании, точно живой цветок. Мысли, прикосновения, сомнения, вкус... Все эти нюансы шли потоком по каналу, открытому между ней и Сол, каждый из них был связан с десятками других, вдруг бросивших Тор прямо в омут личных ощущений оригинала. Падение было неотвратимым, а контакт с воспоминаниями — жестким. Все было гораздо насыщеннее и детальнее, чем даже при высокоуровневом моделировании и тестах в Дзета Золотой Рыбки, и много более аутентичным в сравнении с рабочими версиями кусочно-аппроксимированной памяти, замешавшей чистую память энграммы с момента первой активации.

Это были глубоко личные нюансы, первородные ощущения женщины, прожившей более полутора сотен лет; и все они вливались в мозг Тор сплошным потоком, словно воды, прорвавшие сдерживавшую их плотину, сметая со своего пути весь лишний хлам.

Все это, однако, вовсе не было похоже на вторжение в мозг или, к примеру, замещение ее личности на иную. Все шло как бы от нее самой, или по крайней мере от иной ее версии, как будто это были ее более ранние, собственные воспоминания. А потому первый шок и испуг очень скоро сменились вдруг прорезавшимся чувством признательности за эти новые краски ее личности.

Конечно, информации все еще было слишком много, чтобы воспринять ее полностью. Одно изображение сменялось в сознании Тор другим — и так без конца; они приносили с собой все большую и большую ношу эмоционального груза. Картина, как Сол погибает от оружия Морских Звезд, и чувство, что твоя сущность, высшее воплощение тебя самой умирает, часть за частью, было завершением огромного и сложно сцепленного клубка моральных травм — начало которому было положено еще на Земле. В том, уже прошедшем времени, она была свидетельницей разрушения целой планеты и гибели тех, кого любила — матери, сестер и отца, — после страшного взрыва на порочном витке беспорядочного технологического прогресса.

Отец! Она противилась памяти, не находившей поддержки в ее собственном рассудке. Отец ей помнился, но всегда — окруженный чувством глубокой скорби. Прежде она любила его, преклонялась перед ним — все это было еще до его гибели на Ио. Однажды именно эта потеря ста-

ла источником ее вечной печали, или по крайней мере так казалось.

Еще было многое, чего Тор не знала вовсе. Теперь же перед ней раскрывалась череда воспоминаний, последовательно, шаг за шагом заполнявших пробелы памяти. Они несли то, чего Тор не могла осознавать до сих пор, и каждое последующее оказывалось все более трагическим, чем предыдущее: смерть любимой собаки, Скотти, после того, как кто-то скормил ей кусок битого стекла, смерть знакомого мальчика в автомобильной аварии. Она сама, попавшая в ловушку и в течение четырех часов находившаяся рядом с его мертвым телом — пока специалисты пытались извлечь детей из остатков машины. Ее сестра — на диване, рыдающая, только что рассказавшая их маме и отцу о приставаниях родного дяди...

Дядя? Она даже не предполагала, что у нее когда-то был дядя. Рыжий маленький человечек, с густыми волосами и выразительными глазами — как у газели. Он был вроде перекати-поля и приезжал иногда к Хацисам, чтобы «отдохнуть» после какой-то ужасно трудной работы. Маленькая Кэрил помнила его руки — они были незагорелые, с нежной кожей и слабыми пальцами. Вовсе не руки упорно работавшего человека, скорее руки педофила.

После того как сестра, рыдая от стыда, сделала свое признание, отец загнал дядю Рена в сад и там застрелил его. Кэрил, еще ребенок, стала свидетелем убийства — она сидела на яблоне и видела все сквозь ветви. Она вспомнила ощущения от коры в стиснувших дерево руках, слабость где-то внутри и горячие слезы, ручьем текущие по

щекам, и ярко-красную вспышку, мелькнувшую одновременно со звуком раздавшегося выстрела.

Воспоминание было похоронено так глубоко, как только можно, оно было спрятано и от энграмм, когда пришло время построить их активационные воспоминания. Трагедия ее семьи была тайной, которую не следовало сеять по всей галактике. Это не было воспоминанием, которым можно делиться с кем-либо.

Не было им раньше.

Тор постепенно пришла в себя, обнаружив, что стоит на коленях, делая слабые движения в поисках опоры. Сол стояла рядом, не пытаясь помочь.

— Слишком... — невнятно проговорила Тор. — Это слишком...

Сто пятьдесят лет воспоминаний были сброшены в ее сознание сразу и слишком быстро. Может быть, стоит хотя бы просеять их все, еще раз, постепенно.

Сперва Сол не говорила ничего. Единственное, что могла слышать Тор, был звук ее собственного прерывистого дыхания и тот слабый и далекий щелчок одиночного выстрела, который донесся из давно забытого ею зимнего дня.

— Все еще хочешь продолжить, Тор?

Как бы ни было тяжело, ей пришлось заставить себя выровнять дыхание и посмотреть прямо в пронизывающие глаза Сол. Мардук и Махатала все еще стояли поблизости, глядя на нее, и Тор понимала — это только первая проверка.

С трудом она сглотнула, пытаясь как-то увлажнить пересохшее горло, затем медленно произнесла:

— Я все еще хочу.

Ее оригинал тенью навис над Тор, и та подумала, что Сол, возможно, предложит помощь. Однако Сол развернулась и, не произнеся ни слова, вышла из комнаты — оставив Тор догадываться, прошла ли она тест или провалила.

— Дай мне руку.

Тор знаком пригласила Махаталу помочь ей подняться. Сильные руки андроида обхватили ее. Она встала, как все вдруг начало кружиться. Еще усилие — и Тор твердо стояла на ногах, уже сама.

— Запустите моделирование с того места, где меня прервали, — приказала она, снова садясь в кресло и с облегчением ощутив под собой опору. Каждый мускул ее тела дрожал от пережитого напряжения. — Мы должны работать.

Мардук и Махатала обменялись быстрыми недоумевающими взглядами, затем принялись за дело.

1.2.4

— А что именно ты сделала?

Эландер, оторвавшись от чертежей, с некоторым беспокойством посмотрел на Сол. Сол сидела напротив него в рубке «Клото», как бы изучая панель управления, выдвинутую из недр корабля, и повторяя с железным спокойствием:

— Я передала Тор управление энграммами.

Не находя слов, он опустил в кресло.

— Тор нестабильна! Я считал, в этом мнении мы с тобой едины. Она сговорилась с Эксфордом, она не выполняла твои приказы, она...

Питер остановился. *Она была той, кто рассказала всем, что Лючия решила отвергнуть меня*, — чуть не вырвалось у него.

Впрочем, это вряд ли имело значение, а раз так, стоило ли тратить зря время собственной жизни? Рассуждения о Лючии уводили его в сторону, такого же рода сомнения Питер испытывал по поводу взаимоотношений с Кэрил. Тем не менее он нашел, что будет трудно избавиться от переживаний по поводу обеих. С тех пор как «виртуальная» Лючия исчезла с «Клото», ее следов не обнаружили нигде — несмотря на довольно активные поиски по всем сверхсветовым кораблям. Эмоционально Питер переживал случившееся, но, рассуждая здраво, он должен отбросить прочь переживание о том, чему — как он знал — суждено было произойти и так.

А что до Кэрил Хацис... Они действительно спали в одной постели, однажды, уже после встречи на Расмуссене. Тогда он свалился, как убитый, и заснул — примерно на час. Проснулся Питер, когда Кэрил легла рядом. Да, их контакт был достаточно интимным — хотя и не сексуальным, однако память, напротив, старалась придать ситуации именно такое значение. Заблуждение было искренним, но все же это был тот эксперимент, который не состоялся.

— Тор нельзя доверять, — закончил Питер свою мысль. Затем добавил: — Хотя далее, полагаю, мне следовало говорить почти то же и о тебе — совсем недавно.

— Надеюсь, ты еще сможешь сделать это. — На лице Сол мелькнуло что-то вроде усмешки — на самом деле говорившей, что она почти не шутит. — Тор несколько отличается от остальных. Кого еще ты поставил бы во главе всего дела? Себя? Эксфорда? — Она криво усмехнулась. — Я не смогла бы даже вообразить на месте первого лица кого-то вроде Отто Вира, что скажешь?

Он покачал головой.

— Маловероятно.

— Тор — единственная, кто пытался отобрать у меня хоть какую-то ответственность, вот почему я приняла решение отдать ей свои полномочия. Ее программа налажена отлично. Иногда я не могу предсказать ее очередной поступок. И мне это нравится именно потому, что сейчас нам необходима некоторая доза непредсказуемости.

Хацис взглянула на схемы.

— Полагаю, что взять ответственность и убедиться в том, что все расставлено по своим местам — единственный путь к правильному решению. Конечно, иногда, не абсолютно во всех случаях. Посмотри, к примеру, на Фрэнка. Он работает, держась в тени, подталкивает людей к поступкам помимо их воли. Возможно, мне следует стать похожей на него.

— Избавь меня от этих деталей, Кэрил. — Эландер встал, чтобы немного размять ноги. — Я полностью за то, чтобы использовать Эксфорда, но вовсе не за то, чтобы его копировать.

— Тем не менее из всех нас именно он, вероятнее всего, выживет.

— А ты что, приветствуешь его поведение? — воскликнул Питер. — Считаешь, цель оправдывает средства?

— Разве нет?

Эландер саркастически фыркнул, шагая взад-вперед по рубке.

— Питер, я устала принимать решения, — призналась Хацис после недолгого молчания. — И не хотела бы провести те несколько дней, которые осталось прожить, споря со всеми и с каждым о деталях, которые, вероятно, уже не имеют совсем никакого значения. В то же время я бы не хотела и просто сбежать. Думаю, если Тор не справится с делом или потеряет стабильность, тогда я смогу снова подключиться.

— Значит, ты снова возьмешь власть?

Ей не потребовалось никакого раздумья.

— Если придется — да.

— Могу предположить, что ты заложила в Тор «тройца».

— «Непропатченные» программы дырявы, как решето. Бог мой, да если бы я действительно захотела этого, то могла бы заставить тебя станцевать. — Она пожала плечами. — Однако все это довольно скучно. Кроме того, мне кажется, общество перестало меня раздражать — твое в частности.

Питер не был уверен, шутила ли она или это скрытый комплимент в его адрес — подобно тому, как собаке иногда бросают кость. Разумеется, рядом с ней он всегда испытывал неуверенность. Будучи частью разума, простившегося когда-то на всю Солнечную систему, что могла она видеть в нем, кроме тела, в минимальной степени

подобного телу андроида и способного дать, по случаю, разве только малую толику личного комфорта?

— Кроме того, — продолжила Сол, — Тор нашла для нас Лючию, так что мы должны быть ей благодарны. Без ее информации мы бы сейчас спасались бегством вместе с Практиком, как еще один куль в его багаже.

Питер кивнул, поскольку заранее и тщательно обдумал, что могла, как следовало из слов Тор, обнаружить Лючия. Что-то на Пи-1 Большой Медведицы, что проясняло судьбу «Андре Линде», миссию, которую ей следовало встретить в 2117 году. За месяц до прибытия Лючии слабое излучение возвестило о гибели «Линде» и полном видоизменении всей системы, назначенной для его прибытия. Спустя несколько дней все нормализовалось. Опасаясь, что сама она в опасности, Лючия замаскировала свой корабль под астероид — и он пронес ее сквозь систему в забытии, делая по пути снимки автоматической камерой. Очнувшись от сна спустя несколько месяцев, она обнаружила, что на фотографиях нет ничего необычного. Однако после более тщательного исследования было выяснено, что один из снимков просто исчез.

В понимании Лючии отсутствие этого снимка означало ясное свидетельство злого умысла. Кстати, Тор была согласна с ее открытиями, то же мнение высказал и Эландер. Единственная проблема — вмешательство произошло несколькими десятилетиями раньше, чем Прядильщики и Морские Звезды прибыли в эту точку. Поскольку за все время путешествия по Пи-1 Большой Медведицы больше не случилось ничего подозрительного — вопрос в том, что

же именно произошло в этой системе, и произошло ли вообще?

Фрэнк Эксфорд предположил, что именно там расположена база Прядильщиков, созданная для координации распространения их Даров или какого-то еще предприятия. Все попытки заглянуть в систему приводили к быстрой и разрушительной развязке с полным уничтожением свидетельств, так что не следовало быть уверенным ни в чем. Временные метки между прибытием в Пи-1 Большой Медведицы и появлением Даров связаны, если смотреть по шкале галактического времени. Сорок лет — ничто в понимании существ, способных легко пересечь пространство между двумя галактиками так, словно они переходили через дорогу.

Другая альтернатива состояла в том, что Лючия неправа или, хуже того — немного не в себе, и, конечно, это делало безосновательным весь план.

— У нас нет больше выбора, кроме как принять данные Лючии, — проговорил он. — Часики тикают, а мы стоим на месте.

Сол согласно кивнула, возвращаясь к схемам.

— Что из этого следует? Я спрашиваю только из любопытства, как вы уже, вероятно, поняли. — Она прошла обратно к столу, но не села за него.

— Некоторые зонды были атакованы средствами, против которых технологии Даров — ничто. Сейчас при помощи нанотехнологий создается щит, способный противостоять наиболее жестким из средств нападения. Сохраняя спокойствие и стараясь не выдавать своего присутствия, мы имеем шанс выжить.

Сол замотала головой. Графики и математические выкладки находились везде, послушно раскрываясь под ее руками. Трудно понять, как много информации успевала она «считать» при таком, казалось, мимолетном с ней знакомстве — но Питер хорошо знал, что ее не стоит недооценивать.

— Положение опасное, — наконец проговорила она. — Если доходит до игр с фундаментальными основами — это дело не из тех, что могут решаться легко или с наскока. Не уверена, что мне нравится занимать ту или другую из крайних позиций, особенно в том, что касается новой техники любого рода.

— Однако в противном случае времени на исследования у нас уже не остается, — продолжил ее слова Эландер. — Трудно себе представить, чтобы Морские Звезды брали пленников.

Вздохнув, Сол откинулась в кресле. Несмотря на совершенные бионастройки и точное управление гормональной средой, ее организм все же испытывал действие стресса.

Обойдя кресло, Питер принялся массировать плечи Сол.

— Питер! Мне не хочется умирать...

— Поучись у Эксфорда — наделай собственных копий и оставь все свои записи в хранилище. И закопай их как можно глубже.

Тут лицо ее приняло довольно странное выражение.

— Зачем? Если ни одна постройка, оставшаяся после нас, не смогла пережить их атак, — возразила она Пите-

ру, — если на нашей стороне будут стоять только Дары, которые не способны защитить даже самих себя?!

Он промолчал.

— Знаю: в последний перед катастрофой момент нельзя взваливать ни на кого собственную надежду на счастливое спасение, — продолжала Сол. — Однако ничего не могу с собой поделать. И просто не могу поверить, что человечеству грозит... — Она помедлила, собираясь с мыслями, потом закончила: — Может вдруг исчезнуть навсегда.

— А что, если мы все «уже мертвые», — сухо поинтересовался Эландер, — просто еще не осознали этого?

Сол освободилась из рук Питера и повернулась в кресле так, чтобы видеть его. Выражение ее лица стремительно поменялось — вместо наивно-вопросительного на нем появилось немое изумление.

— Ну почему из всех людей, с которыми я могла бы провести эти последние дни, — проговорила она, уставившись в пол, — почему мне досталось счастье быть рядом с таким жалким ничтожеством?

— Сол, ты уже спрашивала меня об этом. — В голосе Питера не было ни тени юмора. Напротив, в нем прозвучало страшноватое понимание безысходности ситуации, в которой все они оказались. — Вероятная причина — сходство наших с тобой проблем.

Она пренебрежительно фыркнула:

— Ничтожество обожает компанию. Не это ли причина? Отвернувшись, он снова углубился в схемы.

— Как думаешь, сколько у нас осталось времени? — после минутного раздумья прозвучал вопрос Питера.

— До конца миссии или до нашего конца?

— Полагаю, и того, и другого.

— Ну, если Тор не поменяла расписание, мы убываем через двадцать пять часов. И если нашему плану не суждено сработать, Морские Звезды будут здесь дня через три.

В ее голосе прозвучали неуверенность и страх. Впрочем, Питер не мог предложить в ободрение ровно ничего — уверенности не было и в нем самом. Все, что пришло ему в голову, — это цитата из Эксфорда: «Лучше бежать навстречу собственной смерти, чем убегать от нее».

Сейчас, в мрачной тишине рубки, он готов был принять это без оговорок — почти как истину.

1.2.5

На орбите находилось всего десять башен; все они соединялись друг с другом при помощи сверхпрочных и одновременно сверхпроводящих конструкций. Поначалу Лючия ловила себя на ощущении, что исследует их с опаской, обостренно воспринимая собственное физическое и умственное несовершенство в сравнении с удивительными творениями пришельцев. Однако чем ближе узнавала она эти объекты, тем меньше оставалось поводов для подобных переживаний.

Поначалу продвижение шло несколько замедленными темпами — вследствие огромных размеров всей конструкции — и развивалось строго по мере ее физического перемещения от одной башни к другой. Затем, когда знакомство с Дарами стало еще более близким, возвращать-

ся к уже обследованным башням оказалось проще, и вскоре Лючия научилась легко переключаться с одного объекта на другой, почти инстинктивно. Достаточно мысленно представить нужную башню, как путь к ней выстраивался сам собой. Весь процесс вряд ли занимал больше нескольких наносекунд.

Каждая из загадочных инсталляций имела собственное, вполне определенное назначение. Первая башня служила «Залом Науки» — здесь пришельцами были оставлены сокровенные теоремы, наделявшие примитивные создания истинными знаниями о мире. Вторая башня заключала в себе сопутствующие теоремам экспериментальные данные, установки и материалы для их более глубокого освоения. Библиотека Третьей башни включала огромные информационные массивы — базу знаний, для изучения которой потребовалась бы тысяча лет, будь у кого-то такой случай. Галерея, место которой нашлось в Девятой башне, демонстрировала посетителю художественный образ того, насколько многообразна галактика — так же, как это делалось на Земле. В Четвертой башне находился Медицинский Центр, предоставлявший коллекцию средств лечения и диагностики, будто специально созданных с учетом нюансов человеческой анатомии, хотя иногда средства эти явно тяготели к погружению в особенности строения иных существ — Юлов. В Десятой башне располагалась Темная Комната, глубины которой Лючия покинула недавно и возвращаться куда пока не собиралась — хотя сама испытала там ощущение полного покоя. В Шестой башне обретался Сухой Док, куда помещали для ремонта пространственные прорезатели, а сами Дары — так называли

искусственный мозг, управлявший всем комплексом, — занимали Седьмую башню. Пятая башня являлась Хабом, или порталом мгновенной коммуникации — комнатой, где имелось десять дверей, за каждой из которых открывался путь к одной из составляющих Дары частей.

— Почему дверей именно десять? — изумилась она своему открытию. — Ведь и девяти достаточно, чтобы иметь доступ к другим башням.

Задавшись изучением этой аномалии, Лючия быстро выяснила, что одна из дверей вела сама к себе, возвращая вошедшего обратно в Хаб. Вспомнились ей и слова Роба Сингха, толковавшего о «глюках» в этом творении пришельцев — так что Лючия представила себе эту особенность как ошибку или как свидетельство несовершенства создателей удивительных Даров.

Кстати, пока шло исследование, искусственный разум Даров не проявлял желания заговорить с ней, несмотря на все попытки Люции задать ему вопросы. Никто, однако, не чинил и препятствий, а более простые конструкции, казалось, только и ждали случая, чтобы выполнить все ее команды. Видеть артефакты пришельцев изнутри — поистине фантастическое ощущение. Казалось, будто она физически вошла в Дары и сама стала частью общего и целого — фланируя мысленно здесь и там, обследуя и исследуя всякий, самый незначительный аспект их содержимого. По мере того как ее взгляд перемещался от одной отдельной структуры к другой, Лючия постепенно осознала, что на самом деле Дары организованы совсем не так просто, как это представлялось извне. К примеру, Медицинский Центр открыл ей способ создания еще одного И-костю-

ма — взамен демонстрационного образца, отданного в свое время Клео Сэмсон, руководителю миссии «Расмуссен». Более того, размеры этого второго костюма теперь могли быть настроены практически на любого. Само по себе это уже открывало возможности, казавшиеся Люции исключительно интересными.

Чем дальше заходило исследование Даров, тем более изощренно использовала их она сама, безо всяких усилий переключаясь от одной башни к другой, в какую угодно сторону расширяя собственное понимание встреченных ею знаний. К примеру, исследуя произведения искусства, Люции случалось быстро перейти к Библиотеке и изучить данные о существах, создавших эти произведения, затем найти пересечения с информацией звездных карт из Комнаты Карт, определяя местоположение системы или систем их обитания. Оттуда один шаг до Сухого Дока, где — будь там подходящий для путешествия корабль — она получила бы шанс познакомиться с существами этих видов воочию.

Впрочем, ни один из видов, отмеченных вниманием Прядильщиков, уже не существовал в реальности — и способствовали этому, разумеется, Морские Звезды. Страшно подумать, сколько жизней и как много разнообразных культур уже стерто ими навсегда. И чем больше исследовала Люция, тем с большей подавленностью смотрела она вокруг, ощущая себя полностью изможденной, нуждающейся в отдыхе.

С какого-то момента Люция снова оказалась во мраке Темной Комнаты. Располагая разумом, уже раздвинувшим собственные границы до новых пределов, она, каза-

лось, прожила там целый год, хотя на самом деле прошло лишь часа два. Теперь Лючия чувствовала себя совершенно новой личностью. Она многое узнала, многое увидела и сама ощутила многое из того, что открыло новые жизненные перспективы. И все же Лючия пока еще только вскользь, поверхностно коснулась малой части того богатства, что связано с Дарами.

Дары оказались самым изумительным явлением из когда-либо виденных. А ведь ей удалось даже прикоснуться к ним. Она одна видела необычайное и прекрасное лицо Даров — их маску, сокрытую по ту, тайную сторону и недоступную извне. Это было чудесное зрелище — лучшее, что можно себе вообразить. Образы чудес из Комнаты Карт не покидали подсознания все время, пока Лючия парила во мраке, пытаясь переварить всю прорву информации, что ей удалось заполучить.

Дары, обращавшиеся по своей орбите около Сагарси, ничем не отличались от других точно таких же Даров — тех, что Прядильщики оставили в каждом из обитаемых миров освоенного космоса, подобных Земле. По всему казалось, это один и тот же набор, воспроизведенный десятки раз. Лишь там, где местные условия не позволяли механически повторить конструкцию, ее приспособляли к обстоятельствам. На Хэммоне, геосинхронные орбиты вокруг которого были перекрыты плотными скоплениями обломков, оставшихся после разрушения его естественного спутника, пришельцы организовали Дары в виде розетки, защитив их в безопасной зоне. Сол упоминала еще об одном таком случае, отмеченном ею в системе Веги. Там конструкции пришельцев были возведены

на фрагментах, оставшихся от ядра газового гиганта — месте, которое избрал для своего убежища Фрэнк Эксфорд. И хотя это место благодаря своему расположению было надежно защищено от внешнего наблюдателя, это не помешало Морским Звездам докопаться до приюта Фрэнка и подчистую смести все оставленное Прядильщиками.

То, что Дары так легко уничтожались, не укладывалось у Люции в голове. Ни один представитель человеческого племени, как и ни один Юл/Гоэл не располагал средствами для уничтожения какого-либо объекта из состава Даров — они оказались не в состоянии даже изучить их структуру. В то же время оружие Морских Звезд без всякого видимого напряжения превращало башни в ошметки горелого металла и облака плазмы.

Как ей теперь казалось, человечество встало между щедростью одной могущественной силы и разрушительной яростью другой. Люди превратились в беженцев, случайно попавших на поле непостижимой и масштабной битвы и в отчаянии напрягающих все свои силы — лишь бы остаться в живых.

Наконец, думала она, возможно, что Дары — помощь, данная свыше. Можно представить их существование как поддержку для новых цивилизаций, позволяющую пережить надвигающуюся опасность гибели под волнами миграции Морских Звезд. Возможно, что куттеры вовсе не следуют за Прядильщиками — это Прядильщики идут впереди, делая все, чтобы снизить урон тех, кто вскоре окажется на пути Морских Звезд.

Мысль об этом беспокоила Люцию, ставя под серьезное сомнение путь, предложенный Тор — поиск контакта с Прядильщиками. Люция старалась отогнать сомнения прочь. По крайней мере это не ее проблема. Она видела, как другие суетятся, стараясь мыслить на высокой тактовой частоте своего мозга, неистово перебирают системы, готовятся к любым превратностям судьбы и тратят слишком много энергии, занимаясь — по мысли самой Люции — предотвращением неизбежного. На какой-то момент она решила, что должна участвовать в миссии... к счастью, эта безумная идея быстро испарилась из ее переполненного впечатлениями сознания. Она уже испытала, каково чувствовать себя вечно запертой в одиночестве электронного гроба. Оказавшись на свободе, Люция совершенно не собиралась прятаться в новую, уже постоянную могилу. Теперь есть для чего жить дальше. Она занималась исследованиями.

— Ты вернулась?

Люция была так поглощена своими мыслями, что не заметила, как у входа в Темную Комнату снова оказался робот Роба.

— Да. Я ушла исследовать Дары без тебя, извини.

— Дары?

— Да, и уже изучила все объекты, только вот информации оказалось многовато для одного раза. Почти все время пришлось просидеть в Библиотеке — меня заинтересовали описания чужих цивилизаций.

Его приглушенный смех отозвался в темноте комнаты:

— Надеюсь скоро узреть тебя воочию, Люция. Это сделало бы нашу работу гораздо интереснее. Как жаль, что

здесь нет ни одного корабля. Теперь именно он и есть тот самый образец технологии, который нужен нам больше всего.

— Ты считаешь, что в каждой из башен может быть только один объект? Почему?

— Это одна из загадок, которые еще не раскрыты, — ответил он, и щупальца робота дернулись. — Есть еще так много не понятого нами — несомненно, сложнее машины должны обладать способностями к производству потребного нам количества этих вещей. И знает ли кто-нибудь ответ?

Вполне возможно, что знает, предположила Лючия, проводя аналогию с уже изученным ею И-костюмом. В то же время эта техника казалась настолько чуждой людям, что полной уверенности у нее не было. Она сама имела достаточные — более чем у всех остальных — способности для исследования Даров, но в любом случае для этого требовалось время, запас которого уже исчерпан. И таким запасом не располагал уже никто.

В то же время где-то внутри Даров Лючия ощущала присутствие скрытых структур, несущих неведомый еще потенциал. В одной только Библиотеке находилось достаточно знаний, чтобы дать работу сотне исследователей на сто лет. Но за всем явно видимым было еще что-то, что имело назначение или несло функцию, ей неведомую и едва уловимую. Такая ситуация повторялась во всех составных частях Даров — и каждая из башен скрывала что-то от своих исследователей.

Из всех исследованных объектов именно корабли пришельцев — прорезатели пространства — не вызывали у

Люции никаких сомнений в своем назначении: они были стержнем, на котором держалась возможность спасения человечества. Без них не существовало ни мгновенной коммуникации, ни пути для физического перемещения между колониями. Как не могло быть и единого шанса на спасение.

И это в конечном счете казалось тем средством, что она сознательно искала. Не хотелось бы уподобиться зайцу, пойманному в лучи фар, и метаться, стараясь найти спасение перед волной нападающих Морских Звезд. Тор вернула Люцию назад помимо собственной воли, а Питер абсолютно ясно подтвердил, что ждать ей нечего. Душевная боль хуже, чем простая боль или тоска, поскольку она прошита глубоко в ее коде и вызывает или непроизвольные скачки и переходы от одной эмоции к другой, или быстрые смены кадров пережитого — всякий раз, когда она думает о Питере. Все это способно вызвать полную потерю ориентации — если только сама Люция не предпримет немедленных шагов по смягчению ситуации.

— Знаешь, — Роб тем временем продолжал говорить, — иногда мне кажется, что мы проводим слишком много времени, ожидая раскрыть мотивацию Прядильщиков и Морских Звезд, и при этом мы забыли о главном.

— О чем это?

— Что, если их мотивация выше, чем уровень нашего понимания? — сказал Роб. — И что, если еще хуже: они могут вовсе не иметь какой-либо мотивации. Я имею в виду, что обычно ответ дает эмпирическая наука — по

крайней мере именно она обещает его дать. Однако в нашем случае ответа может и не существовать вовсе. Пряidelityщики предоставили нам свои Дары, и мы увидели в них альтруистов. Однако имея в виду такое количество оставленных символов, как можно быть уверенным в том, что именно альтруизм был основной мотивацией? Почему они не могли предупредить нас о Морских Звездах? И почему ограничили коммуникацию с Дарами одним человеком на колонию — причем лицом, очевидно лишенным определенных возможностей? Почему дали нам коммуникаторы — зная, что это привлечет внимание? Мы ищем ответы, в то время как, по сути, возможно, Пряidelityщики просто не задумывались об этом.

— Что явно идет вразрез с концепцией изначального альтруизма, — подытожила Лючия, вроде бы поддерживая его позицию.

— Точно так, — заявил Роб. — Мы пытаемся понять движущие ими силы или пробуем объяснять их действия логикой, тогда как реальность может оказаться непостижимой для таких примитивных существ, как мы. Их зоны могут оказаться выше любых возможностей нашего понимания.

Лючия смогла распознать прозвучавшее в его голосе смущение. Оно заслонялось более реальным обстоятельством: расколоть эту головоломку для человечества значило сделать выбор между жизнью и смертью.

— Есть, однако, другая возможность, происходящая непосредственно от существа Морских Звезд.

Питер замолк, чтобы убедиться, слушает ли его Лючия.

— Продолжай, — отозвалась она.

— Обе расы явно имеют высокий уровень технологического развития и относительно просто подходят к осуществлению собственных массированных операций. Мы исходили из того, что Прядильщики пришли сюда, ориентируясь на радиосигналы от передатчиков наших поселений, но это вовсе не факт. Они могли наткнуться на нас случайно, по ходу некоего путешествия или движения расы по Вселенной. Мы точно так же предполагаем наличие какого-то метода — ясной системы в передаче их Даров, но до настоящего момента мы проявили неспособность выделить эту систему. Не все колонии получили Дары, и тот факт, что одни из них попали в поле внимания Прядильщиков, а другие — нет, все еще не нашел никакого объяснения. То же и с Морскими Звездами. Мы знаем, что они приходят на испускаемые сигналы, затем их волна идет сферическим фронтом, считая одну систему за другой. Однако для этого вовсе не нужен высокий разум — достаточно простого искусственного интеллекта.

— Машины? — Предположение выглядело столь же удивительным, сколь и тревожным. — Думаешь, это все, что они собой представляют?

— Вполне вероятно. Они могут оказаться автономными системами, приведенными в действие тысячи лет назад — возможно, даже миллионы. Если Прядильщики запрограммированы для поиска новых цивилизаций и помощи их становлению, тогда Морские Звезды — аналогичные автоматы, с той же легкостью перепрограммированные на пресечение таких поисков. И если это действительно так — несомненно, что мотивы та-

кого программирования неясны нам сейчас и, возможно, совершенно непостижимы в будущем.

Питер вдруг запнулся, и в этой короткой тишине она услышала неуверенность.

— Из того, что мы знаем, Лючия, — пробормотал он после минутного раздумья, — ясно, что до нас с этой ситуацией встречались сотни цивилизаций. Вполне вероятно, что Практик и Юлы — единственные, кто выжил, причем вряд ли благодаря лишь своему упорству. Мой Бог, Лючия, эти штуки ответственны за смерть миллиардов и миллиардов живых созданий. И все потому, что когда-то давно, вероятнее всего в отдаленной от нас галактике, кто-то привел в действие машины, не позаботившись снабдить их выключателем.

Представление о техногенной волне, неистово идущей в направлении любого сигнала, стремясь уничтожить все проявления нарождающейся цивилизации, растревожило воображение Лючии. И хотя план Сол и Питера вставить палки в колеса этой технологии казался весьма неплохим, уверенности в его конечном осуществлении совершенно не было. Никто еще не смог совладать с ними в прошлом — так что же делает человечество отличным от других?

Только его самоуверенность, сказала себе Лючия. Только изначальная вера в свое особое место во Вселенной и во всех ее порождениях. Хотя Коперник сделал свое открытие несколько веков назад и доказал, что звезды и планеты вовсе не вращаются вокруг Земли, все равно где-то в глубине своего сознания человечество продолжает верить, что именно оно — центр Вселенной...

Если Морские Звезды покончат с нами, эта вера навсегда уйдет в никуда — ко всем тем, что уже погибли.

— Лючия, ты еще здесь?

— Конечно, — откликнулась Лючия, — просто задумалась, вот и все.

— Извини. Иногда я могу быть не таким уж и положительным.

— С каждым бывает. Думаю, ты имеешь на это право. А мне, кажется, необходимо передохнуть. Знания, что я вынесла из Библиотеки, потребовали слишком много усилий. Потом поговорим еще, ладно?

Она не ждала ответа Роба, просто глубже спряталась в свое убежище в башне, снова и снова проигрывая в уме его слова. По мере того как чернота смыкалась вокруг нее, мысли Лючии становились все более мрачными. Не имеет значения, прав Роб или нет. Факт состоит в том, что время уходит, и уходит быстро. Если в ближайшее время она не перейдет к действиям, потом будет уже слишком поздно. Ее раздавит — вместе с остальными — подошва могущественных Морских Звезд.

В сети из пространственных прорезателей, объединенных вместе для решающей атаки, она имеет шанс найти еще одну возможность перемещения по космосу. Возможно, исследуя Дары дальше, сможет построить себе еще один корабль. Наконец, может, ей удастся просто похитить один из них, стоящий где-либо в Сухом Доке. Во всяком случае, ей страстно хотелось достичь своей цели, хотя и не было желания торчать на месте слишком долго — по крайней мере дольше, чем она уже находилась здесь.

1.2.6

— Итак, мы все обречены, — такой вывод сделал предводитель вида Мечтателей. — Мы поддерживаем собственное решение о разделении Двуличия. Заявляем — это более чем просто наша поддержка человечества/риилов. Это и наша судьба. Или мы выживем — все вместе, или умрем за общее дело. Мы — Юлы/риилы.

Сол слушала, зная — он говорил более чем только о выгоде для Юлов и не имел в виду участия людей в принятии решений. Обычно приписка «риил» переводилась на человеческие языки как «добыча» — это было отражением той единственной роли, которую разыгрывали перед лицом Морских Звезд расы, выбравшие путь противостояния. Конечно же, она надеялась, что вскоре приписка получит новое толкование, несмотря на очевидный факт: часть членов Соответствия, решившая остаться, теперь называла себя Несоответствием — подразумевая этим, что их вера утрачена.

Из темноты донесся шум голосов. Юлы, в отличие от людей, не практиковали больших собраний. Связываясь через свои биошлемы, они переносили дискуссии в виртуальное пространство — туда, где любое отвлечение внимания сводилось к минимуму. Возможности по идентификации докладчика оставались такими же, как при обычном собрании. К тому же иногда «трансляция» совещания включала скрытые управляющие последовательности, придуманные, чтобы на какое-то время прерывать разговор, сначала «растворяя» изображение, а затем отключая звук. Голос лидера Юлов-Мечтателей, которого Эландер как-

то назвал Радикалом/Провокатором, сопровождался отчетливым запахом свежескошенной травы.

— Кто пойдет? — спрашивал один из Юлов. — Кого нам выбрать, чтобы отправить на смерть?

— Только добровольцев. — Голос Тор прозвучал звонко в тяжелом, вдруг сгустившемся пространстве. — Мы можем рассчитывать только на тех, кто сам видит себя участником миссии. Это слишком важное дело, чтобы посылать на дело того, кто сомневается.

— Но как нам выбрать из многих того, кто способен действовать твердо и кто потом не останется в стороне от событий? — раздался еще один голос, принадлежавший Юлам.

— Я выслушаю все ваши рекомендации, — твердо сказала Тор, в ее голосе вдруг зазвучал вызов. — Но окончательное решение оставлю исключительно за собой. Раз я — руководитель, и именно на мне лежит ответственность за общий успех, хотела бы заранее получить гарантии, что тем из нас, которые пойдут со мной, можно довериться.

— Заявляю свою кандидатуру, — отозвался первым Эландер.

— Я тоже, — сказал голос, принадлежавший Клео Сэмсон с Сагарси.

Что имеет определенный смысл, — подумала Хацис. — Как воинский начальник «Маркуса Чона» и колонии, вокруг которой на своих орбитах вращались все силы сопротивления, Сэмсон просто обязана участвовать в деле.

— Я рекомендую Кэрил Хацис с Гу Мань и Кэрил Хацис с Инари, — сказала Сол, когда стало понятно, что ни один из Юлов не предложит себя в качестве добровольца.

Это были ее два самых работоспособных дубля — конечно, по собственному разумению Сол, далеко не всегда совпадавшему с мнением Тор. К тому же и сама Сол пришла к выводу: если немного воспользоваться собственным положением, то в данной ситуации это не будет выглядеть слишком бестактным.

— И еще — я намерена предложить также и собственную кандидатуру.

— Сол... неужели и ты? — Тор задала вопрос, сразу выделив Сол из огромной аудитории мысленно внимающих им слушателей. — Я рассчитывала, что ты возьмешь на себя оборону.

В предположении, что сама отправляешься на поиски славы, — усмехаясь, подумала Сол. — Не сомневаюсь — отрицание принадлежности к Соответствию само по себе отправит на свалку истории и Сагарси, и любые другие колонии.

— Мы приветствуем и принимаем задание держать оборону, — быстро ответил Радикал/Провокатор.

— Оно еще не было вам предложено, — быстро ответила Тор. — И я вовсе не счастлива, представляя, что обе — Тор и я — уходят от его исполнения. Если дело провалится и мы обе погибнем...

— У Сол есть таланты, которыми не располагает никто, кроме нее, — быстро ответил Эландер. — Мы покажем себя полными профанами, не включив ее в эту миссию. Кроме прочего: если и суждено проиграть, то уже не будет иметь никакого значения, кто именно стоял за поражением... Не так ли? Потому что, если проиграем — мы

все будем уже мертвыми, окончательно и бесповоротно мертвыми.

Если проиграем... — гулким эхо отдавались в ушах Сол слова Эландера.

В итоге, теперь — после всех смертей, что ей пришлось видеть, — такая перспектива выглядела не особенно реальной для мирной и процветающей колонии. И все же вскоре она будет неминуемо стерта в пыль... вместе с самой Сол — конечно, если она отважится остаться. Возможность жить, как ни в чем не бывало, заманчива сама по себе и соблазниться ей дело необычайно простое. В самом деле, стоит ли отказывать себе во всем, отстаивая чужие суждения о невообразимых событиях, вряд ли возможных в реальности.

— Преклоняюсь перед авторитетом Тор, — наконец проговорила она, с трудом разбирая свои слова, будто они шли издалека. — Раз она желает, чтобы я осталась, — значит, я останусь. Хотя, на мой лично взгляд, это явная тактическая ошибка.

— Сол, я тебя выслушала. — Ответ Тор прозвучал немедленно. — Если следовать подобной аргументации, мне придется пойти немного дальше и рекомендовать к участию в миссии Фрэнка Эксфорда. Он обладает своими способностями — возможно, как никто иной, — а значит, тоже внесет свой вклад в общее дело.

Имя Эксфорда вызвало в рядах слушателей ропот протеста. Голоса, принадлежавшие Юлам и людям, зашумели, называя Эксфорда предателем, лжецом, убийцей и, самое главное, человеком вредным и даже опасным для общего дела. Тор ничего не возразила, но не стала и ис-

ключать Фрэнка из списка участников миссии. Его уникальные таланты самосохранения, заявила она, могут придать всей миссии новую, неожиданную грань.

Сол захотелось расхохотаться. Чем именно был Фрэнк для самой Тор? Уж не панацеей ли от влияния Сол? Следовало признать, это выдвижение обошлось Тор недешево — что понятно из отказа Юлов участвовать в деле, раз в нем уже прописан Эксфорд.

Несмотря на протесты, собрание пришло к компромиссу: если Тор сможет проследить за Эксфордом и ручается за его лояльность, она имеет право пригласить его. И ни при каких обстоятельствах ей не разрешается идти на чрезмерный риск.

— Да я и не собираюсь, — пояснила Тор. — По крайней мере не в том случае, когда моя собственная жизнь окажется поставленной на карту.

А я, во имя всех остальных, — добавила Сол уже про себя, — *сделаю все, чтобы приглядывать за вами.*

После кандидатуры Эксфорда было предложено еще несколько имен. Миссия могла принять семерых, и мысленно Сол уже составила список из тех, кого должна была взять с собой. Она не сомневалась, что Тор располагает аналогичным списком, который наверняка был заполнен «по способностям», а вовсе не за одно лишь умение превзойти других. Однако в отсутствии Юлов на борту оставалось достаточно места для собственных версий Сол — тех из них, что она сама собиралась взять в экспедицию.

Как только дискуссия вновь начала крутиться около деталей миссии и возлагаемых на нее надежд, Сол быстро потеряла к ней интерес. Все аргументы она слышала сот-

ни раз, и мысль, что теперь это уже проблемы Тор, приносила ей некоторое облегчение. Сол отключилась от обсуждения и с чмокающим звуком освободилась от биошлема. Узкая, с шестью длинными пальцами рука предложила ей кусок ткани — обтереться от остатков контактного геля. С благодарностью приняв помощь, Сол заодно прополоскала рот и прокашлялась и, наконец, полной грудью вдохнула свежий воздух.

— *Я/мы* сочли бы честью предложение участвовать в миссии, — произнес голос одного из Юлов совсем рядом с ней. — *Мне/нам* разрешено принять в ней участие.

Сол протерла глаза от остатка геля, проведя по ним тыльной стороной ладони. Чужое создание тенью нависало над ней, слишком близко, и рука, предложившая ей полотенце, все еще была вытянута. Сол не была таким знатоком мимики чужих, как Эландер, и не могла с ходу определить, о чем же думает пришелец. Сол заподозрила, что он, возможно, приглашает к разговору — и не только о противодействии Согласию или иных не менее существенных обстоятельствах. Более чем две с половиной тысячи лет Юлы следуют за Двумичием, копаясь в отбросах и цепляясь за существование в поисках лучшей доли. Теперь же Тор составляет план миссии, реально противопоставляя себя Морским Звездам. Если бы Сол вправду верила в Бога, и кто-либо объявил о миссии, состоящей в поиске встречи или разговора с Ним, — возможно, тогда и она испытала бы нечто вроде страха.

— Ты знаешь причину, по которой не можешь идти сам, — заметила она, возвращая чужаку полотенце. — Это

не мое решение. Оно принадлежит Тор и противоположности Согласия.

— Будет несвойственно/нехарактерно для моего/нашего народа следовать путем подобной миссии, — заметил Юл, и тут же его надкрылья сухо зашелестели. — В ней участвует предатель *Фрэнк/Эксфорд*.

Она покачала головой:

— Хорошая «отмазка», и не более того.

На лице пришельца, напоминавшем шахматное поле, быстро промелькнули неопределенные гримасы. Два его овальных глаза беспомощно посмотрели на Сол.

— Извини, — поправилась она, — я же просто шутила.

— Мои/наши намерения искренни/благородны, — заметил Юл.

— Уверена, что так.

— Будь миссия успешной, *ваши/наши* деяния останутся в памяти следующих поколений.

Сол посмотрела на чужака вопросительно.

— Ты ведь знаешь, мы беремся за это дело не ради славы.

— Пусть так — высокие качества участников миссии будут известны повсюду. Предприятие несет надежду, а надежда — это основание, на котором строится здание будущего. — Лицевые пластины Юла задвигались, словно причудливая биомозаика. — Все же те, кто сейчас попал в число участников, вернутся как *герои/мертвые*.

— Меня зовут Вррел/Эпан. — Теперь в речи Юла зазвучало сомнение. — И это последнее соображение вызывает неприятие всего дела в *моих/наших* мыслях.

— Благодарю тебя, — ответила Сол, которую тронуло неловкое признание чужого существа. — Надеюсь, как и

ты, что мы вернемся. Держи за нас крестик, и мы еще встретимся — в целом виде и с добрыми новостями.

Вррел/Эпан потупился. Сол оставила его, озадаченного услышанным, а сама отправилась своей дорогой, занявшись приготовлениями к старту.

1.2.7

Юэй/Эллил

Юэй не ждал исчезновения «Мантиссы-А» во внепространстве. Он был в движении и выполнял пугающее по сложности поручение Практика.

Первой его задачей было избежать свидетелей — то есть уйти от мест, в которых присутствовала обслуга самого Практика. Сделать так и при этом остаться незамеченным, оказалось нелегко. Юэю пришлось миновать ряд тесных и полных народа помещений с освещением желтого спектра — они казались слишком темными для его глаз, уже адаптированных к обстановке человеческого общества. Десятки голосов окружали Юэя со всех сторон, создавая напряженную и даже смущавшую гонца обстановку. К тому же ослабленное гравитационное поле позволяло обслуживающей команде располагаться на стенах и на потолке, а у наблюдателя это создавало впечатление, что ими забит каждый кубический сантиметр пространства.

С чего бы это вдруг мои собственные братья стали казаться такими чужими? — вдруг спросил себя Юэй, строя вопрос в повествовательном стиле, более характерном для

людей, нежели Юлов. — *И когда это я перестал быть одним из них?*

Выражение этой мысли — гримаса, рефлекторно схваченная движением лицевых хитиновых щитков, — удивило его самого, так уже бывало, и даже часто в минувшие дни. Ноги Юэя и раньше были длинными, теперь же они обладали особой гибкостью, заведомо большей, чем та, что полагается для простой ходьбы. Лицо всегда представляло маску, и выражение этой маски легко читалось им самим; точно так же он мог легко прочесть мысли на лицах других Юлов — с той лишь разницей, что его собственная маска, наоборот, скрывала, какая именно личность за ней находится.

— Кто я?

Эти слова относились к нему самому, наблюдающему за движениями собственных лицевых пластин.

— Ты новый, самый новый из всех, — так отвечал Практик. — Твои возможности выше, чем у остальных. И все это дал тебе я, потому что знаю: придет день, когда найду им новое применение.

— Наверное, в таком же деле, какое мне предстоит сейчас? — спросил Юэй.

— Совершенно точно, — подтвердил Практик.

— А почему именно сейчас?

— Я только что открыл довольно странную для себя вещь — чувство моральной ответственности, и теперь просто вынужден предпринять определенные действия.

Юэй следовал указаниям Практика совершенно буквально. Как конъюгатора, его не мог задержать никто. Более того, в его адрес вообще не могло возникнуть никаких

вопросов. И хотя личность конъюгатора при любых обстоятельствах не подвергалась точной идентификации, в дополнение ко всему у Юэя имелись тайные химические «закладки», приводившиеся в действие при помощи обновленных желез подкрылий и надежно предохранявшие его от разоблачения теми, кто должен был следить за всеми Юлами. Он двигался один, имея возможность прохода повсюду внутри вновь созданной структуры «Мантиссы-А». Когда же этот конгломерат сверхсветовых кораблей отправился сквозь внепространство к месту своего назначения, все дальше от того крошечного «пузырька» пространства, который получил от человечества название «изученный космос», Юэй наконец продолжил путь к самому сердцу истинного убежища его вида. Он знал: там, невидимое и не известное никому, кроме конъюгатора, лежит и сердце его покровителя — Практика. Огромное, как и вся возведенная над ним конструкция, оно бьется, неторопливо и размеренно, отмечая течение вечности и наполняя всякий из своих пульсов многими часами, строго отмеряя ритм каждого из них.

Огромное, — думал Юэй, — и такое хрупкое...

По довольно запущенным коридорам он добрался до лежавших в фундаменте емкостей, хранивших и запасы питающих Практика устройств, и другие приспособления, разработанные специально для поддержки функций этого массивного существа. В отличие от Юлов, достигших совершенства биомеханики задолго до появления Прядильщиков, Практик был ограничен своей биологией. Он питался и испражнялся; время от времени он спал. Наконец, у него бывали разные настроения. Истинная биоло-

гическая природа Практика являлась большим секретом, но все знали о его уязвимости — о тех именно свойствах, которых сами Юлы лишились многие тысячи длинных циклов назад. Практик мог уставать, иногда был подвержен невольным капризам и, вероятно, однажды он мог и вовсе умереть.

Секция «Мантиссы-А», в которой оказался Юэй, была тесной и чересчур нагретой, дышалось здесь тяжело из-за чрезмерной влажности. Единственным источником света были длинные клейкие нити, целыми прядями свисавшие со стен и потолка здесь и там. Когда Юэй проходил мимо, часть нитей приставала к его коже; прилипнув, они отрывались от своего прежнего места и, волочась за ним, постепенно угасали, становясь серыми. Он даже не пытался освободиться от этой бахромы. Нити были прохладными и напоминали Юэю о лечении, полученном после ранения в битве при Бейде. Он тогда залечивал свои многочисленные раны в абсолютной и блаженной тишине. И такая изоляция казалась Юэю более чем приятной — после ужаса пережитой схватки.

Обращаясь назад именно сейчас, вновь размышляя о той битве, Юэй начинал чувствовать некую неуверенность. Нынешнее противостояние Двуличию шло вразрез со всем, чему он научился раньше. С того времени, как он только освободился от своего кокона, Юэю всегда приходилось следовать за всеобщей линией уклонения, свойственной представителям его вида. Они следили за раздачей Даров, происходившей впереди волны их миграции, и потом забирали то, что считали подходящим для себя Практик и Согласие. Спад волны миграции они отмечали маркера-

ми смерти — последние «подарки» цивилизациям, не сумевшим выжить. Ока Дзуличия следовало избегать любыми способами. Привлечь внимание значило встретиться со смертью. Никогда за все долгие циклы своей миграции не случалось еще Юлам/Гоэлам вступать в конфронтацию с куттерами — этими страшными орудиями ярости Дзуличия. Никогда — до того момента, как Фрэнк/Эксфорд принудил их сделать это.

Когда лишенные даже собственных тел люди вмешались в жизнь Юлов/Гоэлов, последним пришлось получить уроки, о существовании которых они прежде не ведали. Предательства — от Фрэнка/Эксфорда, морали — от Кэрил/Хацис...

— У человечества есть свои концепции — например, альтруизм или сострадание, — с такими словами Кэрил обратилась к Согласию в поисках помощи для своих соплеменников. И еще она сказала: — Люди, несомненно, умрут, если им придется защищаться в одиночку.

— Мы поможем вам, учитывая сложившуюся ситуацию, — так ей ответили Юлы.

Про себя Юэй добавил:

Было бы еще правильнее сказать им так: помощь Юлов будет зависеть от степени реальной опасности. Любая щедрость имеет свои границы, а наш народ хорошо знает пределы собственных возможностей.

Теперь, вновь возвращаясь к тому диалогу, он все еще готов подписаться под сказанным. Просто сейчас Юэй не считал это истиной в последней инстанции. Тот же Эксфорд — он стер однажды всякие барьеры возможного,

заставив Юлов войти в смертельную схватку — причем без малейших шансов на их собственный выигрыш. Тем не менее и тогда удалось кое-чего достичь: они остались живы. Оставался еще один вопрос: не было ли это заранее предопределено той силой, которую люди иногда именуют судьбой или какой-то там «правдой».

Иногда подобные перемены бывают жестокими — ну, что же делать, такова жизнь. А какой была бы цель их общего выживания сейчас, в случае если один из участников процесса был бы уже мертвым?

Незаметно Юэй оказался в сужении трубы, по которой пробирался. Протиснувшись вперед еще немного, он обнаружил, что стенки трубы словно сделаны из живой плоти. Вскоре пришлось карабкаться на четвереньках, помогая себе руками и время от времени чувствуя, как надкрылья вздрагивают от ударов комков влажной слизи, падающих сверху. Окружающая поверхность постоянно резонировала, откликаясь на низкочастотную, идущую откуда-то извне вибрацию. Юэй чувствовал непроизвольные судороги, захватывавшие и его тело; они напоминали перистальтику и беспокоили Юэя больше всего остального, вызывая понятное опасение быть раздавленным или попросту лишиться возможности сделать вдох.

Вскоре, однако, перед ним приоткрылось свободное пространство. Юэй неуверенно встал на ноги, оказавшись в месте, по форме напоминавшем продолговатый кокон, поставленный вертикально, так, что в нем могли поместиться два взрослых Юла, если бы один встал на плечи другого.

В полость вели три перекрытых складками отверстия, одно из них связанное с коридором, который и привел Юэя сюда. Атмосфера оказалась зловонной, однако вполне пригодной для дыхания, а стены, испещренные линиями вен, слабо светились.

Похоже, в какой-то момент своего путешествия, сам того не зная, он пересек некую незаметную границу. Юэй вдруг понял, что он находится уже не на борту «Мантиссы-А». Несомненно, он внутри Практика!

Юэй замер, призадумавшись.

— Я — сложное создание, — говорил ему Практик. — У меня есть потребности, понять которые вы, Юлы, не способны. Даже конъюгаторы, наделенные знанием особенностей моего внутреннего устройства, и те не могут видеть целого за отдельными его составляющими. Задолго до основания моей великой династии я был уже вне вашего понимания. И даже неясная тень, оставшаяся от меня — то, что вы сейчас видите перед собой, — все еще способна удивить вас.

Тогда Юэй вполне верил в его слова.

Тем временем воздух стал окончательно непригодным, и организм Юэя сам собой перешел на внутренние запасы, отключив дыхание.

Свет исходил из единственного и слабого источника — нитей, приставших к его шее и плечам. Часть нитей уцелела, несмотря на тесноту и влагу. При этом последнем, угасающем отсвете Юэй вдруг вспомнил один разговор, случившийся как-то между ним и Питером/Эландером.

— Свободное распространение информации является желательным при всех обстоятельствах, — говорил он

Питеру, — независимо от того, к какому результату это может нас привести. Я здесь, чтобы обеспечить Юлов данными о дискуссии, проходящей между нашими видами. Если мы и разойдемся с этой встречи, оставшись врагами, то даже в этом случае моя миссия не будет совершенно безуспешной.

— Возможно, что да, но только на ваш собственный взгляд, — ответил тогда Эландер.

Ответ удивил Юэя. То, что человек пожелал высказать как очевидную для него истину, продемонстрировало коренное отличие между двумя видами — Юлами/Гоэлами и самими людьми.

— *А какими/чьими* другими глазами могу я видеть окружающее?

Едва Юэй подумал это, оказавшись в полной темноте уже в самом сердце Практика, как вдруг от складчатых проходов отделилась одна-единственная, совсем тонкая ветвь. Выросшая перед ним неизвестно каким образом, она мгновенно рассекла тело Юэя, вскрыв его от самой глотки до брюха, и затем одним страшным движением вырвала у него внутренности.

2.1

Орфей спускается

2160.9.29 по стандартному времени
космических миссий
(2 сентября 2163 по земному календарю)

2.1.1

Казалось, тишина будет длиться целую вечность. Обозревая окружающее пространство на самой высокой из возможных частот сканирования, Кэрил Хацис не забывала жестко контролировать и собственные нервные реакции. Сердцебиение было пониженным, а активность сальных желез, обыкновенно избыточная, на сей раз была сведена к минимуму. Внешне Кэрил казалась совершенно бесстрастной, однако внутренне, напротив, все в ней просто кричало. Это случилось! И когда оно закончится — возврата назад уже не будет.

Лучше бы тебе не пытаться надрать нас, Фрэнк. — Ее мысли вертелись вокруг прошлого предательства Эксфорда. — Но если ты снова сделаешь это — клянусь, я выслежу все твои долбанные энграммы до последней и...

— Есть энергетический след.

От дурных мыслей Тор отвлек голос Гу Мань.

— Где именно? — спросила она, пристально взглянув в сторону Гу Мань, находившейся в своей кабине на угловом корабле их теперешней конфигурации.

Восемь космических кораблей образовывали связку под названием «Эледон», представлявшую собой двойной тетраэдр. Капитанский мостик, получившийся в результате слияния, в плане походил на квадрат — только стороны его были вдавлены внутрь, так что «внешние» экипажи могли находиться внутри общего центра. В самой середине конструкции располагались сиденья, с которых открывался вид на экраны, установленные на «вдавленных» вовнутрь стенах. В общей сложности на экранах виднелось около двух сотен кораблей, пар, тетрад и других конфигураций, собранных сейчас около Аселлус Примус и скрывавшихся в любых закутках и щелях, какие только можно было отыскать — внутри поясов астероидов, в точках Лагранжа, в облаках на газовых гигантах или даже прикрываясь атмосферой самого Солнца. На одном из экранов открывался вид на «фальшивые» Дары, располагавшиеся на орбите около единственного мира системы — едва сформированной планеты, бурная вулканическая активность которой еще не вполне завершилась.

Макет Даров производил передачу сигналов в манере, присущей обычным сверхсветовым трансмиттерам, и был той «наживкой», что непременно привлечет Морских Звезд — по крайней мере Тор на это рассчитывала.

Гу Мань указала Сол на один из экранов. Картинка на нем изменилась, помогая ясно увидеть вспыхнувшую вдруг

энергетически активную область. Она появилась в системе, где ее и ждали — яркая звездочка электромагнитного излучения, к тому же в диапазоне, давно изученном.

Это их Око, — подумала Сол, — во всяком случае — одно из них.

У нее появилось ощущение, какое, по всей вероятности, могло быть у антилопы в ту пору, когда еще существовали львы и водопой, пока из-за искусственного интеллекта эпохи Спайка все это не превратилось в сырье для проклятых нанотехнологий.

За нами наблюдают.

Под управлением искусного Кингсли Оборна сенсоры половины от общего числа кораблей быстро перестроили. Так же, как Морским Звездам требовалось сканирование неба, людям, в свою очередь, необходимо знать любые аспекты, свойственные поведению этих загадочных существ.

Понимание принципа действия Ока могло дать им идею, как уклониться от смертельной атаки, или, как говорил Оборн, «наскока» противника. Конечно, это могло и не помочь, более того — завести прямо в «акулю глотку», однако сама вероятность скорого появления «плана Б» несколько успокаивала.

Мысль о будущем человечества, столь безосновательно возложенном на ее узкие и ненадежные плечи, никак не могла спокойно отложиться в сознании Тор. Однако Тор никоим образом не проявляла напряжения. Стоя в центре мостика, она невозмутимо рассматривала изображение на экранах, руки ее оставались скрещенными на груди, создавая полное впечатление спокойной уверен-

ности. Точеное тело облегал тесный комбинезон черного цвета с множеством карманов. Поверх комбинезона Тор защищала еще одна оболочка — И-костюм, предохранявший от опасности повреждения лучше, чем любое средство, созданное человеком прежде.

Все семеро членов команды носили одинаковую или очень похожую униформу. При необходимости каждый мог накинуть на голову защитный шлем, снабженный сенсорными индукторами и связывавший нервную систему человека непосредственно с компьютерами корабля; каждый костюм имел свою собственную систему жизнеобеспечения, допускавшую отсоединение от центрального питания, обеспечивая воздух и циркуляцию необходимых жидкостей. Пищи захватили примерно на неделю — конечно, если миссия продлится столь долгое время.

Впрочем, Сол не нуждалась в такой продолжительной работе своего костюма — вот уже почти сто лет, как она была биологически модифицирована, что снизило зависимость от внешней среды. Сама она месяцами обходилась без воды и даже могла не дышать — один день или дольше. Хотя проверять свои способности Сол случалось редко, говорили, что время ее жизни в вакууме измерялось даже не минутами, а часами.

Костюмы Тор, Гу Мань и Инари имели особую цветовую гамму — красную, белую и зеленую соответственно, чтобы можно было с легкостью отличать их друг от друга. Человеческое обличье Сол не требовало никакой дифференциации, то же можно было сказать об Эландере и Клео Сэмсон. Униформу Фрэнка Эксфорда пронизывали волокна из жидкого серебра — казалось, ткань про-

питана ртутью, — причем сам он отказался объяснить, из чего это сделано. Да, собственно, Сол и не сомневалась: здесь было что-то, что Фрэнк обнаружил в лабораториях на Веге, еще до их разрушения Морскими Звездами — нечто малоизученное, но способное в предстоящей им миссии дать Эксфорду дополнительные шансы на выживание.

— Есть контакт. Объявились трое из них, — доложила Гу Мань, как только начала поступать первая информация.

— Я уже стала забывать, какие они огромные, — с беспокойством заметила Клео Сэмсон. — Мы в сравнении с этими куттерами словно комары.

— Все нормально, — пробормотал Эксфорд, — в свое время от укусов комаров полегло немало людей.

— Еще семь куттеров на контакте, — снова доложила Гу Мань.

— Это больше, чем обычно, — заметил Эландер. — Они становятся подозрительнее.

— Да уж, конечно, — отозвалась Инари, — они же не искусственные дураки.

Тор шикнула, требуя полной тишины. Она все еще не отдавала приказа об атаке. Собственно, в том не было никакой необходимости: каждый и так знал, что именно должен делать. Флот людей/Юлов замер в полной готовности к моменту, когда острые как бритва диски куттеров «нарежут» себе проходы из внепространства.

«Эледон» переместился в более выгодную позицию сразу, как только сверхсветовые датчики начали давать информацию о расположении кораблей Морских Звезд.

Всплеск сигналов оповестил о разделении приближающегося строя на три части — два куттера исчезли, отправившись изучать активность около самого большого из газовых гигантов. Еще четыре рассредоточились в пределах системы, появляясь и вновь исчезая в на первый взгляд произвольной, а на деле точно синхронизированной последовательности. Оставшиеся устремились на макет предполагаемого сооружения Прядильщиков, обстреливая его из всего своего загадочного оружия.

Сэмсон взялась за ручки управления, и Сол пристегнула ремни. В этот миг рядом с одним из куттеров, перебазировавшихся к газовому гиганту, появилась красная точка, определенная наблюдающим по району как место наибольшей уязвимости.

Хацис едва не рассмеялась. Уязвимость. Весь стоявший в резерве флот внепространственных кораблей казался в сравнении с десятью куттерами жалкой горсткой. Самое лучшее, что они могут предпринять, — это оставаться в положении «невидимок». Кстати, что и требовалось.

Внезапно поменяли свои позиции сразу несколько десятков кораблей. На окружавших экранах Сол наблюдала одно и то же — белые сферы отделялись и исчезали, бросаясь напролом. На основании информации, собранной у Дзета Золотой Рыбки, было известно, что для нанесения куттеру урона в прямой атаке должна пожертвовать собой примерно треть всех кораблей флота. Точки, обозначающие слабые места куттера, были расставлены без малейшего понятия о том, чем обусловлена их уязвимость. Их и атаковали первыми, а удары, следующие затем, на-

правлялись на структурно ослабленные компоненты — такие, как люки верхней и нижней поверхности вращающегося диска.

«Эледон» совершил прыжок, стараясь уйти от почти моментального ответного залпа, принявшего вид огромных ярко-голубых стен, несущихся вперед и сметающих со своего пути все, что попадалось в космосе. Вновь появившись, корабль подоспел как раз вовремя — и все увидели танец разбросанных по небу белых вспышек, часть из которых засверкала тут и там на корпусе чужака. Искращения пространства-времени, сконцентрированные вдоль его острых краев, испускали волны, заставлявшие пульсировать всю открывавшуюся за ними картину звездного неба. Сол даже показалось, будто она слышит возникающее в гигантском корабле напряжение.

Оставшаяся часть кораблей флота распалась на более мелкие конструкции. Тактика казалась достаточно эффективной — но дорогостоящей. Возможно, если бы флот людей/Юлов мог составить миллион единиц — после разделения кораблей, — это позволило бы им вывести из строя противника все десять куттеров. Однако налицо довольно простой факт: число кораблей союзного флота, даже собранных со всего Освоенного Космоса, не позволяло биться даже с половиной отряда куттеров, атаковавших сегодня.

Нам нужно только одно, — твердила Сол сама себе, — только одно...

Едва оставшиеся силы флота начали отвлекающий маневр, «Эледон» стал перемещаться вокруг поврежденного куттера, непрерывно собирая информацию. В проме-

жутках между скользящими мимо ударами Морских Звезд группа Тор успевала бегло изучать происходящее внутри объекта. Кстати, далеко не все из разделившихся кораблей союзников уничтожались сразу после попадания во внутреннее пространство куттера. Некоторые «торпеды» умирали медленно, посылая последнюю телеметрию анализирующим их данные наблюдателям. Энергетические всплески сотрясали многочисленные коридоры чужого корабля, создавая колебания, распространявшиеся резкими и нерегулярными сейсмическими волнами. Околосветовая скорость заточенных наподобие лезвий краев диска тоже делала свое дело. Растущая температура заставляла потоки плазмы метаться по коридорам, где обычно был глубокий вакуум. Ясно, что куттер поврежден и серьезно; возможно, эта громадина уже обречена.

Глаза Эксфорда блеснули: со спокойным интересом он наблюдал за разворачивающимися в пространстве событиями. Сол испытывала восхищение, глядя, как холодно этот человек анализирует ситуацию. Он замечал все, не упуская ни малейшей детали происходящего. Сол подумала: *А что будет, если Тор допустит неверное решение?* Несмотря на то обстоятельство, что в энграмме Тор не обнаружилось ни одной лазейки или «закладки» — несомненно, могли существовать и другие пути для вмешательства в ее функционирование. Не следовало спускать Эксфорду применения силы — если вдруг ему вздумается остановить Тор таким способом. Копия Эксфорда называлась 1313 и была явно свежей, что означало недавно смонтированное тело, в которое Эксфорд наверняка внес и новые

технологические штучки — лучшее из необходимого для выживания.

— Есть позиционирование! — волнуясь, доложила Гу Мань.

На одном из экранов появилась мутноватая картинка со схемой поврежденного куттера. На расстоянии в две третьих от полного диаметра корпуса и чуть выше половины по его высоте светилась зеленая точка. Гу Мань увеличила картинку. Точка лежала на краю темного пространства, неровно ограниченного и по форме напоминавшего почку человека, словно прихваченную кем-то по краям и растянутую раза в два относительно ее обычных пропорций. Эта зона казалась наименее активной, если сравнивать с данными смежных помещений, хотя ситуация и не позволяла иметь четкую картинку.

«Эледон» совершил новый прыжок, потом еще один, по мере того как команда изучала полученные данные. Сотни голубых стрел и красных точек, непрерывно жаля, следовали за кораблем, словно зудящее облако гнуса. Тор с раздражением приказала Сэмсон убраться из подсвеченного Морскими Звездами пространства, дав ей возможность подумать.

Взгляд Тор остановился, а Сол продолжала наблюдать за размышлениями собственной копии, предварявшими ее следующий ход. Решение было отнюдь не легким. Если найденная безопасная позиция лишь кажется таковой, Тор направит всех навстречу гибели. Если подождать, пока появится более надежная точка, Морские Звезды имеют шанс стать более удачливыми и подбить их восьмерку, решительным образом завершив всю миссию еще до ее начала.

— У нас гости, — доложила Гу Мань, это были данные, пришедшие с одного из кораблей флота. — Такие же чудовища, как около Бейда.

Сол изучила картинку. Два огромных корабля шли на помощь своему поврежденному собрату. Как только подбитый куттер остановил вращение, эти двое заняли позиции над и под ним, приготовившись швартоваться к обоим «полюсам» сразу.

— Смотрите, «Трезубец»! — воскликнул Эксфорд, показывая на еще одну точку.

Казалось, все вокруг замерло, и массивный, невероятно протяженный корабль выплыл из звездного пространства, заняв всю сцену сражения.

— Ладно, — очнувшись от своих сомнений Тор. — Поздно метаться — вперед!

Взгляд Сол был прикован к «Трезубцу» и стаям куттеров, разлетающихся из многочисленных проемов в его корпусе. Картина выглядела настолько устрашающей, что в какой-то момент ей захотелось оказаться как можно дальше от места сражения.

Кого мы хотим обмануть? И как можно противостоять этой силе?

Флот к тому времени уменьшился почти вдвое. Из поля битвы система Аселлус Примус превращалась в радиоактивное кладбище, усеянное мусором, состоящим из обломков разбитых кораблей.

Сначала медленно, а потом с ускоряющимся темпом их прорезатель замелькал, уходя во внепространство.

Голос Кингсли Оборна был последним звуком, донесшимся из коммуникатора.

— Давай, Кэрил!

«Эледон» пошел на скачок, и, значит, теперь они окончательно вверены провидению.

Эландер испытал эффект deja-вю всего на мгновение. Так же как и тремя неделями ранее, еще на «Мантиссе», когда его поглотил Практик и Питер оказался сначала в пищеводе, а потом, кажется, просто задохнулся. С момента, когда «Эледон» переместился в самое сердце поврежденного куттера, не ощущалось никаких признаков удушья или сдавливания, так же как не отмечалось ни малейшего признака внутреннего движения, однако Эландер никак не мог стряхнуть с себя чувство, будто они проваливаются в брюхо какой-то огромной твари, чтобы вновь оказаться натуральным образом съеденными.

С чем они столкнутся — об этом никто из них не мог даже догадываться. Для большей части зондов и датчиков, использованных в системах Дзета Золотой Рыбки или Аселлус Примус, внутреннее устройство куттеров было столь же чуждым, как, скажем, солнечное ядро. Они шли «туда, не знаю куда», то есть могли встретить вообще все что угодно...

Внезапная вибрация сотрясла рубку. Корабль словно «ударился» обо что-то во внепространстве. Сол взглянула на Питера, тот, в свою очередь, беспомощно посмотрел прямо в ее глаза. Оба понимали, что в настоящий момент невозможно предпринять никаких решительных действий. Группа уже сделала необходимые приготовления заранее, и все, что им теперь оставалось, — ждать.

«Эледон» вновь содрогнулся.

Тор бросила взгляд на Сэмсон.

— Что? Все в порядке?

— Входим в зону высокой турбулентности пространства-времени, — отозвалась она. — Вероятно, для нашего «Эледона» задача достаточно тяжела. Выбранная внутри куттера точка движется по круговой траектории со скоростью не менее нескольких тысяч километров в секунду.

— «Эледон»! — обратилась Тор с вопросом к процессору корабля. — Сможешь ли ты удержаться в координатах, заданных тебе ранее?

— Нет данных для ответа.

— Не должны ли мы вернуться обратно и предпринять что-то тактически иное?

— Невозможно, — вполне определенно ответил корабль. — Курс задан и не может быть отменен.

Тор нахмурилась.

— Что произойдет в случае, если мы не пройдем?

— Перемещение будет идти с неопределенной точкой выхода.

— Что это означает?

— Это значит, — вмешался в диалог Эксфорд, — что мы никогда не прибудем к месту назначения.

Эландер видел, как глаза Тор расширились, и посочувствовал ей. Возможность поломки внепространственного корабля во время скачка никем еще не рассматривалась всерьез.

— Мы окажемся в ловушке внепространства? — только и спросила Тор.

— Ответ утвердительный, — сказал корабль.

— Кому-то следовало подумать об этом, когда мы еще готовились.

— Согласна, — вмешалась в разговор Сэмсон. — Скажем так: я могла бы захватить с собой хорошую книгу.

Тор проигнорировала выпад.

— В таком случае, «Эледон», удостоверься, что действительно доставил нас на место. Иначе...

Прорезатель пространства резко дернулся в сторону, заставив Эландера оступиться. Сол схватила Питера за руку, стараясь поддержать, но была вынуждена отпустить его, когда в следующий момент новый толчок заставил ее саму искать равновесия. Сразу после второго произошел и третий толчок, причем у Питера было ощущение, что он испытал поворот градусов на девяносто по часовой стрелке.

Все посмотрели на пилота, ожидая комментариев.

— Думаю, мы прибыли на место, — удостоверилась она.

— Отлично. Погасить питание. Сейчас и полностью. — Выражение лица Тор, обращенного к мерцающим экранам, было до крайности сосредоточенным. — Задействовать только пассивные датчики. Режим радиомолчания. «Эледон», профиль отражающей поверхности — на минимум.

— Понял тебя, Кэрил.

Голос корабельного информатора был спокойным и мягким. Все корабли, подобные «Эледону», могли сводить эффект собственного присутствия в реальном пространстве до минимума, становясь сопоставимыми по эффективной отражающей поверхности — в диапазонах

общепринятых средств наблюдения — с баскетбольным мячом.

— Что снаружи, «Эледон»? — Вопрос был задан Эксфордом. — Есть ли вообще повреждения?

— Окружающая среда не оптимальна, но я не обнаруживаю непосредственной опасности.

— Тогда предлагаю осмотреться, — сказала Сол, поворачиваясь к экранам.

Режим минимального потребления энергии и полного радиомолчания оставил их корабль слепым, по крайней мере в обычно используемых диапазонах волн. Исключались любые световые импульсы, использование лазеров, радаров — короче говоря, это был запрет на излучение в пространство для любого типа сигналов до тех самых пор, пока они не удостоверятся в полной безопасности. Те несколько датчиков, которые Тор разрешила использовать, представляли до крайности простую и неприметную технику. Инфракрасные камеры показывали обстановку около корабля, вырисовывая контуры горячих потоков, набегавших на его уменьшенный до предела профиль. Наблюдение в диапазоне видимого света не давало ничего, кроме картины полной темноты с хаотично проскакивающими точками пурпурного цвета, которые не могли составить полноценных данных для анализа при помощи алгоритмов распознавания образов. Диапазон ультрафиолетового излучения не позволял получить ясной картины — равно как и остальные волны.

— Кажется, я поймала какие-то неясные гравитационные шумы, — доложила со своего поста Инари. — Возможно, это результат замедления вращения.

Эксфорд напряженно вглядывался в экран другого поста, рассматривая то, что должно было находиться спереди, хотя бы и совсем близко от них.

— Навигационные маркеры вывели нас прямо на цель.

Какое-то количество безжизненных фрагментов внепространственных кораблей их флота все еще излучали сигналы внутри и вне поврежденного куттера; это несколько облегчало задачу определения местоположения «Эледона».

— А есть ли признаки внешнего наблюдения за нашими действиями? — вопрос задала Тор.

Клео Сэмсон заняла более удобную позу, но, как показалось Эландеру — по ее напряженному выражению и судя по тому, как она сжимала ручку управления, — ее охватывала та же тревога, какую испытывали все, собравшиеся в корабельной рубке. Данные шли прямо по нервам рук Сэмсон, и она буквальным образом держала в них всю диспозицию.

— Пока что нет, — просто ответила Клео.

Тор испустила долгий тяжкий вздох — такой, словно сдерживала дыхание лет сто.

— Тогда, думаю, можно утверждать, что мы успешно завершили первый этап путешествия.

— А что сказать о наших пастухах? — прервала ее умозаключение Сол. — Где, собственно, они находятся?

— Телеметрия говорит, что они заняли свои позиции, — заметил в ответ Эксфорд. — Один сверху, другой снизу — точь-в-точь как было в системе Бейд.

Фрэнк расплылся в довольной улыбке.

— Пристегните ремни, дамы и господа. Кажется, нам предстоят гонки.

Находясь внутри куттера, они не могли достаточно отчетливо видеть окружающее вражеский корабль пространство. Весь флот кораблей-прорезателей давно отошел с позиций, оставив группе во главе с Тор лишь слабые маяки в виде сигналов уцелевших зондов.

Опыт подсказывал, что поврежденный куттер вот-вот должны эвакуировать куда-то еще. Где именно находится это «где-то еще», Эландеру известно не было. И знать этого не мог никто. Оставалась только надежда, что их отправят не на кладбище обломков: если бы дело обстояло именно так, второй этап их путешествия окажется весьма разочаровывающим.

Корабль снова дернулся, потом весь зашелся в зубодробительной, до темноты в глазах, вибрации. Эландер рефлекторно схватил Сол за руку. Ее глаза были закрыты, но он представил себе, что Сол, должно быть, видит внутреннее пространство рубки при помощи интерфейса Конн-Центра. Даже теперь, обладая новым телом и твердым знанием об изменении личностного содержания, скрытого в этом теле, Питер все еще сомневался в своем восприятии виртуальной реальности. Виртуальной иллюзии Питер всегда предпочитал реальность, даже если она выглядела, как сейчас, довольно устрашающе.

— Как долго это может продлиться? — донесся вопрос Тор.

— Корабль замедляет ход, — сказал Эксфорд. — И пока еще у него огромный запас углового момента, который нужно сбросить. Хорошо, если это все, что он сделает.

Вибрация продолжалась еще секунд пятнадцать, потом понемногу утихла.

— Остановились, — прокомментировала Сэмсон, продолжая концентрироваться на данных с пульта перед собой. — Кажется, это все.

— А мне кажется, начинается самое интересное, — вполголоса пробормотала Гу Мань.

Эландеру показалось, что краем глаза он увидел блеснувшие где-то рядом искорки. Оглядевшись кругом, он с удивлением обнаружил: сам по себе воздух внутри рубки, казалось, заиграл блесками яркого света!

То же самое видела и Тор — она с осторожностью озиралась вокруг.

— Что происходит?

— Началось, — прошептала Сол. — Думаю, мы отправляемся!..

Свет стал ярче, и Эландер сжался. Сверкающие пылинки сливались в хлопья, затем повисали, образуя сплошные полосы, раскачивавшиеся так, будто воздух обвевал их потоком. Они кружились в «водоворотах», становясь все ярче; так продолжалось до тех пор, пока он еще различал очертания и обстановку рубки. Питер зажмурился от слишком сильного света. Даже Сол, стоявшая совсем близко, казалась сквозь нестерпимое сияние неясной, расплывчатой фигурой. Жаркое зарево сияло сквозь опущенные веки, а белые вспышки металась, кажется, в самом его мозгу. Свет прорастал в глазные яблоки, сетчатку, зрительный нерв. У Питерахватило времени, чтобы успеть подумать, не опасен ли такой яркий свет, как

вдруг — так внезапно, словно он в момент и напрочь лишился собственных ног, — пол рубки исчез и, теряя сознание, Питер полетел вниз.

2.1.2

Тор дремала лишь наполовину. Где-то вдали, на огромном расстоянии от себя, она чувствовала присутствие сильной боли, физической и эмоциональной, но не во времени настоящем. Она могла спрятаться от этой боли, представив, будто ее ощущение нереально. Реальными были лишь она сама и та абсолютная темнота, в которой она находилась. Она и ее собственная память.

Грезился разговор с Юэем, что произошел между ними еще до его ухода на «Мантиссе-А». Воспоминания казались совершенно отчетливыми. От чужака исходил едва уловимый запах оливок, смешанный с каким-то химическим, но не слишком агрессивным ароматом. Голова Юэя напоминала цилиндр, завершенный сверху чем-то вроде купола. Выражения отображались на его лице черными и белыми листками, двигавшимися туда и сюда, формируя совершенно симметричную картину. Разговаривая, он мог одновременно использовать два дыхательных горла, передавая за счет биения частот более насыщенную звуковую картину, чем при использовании одного только тембра.

— Сколько тебе лет, Юэй? Надеюсь, тебя не обидел мой вопрос.

Его голова наклонилась, обращая лицо к собеседнице.

— Мой возраст/почему ты спросила?

— Мной движет любопытство, — сказала она, вспоминая первого из увиденных ей Юлов/Гоэлов.

Прозванный захватившими его людьми «Чарли», он умер в заключении у Эксфорда. Вскрытие обнаружило довольно значительные отложения на сосудах и рубцы на нервных окончаниях, свидетельствовавшие у людей об очень солидном возрасте. «Возможно, ему несколько веков», — сказал тогда Эксфорд. Оказалось, у Фрэнка достаточно запасов инопланетного генетического материала, чтобы накопить свидетельства высочайшего уровня их биотехнологий, включавших средства борьбы со старением.

— Продолжительность жизни Юлов/Гоэлов не совпадает с жизнью человеческой/риилов. Боюсь, что тебе не понять.

— Не понять что? Ты рождаешься, ты живешь и, наконец, рано или поздно умираешь. И насколько же тебе трудно определить, как много единиц времени прошло с момента собственного рождения?

— Это действительно трудно, поскольку концепция *рождения/идентичности* у двух наших видов сильно разнится. Я вовсе не независимый индивидум — как вы это понимаете, — *чтобы/уже* измениться.

— Мы сами изменились, — возразила Тор. — И разве изменение — это не сама жизнь?

— Только до тех пор, пока ты рассматриваешь свое существование как конечное — *отрождение/тело до смерть/тело*. Какая-то часть *меня/нас* старше, чем остальные. Я/Юэй не есть то же самое, что представляло собой *рожде-*

ние/тело. Чем в таком случае мог я/мы измерить наш/мой подсчитанный суммированием лет возраст?

— Я не знаю, — ответила она, жалея о своем опрометчиво заданном вопросе. — Послушай, это простое любопытство.

Юэй немного подумал и затем, глядя на нее с выражением сочувствия, произнес:

— В единицах измерений, принятых Кэрил/Хацис, я родился примерно 400/86 лет назад.

Тор полагала себя готовой воспринять что-то вроде этого, однако, услышав реальные цифры, поразились им, уязвленная до глубины души. Она разговаривала с существом, прожившим в десять раз дольше, чем она сама — более старым, чем сама программа освоения космоса, появившимся на свет до рождения большинства земных государств и самого языка, на котором они разговаривали.

— И ты помнишь столь давние времена?

— Есть воспоминания о том времени — *мои/не мои собственные*, — ответил он, несомненно, испытывая проблемы в передаче смысла того, что намеревался сказать.

— Я был *не совсем я/скорее другой*. События/память происходили с кем-то еще. Они не представляют мне/нам интереса — кроме как источник *мудрости/опыта ощущений*.

— Хочешь сказать, что не испытываешь эмоциональной связи с собственными воспоминаниями?

— Это не то, что я сказал — имелось в виду иное. Моя память содержит записи эмоций.

— Тогда как ты можешь оставаться изолированным от них? Разве не грустишь, вспоминая нечто грустное? Или остаешься холодным, вспоминая моменты счастья?

— Испытываешь ли ты грусть — ту, что испытывает существо, рассказавшее тебе о своих печальных воспоминаниях?

— Такую же точно? Конечно, нет. Но я...

— Потому что переживание *личное чувство/не событие. Ты за рамками/не связана. У нас именно такая ситуация. Мы не связаны. Наши прошлые личности ушли/миновали.*

Тор кивнула, хотя по-прежнему недоумевала, как уловить смысл в извивах того, о чем только что рассуждал Юэй.

— А раз вы связаны лишь таким путем, как можете проживать жизнь — день за днем? Что, если, скажем, ты проснешься утром и не почувствуешь себя новым существом, а твое прошлое «Я» уже отчалило? Что, если твое старое «Я» вообще не захочет уйти?

— Зачем же мне противиться изменению? А ты — возражаешь ли против роста новых клеток кожи, защищающей твое тело? Можешь ли ты взять и остановить выпадение или рост волос?

При этом воспоминании Тор улыбнулась в темноте. Было бы тяжело объяснить Юэю, что хотя люди уже совершенно переменились — на клеточном и психологическом уровнях строения, — они по-прежнему видят в себе те же личности, что и раньше.

Она так и сказала Юэю:

— Мы считаем себя теми же, что и всегда, несмотря на свидетельства изменений, происшедших в клеточном строении и психике. Вы различаете свои версии, не совпадающие с ранее существовавшими, несмотря на факт наследования того же самого тела и того же самого имени.

Она обратилась к Юэю снова, уже сквозь окружающую темноту:

— Ты продолжаешь носить то же имя, не так ли?

— Твое допущение некорректно, Тор/Хацис. Мое настоящее имя — Юэй/Эллил. До того моим именем было Эшир/Юэй. Еще раньше — меня звали Баах/Эшир. Однажды все изменится снова.

Это было уже нечто понятное.

— Станешь Эллил/Что-то-другое? Неплохо задумано. Имеет смысл. Извини, что сразу не подумала.

— Не стоит извиняться, Тор/Хацис. Это недопонимание только что устранено.

Устранено ли? — спросила она сама себя в темной глубине сна. Требовалось все осознать, и, хотя она уже думала на эту тему, не смогла ощутить приближения к миражу. Что бы ни случилось с ней, это не могло ждать. Теперь она не в состоянии откладывать на потом, до появления следующей своей версии, как сделал бы Юэй. На миг ее охватила зависть.

Его восприятие собственной жизни не могло не раздражать. Неразрывность самоидентификации так органично свойственна человеческой натуре, что простое общение с теми, кто отвергает такую шкалу ценностей, несет особый риск — это опасность стойкого недопонимания и

анархии. Будущие последствия сегодняшних действий приобретали совершенно новый вид, если за ними стояла уже иная личность, а не твоя собственная. Тор совершенно не могла понять это, однако желала знать, на какое преступление способна в случае, когда не должна будет сполна расплатиться за содеянное.

Тор — в смысле потенциальной способности к терпению — совершенно не походила на другие копии Хацис. Однако она не разделяла родственных чувств. Сама Тор не являлась ни клоном, ни сестрой, ни ребенком своего оригинала, то есть связывающие ее и Кэрил Хацис узы виделись довольно сомнительными. Возможно, думала Тор, этим связям суждено проявиться сильнее при иных обстоятельствах.

Ее понимание становилось все более полным, и это приносило с собой боль и страх. Но, кроме того, и определенное чувство свободы. Возможность провести в черной пустоте, наедине с собственным «Я», многие часы вовсе не казалась олицетворением комфорта.

Непомерный груз прошлого давил на подсознание, лишая способности к действию. Занять себя чем-либо — это единственная возможность выйти из ситуации, избегая противопоставления с ее тяжестью. Что, однако, невозможно — если согласиться с тем, что она спит. В ней все еще звучало эхо ружейных выстрелов...

Кроме того, если что-то пойдет не так, потребуется проснуться и решить проблему самой. Она лидер, а вся их команда — зона ее ответственности. Нельзя просто спать, когда миссия проваливается в тартарары.

Тор проснулась с таким чувством, будто ее череп вскрыт наподобие арбуза, и верх головы просто срезан. Веки едва подчинялись, а попытки сесть оказались тщетными. Самым же неправдоподобным представлялся факт, что, зная о своем пробуждении — а болевые ощущения не давали в этом усомниться — и зная о том, что глаза открыты, Тор все еще не могла видеть вообще ничего.

— Эй! — Слабый вскрик донесся слева, с того места, где оставался Эландер. — Что происходит? И где освещение?

— Попробуй инфракрасное, — ответил Эландер, не скрывая дрожи в голосе. — Мать вашу, что за...

Он услышал возню там, где была Тор. Ее фигура, до того лежавшая, пошевелилась и села. Мгновение Тор оставалась, словно решая, продолжать ли эти движения. Ее рука, обхватившая голову, подсказала — головной болью страдал не только он один.

— Извини, — последовали слова Тор, — я что-то не соображаю.

У Питера хватило совести не делать ее еще более несчастной, чем она уже была.

— Очнулись только мы с тобой. Но все остальные живы.

Он окинул взглядом лежащих товарищей — они лежали вповалку там, где упали, живыми пятнами тепла выделяясь на фоне холодного тела корабля.

— Понятно, что это произошло с нами из-за скачка, — продолжил Эландер. — Неясно, что за способ перемещения использовал куттер, но, похоже, нам он совершенно не подходит.

— А может, нас зацепило выстрелом из их оружия? — усомнилась вдруг Тор.

— И мы остались в живых? — Он наклонил голову, очень медленно и осторожно. — А какой смысл просто отправить нас в нокаут?

— Что из сделанного ими когда-либо имело смысл? — пробормотала Тор. — А что скажет «Эледон»?

— «Эледон» молчит, — мрачно отозвался Эландер. — Его процессор не отвечает на запросы.

— Ой, чтоб тебя!.. — вяло выругалась она.

Добавить было нечего. Пока лучший из вариантов — промолчать. Если компьютер «Эледона» не «нокаутирован», как его пассажиры, а по-настоящему мертв, тогда его экипаж окажется в действительно ужасном положении.

Один за другим пришли в себя все члены команды. Эландер на всякий случай запомнил порядок, в котором они пробуждались. Первыми проснулись он и Тор. Затем Гу Мань и Инари. Сразу же за ними пришла в себя Клео Сэмсон. Сол и Эксфорд стали последними, кто вернулся к реальности, и их необычно вялые реакции наглядно демонстрировали, насколько болезненно шло это возвращение.

От стен рубки метнулась неяркая вспышка белого света, на мгновение перебившая изображение инфракрасного диапазона. Мысли Питера замерли, оборвавшись на полуслове. Он огляделся.

— «Эледон»? Это ты?

— Да, Питер.

Темнота сперва не отпускала их, однако постепенно уровень освещенности рубки стал повышаться — мало-

помалу, как будто зимним утром, и первой Питер сумел разглядеть Гу Мань. На лице андроида застыло выражение настороженности.

— «Эледон», — спросила Тор, вставая на ноги, — ты в порядке?

— Прошу извинить мое бездействие, — ответил искусственный голос; Эландеру показалось, что он не испытывал ничего подобного охватившему его в этот момент чувству облегчения.

— Я получил повреждения, — продолжал бесстрастный голос информатора.

— Повреждения какого рода, можешь точнее?

— Первичные системы нарушены, что привело к утрате значительной части функций. В настоящее время мой уровень составляет тридцать процентов от нормального.

— Поясни детально, — потребовала информации Сол.

— К черту детали! — вмешалась Тор. — Можешь сказать, где мы находимся?

— Пока нет. На этот вопрос я отвечу через одну минуту.

— Как обстоит с ходом корабля? — спросила Сэмсон. — Можем ли мы двигаться и насколько быстро?

— Скоро я смогу восстановить ограниченные около-световые возможности.

— Около- или сверхсветовые? Ты можешь вернуть нас на Расмуссен?

— Этот системный запрос я принять не в состоянии.

— Почему? — Сэмсон требовался точный ответ. — Не работают двигатели? Ты не можешь определить курс? В чем дело?

Компьютер взял паузу, затем ответил:

— Мои системы не изолированы одна от другой. Их функции тесно интегрированы, а повреждение весьма обширно. Затронуты все системы.

— Однако ты ведь способен к самовосстановлению? — настаивала Сэмсон. — По крайней мере тебе удалось восстановить себя до уровня, на котором ты сейчас действуешь. Скажи, когда все, что можно восстановить, будет восстановлено, сможешь ли ты вытащить нас отсюда?

— Нет, — упал в тишину рубки короткий ответ. — Для проведения такого ремонта мне нужны дополнительные ресурсы.

— Ресурсы какого рода? — первой откликнулась Сол.

— Заход в Сухой Док.

— В Дарах?

— Да.

Тор язвительно рассмеялась.

— Итак, нам нужно пойти на Расмуссен, потому что тебе нужен ремонт, но ты не можешь доставить нас на Расмуссен, потому что ты нуждаешься в ремонте. Просто великолепно.

— Мы в западне, — бесцветным голосом произнесла Сэмсон.

— Неизвестно где, — подытожила Гу Мань, оглядывая совершенно мертвые экраны обзора.

— Есть ли доступ к средствам наблюдения? — снова задала вопрос Сол. — Можем ли мы хотя бы видеть обстановку?

— Да, Кэрил. Я могу видеть на отдельных частотах. — Экраны вокруг ожили. — Я попытался засечь сигналы зондов и навигационных маяков. К настоящему времени все

они, вероятно, уничтожены. Если связь восстановится, я сообщу об этом дополнительно. В силу прежнего запрета на излучение корабль не производит никаких исходящих вызовов.

— Хорошо, — ответила информатору Тор. — Действуй таким же образом до получения иных инструкций лично от меня.

— Слушаюсь, Кэрил.

У восстановившего себя после аварии искусственного интеллекта явно имелись трудности с распознаванием голосов, принадлежавших копиям Хацис. Для себя Эландер отметил этот факт, сейчас же внимание больше привлекали экраны обзора и то, что они пытались сообщить о внешней среде корабля. Пространство внутри куттера по-прежнему состояло из хаоса тепловых и энергетических потоков. Данные о ситуации на поверхности корабля приносили значения пиковых температур в сотни градусов, его окружали лишь раскаленные газы и тучи из мелких частиц. «Эледон» докладывал, что лавирует, держась на этих потоках свержгорячих газов. Внутри корабля, напротив, никакого движения заметно не было, и Эландер был до крайности рад этому обстоятельству.

— Известно ли наше точное положение внутри куттера? — спросила Тор.

— Я не способен определить его в отсутствие активных локаторов, — ответил голос искусственного разума. — Попытка определиться внутри куттера выдаст наше присутствие.

— Как обстоит с зондами, имевшимися на борту? Можешь ли ты их активировать?

— Три зонда работоспособны и готовы к запуску.

— В таком случае отправь один из них. Нельзя действовать, не зная своей позиции.

— Да, Кэрил.

— Что было причиной полученных повреждений, «Эледон»?

Голос шел откуда-то сбоку и принадлежал Эксфорду.

— Причиной повреждения было неожиданное преобразование в гиперизмерении.

— Другими словами, причиной было само перемещение куттера, — резюмировал Фрэнк, — а вовсе не направленное применение оружия.

— Это является самым корректным допущением, учитывая отсутствие с того момента других повреждений.

— Вполне убедительный вывод, — с горечью произнесла Инари. — Что в первую очередь подтверждает: мы действительно потерялись внутри этой штуковины и не в состоянии вернуться назад.

— Мы выберемся, — возразила Тор.

— Как? Позовем на помощь? Даже если передатчики работают, их включение сделает нас сидящей на воде уткой. Вспомни, где мы находимся, Тор. Мы внутри вражеского куттера!

Тор зло посмотрела на Инари.

— Есть ли у тебя собственные мысли на сей счет?

— Нет, но...

— Тогда прошу, не критикуй остальных за отсутствие конструктивных предложений.

— Я только сказала...

— Я могу вытащить нас отсюда, — вступил в разговор Эксфорд.

Взгляды присутствующих пересеклись на экс-генерале.

— Все слышали, что я сказал. — Его слова прозвучали ответом на немой вопрос Тор. — Если придется, то именно я смогу вывести отсюда всех. Но только в качестве последнего средства, когда у нас не останется иного выбора.

— Как?

Теперь вопрос Тор прозвучал уже вслух.

— Предпочитаю пока не отвечать, по крайней мере сейчас.

— Тогда, — вздохнула Тор, — эта информация не несет нам конкретной пользы.

Эксфорд повернулся к Инари.

— Принимая во внимание мои личные гарантии, что я в состоянии вывести людей отсюда, можем ли мы иметь счастье закрыть обсуждение этой темы прямо сейчас?

Инари помедлила, прежде чем кивнуть в знак согласия. Выражение на ее лице было далеким от доверчивого.

— Похоже, что да.

— Тогда — проехали. — Эксфорд отвернулся, снова устремив взгляд на Тор. — Может быть, теперь вы, наконец, успокоитесь и приметесь за поиск конструктивных решений.

— Зонд отошел, — доложил «Эледон». — Инструкции таковы, что зонд должен сойти с нашего курса и только через минуту включить собственные двигатели для отхода на большее расстояние. Обзор нашего окружения начнется через пять минут.

— Давай без этих сложностей, «Эледон», — отозвался Эксфорд. — Кстати, сколько защитной способности у тебя сохранилось?

— Десять процентов.

— А наступательной?

— Ноль.

Эксфорд спокойно кивнул.

— Что означает, дамы и господа: мы уже представляем собой уток или, если угодно, мы — мишени, сидящие на открытой воде. Если зонд и даст нам путь к выходу — мы будем скорее мертвыми, нежели свободными. Просто подумайте: а не стоит ли узнать об этом заранее?

— Что значит, зонд даст путь к выходу? — спросила Сэмсон.

— Мы его только что запустили, помнишь? — Эксфорд говорил, словно обращаясь к ребенку. — И он вовсе не идет на «сверхсвете», поскольку мы сами не имеем такой возможности. Очевидно, он идет на досветовой скорости, и, я полагаю, одной минуты недостаточно для сокрытия нашей текущей позиции. Принимая такое решение, «Эледон» должен был запросить наше согласие.

— Эта ошибка не на его «совести», — излишне резко вмешалась Тор. — Все было сделано в полном соответствии с оперативными планами. Мы сами заранее дали такие инструкции, чтобы обеспечить кораблю его будущие действия. Он не должен был консультироваться о том, что уже знает точно.

— А вы сами знали, как действовать? — Эксфорд только фыркнул. — Мы не могли даже предположить, что спо-

собны сделать Морские Звезды, или где окажемся мы сами. Кто сказал, что некий автомат не наблюдает за нами, ожидая, что мы поступим именно так?

— Да скажи ты уже, что ты хочешь, Фрэнк, — с раздражением произнесла Тор.

— Мое мнение: мы излишне беспечны, и я не верю, что операционные параметры были до нашего старта достаточно сбалансированы, чтобы уметь определить степень достаточного риска для моей жизни — в данный момент.

— Речь идет не только о твоей жизни, — напомнила ему Тор.

— Что делает мое мнение лишь более значимым, если вы не возражаете.

С этими словами Эксфорд окинул комнату взглядом. На его замечание тут же отозвался Эландер:

— Что предлагаешь сделать?

— Мы должны разделить корабль, — ответил Эксфорд, обращаясь прямо к нему. — Это средство, которым можно увеличить наши шансы на выживание.

— Я не считаю, что идея так уж хороша, — с этими словами Сол встала между ними, — по крайней мере не сейчас, когда мы еще не знаем, где именно находимся и каковы наши возможности. Наконец, если нам и придется пойти независимыми путями, тогда понадобится надежная связь друг с другом.

Тор была явно благодарна за поддержку, хотя ее и раздражало, что предложение Сол не подразумевало какого-то согласия с ее стороны.

— Звучит резонно, не правда ли, Фрэнк?

— В достаточной степени. — Он сердито посмотрел на обеих. — Однако мне ни к чему еще одна дискуссия. Всякое решение, которое примет корабль, начиная с этого момента, потребует предварительного распоряжения со стороны одного из нас. У нас есть всего одна попытка. Предлагаю зафиксировать это решение раз и навсегда.

— Ладно, договорились, — уступила Тор и тут же дала «Эледону» инструкции советоваться с ними по всем деталям его будущих действий.

Компьютер корабля подтвердил распоряжение без видимого отторжения.

— Есть входящая информация.

Экраны «Эледона» изменили конфигурацию, приспособившись к поступившим данным. С радаров, лазерных локаторов и других средств активного наблюдения зонда поступала довольно подробная картина окружавшего пространства. Это было подобие сплюсненной трубы примерно тридцать метров в поперечнике. Стены оказались закругленными, в складках, словно их деформировало огромным давлением, оставив лишь узкий тоннель, в ширину примерно раз в десять больше, чем в высоту, и совершенно неопределенный в длину. Газы и металлическая взвесь неслись вдоль по этому каналу турбулентными потоками, и зонду приходилось бороться с ними. Эландер не заметил, чтобы газы и раскаленные частицы металла, пронесившиеся по тоннелю около зонда, застаивались или капливались где-либо. Возможно, что и это также предусматривалось конструкцией, напоминающей камеры сердца. А казавшееся деформированным или нефункциональным с точки зрения человека было на деле простым

и эффективным, почти естественным с позиций природы.

Это кровеносный сосуд, — подумал Питер.

И кроме самой этой «вены», наблюдать здесь явно нечего. Что до остальных деталей устройства куттера, то, не имея безопасного средства для коммуникации с зондом, оставалось лишь терпеливо ждать, пока тот двигался согласно собственному плану и собирал данные.

Исследуемая зондом «вена» то плавно шла, то петляла по областям, содержащим неподвижные, несущие большие нагрузки структуры, каждая из которых представляла собой довольно длинную опору овального сечения. Опоры волнами прорастали между полом и потолком, казалось, почти произвольно, иногда крест-накрест, подобно проволокам в сетчатой изгороди — не соприкасаясь, однако, одна с другой. Пространство вокруг опор заполнял инертный пенистый материал, почти прозрачный для излучения радара, но изобилующий вакуумными пузырями, отражавшими яркие блики. Возможно, изоляционный материал, решил Эландер, глядя на пену, заполнявшую пространство между полом и потолком и даже большие помещения над ним.

Картинка этих более объемных помещений выглядела нечеткой и недостаточно полной. Всякое следующее расширение диапазона наблюдаемого пространства сильно увеличивало вероятность обнаружения самого зонда, так что управляющая им программа производила это расширение через нерегулярные интервалы. Два огромных зала примыкали один к другому, почти сливаясь; их разделяла одна, причем тонкая стена. Что именно в этих за-

лах находилось, понять было крайне трудно. Во всех направлениях от чувствительных элементов зонда простирались масштабные, смутные структуры — не жесткие и не пластичные. Некоторые выглядели угловатыми и асимметричными, другие проплывали мимо со зловещей грацией. Они могли оказаться просто помехами на экране радара, тенью, отброшенной неясными поверхностями, находящимися вне диапазона наблюдаемости. Возможно, они представляли собой предметы, передвигающиеся через эти изобилующие пещерами места. Машины ли это, или живые создания — возможно, даже сами Морские Звезды, — сказать наверняка затруднительно или, скорее, вовсе невозможно. Эландер смотрел на них с благоговейным трепетом, чувствуя себя, словно вирус, запертый в человеческом теле и ужасающийся масштабам органов, его окружающих.

Он поймал себя на том, что противится сопоставлению с биологическими объектами. Это имело некоторое значение для сохранения ощущения собственных возможностей на будущее, и, если не вмешается что-либо иное, то не хотелось бы прийти к ложным выводам, основываясь на таком одностороннем представлении. Куттер, в котором все они оказались, вовсе не походил на человеческое изобретение и во всяком случае не мог быть живым в привычном смысле этого определения. Разумеется, это космический скиталец и объект исключительно военного назначения. Внутреннее пространство представляло собой сплетение тоннелей, помещений, конструкций разнообразной формы, не стремившихся навстречу его собственному тяготению к симметрии, форме и функции.

Неясные образы, виденные Питером, могли быть их вооружением, действующим без усталости и всегда готовым к бою. Он не хотел бы позволить своим предположениям придать информации какой-либо оттенок и опасался пропустить критическую точку.

Зонд постепенно наращивал уровень сигналов, расширяя зону обзора как можно дальше. Отдаленные черты куттера становились все более ясными; обнаружилось, что «вена» проходила сквозь область примерно в одной третьей части от центрального хаба куттера и немного ниже его горизонтальной оси. Поток шел в направлении против часовой стрелки вокруг хаба и, казалось, сходил по спирали к центру куттера. Сам куттер, все еще пришвартованный к двум другим, отбуксировавшим его, совершенно лишился разностной составляющей своего вращения. Вне корабля было спокойно и тихо, как в могиле.

Эландеру хотелось бы вывести какой-то смысл из структуры куттера. Этому не помогал и факт, что повреждения, полученные куттером, оказались достаточно обширными. Разорванные «вены» накачивали смесь газов туда, где при нормальной работе должен находиться только вакуум. Несоюзные конструкции обвисли и местами разорваны, оказавшись среди мягкой пены и «мускулов». Смутно видимые, но все еще остро заточенные ребра куттера сошли со своих мест, что придавало всей огромной конструкции неестественно деформированный и ущербный вид. У Питера появились весьма серьезные сомнения в том, что все это еще способно летать.

Интересно, что здесь отсутствовало то, что он мог бы сразу определить как элементы центрального управления, аналогичного мозгу корабля или его рубке. Обычно всегда находится подобная точка, и естественный ход рассуждений направлял его к геометрическому центру корабля в поисках основы его «скелета» или чего-то внутри диска — места, откуда могли координироваться такие действия. Однако найти ничего не удавалось. Здесь, как и в остальных частях куттера, виднелось лишь сплошное нагромождение отсеков и структур, в значительной мере поврежденных по ходу сражения.

— Что-то есть, прямо по курсу!

Голос Сэмсон вернул внимание Питера обратно к «Элэдону». Вначале он понял так, будто что-то приближается к ним, но, как оказалось, Клео лишь наблюдала за определенными изменениями в телесигналах зонда. Она показала на область, расположенную впереди зонда, в самой «вене». Турбулентность постоянно росла, и радар дал на экране изображение закраин, что могло представлять собой настоящую дыру в стенке сосуда.

— Его засасывает, — заметила Клео.

— Что, зонд не может бороться с потоком? — спросил Эландер.

— Противодействие потоку привлечет к нему внимание, — ответила Тор.

— В частном случае, — заявила Сол, — некоторое изменение маршрута может дать нам некоторые плюсы. Думаю, зонд получит ровно столько данных, сколько сможет.

Эландер утвердительно кивнул, хотя испытывал опасения по поводу такого изменения обстановки. Вероят-

но, следуя дальше, зонд — если, конечно, он не подвергнется нападению еще в «вене» — смог бы дать им новые интересные данные. Обидно терять преимущество еще в самом начале.

Как только зонд подошел к краям отверстия, телеметрия принесла новые данные — о свечении в диапазоне видимого спектра, исходившем из помещения над ним. Стены его оказались разрушены, и в помещении царил вакуум космоса. Потоки перегретых частиц, наполнявшие «вену», бешеной струей вырывались из бреши наружу, на лету кристаллизуясь из охлаждающейся плазмы. Неясные и неосязаемые облака газа метались возле пролома, дрейфуя как водоросли под действием затухающего момента движения. Питер вновь не мог разобраться, реальны ли эти выбросы или, возможно, изображения на экране радара ложные? Странное электромагнитное излучение становилось все сильнее и сильнее, а зонд все еще не давал никакой информации о его природе.

Вихри усилились, и зонд оказался захвачен потоком, втягивающимся в проем. Эландер почувствовал, что и сам несколько подался вперед, словно не желая упасть, когда рваные края пронесутся мимо в смазанном, кружащем голову рывке. Сразу же вслед за этим, пройдя отверстие, зонд принялся кувыркаться уже в открытом пространстве, свободно падая в сверкающей пустоте и передавая наблюдателям ошеломляющую по красоте картину окружающего космоса. Мелькнули черные, ребристые, словно у собора, стены, соединявшиеся между собой под немыслимыми для человеческих творений углами, расположившиеся под нависающими над ними скоплениями шипов

и крюков, многие из которых были оплавленными или разбитыми.

И еще: Питер явственно отметил присутствие мириад наблюдающих глаз, направленных из черной пустоты этих развалин со сложной топографией, и он не был совершенно уверен в том, что это не обман зрения. Здесь их лазутчика не встретило ничего, что указало бы на присутствие тех огромных, плывущих в пустоте предметов, след от движения которых они видели на экране радара, зато имелись некоторые структуры, неподвижно зависшие в середине открытого пространства, не касаясь его стен. Напоминавшие продолговатые, заточенные под ромб баржи, они испускали что-то наподобие «волос», окончания которых мерцали и, казалось, сигналили кому-то на своих чужеземных волнах, вспыхивая и погасая в невообразимом ритме.

Питер переключился с экрана радиолокатора на изображение видимого участка спектра и позволил себе наблюдать за представлением в более натуралистичном виде. Внезапно яркая вспышка на радаре снова привлекла его внимание к локатору. Перенеся взгляд на то место, где только что была отмечена активность, он не обнаружил ничего необычного.

— Ты видел? — спросила Гу Мань.

— Не уверен, — пробормотал Эландер. — Кажется...

Он запнулся — вспышка прошла по экрану снова: четкий, хорошо определяемый на радаре объект. Он появился мгновенно и так же быстро исчез, оставив после себя след — послесвечение фосфоресцирующих точек.

— Что еще за... херня?.. — пробормотала Тор крепкое словцо, наблюдая третье и четвертое появление того же объекта, всякий раз на новом месте в поле зрения зонда.

Оно словно облетает вокруг зонда, — подумал Эландер.

— Плохой знак, — высказал собственное мнение Эксфорд.

— Склонна согласиться с тобой, Фрэнк, — добавила Тор.

— Есть ли способ отозвать зонд? — спросила Сэмсон, в то время как странные эхо-сигналы начали появляться непрерывно, один за другим. Отметки на экране стали сливаться, создавая впечатление, что зонд окружен мириадами непонятных ярких пятен.

Тор потупилась.

— Зонд нельзя отозвать, не обнаружив нашей позиции.

Тем временем зонд выполнял все заранее предписанные команды. Придя к выводу, что хаотичное вращение не смогло отвести внимания противника, зонд включил двигатели малой тяги, чтобы выйти из окружения непонятных объектов. Вспышки последовали за ним, казалось, объекты стали более настырными и несколько более четкими. Эландер начал чувствовать осязаемое беспокойство за судьбу зонда.

Конец, наступавший неумолимо, оказался тем не менее неожиданным для всех. Две четкие отметки отраженного сигнала подобрались к самому зонду, словно проверяя его реакции. Зонд мало чем мог защитить себя. Когда попытка уйти провалилась вторично, ясно оконтуренные метки сомкнулись вокруг зонда — резкое, ярко вспыхнувшее на экране движение, — и связь с зондом прервалась. Экраны на мостике корабля замерли, показывая

последнее записанное ими изображение, затем медленно погасли.

— Да чтоб теб... — высказалась Тор.

В ее голосе прозвучало скорее смирение, чем злость.

— Что это было? — спросила Сэмсон.

— Посмотрим поближе, — решила Сол. — «Эледон», воспроизведи последние кадры.

Экраны снова ожили. Эландер вместе со всеми пристально изучал ясные отметки на экране радиочастотного локатора. Другие изображения, сделанные в отличных от радара диапазонах, не отличались подобной четкостью. Некоторые из них воспроизводили замысловатые лоскуты, напоминавшие скорее камуфляж на фоне хаотически раскрашенного фона. Другие не показывали изображения вовсе. Самой загадочной была картинка, полученная в инфракрасных лучах — она давала странные объемные и крестообразные формы, медленно вращавшиеся поодаль от зонда. Возможно, они никоим образом не соотносились с «призраками», мелькавшими на радаре, но тем не менее оказались видны в другом частотном диапазоне.

Скрытые наблюдатели? — спрашивал себя Эландер. — *Разум, управляющий радарным вооружением?*

— «Эледон», а что именно вывело зонд из строя? — задал вопрос Эксфорд.

— Недостаточно данных для ответа, — сообщил корабль, выдав на экран ленту технической информации для желающих ее проанализировать. — Могу только сказать, что прочный корпус оказался прорван в трех местах непосредственно перед разрывом связи. Далее произошло массированное вторжение, затронувшее все системы.

Эландер указал на экран, где была видна трасса, по которой шло неприятельское оружие. Повреждения на экране множились, распространяясь всегда по прямой от каждой точки роста, затем разделяясь и снова разделяясь, пока на их пути не оказывалось сокрушенным абсолютно все.

— Напоминает кристаллизацию в перенасыщенном растворе. Вероятнее всего, мы имеем дело с нанотехнологиями, — прокомментировал Питер.

— Военный объект, достаточно необычный для Морских Звезд, — со знанием дела отметил Эксфорд.

— А может, желтые точки и синие дробтики — в данном случае оружие излишней мощности? — спросила Инари.

— В таком-то немыслимом бульоне? — Эксфорд взмахнул руками, изображая «вену» вместе с наполнявшей ее раскаленной газо-металлической взвесью, в которой и сейчас дрейфовал «Эледон. — Сомневаюсь.

— Тогда с чем мы имеем дело? — поинтересовалась Тор.

В ответ Эксфорд-1313 только пожал плечами.

— Как только у меня будет собственное мнение, я доложу его вам.

— Надеюсь, это произойдет достаточно скоро, — заметила Сол, делая кивок в сторону экранов, демонстрирующих процесс разрушения зонда. — Ибо дыра, через которую он вышел, располагается по ходу впереди нас, и, наиболее вероятно, то, что его убило, все еще там. Если мы не собираемся покончить с собой тем же способом, думаю, нужно уже решить, что делать, и решить очень быстро.

— Как много времени пройдет, прежде чем мы можем достичь отверстия?

Вопрос Тор был направлен разуму их корабля.

— На двигателях малой тяги — около трех часов.

— Это совсем недолго, — некстати встряла Инари.

— Причина более чем достаточная, чтобы не тратить время на пустое ожидание, — парировала Тор. — Инари, я поручаю тебе и Гу Мань заняться телеметрией и найти все, что мы пока пропустили. Фрэнк, Клео, разберите всю информацию о нападении. Если сможем понять, что это — возможно, сумеем и противостоять. Сол и Питер. Вы, я точно знаю, способны найти шансы, о которых мы еще не думали. Наконец я сама попробую развернуть посудину так, чтобы нас не прикончили сразу.

Она окинула глазами рубку, останавливая взгляд на каждом из членов небольшого экипажа. Эландер почувствовал, как по спине у него пробежал холодок.

— Вопросы есть?

Молчание.

— Отлично. За дело и тогда посмотрим, нельзя ли выйти из этого поганого месива.

2.1.3

— Продолжай дальше, Роб. Расскажи мне, что ты еще обнаружил.

Лючия вполуха слушала Роба Сингха, бормочущего что-то про свои исследования. Другая же часть ее сознания сосредоточилась на строительстве своего нового тела — а

возможно, в дальнейшем она может рассчитывать и на новый разум.

— Ну, не то чтобы я нашел нечто реальное, — говорил Роб. — Это, скорее, идея. Все, что я сделал — запросил копии кое-каких чертежей в хранилище Библиотеки. В норме, когда речь заходит об их секретах, сами Дары столь же несговорчивы, как в прошлом Совет Безопасности ООН. Или, во всяком случае, они привыкли казаться столь же несговорчивыми.

— Что такого особенного заключалось в твоем исследовании? — спросила она Роба, одновременно дав очередную команду Медицинскому Центру, который и так действовал по ее подробным инструкциям.

— В тот момент я запрашивал копии чертежей по отдельным секциям Даров, исследуя башню за башней, — с воодушевлением рассказывал Роб. — И Библиотека давала их, казалось, испытывая некую радость. Можно заказать планы этого помещения или, скажем, Галереи. Если нужно знать расположение каждого стула во всей огромной конструкции — Дары выдадут такую информацию. А замолкают они, только когда вы запрашиваете технические данные — если они касаются особых, чувствительных с их точки зрения предметов.

Робот Роба прокатился по полу, изгибая щупальца, и легко запрыгнул на стол для обследований. Лючия наблюдала за происходящим с точки, достаточно низко расположенной, ее «видеокамера» находилась в противоположной стене. Робот — чудной механический скелет, напоминавший собаку, смотрел, казалось, прямо на нее.

— Иногда можно найти что-то новое, просто посмотрев на вещи, уже известные, — но под иным углом зрения. Звучит банально, но это действительно так.

— И что ты обнаружил, Роб?

— Тайные комнаты, — ответил он. Для пущего эффекта Роб сделал паузу. — Там были огромные по величине массивы, о существовании которых мы даже не догадывались. Никто не сомневался, что в Дарах скрыто какое-то тайное знание, однако в своих умозаключениях мы никогда не шли дальше признания этого факта. А если вдуматься, то для такого малого количества оборудования в Дарах слишком много места. — Робот соскочил со стола и принялся кружить по комнате. — К примеру, вот эта башня: в ней есть Медицинский Центр, а что в ней еще есть? Да ни хрена! И эти пустые пространства занимают никак не меньше восьмидесяти процентов от общего объема башен. Не слишком ли много для пустоты, Лючия? Согласись, трудно избавиться от мысли, что там должно найтись нечто особенное, во всех этих тайных комнатах.

— Что, например?

Робот как бы пожал плечами:

— Не знаю. Дары отказываются от разговоров на темы, касающихся их самих. И я, ей-богу, уверен, что не смогу найти дорогу внутрь. Однако зная хотя бы то, что там есть *нечто*, — мы уже обладаем информацией, не так ли?

Медицинский Центр доложил о завершении создания ее нового тела. Робот Роба выкатился на середину комнаты, переместив центр своего внимания к противоположной стене, где в это самое время открывалась дверь.

Лючия перенесла точку наблюдения, однако не могла подпрыгнуть так высоко, как робот. Дверь отворилась, открыв небольшую нишу, а в ней — парящий над полом, только что изготовленный И-костюм.

— Ничего себе, Лючия!.. — не сдержавшись, в изумлении пробормотал Роб. — Ты сделала это!

Сам И-костюм не выглядел как что-то вещественное — он походил на мыльный пузырь или на круглую каплю совершенно прозрачного бульона, парящую в невесомости. Обычно И-костюм виделся наблюдателю как легкая вибрация воздуха, на границе которой то и дело пробегали радужные отблески. Это стало особенно хорошо заметно, когда робот Роба подкатился ближе, и его камера показала объект крупным планом.

— погоди, вот все узнают! — с воодушевлением воскликнул он. — Никто из нас и не думал о создании еще одного И-костюма...

— Я бы предпочла, чтобы никто пока не узнал, — прервала Лючия поток его восклицаний.

Камера робота приподнялась выше.

— Почему это?

— Я еще не готова.

Она рассматривала И-костюм с опасением, не в состоянии избавиться от мысли, что могла получить не вполне работоспособный образец. Однако Лючия точно знала, что не сможет не воспользоваться им. И что есть только одна возможность определить степень его работоспособности.

Я должна первой проверить его в деле.

Используя переходы внутри Даров, с которыми уже отлично познакомилась, Лючия мгновенно переместила свою наблюдательную позицию сквозь стены Медицинского Центра прямо в хранилище с И-костюмом. Она двинулась вперед. Сопротивления не было. Подавив дурные предчувствия, роившиеся где-то в подсознании, Лючия наконец отбросила всякую осторожность и вошла в свою новую оболочку, мысленно сложив крестиком несуществующие пальцы.

В какой-то миг показалось, что она находится в двух местах одновременно — впечатления от органов чувств заполнили ее сознание, принося потоки визуальной информации, звуки и ощущения. Она чувствовала себя, словно воздушный шар, который постепенно наполняется воздухом и раздувается все больше и больше; в какой-то момент Лючия даже начала беспокоиться — не «лопнет» ли ее оболочка?

— Лючия? — Голос Роба, кажется, донесся уже по новым каналам, она открыла глаза и увидела робота, застывшего в одной из своих комических поз. — Это что, ты?

Она шагнула вперед — движение нового тела было легким, идеально свободным. Лючия ощущала свое тепло, реальность собственного тела и его приятную завершенность. «Кожа» чувствовала движения воздуха вокруг, стопы воспринимали вес и могли держать тело в равновесии, указательный и средний пальцы — сложены крест-накрест, именно так, как она сложила их мысленно.

Лючия подняла руку, наблюдая за подвижной, призрачной «плотью» со смешанным чувством — в нем были

и трепет, и радостное изумление. Она действительно внутри И-костюма! По ее собственным инструкциям костюм был отформован так, что, воспроизводя формы тела, сделал само это тело ненужным! Лючия казалась себе воплощением чистой энергии или еще более экзотической формы жизни материи — возможно, она стала переплетением энергетических «волокон» или еще какой-то чертовинкой — тем, чем был И-костюм. Ее разум оказался, наконец, в собственном доме!

— Сума сойти! — произнес Роб. — Я хочу один такой же.

Можно не сомневаться, подумала она, что это же попросит каждый. Однако мысль о толпе людей, выстроившихся в очередь за И-костюмами, совершенно не радовала Лючию. Особенно учитывая тот факт, что она единственная, кто овладел управлением реактора по их производству. У Люции имелись и другие дела — например, планирование операции по спасению.

— Я все еще не желаю, чтобы кто-либо узнал об этом, Роб, — произнесла она. — Просто немного подождем, пока не будут закончены исследования. Хорошо?

— Да ну, ладно тебе, Лючия! Это слишком важно, чтобы скрывать подобную информацию.

— Тогда позволь мне сделать один для тебя и показать, как это происходит.

— Это неправильно, — продолжал возражать Роб. — Ведь есть и те, кто поглавнее меня. Тор и другие...

— У них уже есть И-костюмы. А также они есть у оставшихся копий Хацис и вообще у большинства тех, кто руководит нами. Их нет у таких, как ты или я, понял, Роб? Давай пока оставим все как есть, ненадолго, а? Я бы не

хотела выглядеть клоуном в цирке, когда мир вокруг вот-вот исчезнет.

Что бы там ни собирался ответить Роб, Люция не суждено было это услышать.

Помещения Четвертой башни внезапно заполнил разрывающий уши звук сирены. Люция в своем новом теле и Роб — «внутри» робота — замерли, уставившись друг на друга.

— Атака Морских Звезд! — неуверенно проговорил Роб. — Они не должны были приходить уже на следующий день!

— Значит, они опередили график.

Помертвев от мысли, что оружие чужих вот-вот обрушит на них лавину разрушения, Люция едва смогла заставить себя мыслить ясно. Не время паниковать. Если она хочет уцелеть, то должна сохранять рассудок и моральные силы.

Люция вовсе не собиралась сдаваться. Пусть ее голова уже под лезвием топора, но она не признает поражение до тех пор, пока сам топор не обрушится вниз. Должен найтись какой-то выход!

Дары! — внезапно вспомнила она. — *Дары все еще при мне! Наверняка они в состоянии что-то сделать.*

— Пошли!

Она схватила робота за щупальца и потащила его за собой. Новое И-тело бежало вперед легко и естественно, не чувствуя усталости.

Ворота для мгновенного перемещения из Четвертой башни в Хаб находились недалеко, но Люция не знала точ-

но, много ли времени ей осталось. Часы ее судьбы уже тикали, и с этим ничего нельзя было поделать.

Здесь будет выход...

Она произнесла эту мантру мысленно, повторяя ее снова и снова на бегу, с каждым шагом все больше и больше готовясь к краху окружающего ее такого хрупкого мира. Добравшись, наконец, до входа в Хаб, все еще волоча за собой робота, по дороге забрасывавшего ее своими вопросами, она с колотящимся сердцем вошла внутрь. Только теперь Лючия поняла: нечаянно войдя в ту башню, которая уже подвергается разрушению, она могла сама приговорить себя к смерти. Впрочем, на самоанализ не оставалось ни минуты. Следовало действовать, и действовать быстро!

Что же делать? Оглядываясь на расположенные вокруг двери, она поняла, что не знает ответа на этот вопрос. Ничего хорошего не ожидало ее ни в Библиотеке, ни в Зале Науки, ни в Комнате Карт, ни в Лаборатории, ни в Медицинском Центре. Галерея теперь и вовсе бесполезна. В Сухом Доке кораблей все еще не было — Лючия убедилась в этом, используя сенсорные возможности И-костюма. В свою очередь Хаб не предоставлял ничего, кроме «маршрутного транспорта». Оставалась лишь одна дверь.

— Лючия! — Робот дернулся в ее руках. — О боже, Лючия! Они уже!..

Робот замолчал и безвольно сник. Где-то вдали, Лючия поняла это своими нечеловеческими органами чувств, «Маркус Чон» умер, умерли и все его энграммы.

Страх накатился волной. Никогда прежде Лючия не испытывала подобного чувства. Адреналин, которого в

ней не могло быть, казалось, пронизывал все ее новое, наэлектризованное тело. Мысли летали с поистине нечеловеческой быстротой. Не важно, что за процессор обрабатывал теперь коды ее энграммы, все равно, что за раса его создала — его вычислительная мощность несопоставима с компьютерами, построенными в свое время для миссии по освоению космоса.

Лючия стала перед дверью, являвшей ее последнюю возможность. Черная, местами уже облезлая, дверь была именно той, сквозь которую она столько раз проходила мысленно, никогда еще не пересекая ее физически.

Она вспомнила о теневых структурах — тех, что были различимы в глубине Даров — в местах, которых она смогла едва лишь коснуться.

Лючия только спросила себя, где может находиться то, что скрывают эти тени, и куда она могла бы отправиться, чтобы исследовать их самой.

Теперь она твердо знала, что делать.

Бросив неподвижного робота, она быстро прошла к двери и, потянувшись вперед, взялась за ручку. Странно было видеть собственную руку, вытянутую вперед, едва различимую по тусклому мерцанию похожей на воду «кожи».

Стала привидением еще до смерти, — мелькнула безрадостная мысль в момент, когда Лючия повернула ручку и открыла дверь.

Найдется ли там хоть что-то? Она буквально чувствовала враждебность собиравшихся где-то рядом чужих сил, громоздившихся наподобие грозowych туч и уже готовящихся стереть след ее присутствия в этом мире. Нет вре-

мени на колебания. Лючия открыла дверь и вошла в Темную Комнату.

Ее не встретило ничего, кроме черной пустоты. Она направила шаги дальше, в глубину Темной Комнаты, рискуя идти уже теми путями, которыми доселе не путешествовала. Чернота стала бездонной, и пропасть ее незримой глубины лежала вне пределов всякого понимания. Осторожность предостерегала от входа слишком глубокого — из понятных опасений не отыскать дорогу назад. Теперь же это не имело значения. Лючию влекли невообразимые глубины, манила за собой немыслимая свобода, содержащаяся в этой черной пустоте.

— Я здесь.

Она обратила эти слова в темноту. Темные призраки, казалось, закружились водоворотом вокруг, сначала как туман, а в следующий миг словно кольца огромной змеи. Где-то внутри, сердцем, Лючия ощущала, как на нее смотрят чьи-то глаза.

Окружавшее ее пространство содрогнулось внезапно и резко — в этот момент Морские Звезды разрушили башню, находившуюся по соседству. Волна прокатилась по сверхпроводящему кабелю, соединявшему всю конструкцию пришельцев. Развязка приближалась. Еще мгновение, поняла Лючия, и придется смотреть в пустоту совершенно иного рода.

— Вы меня слышите? — спросила она еще раз, прямо в темноту. — Кто-нибудь меня слышит?

Тишина.

— Послушайте! Пора уже сделать хоть что-то!

Она ощутила безнадежность, затем подумала, что странная нелогичная цепь, заранее приведшая ее сюда, столь же ошибочна, сколь заблуждались сами люди, пытаясь проникнуть за покров, скрывающий загадки Даров.

Волна нового удара сотрясла башню. Лючии показалось, что она плачет, хотя новое тело не могло дать такой возможности. Началась тряска, невообразимый грохот и перепады давления.

— Помогите! — разрывал темноту ее крик.

В миг, когда Морские Звезды нависли над самым ее убежищем, когда их оружие изготовилось стереть Лючию с лица Вселенной, из черной пустоты раздался голос:

— ЭТО ПОСЛЕДНИЙ ИЗ НАШИХ ДАРОВ.

Что-то темное, безмерно большое проникло в сознание Лючии, и ее время остановилось.

2.1.4

— Пятнадцать минут, — разнесся по рубке голос Тор.

Сол мельком взглянула на нее. Ускорив многократно собственный процессор, она, казалось, провела в размышлениях несколько дней с момента, объявленного Тор в качестве точки отсчета. За это время, представлявшее на деле совсем небольшой отрезок, Сол и Эландер перебрали массу самых экзотических вариантов. Призраки на радаре могли входить в состав тех средств поиска и уничтожения, что боролись с перемещением любых вторгшихся внутрь куттера объектов. То, что они до сих пор функционировали, несмотря на полученные куттером серьезные

повреждения, могло говорить о принципе построения всей защиты. Единственным способом обеспечить это должна быть децентрализация с некоторой автономией отдельных систем.

В таком случае тени с радара — это небольшие части всей сети, агонизирующей по мере умирания всего куттера. Их агония может продолжаться несколько дней, возможно, недель. Куттер все еще располагал энергетическим потенциалом, о чем свидетельствовал поток раскаленной газометаллической смеси, протекавший по вене вокруг самого «Эледона», и многие из таких подсистем могли сохранять работоспособность.

Сол не сомневалась, что они столкнулись лишь с нижним уровнем защитной структуры. Для завершения миссии следует найти путь к самой вершине системы управления куттера, что означало бы не только выживание, но дало бы огромные возможности в продвижении дальше.

Средства безопасности куттера должны не только защищать: им также следовало располагать интеллектом для сбора и анализа информации о вторжениях. Они просто обязаны отбирать те данные, что приносят пользу Морским Звездам. Если овладеть способом коммуникации с призраками на радаре, это может стать шагом на пути к верхнему уровню систем куттера. Вся штука в том, чтобы при этом оставаться живыми.

— А что известно насчет нейтринного фона? — вдруг спросил Эландер. — Их нелегко обнаружить, и это хорошая среда для безопасной коммуникации.

— Неплохое рассуждение, — отреагировала Сол.

Вместе они принялись рассматривать данные с зонда. Хотя потоки нейтрино и не считались средой, пригодной для побитного анализа, детекторы этих частиц отмечали устойчивые потоки в помещениях, расположенных по ту сторону — за проемом в «вене». Однако положение источника нейтрино было определить трудно. К тому же нейтрино могли образоваться сразу в нескольких, совершенно естественных процессах. Что же, по крайней мере это уже что-то.

— «Эледон», ты можешь вырабатывать потоки нейтрино?

— Я в состоянии доработать оборудование и модулировать некоторые из своих внутренних процессов так, чтобы влиять на их эмиссию, — ответил корабль.

— Как скоро это можно устроить?

— Приблизительно за два часа.

Сол в отчаянии замотала головой. Если даже они правы и нейтрино лежат в основе коммуникационной сети пришельцев, если удастся декодировать передачу и понять, как именно составить собственное послание с запросом на проход, «Эледон» не сможет предоставить передатчик до момента прохода кораблем критической точки.

Эландер, похоже, разделял ее реакцию по-своему.

— Еще мы можем умыть руки и подумать о чем-то хорошем, обо всех нас и о результатах нашего исследования.

Его несерьезность вызвала довольно болезненное раздражение, но она ничего не ответила. Реально ей не в чем его обвинить. Сама Сол испытывала двойственные ощущения. До настоящего момента миссия все еще не могла считаться успешной, а конца ее не было видно вовсе.

— Итак, все, время вышло. — Тор произнесла это похоронным тоном. — Что мы имеем? Гу Мань?

— Имеется уверенность, что в местах около «призраков» на радаре присутствуют следы постановки помех, а также есть нечто на втором плане, позади них. — Андроид произнесла это без всякого вступления. — Нам удалось получить некоторые детали изображения и сделать модель того, что могут представлять собой «призраки».

На экране прямо за Гу Мань появилось изображение. Оно представляло собой подвижный, словно ртуть, образ, пульсировавший между округлым объектом неправильной формы и неприятного вида шаром, украшенным шипами.

— Призраки, причем их множество, а не один, «прыгающий» с места на место, похоже, осциллируют на регулярной частоте, находясь между двумя объектами подобной формы. К сожалению, нам непонятна их природа. Их осцилляция не соотносится с периодом переходов во внепространство. Невозможно понять, наделены ли они единым осмысленным управлением или проявляют элементарное и свойственное любому стаду поведение. Это все.

Тор взглянула на Эксфорда.

— Фрэнк, что скажешь?

— По тому, как шли их атаки, мы не располагаем достаточной для организации обороны информацией, — ответил Эксфорд. — Продвижение строя напавших на зонд наноагентов позволяет лишь говорить о присутствии нанотехнологий, но — в отсутствие образцов для анализа — не дает нам понятия об их сущности. Мы не знаем, что движет их репликацией и что может их остановить, неизвес-

тен даже сам способ их проникновения. У «Эледона» имеется целый ряд систем класса «антинано», и ни одна из них не помогла зонду выжить. Для выработки средства противодействия этому оружию нам потребуется длительная работа.

Тор кивнула в ответ, и Сол уловила в ее глазах тень явного разочарования.

— А что скажет Питер Эландер? И скажет ли хоть что-нибудь?

Эландер лишь повторил очевидное. Когда он закончил, Тор вздохнула, а затем вниманию присутствующих было предложено довольно четкое изложение ее собственных выводов.

— Лучшее, что я в состоянии предложить — это заякорить корабль сразу после того, как он выйдет наружу сквозь проем в «вене». В отсутствие иных продуктивных идей, думаю, нам придется поступить именно так. По крайней мере это даст нам еще немного времени, чтобы сориентироваться.

— Считаешь, нам удастся сделать это? — спросила Инари.

Тор кивнула.

— Если держаться ближе к одной из стен, «Эледон» сможет нарастить внешний корпус так, чтобы закрепить-ся на ней. Внешняя поверхность скорее всего должна оказаться достаточно податливой, чтобы осуществить фиксацию. Если удастся сделать это без использования двигателей, мы, возможно, сможем остаться незамеченными.

По аудитории прошел ропот беспокойства, однако возражений не последовало. Настроение на борту было заморозильное.

— Коль скоро мы не имеем иных предложений, — бросила Тор в образовавшуюся тишину, — в таком случае, я полагаю, всем следует взяться за работу. Времени мало и, я думаю, вам это известно.

Все разошлись по местам.

— Сброс после первой попытки; остановиться в выбранной точке не удалось, — любезно доложил «Эледон». — Вторая попытка будет предпринята в следующей точке.

Изображение на экране крутилось до невозможности быстро, в то время как корабль полз, преодолевая области высокой турбулентности. На своей высочайшей из возможных скорости работы мозга Сол едва ли могла разобрать происходящее. И все же она надеялась, уповая на то, что созданный пришельцами проклятый разум их трижды проклятого корабля знает, что делает.

— Сколько еще до выхода? — спросила Гу Мань.

— Девяносто метров в человеческом измерении, — ответила Сэмсон, не сводя глаз с наблюдательного экрана, по которому шли кадры неровной поверхности «вены», терявшейся временами в потоках окружавшей корабль среды.

С близкого расстояния стена меньше всего выглядела неровной биологической структурой, теперь напоминая скорее мат из металлических волокон, тесно переплетенных и покрытых стеклом. «Эледон» попытался закрепить вторично и снова потерпел неудачу, не найдя никакой подходящей неровности.

— Шестьдесят метров, — продолжала отсчет Сэмсон.

Сол чувствовала нарастающий поток раскаленных струй, закручивавшихся вокруг корпуса так, что корабль раскачивался и кружился словно игрушечный резиновый утенок, захваченный настоящим тайфуном.

— Тридцать метров.

Сэмсон вновь отметила расстояние после того, как неудачей закончилась третья попытка корабля зафиксироваться на стене.

— Вероятно, нам следовало выработать запасной план, прежде чем предпринимать такой риск, — саркастически заметил Эксфорд.

— Я все еще открыта для любых предложений, — ответила Тор.

Все взгляды оставались прикованными к экранам в ожидании четвертой и последней попытки остановиться. Как понимал каждый, пятой попытки им увидеть не суждено.

Вдруг все замерло.

— Мы сделали это? — осторожно спросила Инари.

Вид на экранах дернулся на секунду, затем стабилизировался.

— Попытка фиксации на стене завершена успешно, — доложил корабль.

Все как один дружно вздохнули.

— Пять метров до проема, — подытожила результаты Сэмсон. И рассмеялась.

Сол не имела желания смаковать то, насколько близко остановились они от выхода.

— Насколько надежно мы закреплены? — спросила она.

Быстрый осмотр, проведенный под разными углами зрения, показал — брешь в стене не расширялась, по крайней мере в направлении их корабля. Чем объяснялось образование такого отверстия — сказать было трудно. Сол допускала, что это вполне могло быть результатом атаки людей/Юлов. Дестабилизация общей структуры закономерно привела к локальным разрывам из-за усталости металла или неоднородностей его строения. Зная, что теперь куттер остановил вращение, она могла предположить — опасность таких напряжений в его конструкции минимальна.

Сам проем со стороны выглядел словно гигантская рана, нанесенная кровеносному сосуду, а неровные края отверстия выходили далеко за пределы его стенок. С их новой наблюдательной позиции «вена» выглядела огромным закрученным пространством, напоминая скорее внутренность кошмарного моллюска, раковина которого вытянута и деформирована.

— Наша позиция кажется довольно стабильной, — сказала Инари.

Сэмсон пожала плечами.

— Думаю, вскоре мы узнаем, если это не совсем так.

— На данный момент мы в безопасности, — вмешалась Тор. — Это главное.

— И что же теперь? — пробормотала Гу Мань.

— Теперь мы вышлем вперед рекогносцировочную команду, — объявил Эксфорд.

Тор с хмурым видом повернулась к нему.

— Полагаю, ты будешь добровольцем, не так ли, Фрэнк?
Тот самоуверенно заявил:

— Наш «Эледон» еще может отделить от себя один целый или хотя бы половинный корабль вполне достаточного размера, чтобы я мог пилотировать его. Просто дайте мне навигационные средства, подобные средствам «Эледона», и я уверен, что смогу провести свою посудину мимо этих штуковин так, чтобы выйти на свободу по ту сторону.

— И что это даст? — спросила Тор.

— Ну, по крайней мере вы сможете быть уверены, что не останетесь здесь на веки вечные, Кэрил.

— И как это мы сможем быть уверены, Фрэнк?

Тор не скрывала скепсиса.

— Разумеется, потому что я подам вам условный сигнал, уже находясь в безопасном месте.

Тор пристально посмотрела на него, потом медленно склонила голову.

— И ты во второй раз предлагаешь нам позволить тебе улизнуть?

— Что ты сказала? Ты мне не доверяешь?

— Разумеется, нет, Фрэнк.

Он фыркнул.

— Могу уйти вместе с вашими подозрениями, как только вы признаете мой план не лишенным смысла. Давай, Тор, придем наконец к согласию и поладим на пользу общему делу.

Тор собралась было ответить, но ее опередила Гу Мань.

— Возможно, вы опоздали со своим предложением, — сказала она, указывая на ближайший к ней экран. — Посмотрите-ка на наш пролом.

Все обернулись. Белый ромбовидный объект с черными полосами вошел в проем, без видимого усилия преодолевая течение. Впечатление, производимое подобием рыбы-зебры, усилилось, когда эта штуковина повернулась к ним «мордой», показав то, что можно было принять за открытую пасть. Хотя изображение и дергалось из-за резких вихревых потоков, Сол разглядела трубу, завершавшую носовую часть и придававшую ей сходство со старинным реактивным самолетом.

— Что это за хрень? — деликатно спросил Эксфорд.

— Не имею понятия, — пробормотала Гу Мань. — Но что бы это ни было, оно напоминает...

Сол вскрикнула, когда объект с быстро увеличивающейся скоростью сделал выпад, и труба в его центральной части раскрылась, собираясь всосать их внутрь.

— Боже правый! — вскрикнул Эландер.

Их прорезатель резко дернулся под ногами, свалив Питера на пол. Встав на одно колено, он оперся рукой о стену, когда корабль-зебра ударил их снова, вцепившись в борт с внешней стороны корпуса «Эледона», точно минога.

— Что происходит? — спросила Сэмсон.

— «Эледон», доложить ситуацию! — резко прозвучал голос Тор.

— Я получил удар со стороны неопознанного объекта, — спокойно ответил информатор корабля.

Что за идиотские шутки? — подумал Эландер. Тем временем корабль-«зебра» крепко присосался к корпусу

«Эледона». Неизвестно, что и как происходило, но это вызвало легкую дрожь, отдававшуюся по всему корпусу корабля-прорезателя.

— Что с герметичностью? — запрос исходил от Тор.

— Я сопротивляюсь происходящему вторжению.

— Такому же, как в случае с зондом?

— Нет. Это... — Информатор запнулся. — Я... это...

— «Эледон»?

— Мы...

— «Эледон», ответь же, твою мать!

Корабль перестал отвечать на запросы, и тут время, казалось, остановилось, в рубке не было слышно ни звука. Эландер наконец поднялся и осмотрел помещение. Вибрация все еще чувствовалась.

— Слишком тихо, — почему-то шепотом произнес Эксфорд и уставился в потолок, словно хотел увидеть там что-то интересное.

— Более чем слишком, — согласилась Сол.

И тут в рубке зазвучал новый голос. Громкий и неприятно резкий, он заставил всех содрогнуться.

— НАРУШИТЕЛИ, ОБЪЯСНИТЕ СВОЕ ПРИСУТСТВИЕ.

Тор ответила вопросом на вопрос:

— Кто говорит? Вы представляете Морских Звезд?

— НАРУШИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОБЪЯСНИТЬ СВОЕ ПРИСУТСТВИЕ.

Голос повторил требование, звук и его тональность заставили Эландера почувствовать, как дрожит пол.

Тор колебалась.

— Что, собственно, мы теряем? — спросила Сол. — Ведь это то, для чего мы, собственно, и явились сюда.

— Мы хотим говорить с тем, кто принимает решения, — громко сказала Тор, и губы ее заметно побледнели. — Мы располагаем информацией, которая, полагаем, может быть использована для...

— НЕ СУЩЕСТВУЕТ ТОГО, КТО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЯ, — прервал голос. — ВЫ НЕПОНЯТНЫ; КАК ТАКОЕ ЯВЛЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДОЗВОЛИТЕЛЬНЫМ?

— Нам и следует быть «дозволенными», потому что мы пришли помочь вам. Мы знаем, где скрываются ваши враги.

— НЕ СУЩЕСТВУЕТ ВРАГОВ. ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДОЗВОЛЕННОМУ.

— Прядильщики — те, кто распространяет свои Дары. Те, за кем вы следуете...

— НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИКАКОГО СЛЕДОВАНИЯ. ВЫ НЕОБЪЯСНИМЫ. КАК МОЖЕТ ТАКОЕ ЯВЛЕНИЕ.

— Выслушайте нас! — Голос Тор зазвучал на самой отчаянной ноте. — Вы разрушаете Дары и вместе с ними вы убиваете и нас! Остановитесь, или мы все будем уничтожены! И наш вид просто вымрет!

— ВИДОВ МНОЖЕСТВО. ВСЕЛЕННОЙ НЕ НУЖНЫ НАБЛЮДАТЕЛИ.

— Мне нет дела до наблюдателей! Сейчас я забочусь только о своих соплеменниках. Если будете продолжать подобным образом — вас обвинят в геноциде. Вы должны выслушать нас! А мы можем дать то, что вы ищете.

Голос на какое-то время замолк, и Эландер с напряжением ожидал продолжения. Он отчетливо видел пропасть непонимания, зиявшую между Тор и чуждым, допрашивавшим их сейчас разумом. Различие между ними

было огромным и не оставляло надежды: преодолеть эту пропасть невозможно. И еще...

— Почему они не уничтожили нас сразу? — Сэмсон задала вопрос вполголоса, словно дознаватель чужих не мог ее слышать. — И почему они говорят по-английски? Это вообще ерунда какая-то!

— И в самом деле, ерунда, если только это, — Эксфорд указал на экран, где маячило изображение корабля-«зебры», — не есть наш собственный зонд, отправленный к нам назад. В таком случае со здравым смыслом все в порядке.

Все повернулись к Эксфорду, не зная, что и сказать. Первой нашлась Инари:

— Зонд? Но его же сбили — и мы сами видели это!

— Нет. Мы только предположили, что зонд уничтожен, потому что потеряли контакт с ним. А что, если вместо этого он захвачен. Подвергнут анализу, диссекции; наконец, если он полностью переделан?

— Господи, Боже! — пробормотала Тор, опять обратив взор к экрану с кораблем-«зеброй». — Он отправился к нам в качестве послания.

Эксфорд согласно кивнул:

— Совершенно ясно, что так и есть.

— Что это за послание, как его расценивать? — спросила Гу Мань.

— Вероятнее всего, предупреждение, — ей ответил снова Эксфорд.

— Необязательно, — высказала свое мнение Сол. — Это мог быть и простой вопрос.

— Так или иначе, — заявил Эландер, — думаю, мы очень скоро узнаем это.

Он пристально посмотрел на корабль-«зебру», уже с новым интересом. Теперь, после того как Эксфорд указал им на такую возможность, Питер словно бы увидел, каким образом черные полосы могли свидетельствовать о проникновении чужих созданий внутрь внепространственного корабля, изначально имевшего белый корпус с плавными обводами. Как ему представилось, корабль могло опутать что-то вроде злобного червяка черного цвета, прогрызшего в нем ходы и изменившего формы корпуса. Словно ленты, опутывающие ствол карликового дерева бонсай, черное сжимало белое, придавая ему новые формы и новые функции.

— ПРИСУТСТВИЕ НАРУШИТЕЛЕЙ НЕНОРМАЛЬНО, — снова зазвучал голос.

Станным образом, но Эландер не мог понять, говорит ли голос, обращаясь к ним, или отвечает на какие-то неслышные им вопросы, неизвестно откуда и кем задаваемые. Это ощущение усилилось после очередной тирады:

— ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРУШИТЕЛЕЙ НЕИЗВЕСТНО; ВАШИ ЦЕЛИ НЕДОСТАТОЧНО ОПРЕДЕЛЕННЫ. НЕТ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВАШЕГО ПРИСУТСТВИЯ.

— Я уже объясняла, — ответила Тор. — Мы пришли, чтобы дать вам информацию. Мы пришли, чтобы говорить с вами и чтобы попытаться дать вам понимание того, что именно вы...

— ГОВОРИТЕ.

— Но будете ли вы слушать нас? — вопрошала Тор. — Или вы уже составили собственное представление о нас,

собираясь уничтожить? Я бы не желала провести последние минуты попусту...

— НЕ СУЩЕСТВУЕТ СВЯЗИ МЕЖДУ ДАННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ И ТЕМИ, КТО УНИЧТОЖАЕТ.

— Кажется, я начинаю понимать, — воскликнул вдруг Эландер, делая шаг вперед. — Он хочет сказать, что не является представителем Морских Звезд.

— Точно! — откликнулся Эксфорд. — «Призраки» на радаре — или существа, их контролирующие, — совсем не те, с кем нужно говорить. Они — это что-то новое.

Недовольство Тор мгновенно перешло в раздражение.

— Вы уже задолбали своими идеями, оба... Нельзя ли конкретнее. По-вашему, это новая раса чужих, так что ли?

— Почему нет? — вопросом на вопрос ответил Эксфорд. — Разве Юлы или Практик обязательно единственные представители существ, затронутых эпохой миграции Прядильщиков/Морских Звезд?

Эландер кивнул, соглашаясь с Фрэнком:

— Послушай, Тор, это вариант...

— Ты уверен?

Питер смущенно потупился.

— Не так, чтобы очень... Нет.

— Есть и еще одна возможность, — вмешалась в перепалку Сол. Затем продолжила, уже громче, для собеседника из чужого корабля: — Ты сказал нам, будто не принадлежишь тем, кто убивает наших собратьев, так?

— СУЩЕСТВУЕТ РАЗЛИЧИЕ, — ответил голос.

— Тогда кто ты, если не один из рода Морских Звезд, то есть разрушителей?

— мы являемся лишь частью инструментария и служим тем, кто управляет интерпространствами.

Голова у Эландера на мгновение пошла кругом. «Часть инструментария, служащего...» О боже, этот корабль-«зебра» представлял собой, возможно, самое низшее из звеньев в иерархии Морских Звезд. И тем не менее он контролировал их собственный сверхсветовой корабль, причем без всякого видимого напряжения.

— Итак, существуют те, кто управляет интерпространствами, — задумчиво произнесла Тор. — Каким же образом мы можем поговорить с ними?

— вы аномальны, — ответил голос, и его медоточивость стала несколько раздражающей. — ОНИ ВАС НЕ УСЛЫШАТ.

— В таком случае вам следует сделать так, чтобы они нас услышали!

— ОНИ ВАС НЕ УСЛЫШАТ, — повторил все тот же голос.

— Для нас жизненно важно говорить с ними, — настаивала Тор. — Они сами поймут это, как только...

— ВАШИ ДОВОДЫ НЕ СОДЕРЖАТ ЛОГИКИ ИЛИ ЯСНОСТИ; ОНИ ВАС НЕ УСЛЫШАТ.

— К чему твоя логика и на кой твоя ясность! Мы уже пришли сюда. И мы будем говорить с Морскими Звездами. Мы не уйдем, пока не сделаем этого!

— ИЗ КАКОГО СЕКТОРА ВЫ ПРИШЛИ?

— Мы пришли из системы, которую сами называем Аселлус Примус, — ответила на вопрос Тор. — Однако в свое время мы...

— ВАШЕ СООБЩЕНИЕ НЕ НЕСЕТ В СЕБЕ ССЫЛОК НА ИНТЕРПРОСТРАНСТВА, — снова прервал ее речь монотонный голос. — ПРИСУТСТВИЕ НАРУШИТЕЛЕЙ АНОМАЛЬНО.

— Мы не пришли из интерпространства, — возразила Тор. — Мы представляем одну из систем, которая уничтожена вами.

— ИНТЕРПРОСТРАНСТВА НЕ СОДЕРЖАТ СИСТЕМ. НАЛИЧИЕ СИСТЕМ ЕСТЬ НЕСООТВЕТСТВИЕ ДЛЯ ТЕХ, КТО УПРАВЛЯЕТ ИНТЕРПРОСТРАНСТВАМИ.

— Системы не находятся в пределах интерпространств. Понятие систем определено вне границ интерпространств. Следовало бы просто считать данные с зонда, захваченного вами. Там вы найдете...

— ИНФОРМАЦИЯ ЗОНДА НЕ ОТНОСИТСЯ К ИНТЕРПРОСТРАНСТВАМ. ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ.

С последней фразой корабля-«зебры» на присутствовавших словно бы навалилась свинцовая ноша. «Данные удалены». Чужие ли создания сделали это или искусственный разум, говорящий сейчас с людьми — их в равной степени не интересовали ни информация с других систем, ни сам факт их разрушения, постоянно совершаемого Морскими Звездами. Дошло и до стирания памяти — только бы не знать ничего.

Что вело к появлению еще одной возможности: коль скоро факт присутствия нарушителей внутри куттера признается безосновательным, не сотрут ли их самих таким же способом?

— Каковы задачи тех, кто управляет интерпространствами? — спросила Сол после долгой минуты напряженного молчания.

— УПРАВЛЯЮЩИЕ ИНТЕРПРОСТРАНСТВАМИ УДОСТОВЕРЯЮТ ЦЕЛОСТНОСТЬ И КАЧЕСТВО, — прозвучал немедленный

ответ. — УПРАВЛЯЮЩИЕ УДОСТОВЕРЯЮТ НЕРАЗРЫВНОСТЬ. УПРАВЛЯЮЩИЕ УДОСТОВЕРЯЮТ ПОРЯДОК.

— Тем не менее порядок был нарушен, не так ли? И интерпространства все же были повреждены.

В наступившей мимолетной паузе Сол смогла уловить неуверенность собеседника.

— Если позволите нам говорить с другими компонентами или средствами — тогда, возможно, мы сумеем восстановить порядок. В конце концов мы реально располагаем информацией, которая...

— НАРУШИТЕЛИ НЕДОПУСТИМЫ, — снова забубнил голос. — ВАШИ ЗАДАЧИ НЕСОВМЕСТИМЫ С ПОНЯТИЕМ ИНТЕРПРОСТРАНСТВА.

— Однако они уже совместились, — резко возразила Сол, указав на экраны. — Если задача управляющих — в поддержании порядка, и если под интерпространством понимать отдельные помещения куттера и каналы, их связывающие, то имеется вполне очевидная связь между ними и нами. Очевидная, потому что мы и есть те, кто причинил им повреждения.

— Осторожнее, Сол, — строго заметила Тор, и Эландер интуитивно понял ее опасение.

Вероятно, идея была не самой лучшей. Информировать чужих, что нарушение столь ценимого ими порядка произошло по вине людей, — такой шаг мог иметь свои последствия.

Однако Сол отвергла опасения: она упрямо замотала головой, а затем все услышали ответ чужого.

— ЭТО ЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОДЕРЖАЛОСЬ В ИЗВЛЕЧЕННЫХ ИЗ ВАШЕГО АППАРАТА ДАННЫХ, — подтвердила «зебра».

— Это вовсе не ложные, а напротив, точные данные, уверяю вас, — продолжала гнуть свою линию Сол. — Это правда. Если вы стерли остальную информацию, поверьте хотя бы этой.

— ИСТОЧНИК ПОВРЕЖДЕНИЯ БЫЛ ВНЕШНИМ, — последовало резонное возражение «зебры». — ВЫ НАХОДИТЕСЬ ВНУТРИ.

— Да. И записи расскажут вам, что вначале мы были снаружи. Там, вне интерпространства, находилась и наша система.

— ТАМ НЕТ НИЧЕГО СУЩЕСТВЕННОГО, — упорствовал голос. — В ЭТОМ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ.

На сей раз аргументы предложил Эландер:

— Раз вы не готовы слушать — зачем тогда задаете свои вопросы?

— ВАШЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛЕДУЕТ ОПРЕДЕЛИТЬ ДО МОМЕНТА ВЫНЕСЕНИЯ РЕШЕНИЯ.

Непонятная дрожь, прошедшая по «вене», внезапно прервала общение с чужим голосом. Картинка на мониторе смазалась от вибрации потока. Все повернулись к экранам, наблюдая за длинной полосой ряби, медленно плывшей по сверхнагретому потоку мчавшихся в трубе газов.

— Что это? — только и смогла произнести Тор.

Рваные края зазубренного разрыва «вены» сходились и расходились, а вихри хаотически мельтешили по экранам инфракрасного диапазона.

— Что бы там ни было, — проговорила Сол, — оно испугало нашего приятеля. Смотрите-ка, он удирает!

Без всяких церемоний прощания корабль-«зебра» отсоединился от «Эледона», а затем дистанция между ними стала быстро увеличиваться. Трубообразный корпус «полосатика» изгибало и складывало потоком, относя по направлению к неприметному отростку на стене «вены», располагавшемуся метрах в ста ниже по течению. Вдруг стенка «вены» неожиданно раскрылась, а края вновь образовавшегося разрыва быстро расползлись, словно застужка-молния. Корабль-«зебру» моментально всосало в проем вместе с рванувшимся туда же потоком газов, которые еще больше расширили масштабы повреждения. Гигантский надрез засасывал содержимое «вены» сразу с двух направлений, создавая ужасающие вихри в коридорах, находившихся по ту сторону от единственного когда-то повреждения в «вене», возле которого и был пришвартован «Эледон».

Потрясенный случившимся, Эландер увидел, как в разрез вошло около десятка кораблей нового типа. Подобно кинжалам с толстыми, обоюдоострыми лезвиями, без всяких эфесов и гард, они резали плотный газовый поток так, словно его вообще не было. Эландер не видел никаких признаков работы двигателей — ничего, что могло бы приводить лезвия в движение, но ход их был предельно рациональным и не лишенным своеобразной грации. Яркие энергетические всплески играли на их кромках, словно подсвеченных неоновым светом. Ныряя и лавируя, их строй нарезал свой курс в бурном пульсирующем потоке.

Впрочем, элегантность и грация движений были обманчивыми и скрывали намерения, несомненно серьез-

ные. Как только корабль-«зебра» снова появился, выйдя на перехват неожиданных гостей, неоновые огни вспыхнули, и «зебра» разлетелась на множество частей, растерзанная в клочья, быстро распадавшиеся и исчезающие в потоках раскаленных газов.

Вслед за этим, словно удивившись, пришельцы обратили внимание на «Эледон».

Тор была на грани истерики.

— Что за гребаная хрень?! — резко выкрикнула она, не в силах скрыть отчаяния.

Ровно двенадцать кораблей-лезвий выстроили перед ними серебристый строй для своей, очевидно смертельной, атаки. Однако по мере их приближения всем вдруг стало ясно — целью кораблей оказался совсем даже не «Эледон». Точнее говоря, они шли напрямик к расположенному рядом с «Эледоном» проему в стенке «вены». И по мере их приближения активность призраков на радарах заметно возрастала — словно те приветствовали «гостей».

Напоминает рост коралла, подумалось Тор. Одно из лезвий решило использовать облако расплывающейся серебристой завесы, после чего оно было внезапно облеплено целым роем вроде бы четко обозначенных на радаре объектов, но множившихся и заслонявших друг друга, в то время как сам корабль-лезвие оставался невидимым. Образы, мелькавшие на экранах «Эледона», сменялись так быстро, что едва ли была возможность уследить за ними. Облака из объектов-призраков пачками распускались и

исчезали по всему наблюдаемому на экранах полю, ярко вспыхивая здесь и там, в моменты переходов между реальным и гиперпространством. Ситуация менялась волнообразно, соразмеряясь с ходом успешного наступления лезвий. В отличие от зонда, заблокированного в самом начале и захваченного призраком с радара почти без боя, корабли-лезвия отражали встречные атаки без видимого напряжения. Медленно, но верно количество призраков уменьшалось, а путь к проему постепенно освобождался.

— Даже не знаю, за кого предпочла бы «поболеть», — проговорила, с сомнением покачав головой, Инари.

Лезвия приблизились вплотную, и беспокойство Тор вновь разыгралось.

— Считаю, нам необходимо передать сообщение, — неожиданно предложил Эландер.

Все отвлеклись от экранов и с удивлением посмотрели на него.

— Сообщение? — переспросила Тор. — Кому, Питер? Передача сигнала, все равно какого, скорее всего немедленно убьет нас.

— Я так не считаю. Я помню кое-что, Практик дал мне информацию о кораблях этого типа.

— И чем нам поможет Практик?

Рука Эландера сама собой потянулась ко лбу. Со стороны он выглядел озадаченным, даже растерянным.

— Говори же, Питер. Скажи, наконец, что, черт побери, происходит?

— Не понимаю откуда, но я действительно знаю. Это все в моей голове. — Он посмотрел на Тор. — Кажется, у меня есть средство коммуникации с кораблями-лезвиями.

Внимание Тор переключилось на один из экранов — там сквозь проем в «вене» вдруг прошло нечто черное, с угловатыми очертаниями. Изображение напоминало компактный шестиугольный объект с правильными углами и короткими «руками». Довольно большие размеры, казалось, не позволяли объекту пройти в «вену» через зазубренную по краям, неровную брешь. Лезвия выстроились в квадрат, расположившись напротив отверстия — кажется, намереваясь организовать контратаку; в то же время непонятным оставалось то, каким именно образом это произойдет. Мельчайшие проблески света тронули вдруг «руки» вновь прибывшего объекта, волнами распространяя тучи из черной субстанции. Казалось, он пульсировал — как камертон, резонирующий на очень низкой частоте; тем временем волны его невидимой энергии держали лезвия на достаточном расстоянии.

Они перегруппировались, как только через проем боком прошел второй черный корабль. Мелкие вспышки энергии баламутили содержимое «вены», заставляя «Элдон» раскачиваться. Вопрос только во времени, с опасением подумала Тор, рано или поздно что-то может ударить корабль сильнее, все равно — случайно или по плану. Если они и собрались предпринять что-либо, это следовало сделать, не откладывая.

Она вновь посмотрела на Эландера.

— Скажи, это Практик вложил в твою замечательную голову знания?

— Уверен, именно он. Не знаю, каким еще образом я мог бы получить информацию.

— А что еще он мог туда поместить? — едко спросил Эксфорд.

— Сейчас это не имеет значения, — не оборачиваясь к Фрэнку, парировала Тор. — Коль скоро Питер способен сохранить нам жизнь. Можешь ли, Питер?

— Не я, Практик. — Питер произнес имя с запинкой, с трудом придавая словам оттенок убедительности. — Он имел огромный опыт в делах, касающихся... касающихся рас, захваченных миграцией Прядильщиков и Морских Звезд. Это одна из таких рас.

— Но что они тут делают? — спросила его Гу Мань.

— Этого я не знаю. Они называют себя... называются — А|как|а/риилы, и все считали их цивилизацию утраченной несколько тысяч лет назад.

— А мне они кажутся достаточно активными, — сухо произнесла Сэмсон.

Волна невидимого удара пришлась рядом с проемом, сделав его на метр шире как раз в направлении, где к стене «вены» крепился их корабль.

— Хорошо, исходя из полезности любой альтернативы, я намерена дать Питеру свободу действий.

Тор ждала возражений Эксфорда, но на сей раз экс-генерал счел за благо промолчать.

— «Эледон», ты на связи?

— Теперь уже да, Кэрил.

— Хорошо. Предоставь Питеру волну для вещания в любом диапазоне по его выбору.

На мгновение Эландер остановился, поигрывая ручкой управления, затем вовсе замер и оставался совершенно неподвижным более минуты. Тор с озабоченным ви-

дом выжидала, раздумывая о том, когда же он начнет и, что более интересно, какой ответ они могут получить.

Наконец Эландер пошевелился.

— Сообщение только что отправлено. А\как\а/риилы используют для связи резонансы, возможные только во внепространстве. Средства связи у «Эледона» резко ограничены, но я, кажется, смог сделать все, чтобы преодолеть его проблемы.

— Что ты сказал им? — спросила Тор, гадая, заметил ли Эландер изменения, происшедшие в собственной речи. Тональность его разговора стала богаче, глубже и правильнее.

— Я сказал — мы здесь с дипломатической миссией в поисках информации о Морских Звездах и мы просим их содействия.

— Посмотрим, как они ответят.

На экране в проем как раз входил третий из черных кораблей. Залпы их таинственного вибрирующего оружия подкрепила атака третьего. Но скоро от видимого преимущества не осталось ничего — лезвия сумели подбить первый из черных кораблей, вслед за которым «в аут» тут же последовал второй.

— А\как\а/риилы открыли резонансный канал для связи с «Эледоном», — сказал наконец Питер. — Можем свободно вести переговоры.

— Что ж, звучит ободряюще, — заметила в ответ Тор.

— Они считают нас глупцами и предлагают немедленно убраться отсюда. Управляющие интерпространствами и вся их прислуга вскоре будут уничтожены. После чего коридор перейдет к ним.

— А это уже совсем не радует, — вздохнула Тор.

— Зачем это им? — спросила Сэмсон.

— Утверждают, что функции управляющих отменены, — прояснил ситуацию Эландер. — Говорят, с гибелью куттера все роли поменялись.

— Какие еще роли?

— Не уверен, что я правильно понял, — сказал Эландер, он казался озадаченным.

— Знаешь, — глубокомысленно произнесла Сол, — думаю, в итоге мне придется навести ясность.

— Собираешься одна заменить нас всех? — Тор посмотрела на нее невидящими глазами.

— Легко. Питер, спроси их, кто является управляющими.

— Раса, с которой мы недавно говорили и которая называет себя Ппликс, — ответил он. — Они управляют интерпространствами давно — столь же долго, сколько А|как|а/риилы являются частью Эксклюжения.

— Эксклюжения? — спросила, насупившись, Тор. — Что еще за новость?

— Думаю, твой перевод не совсем правильный, Питер, — заметила Сол. — Проверь еще раз. У меня есть уверенность, что подходящим словом будет Экосистема.

После некоторого раздумья Эландер снова обратился к Сол:

— Возможно, ты права.

— Эксклюжение, Экосистема — это все бессмыслица, не более, — с раздражением помотала головой Тор.

— На самом деле смысл очевиден. — Интонация Сол была радостно-удивленной — такой, словно она вывер-

нула случайный камень и нашла под ним золото вместо обычной коллекции грязи и разнообразных козявок. — Неужели непонятно? Предполагалось, что существуют две возможности, выбор которых представился с появлением Морских Звезд: мы можем убежать от них или мы можем умереть. Думаю, теперь есть и третья: мы можем делать то, что делает Ппликс — вскочить на этот попутный транспорт.

— Проехать «зайцами»? — Тор не могла скрыть пренебрежения. — Нелепая идея.

— Почему нелепая? — возразила ей Сол. — Идея замечательно осмысленная.

— Да брось! — кипятилась Тор. — Непохоже, что эти корабли могли бы запросто проскользнуть внутрь куттера!

— Ты забываешь о масштабах куттера, — возразила Сол. — Не говоря уже о «Трезубце». Эти чудища просто огромны. И кто знает, скольких попутчиков они способны нести с собой. Пройдя вместе с куттером сквозь тысячелетия, раса Ппликса прижилась в нем — в качестве управляющих, всегда необходимых, присматривающих за «венами» и помещениями куттера, охраняющих эти пространства от любого вторжения. Они сумели полностью интегрировать свой народ внутри флота Морских Звезд.

Сэмсон с энтузиазмом добавила:

— Конечно, это имеет смысл! Жизнь сохраняет себя, приспособливаясь там, где есть ниша.

— И здесь найдется предостаточно таких ниш, — добавила Гу Мань.

— Но все они для таких вот коллаборационистов, — вмешался в разговор Эксфорд.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Эландер.

— Как что? Прямую помощь созданиям, разрушившим твой собственный дом!

— Зато в конечном итоге они все еще живы, — подвела черту Сол. — Смотрите: то, что они делают, по сути своей не отличается от жизненной позиции Практика, как и от нашей собственной. Просто они следуют другими, отличными от нашего, путями — в этом вся разница.

— Все равно я бы так не смогла, — честно призналась Тор. — Они тайком проникают в чужой корабль, и все только для того, чтобы осесть там, превратив его в собственный дом? Так можно дойти до сумасшествия.

— Только до безысходности. — Сол склонила голову.

— Питер, — обратился к Эландеру Фрэнк. — Можешь ли ты спросить А|как|а/рилов, в чем конкретно состоит их функция? Если все это — Экосистема, не могут ли они подвести нас поближе к вершине своей «продуктовой цепи»?

— Они говорят, что их функция такова...

На мгновение Эландер взял паузу, пытаясь точнее интерпретировать фразу. Затем продолжил:

— Странное слово. Кажется, эквивалента ему в нашей речи нет. Можно сказать, они одновременно и уборщики мусора, и бенефициарии — то есть они получают благодеяния.

— Благодеяния от кого?

— От куттеров, — пояснил Питер. — Умерев, куттер будет возвращен к Источнику Всего для нового передела.

— Что делает их уже командами по сносу старого жилья, — сказала Сол.

— Или специалистами по вторсырью, — встряла Инари.

Тор едва сдержала содрогание. То, как раненый куттер был подхвачен двумя его собратьями, отозвалось в ней до абсурда человеческим импульсом. Если же прав Эландер — значит, ее впечатление оказалось совершенно искаженным. Куттер подобрали не для исцеления, а для поедания.

— А если провести нас до верха? — спросила Сол. — Не означает ли такой подъем встречу с Источником Всего?

— Они говорят — к Источнику пройти невозможно. Говорят, Эксклюшение не обладает связями с ним.

— Так Морские Звезды не дают им планы действий?

— Говорят, они выполняют свои функции независимо. Им не от кого получать приказы.

Не существует того, кто принимает решения, — так говорил Пликс. По спине Тор пробежал холодок.

— Собираются ли они по крайней мере помочь нам? — спросила Инари. — Или предпочтут уйти, оставив нас умирать?

— Зависит от нас.

— Как это? — удивилась Тор.

— Они нападают исключительно на слуг управляющего, то есть Пликса, потому что те сопротивляются утилизации. Если мы не окажем сопротивления — то свободно уйдем.

— Даже так? — снова удивилась Тор. — И нет никаких вопросов?

— Они заверили, что не попытаются нас остановить.

— Но также не покажут дорогу — конечно, если я понял правильно, — резюмировал Эксфорд.

— Нет. Ведь это не их функция, — согласился с ним Эландер.

Тор вспомнила о хаотических нагромождениях внутри куттера. Она некоторым образом сомневалась, будет ли где-то безопаснее, когда корпус разорвут эти А|как|а/риилы. На самом деле, может быть еще опаснее. И что, если ниши приговоренного к утилизации корабля населены более чем одной расой. Следующие встреченные ими чужаки могут оказаться не столь сговорчивыми.

— Могут ли они сказать, каким путем пришли сюда сами? — задала она вопрос. — Если мы узнаем, каким путем лучше обойти управляющих — это будет уже что-то.

Эландер кивнул, потом закрыл глаза.

— Они предоставят информацию, — наконец ответил он. — Поскольку не рассматривают нас как реальную опасность.

— Передай, что мы благодарим и...

— Они дали нам достоверную информацию, — прервал ее Эландер. — Они уходят.

На экранах А|как|а/риилы перестраивались, концентрируясь на уничтожении последнего из черных кораблей Пликса. Короткая, плотно скомпонованная конструкция оборонялась доблестно, но тщетно. Как только она распалась на части от совместной атаки А|как|а/риилов — тут же пять лезвий устремились внутрь побоища, собирая обломки, обматывая паутиной серебристых энергетических полей — словно поедая останки корабля и упаковывая в подобие облаков, готовя их к транспортировке.

Мусорщики, — подумала Тор. — Так же, как и Юлы... Что же это, неужели такова и участь человечества?

— Путь свободен, — объявила Сэмсон. — Тор, какие будут указания?

Не отрывая взгляда от кораблей-лезвий, Тор вполголоса сказала:

— Валим отсюда, и поскорее. Клео, боюсь, я просто не могу на это смотреть.

2.1.5

Юэй/Эллил

Вход в нишу — личные апартаменты Юэя — открылся с характерным звуком, пропуская внутрь посетителя. Посетителем оказалась Кэрил/Хацис.

— Простите, что беспокою, конъюгатор, — сказала она, остановившись вплотную к Юэю.

В нише не могло поместиться почти ничего — кроме алькова, в котором нельзя растянуться во весь рост, да умывальника с системой труб. Не оставалось даже места, чтобы усадить гостью.

— Если вам неудобно, я всегда могу...

— Это не неудобно, — проговорил Юэй, и слова для него чужой речи синхронно вырвались сразу из двух гор-таней. — Я вовсе не спал.

Что было правдой. Он просто тихо сидел в своем закутке, качаясь туда-сюда на несуразно длинных ногах, обхватив руками грудь и живот. Тесно расположенные лам-

пы, светившие с потолка, не оставляли и малейшей тени в самом «дальнем» из углов его небольшого убежища.

Выражение кроткого, полноватого лица андроида подтвердило — ответ принят за достаточно убедительный. Слишком толстые, слишком водянистые и чрезмерно подвижные, физические черты людей в одинаковой степени пленяли и отталкивали Юэя; невыразимые словами отличия имелись у каждого из человеческих лиц, асимметрия была в них скорее нормой, чем исключением. Расположение большинства жизненно важных органов вне прочной части скелета, скрывавшей мозг, делало людей излишне уязвимыми для атаки.

Юэй невозмутимо ждал, когда человек продолжит разговор — но на самом деле Юла больше занимало происходившее в собственном теле.

— Хочу поговорить о продвижении Прядильщиков, — сказала Кэрил/Хацис. — Мы здесь уже три дня и пока никто не объяснил нам, что, собственно, ты обнаружил. Но ведь мы не дураки, Юэй, и уже знаем о твоей находке. И почему Согласие не рассказало нам? Полагаю, мы имеем право знать, что здесь происходит.

Юэй озадаченно посмотрел на нее. Три дня человеческой шкалы времени равнялись примерно двум его циклам. В последнее время он находился взаперти в своей комнате и полностью отрезал себя от общественной жизни Юлов/Гоэлов. В сущности, чтобы восстановить прошедшее за последние дни мимо сознания Юэя, не требовалось ничего, кроме его собственного любопытства.

Однако любознательность несколько ограничивалась необходимостью хранить в тайне его важное задание.

— Расскажи, что тебе известно, — попросил он собеседницу, обхватив руками голени и стараясь не выдать дрожи во всем теле.

Надкрылья за его спиной слабо шевелились.

Если Кэрил/Хацис и отметила состояние Юэя, то никакой реакции на это не последовало. Кэрил заговорила о деле:

— Я знаю именно то, что нам следовало обнаружить. В Библиотеке провели поиск информации относительно любых форм разумной жизни, встретившихся на пути Прядильщиков. Такого списка мы не нашли, так что пришлось вести поиск по отдельным системам. Подходящих систем нашлось множество, однако и мы были методичны. Все же не удалось получить ни одного сигнала по сверхсветовой связи и точно так же не удалось найти ни одного... как вы их называете...

Она замялась.

— Э'атра/килар, — подсказал Юэй, выдохнув странное имя двумя своими гортанями.

— Да, правильно, — кивнула она. — Еще до этого исследования один из ваших археологов/исследователей рассказывал, что Прядильщики оставляют маяки там, где они не смогли найти разумной жизни — в надежде дать цивилизациям путеводную нить поиска друг друга. Но пока что они не сделали этого. То есть не оставили ничего. Вы это знаете, и мы это знаем. Но почему такая тишина?

Он не знал наверняка, но мог предполагать:

— По моему мнению, прежде такого просто не было. А это значит — Согласно следовало быть осмотрительнее, высказывая собственные выводы, явно поспешные.

— В любом случае, пока все идет нормально. Мы считаемся партнерами, — сразу же оговорила Кэрил/Хацис. — И вам необязательно осторожничать при общении с нами. Во всяком случае не нужно ограничивать доступ к данным. Теперь мы все — «человечество/Гозлы», не так ли? И чего же тогда опасаться?

Перемен, — подумал он. — *Вот чего они опасаются!*

Достаточно плохо, что новые союзники не кажутся вполне надежными. Еще хуже то, что Юлы/Гозлы разделились на два потока. Да, многих Юлов потрясло случившееся открытое столкновение с Дзуличием. Теперь же, в свете неудачного поиска ясных преимуществ раскола, это первое поражение будет принято за доказательство будущих провалов, неизбежно предстоящих на пути к столь двойственным целям.

Знал ли об этом Практик, — подумал Юэй, — *когда избрал меня для своей миссии?*

— Зачем ты пришла сюда? — произнес Юэй вслух, отвлекаясь от мыслей. — Почему именно ко мне? Что тебе нужно от меня?

Казалось, вопрос ее удивил:

— Потому что ты посланник/проповедник...

— Нет, больше я не выполняю этой функции, — немедленно отозвался Юэй.

— Но ты понимаешь нас лучше, чем кто-либо другой. Как и Питера Эландера, тебя самого изменило вмешательство Практика. Вы оба избраны, вы — посредники во взаимодействии наших народов, и ваш долг — помочь нам работать вместе.

Так и было — в прошлом, — подумал Юэй, уже не зная теперь, каковы в точности его цели.

— Хорошо, пусть я понимаю вас лучше других, — проговорил он, озвучив беспокойство, давившее на подсознание, — но означает ли это, что я стал хуже понимать свой собственный народ?

Кэрил/Хацис покачала головой.

— Нет, ты все же конъюгатор, Юэй.

— Правильно. Однако у меня есть обязанности, не связанные с Двумицием напрямую. И если мне нет необходимости что-либо знать — необходимо не говорить мне об этом, Кэрил/Хацис.

— Но ты в любом случае мог бы спросить сам? И...

Она замялась, увидев гримасу безнадежности на лице Юэя. В глазах собеседницы он мог видеть отражение той же маски. Эти резкие черно-белые линии контрастировали с пухлыми, округлыми формами андроида. Мелькнула мысль:

А если я сниму маску — что за лицо я увижу тогда?

— Ты все еще не сказала, зачем, собственно, пришла, — проговорил он наконец.

Она нахмурилась:

— Я полагала, что просто...

— Нет, не то, — прервал ее Юэй. — Почему именно ты, а не один из ваших.

Она заморгала — большими, влажными глазами.

— Я ведь Ю-Кван, единственная Хацис в миссии... Должность моя невеликая, однако хотелось бы удостовериться, все ли идет как надо...

— Выполняешь все, что скажет оригинал?

— Этого от нее не требуется.

Он кивнул. Что-то внутри него зашевелилось, заставив покрепче обхватить согнутые, прижатые к телу ноги.

— Не хотелось бы докучать тебе, — сказала она, глядя на Юэя с каким-то особым пониманием, — но поговорить нам больше не с кем. Замолчал даже Практик. Если происходит что-то плохое — считаю, мы имеем право знать.

— Ладно, ладно, — проговорил он, желая избавиться от ее общества. — Я попробую, но не уверен, что получится... Сейчас я не в форме...

— Болеешь?

— Нет.

— А может, ты?.. — Она замаялась, затем предположила наугад: — Ты что, беременный, что ли?

Юэй коротко хохотнул, слегка смещенные тембры двух его гортаней прозвучали вразнобой. Горечь и одновременно целая гамма чувств, скрывавшихся за этими звуками, навряд ли дошли до ее человеческого слуха.

— Нет, я не беременный... Просто не время.

— Извини, кажется, это глупый вопрос. — Любопытство в ее глазах сменилось на неуверенность. — Это как раз тот аспект вашей жизни, в котором мы почти ничего не понимаем. Известен термин «носитель плода/удостоенный расположением», однако его истинное значение нам пока не ясно. Эландер полагал, что вы, возможно, бисексуальны или «спариваетесь» втроем... но...

Фраза повисла в воздухе.

Похоже, она ждала ясности в этом вопросе.

— Извини, Ю-Кван, тебе лучше уйти.

— Да, конечно. — Она с облегчением направилась к выходу. Дверь с шипением отворилась. — Спасибо тебе, Юэй. Думаю, ты будешь доволен всем, что сам найдешь.

Он вновь кивнул, на прощание. Только проводив гостью, Юэй смог определить источник своего дискомфорта; этим источником оказалось нечто, буквально извивавшееся у него в брюхе. Мускулатура главной брюшной полости спазмировалась, передергиваясь где-то внутри него. Юэй широко, как только можно, раскрыл рот — вместо стона из него вырвались три струи черной крови, из самого нутра, разбрызгавшись по полу.

Он помылся и, шаркая, страдая от боли, потащился к комнате доступа к закрытой информации. Встречные смотрели на него с некоторым удивлением, однако не произносили ни слова. Он чувствовал себя пророком/парией: удостоенным чести, но и отверженным — его боялись и ему поклонялись. Сам он чувствовал, что выражение его лица меняется, образуя замысловатую и странную ленту.

Почти без чувств он добрался, наконец, до пункта доступа. Ползком, придерживая живот одной рукой, другой он сумел помочь себе примоститься на сиденье. Окончательно вымотавшись, Юэй откинулся, осев в кресле и едва сохраняя вертикальное положение.

— Я конъюгатор Юэй/Эллил, — представился он коммуникатору.

— Знаю, — ответил ему мягкий голос, голос самого Практика.

Юэй с трудом подавил приступ дрожи. Он ожидал услышать ответ искусственного разума — уравновешенного, безразличного и обезличенного собеседника.

— Ты здесь для того, чтобы отвечать на вопросы?

— Смотря по тому, что ты хочешь узнать, Юэй.

— Я хочу знать, где мы.

Это не было внезапно пришедшей в голову мыслью, из-за нее он пришел сюда.

— «Мантисса-А» поставлена на орбиту около звезды, названной людьми именем Алькаид. Мы здесь уже примерно один цикл.

— Что с Прядильщиками? Мы определили, где их фронт?

— Прядильщики? — Практик негромко засмеялся, словно закашлялся. — Юэй, ты заговорил как человек.

— Это ты сделал меня таким, помнишь?

Дискомфорт придал голосу оттенок неучтивости; впрочем, ему было все равно.

— Фронт Прядильщиков до настоящего момента не обнаружен.

— А что э'атра/килар?

— Не найдено ни одного следа.

— И как это понимать?

— Не знаю, Юэй.

Практик говорил словно снисходительный страж, играя в ту игру, которую отлично знал и в результатах которой не был особенно заинтересован. Его интерес состоял в наблюдении за реакциями партнера. Он продолжал:

— Однако мы имеем массу слухов в среде Юлов/Гоэлов. Кое-кто из состава Согласия верит, что Двуличие сменило курс, и мы просто не смогли этого заметить.

— Это должно было означать огромные отклонения, вряд ли похожие на все, что наблюдалось раньше.

— Точно. Но пока это лишь возможный вариант. Остальные, естественно, верят, что навлекли на себя гнев Двуличия, приняв участие в битве при Бейде. Тот факт, что Дары продолжают прибывать в зону, обитаемую человечеством, несколько их не смущает. Ими управляет чувство иррационального страха.

— А что говорят более рациональные голоса?

— Некоторые полагают, что нам следует ждать и наблюдать за происходящим. Поиски продолжаются. Предстоит впервые обследовать множество систем, и большое количество придется посетить повторно. Фронт может прийти снова.

— А если нет?

— Остаются единицы — те, кто полагает, что преуспело Несогласие. Если Двуличие заставили напасть само на себя — значит, фронт миграции исчез. Даров больше не будет.

Следствий, вытекающих из последнего рассуждения, могло быть предостаточно, и Юэй хорошо понимал причины, по которым Согласие отказывалось обсуждать с людьми суть проблемы. Спасение от уничтожения означало и отказ от всяких выгод.

— Что говорится в сигналах, принимаемых из Освоенного Космоса? — спросил Юэй. — Мы еще в состоянии принимать их?

— Пока что да. Однако в них нет новой информации. Нет новостей и из системы Пи-1 Большой Медведицы.

Если так пойдет дальше — «Мантисса-А» совершит переход до 24 Гончих Псов.

Подходящее название, — подумал Юэй, переведя с человеческого языка имя созвездия, в которое входила звезда — гигант типа А. — *Действительно, «Псы»*.

Внезапно он переменял тему разговора — внутри брюха снова что-то зашевелилось.

— А что ты сделал со мной?

— Я уже говорил, — спокойно ответил Практик. — Я дал тебе кое-что на будущее.

— Что это? — настаивал Юэй. — Семя? Спора? Что?

— Оно причиняет тебе боль?

— Да, и очень сильную.

— Мне жаль, Юэй. — В голосе Практика послышалось сожаление. — Скажу тебе искренне: я бы желал противоположного. Орган, причиняющий тебе боль, был моей частью очень долго — много тысяч лет. Я не использовал его никогда, и он рос как бы независимо, по собственным законам. Да, это действительно орган для размножения — хотя теперь и не выполняет эту функцию. Я больше не могу размножаться. Его цель иная.

— И что за цель?

— Загладить мою вину, — загадочно произнес Практик. — В тебе — ключ к моему Искуплению.

— Не понимаю.

— Ничего, скоро поймешь. Особенно скоро, если события будут разворачиваться так, как они, кажется, должны развернуться. Все продолжается именно таким путем, на который я рассчитываю и который одновременно внушает страх.

— Больше ты ничего не скажешь?

— Не могу, Юэй.

— Сообщишь ли ты людям об исчезновении фронта?

— Благостные увещевания — не моя функция.

— Это совсем не то, что люди хотят услышать. Теперь они человечество/Гоэлы. Несомненно, их следует проинформировать.

— Они вовсе не человечество/Гоэлы. И никогда не будут ими.

Юэй был удивлен.

— Они вступили в движение миграции и вправе претендовать на свой титул.

— Гоэлы — не титул. Некогда это название имело особый смысл.

— Меня учили, что его смысл — это «спутник» или «попутчик», — ответил Юэй.

— Такое значение оно приобрело так давно, что все забыли о другом — истинном и первоначальном.

— Так что же оно означало когда-то?

Ответом была лишь тишина, долгая и неудобная, тянувшаяся особенно долго из-за ощущения внутренней боли. «Искушение»... В конечном счете, когда стало ясно, что Практик больше не заговорит, Юэю пришлось оставить свои вопросы и ползти обратно в нишу. Там он опять сжался в комок и остался сидеть так, раскачиваясь взад и вперед в надежде найти место для себя и собственной боли.

2.2

Иудина альтернатива

**2160.9.30 по стандартному времени
космических миссий
(3 сентября 2163 по земному календарю)**

2.2.1

Лючия Бенк проснулась, купаясь в лучах нового солнца.

Ее сознанию потребовалось время, пока мысль выпутывалась из представлений о собственной, уже наступившей смерти. Последним, что она запомнила, казалось появление Морских Звезд на Расмуссене: уничтоженные ими башни и «Маркус Чон», смерть Роба Сингха и его товарищей, отчаянное бегство самой Люции в Темную Комнату.

Казалось, все это выжжено навеки в ее памяти, словно зловещий и похожий на привидение моментальный снимок самой Смерти.

Однако вот она здесь, все еще вполне живая и вполне определенно не на Расмуссене. То светило, на Расмуссе-

не — BSC, классифицировалось как яркая звезда G-класса с одиннадцатью планетами, а здешняя система насчитывала только семь миров — от твердых планетарных тел каменной природы до газовых гигантов с атмосферой, пронизанной вихрями и немыслимыми, хрупкими на вид системами колец.

Каким образом Лючия могла видеть их действительное изображение, оставалось загадкой для нее самой. Очевидно, знание само собой присутствовало в ее голове — так, словно оно было там всегда, подобно вещам, давно и хорошо ей знакомым. Чем дальше Лючия продвигалась в размышлениях, тем более знакомой казалось это место и тем сильнее она ощущала эффект своего реального присутствия — кажется, она уже была здесь когда-то давно...

Это Солнечная система.

Что-то, несомненно, изменилось. Юпитер, Сатурн и другие планеты казались вполне узнаваемыми, так же как Марс и Меркурий. Большая часть малых тел из пояса Купера находилась именно там, где им и было положено. Даже само Солнце сияло знакомым желтым с пятнами свечением.

Правда, между Меркурием и Марсом оставался небольшой промежуток, занятый совсем уж небольшим мирком. Это даже нельзя назвать планетой. Мертвое, совершенно безжизненное тело, опаленную поверхность которого испещряли недавно образовавшиеся кратеры. Потребовалась томительная пауза, в течение которой Лючия пыталась определить объект, что оказалось возможным, едва она увидела старую китайскую базу Юй — на том месте, которое раньше называли темной стороной этого небольшого

мира. Сейчас другие его части оставались темными — кроме той, что оказалась обращенной к Солнцу. И свет, отраженный от Земли, уже не падал на Луну — потому что сама Земля давно исчезла.

Лючия слышала такие рассказы — от Тор, да и от остальных, — однако реальность оказалась все еще не осознанной ею до конца. Видеть такое собственными глазами — или тем, что служило ее глазами, — означало самой принести в свой дом горестную весть.

Дом?

Дома больше нет, он исчез навсегда. Все, что Лючия могла припомнить — свои детские годы на Даларне, потом учеба на Стржелецки, отбор для участия в миссии, тренировки. И все это ушло безвозвратно. Так же, как семья, друзья. Так же, как и та женщина — ее оригинал. Всё и вся ее прошлой жизни — окончательно и бесповоротно окончилось.

Что осталось — так это огромные облака пыли, сметаемые с остатков огромных сооружений эпохи пост-Спайка, называемые Кэрил Хацис не иначе как скелетами. Морские Звезды разнесли на атомы почти все. Погибли и самовоспроизводящиеся органические молекулы — все до единой, не оставив надежды на возрождение родного ей мира.

Дом...

Лючия приказала себе остановиться, больше не думать на эту тему — теперь от ее дома не осталось совсем ничего. Единственным целым артефактом во всей системе можно считать могильный камень ее цивилизации, оставленный Юлами на околосолнечной орбите — как практически

ничего не означающее напоминание: давным-давно, так давно, что уже никто не помнит, здесь кипела разумная жизнь. Теперь Лючия сама стала единственным живым существом во всей Солнечной системе.

К тому же она не вполне уверена, что жива.

Определение собственной личности, Лючии Бенк, было вне сомнений; что касается формы нынешнего бытия — она все еще оставалась неясной. Не было ясного ощущения своего тела. Чувствовала ли она движение собственных рук? Конечно, но они не были отделены от тела так, как ее прежние, живые руки. Это странное и совершенное чувство, ощущение множественности. Некоторые из «рук» действовали в направлениях, не существовавших в реальной Вселенной, другие могли дотянуться до вещей, ощутить которые просто невозможно — вроде атомного ядра или вакуума, богатого энергией нулевых колебаний. Она словно представляла собой загадочного и высокоразвитого осьминога, бороздящего океаны, лежащие вне пределов обычного понимания.

— Что со мной?

Ее голос эхом разнесся в пространстве, не встретив ответа. В этот момент Лючия ощутила зиявшую внутри пустоту. Даже турист нуждается в ориентирах для своего возвращения — или же в якоре, в исходном пункте, определяющем систему координат. У нее больше не оставалось подобного пункта, а его отсутствие — обстоятельство некоторым образом худшее, чем потеря всякой способности к путешествиям.

Внимание Лючии привлекла неоднородность, неожиданно возникшая в опустошенной системе — всплеск, на

месте которого наносекундой раньше не было совершенно никакой активности. Точка яркого свечения расцвела во мраке, как цветок. Легкое движение энергии наложилось на солнечный ветер, вызвав странный эффект ряби, закачавшейся и опоясавшей светило по кругу, словно корона при его полном затмении.

С пониманием происшедшего пришел и страх. Она уже наслушалась о подобном. Кингсли Оборн, давно, еще на Расмуссене, в комнате Согласия, предлагал всем собственные объяснения явления, названного им Оком — этого незримого предвестника появления Морских Звезд. Туда, куда оно смотрит, и там, где видны следы разумной жизни, — вскоре является сама Смерть.

Видит ли ЭТО меня саму? — подумала Лючия. Ответа не находилось. Она даже не знала, можно ли вообще ее увидеть. Последнее, что она запомнила, это ее собственная мольба и голос, сказавший:

— ЭТО ПОСЛЕДНИЙ ИЗ НАШИХ ДАРОВ.

— Кажется, пришло время отправиться в дорогу, — проговорила она, чувствуя, как мириады ртов повторяют за ней, слово в слово, распространяя сообщение тысячью путей. — Мы обнаружены.

Ответа не последовало. В отличие от последней ситуации, когда Лючии пришлось позвать на помощь, ощущений от наблюдающих за ней многочисленных глаз не было вовсе, не было и эффекта присутствия невидимой прослушки — интеллекта, скрывавшегося за краями тени. Собственно говоря, здесь находилась только она — одна, за исключением Ока Морских Звезд.

Лючия чувствовала, как ее буквально сверлят взглядом, изучая и просвечивая насквозь мельчайшие дела. Она вдруг подумала:

— Что оно видит?

Узнать это казалось невозможным. Однако ее присутствие не составляло секрета для наблюдателя. По крайней мере в этом Лючия совершенно уверилась. И еще в том, что Око уже связывается с убийцами.

— Если ты собираешься сделать хоть что-то, сейчас — самое подходящее время, — нервничая, убеждала себя Лючия.

В ответ слышалась лишь тишина. Если сами Дары — это те, что забрали ее с Расмуссена, то они вовсе не предполагали помощь, переместив ее сюда, в Солнечную систему. Не сделав ничего похожего на реальное спасение, они просто оставили ее одну — вовсе без всякой помощи, в таком же точно положении, в каком Лючия осталась в прошлый раз. Единственным отличием были декорации.

Око неровно перемещалось, время от времени вспыхивая. Хаотический ритм его мощного сияния, казалось, дразнил Лючию.

— Подожди еще немного, — как бы говорило оно, — скоро твои заботы будут окончены. Еще чуть-чуть, и мы избавим тебя от страданий.

— Но я не желаю умирать!

Протестующий крик разнесся в пустоте, окружавшей ее необычное новое тело.

— По крайней мере пока не узнаю, кто я!

Если Морские Звезды и собирались прийти, положив конец загадке ее собственного существования, Лючия хотела бы увидеть, что именно они придут убивать.

Небольшим мысленным усилием она заставила одну часть себя уйти вперед, оторваться от основного «Я», посмотреть на себя же со стороны, и у нее получилось! Лючия не вполне понимала, что на самом деле происходит и каким образом, но все было так, как она захотела. Множество противоречивых ощущений захватывали ее внимание; информация — вернее, потоки данных входили в нее самыми разными путями, оставаясь при этом совершенно непонятными, не говоря уже о более тонком анализе.

Когда же она увидела, к чему именно пришел хаотичный взгляд Ока, павший на руины Солнечной системы, — то поняла, наконец, чем стала сама. Она поняла все.

ЭТО ПОСЛЕДНИЙ ИЗ НАШИХ ДАРОВ.

Восхищение и признание сути нового «Я» пронзило Лючию в тот самый момент, когда все ее внимание было направлено на Око. Оно все еще наблюдало. Лючии захотелось, чтобы наблюдатель мог видеть, как она пробует свои новые крылья.

— Поймай, если сможешь!

В следующий миг Лючия унеслась из Солнечной системы.

Первый прыжок вернул ее на Расмуссен, в окрестностях которого все еще тлели руины Даров и «Маркуса Чона», едва заметные в диапазоне инфракрасного свечения. Заботливо сохраненная до того, экосистема Расмуссена догорала около разрушенных ударом сквозь атмосферу, остекленевших остатков башен. Морские Звезды ушли совсем недавно, и Лючии не хотелось бы опять привлечь их

внимание. Усилием мысли, легчайшим из возможных, она отправила себя дальше, в новый путь.

Поначалу ее беспокоила перспектива зря потраченного времени. В кораблях, прорезавших пространство, сверхсветовые путешествия вовсе не были моментальным перемещением. Путешествие, занимавшее один день по реальному времени вселенной, соответствовало максимум восьмидесяти световым годам и укладывалось примерно в два дня — уже по представлениям пассажиров. Лючия быстро поняла, что ее собственные перемещения происходят гораздо быстрее. Путешествие от Солнца до Расмуссена заняло от силы час реального времени. Одного этого достаточно, чтобы рассеять все томительные сомнения в достоверности собственного существования!

Разум, говоривший с ней до момента, когда Морские Звезды разрушили Расмуссен, исчез. Единственная поддержка, имевшаяся у нее теперь, — небольшие подпрограммы и средства для управления своими перемещениями. Пока она просто доверялась им, не разбираясь в механизме реализации желаний.

Лючия начала обследование Вселенной от Солнца, ища выживших, изучая страшный след Морских Звезд и наблюдая произведенное ими опустошение. Грумбридж-1830, Лямбда Аурига, Тета Персея, многие и многие другие миры были совершенно выжжены. Последний участок столь самоуверенно освоенного человечеством космоса сжался, почти исчез.

Интуиция привела ее к Йоте Волопаса, колония в системе которой носила имя Кандемиус в честь ее знаменитых горных пиков. Кан, как называли поселение сами ко-

лонисты, была миром довольно жестким, непохожим на старый дом Питера на Адрастее, однако люди жили и работали там годами. Стремление людей к завоеванию природы и ее преобразованию на свой манер прижилось здесь как нигде больше. И здесь оно оказалось столь же безжалостно изгнанным, как и отовсюду, из остальных разрушенных миров.

Лючия ощутила роковую предопределенность.

Где я, куда иду? — мелькнула жалкая мысль.

Морские Звезды неутомимы. Где бы ни скрылись энграммы, куда бы они ни бежали — все равно, рано или поздно все они будут пойманы. У человечества нет надежды и нет будущего. Его история подошла к своему финалу — свершится то, чего не смог добиться даже террор машин во времена Спайка.

Но она сама — ведь она не может уйти. Теоретически это возможно, однако Лючия чувствовала родство с выжившими людьми. Ее вырвали из лап смерти в последний момент. И не стоит благодарить судьбу за некие личные качества. Лучше всего просто записать нынешнее существование на счет простой удачи. Даже если причиной тому простая удача — не стоит бежать от нее сломя голову.

Лючия предполагала, что превратится в странника по Вселенной — но всякому страннику нужен свой дом. Вот куда ей нужно, вот что должно стать точкой отсчета! Предполагая, что нужно исследовать Вселенную в одиночку, на самом деле она хотела лишь оставаться с Питером. Могла ли та личность вынести его отречение, не изменив своих ориентиров? Сейчас ситуация иная: новой личнос-

ти нужны новые цели, и Лючии хотелось переписать себя набело. Теперь ей необходимо общение. Нужны новые люди и новые альтернативы.

Единственная из доступных альтернатив находилась на данный момент в звездной группе Алькаид. Возможно, что это последнее прибежище людей, найденное ими когда-то в освоенной части космоса. Расмуссен уже вышел из игры, а ведь это ближайшее из пяти поселений, расположенных на пути фронта Морских Звезд. У четырех оставшихся оставалось еще дня два или три до момента их неминуемой встречи с противником.

Порядок следования известен ей заранее — как и любому, кто имел счастье быть на Расмуссене хотя бы раз. После BSC-5070 шла BSC-5423, за ней — Земина, следом — HD-132142 и Деметра. Это всего лишь две точки на огневом рубеже. Потом следовала очередь BSC-5581 и Гебы, и далее — в конце представления — BSC-5148 и Сагарси. Знакомые названия и знакомая судьба, их ожидающая.

Если бы Лючия смогла, повторив собственное спасение, дать выход из тупика остальным...

С такими мыслями она переместила себя прямо на Сагарси, безо всякого усилия перейдя в орбитальный полет, траектория которого проходила над обоими полюсами планеты с ее еще только зарождавшейся атмосферой, наполненной формами разнообразной протожизни. С момента прибытия Лючию постоянно сканировали, а импульсы тревожной сигнализации наполняли все окружающее ее пространство.

Зная все о судьбе Расмуссена, поселенцы понятным образом нервничали, остерегаясь прибытия любых неж-

данных гостей. То, что она выглядела столь знакомой, вовсе не устраняло их опасений.

Новые «руки» Люции с легкостью дотянулись до системы управления миссией — на корабле «Фрэнк Дрейк», отключив сигнал тревоги. С отключением сирен наступила тишина, в которой ропот голосов вокруг нее стал ясно различимым. Люцию спрашивали, кто она, почему здесь находится, и она понимала их смятение. Она и сама не вполне осознавала, каким образом очутилась здесь.

Корабли появлялись и снова проваливались во внепространство, совсем близко от нее; ее изучали, тестируя и уровень средств защиты. Не слишком легкое дело. При помощи собственных органов чувств Люция видела и то, в каком обличье она представлялась людям. И похоже, она действительно казалась им цилиндром, перетянутым с обоих концов, примерно полкилометра в длину, с поверхностью, сплошь покрытой едва заметными ямками и зазубринами. Золотистого цвета, точно такого же, как и другой такой же цилиндр, висевший на геосинхронной орбите по соседству — над проплывавшей внизу поверхностью планеты.

Люция стала Десятой башней. Она стала Темной Комнатой. Она оказалась последним подарком, оставленным человечеству.

2.2.2

Слова повисли в мертвой тишине рубки. Казалось, добавить к ним уже нечего. Эландер мог спокойно отключиться от происходящего и немного сбросить бешеный

темп работы своего процессора — пока все очнутся и найдется новое решение, — если бы не два существенных обстоятельства.

Первое: здесь было еще на что посмотреть — Клео Сэмсон заставляла корабль идти строго по курсу, выданному им командой, разбиравшей куттер на «запчасти», и драма представлялась Питеру захватывающей. Второе: предложение высказано в присутствии не совсем обыкновенных слушателей — здесь находилось сразу четыре Кэрил Хацис, что делало сию постановку уже совершенно неотразимой.

— Нет ни выраженных структур управления, ни каналов понятных нам коммуникаций, — возбужденно проговорила Гу Мань. — К чему пытаться лезть на контакт с теми, кто принимает решения, если мы сами еще не представляем, где и что искать?

— Просто мы ищем не там, где нужно, вот и все, — возразила Тор.

Ее тон показался Эландеру чрезмерно усталым, за раздражением явно прослеживалось глубочайшее опустошение. Начинали проявляться признаки того давления, которое все они испытывали в прошедшие с начала последней миссии дни.

— Думаю, ты просто не отдаешь себе отчета в масштабах явления, с которым мы столкнулись, Тор, — поговорила Инари. — Мы подобны микробам, пытающимся завалить огромных размеров кита!

— Она права, — согласилась Гу Мань. — Не похоже, чтобы мы смогли хотя бы их заинтересовать.

— Верно, ничего такого мы не сумели, — согласилась Тор.

— Так зачем же ты заставляешь нас биться своими головами о глухую стену? Просто собираешься наконец убить нас?

— Хотя бы умрем в борьбе! — Тор зло уставилась на Гу Мань и Инари, выведенная из равновесия их нападками. — Однако не собираемся же мы вернуться, не испробовав все доступные возможности? Я просто не позволю этого.

— Что? Ты не позволишь? — эхом откликнулась Гу Мань. — А кто дал тебе право решать то, что затрагивает интересы остальных?

— Разумеется, вы сами, — ровным голосом ответила Тор, — назвавшись добровольцами.

— Никто из нас не был добровольцем коллективного самоубийства, — сказала в ответ Инари. — Мы сделали так потому, что верили: у нас есть шанс!

— Шанс, который мы ищем и сейчас.

— Не там, куда ты тащишь всех нас.

Тор раскрыла рот, собираясь в очередной раз возразить, как вдруг умолкла. Она не сказала ни слова, и Эландер вдруг понял ее мысль, она будто прозвучала во взгляде. Чувствуя себя преданной собственной командой, Тор расценила это как вызов своему авторитету.

— Я не вижу, что еще могла бы сделать Тор, — сказала наконец Сол.

Если бы Эландер мог коснуться ее рукой, он попытался бы предупредить это высказывание, предоставляя остальным самостоятельно уладить вопрос. Как видно,

молчание в принципе не свойственно натуре Хацис, что доказывала и нынешняя дискуссия.

— Вы знали еще до старта, что успех нашего предприятия маловероятен, — продолжила Сол, обращаясь к Инари и Гу Мань. — И я не считаю, что вы поступаете порядочно, отзывая полномочия Тор именно сейчас.

— Ситуация изменилась, — возразила ей Гу Мань. Бывшая когда-то второй в иерархии, после самой Сол, она смотрела прямо на Кэрил Хацис — так, словно всегда испытывала к ней только пренебрежение. — Все ж, теперь мы знаем много больше! Продолжать нашу линию сейчас, когда известно, с какой силой мы столкнулись — в равной мере тщетно и контрпродуктивно. Результаты окажутся совершенно обратными задуманным.

Инари кивнула.

— Единственное, что мы можем сделать, — это возвратиться к остальным и рассказать о том, о чем мы узнали.

— И о чем же мы узнали? — спросила Тор. — Обнаружили внутри куттера пару новых враждующих друг с другом видов? Как практически использовать такую информацию?

— Они могут принять решение о вступлении своего народа на тот же путь, — ответила Гу Мань. — Мы в состоянии найти собственную нишу внутри экосистемы куттера, подобно А|как|а/рилам или Ппликсу.

Тор зашлась в припадке нервного смеха:

— Думаешь, просто голоснем попутку — и все вопросы решим по ходу?

В ответ Гу Мань только пожала плечами:

— Это по крайней мере одна из реальных возможностей. Та, которая может показаться остальным достойной их внимания.

— А ты что, считаешь, другие все это время сидели сложа руки и ничего не делали? — спросила Сол. Она показала головой, затем продолжила: — Нет, не думаю. Несогласию следовало искать альтернативные пути на тот случай, если мы с вами потерпим неудачу. Они могут даже попытаться отправить еще одну миссию для контакта с Морскими Звездами. На мой взгляд, не следует отходить назад, пока мы окончательно не убедились в невозможности добиться успеха. По крайней мере мы избавим других от страданий и разочарования новых бесплодных попыток.

Глянув на Тор, она обвела взглядом и остальных, опасаясь задеть самолюбие присутствовавших.

— Разумеется, это всего лишь мое личное мнение, — заключила Сол.

Тор одобрительно кивнула.

— Мы идем дальше. Таково мое решение.

Гу Мань понуро опустила голову.

— Все же ты решила убить нас, Тор. Возможно, именно Морские Звезды держат в руках оружие, но именно ты, точно одержимая, пригибаешь наши головы, подставляя их прямо под пулю.

Обычно оливковая, кожа Гу Мань приобрела отчетливо бледный оттенок и пошла пятнами. Эландер понял, насколько она испугана. Он не осуждал ее, нет. Ничего, подобного битве между А|как|а/риилами и Плликсом они прежде не видели и не могли — даже теперь — внятно это

описать. Хаос разрушения, наведенный командой по разборке внутри корабля, волной прошел сквозь огромные конструкции, несопоставимые по размерам ни с чем, созданным человечеством за всю свою историю. Клубящиеся потоки энергий все еще метались по коридорам, вырываясь из разорванных отверстий в «венах», но чем ближе они подходили к выходу, тем заметно более спокойным становилось внутреннее пространство куттера.

Они прошли сквозь слои, обеспечивавшие кораблю структурную прочность. Их сложенные вместе серебристые листы казались организованными в пачки, десятки которых составляли каждый слой и были прошиты ярко-голубыми «нитеями», каждая в ствол дерева шириной. Встречались пучки стеклянных волокон, похожих на оптические информационные каналы — которые, однако, могли служить совершенно иным целям; они извергали наружу потоки пестро раскрашенного света в тех местах, где на волокнах имелись заметные повреждения.

Повсюду, где проходил «Эледон», встречались черные останки угловатых кораблей Ппликса. Возможно, это результат уничтожения тех, кто управлял интерпространствами, а может, и нет, но внепространственный корабль шел спокойно, не встречая на своем пути попыток перехвата. Как и обещали А|как|а/риилы, путь отхода был чист.

Однако он все же не оказался слишком простым. Все было разрушено: там, где поврежденные ранее коридоры уже сомкнулись, встречались тупики; энергетические потоки, пройти сквозь которые «Эледон» не отваживался; необъяснимые колебания структуры пространства-времени там, где находились руины, все еще источавшие свои

загадочные поля. Обрывки прошлого появлялись и затем исчезали, точно призрак странной цифровой анимации, представляя все более поразительные картины. Подходить к этим местам близко не следовало, но Эландер был рад, что не знаком с силами, которые могли причинить куттеру подобные повреждения.

— Ваша позиция довольно спорна, — вдруг заметил Эксфорд-1313. Он обращался к Гу Мань. — У нас нет средств, чтобы уйти отсюда именно теперь. И мы вынуждены оставаться здесь, не важно, хотим ли этого или нет.

— Это еще не означает нашего отказа от всякой попытки вырваться. — Гу Мань сердито поджала губы. — Возможно, мы еще можем сесть «на хвост» другому куттеру или же запросим помощи у А|как|а/риилов.

Эксфорд выслушал ее довод и издевательски потряс головой.

— А что заставляет ожидать нашего успеха там, где все прошлые попытки совершенно очевидно закончились провалом? Они держат свой путь Бог знает сколько тысячелетий; им совершенно нет дела до любых попыток любых существ вступить с ними в контакт.

— Но о них известно Практику, — заметила Инари, ее взгляд упал на Эландера.

— Все, что знал Практик, — возразил Эксфорд, — или думал, что знает, — это информация об уничтожении А|как|а/риилов Морскими Звездами. Он, вне всякого сомнения, не знал о том, что они выжили. Иначе постарался бы упомянуть об этом, не так ли, Питер?

Эландер только пожал плечами, не зная, что ответить. Сам факт, что Практик вмешался в его сознание, достро-

ил его тело и память, все еще раздражал Питера. Не располагая более поздними, чем после разговора с А|как|а/риилами, данными, Питер успокаивал себя представлением, что некое «вмонтированное» в его сознание средство просто-напросто нашло соответствие с информацией, заложенной в него когда-то. Однако доступ к определенным данным еще не гарантировал ему положения эксперта по информационным возможностям Практика.

Что за новые сюрпризы может заключать в себе его сознание?

— Если это и есть знания, способные принести пользу другим, — продолжала стоять на своем Гу Мань, — о них следовало сказать!

В рубке наступила минутная пауза. Все замерли, лишь Сэмсон продолжала вести корабль сквозь разрушенные внутренности куттера.

— Я должна наконец признать это существенным обстоятельством, — объявила Тор, после некоторого раздумья. — Однако я не могу, и я не готова отказаться от миссии, по крайней мере сейчас. Пока мы ищем способ войти в контакт с Морскими Звездами — мы также ищем и способ выбраться отсюда. Итак, если первое дело некоторым образом проваливается, еще остается попытка для решения второй задачи. Разумен ли такой компромисс? Гу Мань, Инари?

Обе с облегчением закивали.

— Насколько мы приблизились к выходу?

Вопрос Эландера, направленный в сторону Клео Сэмсон, заполнил напряженную паузу.

— На такой скорости приблизимся к конечной точке маршрута примерно через час, — прозвучал четкий ответ.

— Хорошо, тогда я отключаюсь — примерно на полчаса, — проговорила Тор. — Гу Мань, в мое отсутствие — отдаешь команды вместо меня.

Гу Мань с удивлением выслушала распоряжение, встретив новые обязанности лишь утвердительным кивком.

Сол подошла поближе к Эландеру и коснулась руками его ладоней — так, чтобы разговаривать с ним без чужих ушей.

— Умно, не так ли? — мысленно проговорила она. — Сдача полномочий Гу Мань — на короткое время — не влечет никаких последствий, зато позволяет сохранить лицо.

— А выведешь ли ты ее из игры, если она решит повернуть назад? — парировал Питер.

— Не уверена. Интереснее видеть, что до этого сделает Эксфорд. Есть многое, чего он нам не говорит, а что именно — мне бы хотелось узнать. Очень.

— Когда ты планируешь это сделать?

— Вероятно, когда станет немного спокойнее. Или наоборот — если ситуация обострится больше, чем следует.

Эландер посмотрел туда, где отдыхала Тор:

— Думаешь, она и вправду отключилась?

— Просто перешла на самый быстрый режим, получив всю разрядную сетку процессора, какая есть.

Эландер кивнул.

— Неплохой шаг. Мы не имеем понятия, что ищем по ту сторону корпуса куттера.

Он попытался не думать об этой вроде бы далекой перспективе — но сосредоточиться на текущей обстановке

оказалось трудно. Если А|как|а/риилы заняли нишу по разборке поврежденных куттеров, на кого они, собственно, работали? На самих ли Морских Звезд или на представителей более высоких ступеней иерархии?

Питер допускал, что остальные не вполне доверяют его предположениям. Размышляя, какими путями может пойти дальнейшее движение миссии, Питер все время представлял себе ужасающую картину: как они следуют от одной расы к другой в напрасной надежде встретить ту, что даст им прямой контакт с Морскими Звездами, пока надежды, может быть, через тысячу лет, один из встреченных ими видов не совершит роковую ошибку, и они займут собственную нишу во внутреннем мире куттера — возможно, став расой, известной всем как Исследователи, или что-то вроде этого.

А что, если Морских Звезд не существует вовсе? Что, если их представители уже умерли, а разрушительный флот, созданный для покорения Вселенной, действует лишь по инерции; если это машины, запрограммированные своими создателями когда-то давно, населенные лишь паразитами и теперь неспособные остановиться уже никогда?

Время покажет, рассудил Питер, время, которое идет сейчас слишком быстро. Если они вскоре не найдут ответа — будет поздно изучать разницу между освоенным космосом и неосвоенным, а случившееся с «Эледоном» и его экипажем не будет представлять никакого интереса.

Сол убрала руки, вероятно, почувствовав, что Питер не испытывает желания разговаривать. На мгновение он пожалел об этом, привыкнув к теплему ощущению кон-

такта, — однако не сделал попытки возобновить их немой разговор.

Один, со своими мыслями, Эландер откинулся назад и просидел так около часа, совершенно безмолвный.

«Эледон» пробирался вперед, в какой-то момент войдя в зону с нагромождением структур, напоминавших пурпурные сталактиты и сталагмиты. Огромные, перекрывающие друг друга заостренные образования шли от пола к потолку и обратно, завершаясь конусообразными, с совершенной геометрией кончиками. Однако концы сталактитов и сталагмитов не совпадали в пространстве, так что острие одной формы приходилось на проем между другими. Сол показалось, что «Эледон» вовсе не космический корабль, а крошка хлеба, попавшая в пасть невообразимо огромной твари.

— Здесь повреждений меньше, чем в других местах, — вслух заметил Эландер.

Сол кивнула. Еще встречались следы пузырей расплавленного материала на цельных, без единого повреждения стенах, и виднелось даже несколько длинных скрученных рубцов от разряда лучевого оружия, однако их оказалось несравнимо меньше, чем она могла видеть в других отсеках куттера. Не отмечалось и турбулентных потоков, какие встречались в «венах». Совершенно ясно: чем ближе подходили они к внешним уровням гигантского корабля, тем спокойнее становилась среда, их окружавшая.

— Посмотри сюда, — оживился Эксфорд.

Он встал со своего места и подошел к Сол.

Сол посмотрела туда, куда он указывал и увидела какую-то черную заплату, оторванную с одной стороны.

— Похоже на повреждение, — сказала она.

Эксфорд согласно кивнул:

— К тому же очень старое повреждение.

Инари подошла к ним:

— Что это означает, как думаешь?

— Даже корабль, столь совершенный, подвергается иногда внешним атакам, — пояснила свою мысль Сол. — Если считать этот след результатом внешнего воздействия, значит, мы действительно близко от внешнего космоса.

Сол начинала думать, не походит ли куттер на что-то вроде живой клетки. Он имел не вполне четкие очертания и был лишен многих особенностей, связываемых обыкновенно с организмами, живущими самостоятельно. Представление о нескольких абсорбированных им расах уже не казалось чем-то особенным, если иметь в виду, что некоторые клетки собирают в себе другие создания по ходу эволюции, делая собственный обмен веществ более эффективным. Будь то кишечная бактерия или митохондрия, абсорбция меньшего по объему существа в большее вполне соответствует парадигме биологии.

Сама же она знала точно, что не хочет быть никем абсорбированным. Даже в Солнечной системе, еще до прихода Морских Звезд, когда Сол представляла собой часть большего разума по имени Кэрил Хацис, — она и тогда имела ясное ощущение личной идентичности, будучи отдельным и совершенно независимым существом. Обладал ли подобным свойством Плликс? Или А|как|а/риилы? Ей совсем не хотелось бы узнать, что они лишь рабы сверх-

разума Морских Звезд — если такое создание вообще реально существует.

— Скажи мне, Фрэнк, — вспомнила она, — каким образом ты собирался вывести нас из неисправного корабля? Ты так ничего нам и не объяснил.

— В этом совершенно не было необходимости, — ответил он.

— В любом случае нам следует знать, какими ресурсами располагает миссия в целом, — настаивала Сол. — Что, если с тобой случится непредвиденное и...

— Если со мной случится что-либо плохое, тогда пострададут и мои скрытые способности.

— Ты обязан рассказать нам о них. Предполагается, что мы работаем в одной команде.

Не получив ответа, Сол продолжала:

— Говори, Фрэнк, что это? Может быть, ты заряжен антиматерией или какой-нибудь взрывчаткой?

Он слегка отклонил голову набок, на мгновение задумавшись, затем снова выпрямился.

— Не то, Кэрил.

— Ты наверняка лжешь.

— Сомневаюсь, что поверишь мне, даже если скажу, что это не так. Будь я совершенно откровенен, ты осталась бы при своих сомнениях. Так что, скажу открыто: я не вижу предмета разговора. — Эксфорд слегка постучал себя по лбу. — Мой секрет останется здесь до тех пор, пока я сам не захочу открыть его.

— Прекрасно, — вздохнула она. — Ты победил. Хотя не думаю, что у нас тут соревнование. По крайней мере не между нами с тобой, — подытожила Сол.

Он рассмеялся.

— Именно соревнование, Кэрил. И таковым останется всегда. Ты и я — нам не суждено мирное сосуществование. Поверь, все именно так.

По ее позвоночнику пробежал неприятный холодок.

— Возможно обойтись и без этого, — заметила она после минутной паузы. — Галактика большая.

— Верно, и однажды она перейдет в мою собственность.

— В собственность? Фрэнк, это угроза?

Он покачал головой.

— Никаких угроз, Кэрил. Я просто говорю, как оно есть. А из всех прочих ты одна способна оценить то, что я скажу. И это обстоятельство одновременно делает тебя моим главным конкурентом и основным союзником. Мы оба знаем, что энграммы представляют собой еще один шаг вверх по лестнице эволюции. И то, что находится на самой верхней ступени этой лестницы, и является предметом соревнования. Ты или я, вместе или порознь — однажды мы окажемся на этой ступени.

Теперь они говорили тише.

— Должна заметить, что Морские Звезды могут иметь на сей счет свое мнение.

— И, вероятно, все будет, как обычно — крушение надежд и пыль разрушений. Прядильщики или их слуги влепую идут по пути раздачи Даров, а Морские Звезды с радостью забивают всех и вся по уши в землю. Возможно, на верхней ступени просто нет места. Возможно, Морские Звезды — это те, кто получил свои Дары и не желает делить полученное ни с кем больше. Кто знает?

— Если все так, — заметила Сол, — в чем тогда суть борьбы?

— Это наша проверка, Сол. Первый тест. Если и когда мы пройдем его, тогда будет и второй. Преодоление первого этапа занимает всего-то несколько тысяч лет сплошных неудач. Подумай сама, как скоро мы сможем пробиться через второй — и высунем головы наружу, чтобы увидеть звезды.

— Тебе бы в колледже преподавать.

Он уверенно покачал головой.

— Ничего общего, Кэрил. Это эволюция, с красными от крови зубами и сорванными когтями. Юлы не смогли пройти своего теста. Они навеки застряли вместе со своим Практиком, неспособные ни мигрировать, ни измениться. Пликс и А|как|а/риилы также не прошли теста; они пристали, словно рыбы-прилипалы к брюху, к органам контроля внутри корабля Морских Звезд. Если мы выживем, то просто обязаны стать лучше, чем все они. Если нам и суждено подняться выше по великому древу эволюции — тогда нам следует бороться без оглядки, веря в победу сердцем и прилагая все моральные силы.

На какое-то мгновение Сол задумалась, всматриваясь в экраны, на которых проплывало изображение поистине сказочных пейзажей, затем проговорила:

— Фрэнк, скажи мне, что, по-твоему, находится на верхней ступени лестницы?

Он улыбнулся и лишь слегка повел плечами.

— Понятия не имею, Кэрил. Да и откуда мне знать? Разве муравей, которого вот-вот раздавит моя нога, имеет свои концепции о том, как эта нога может выглядеть —

не говоря уже о моем существе в целом. Мы попросту не располагаем достаточными умственными способностями, чтобы вообразить себе то, что можем увидеть наверху.

— Что, однако, не останавливает тебя в желании увидеть это своими глазами?

— Как не может быть препятствием в поиске существ, способных в этом помочь.

— Ты выбираешь странные способы, — заметила Кэрил.

— Принимая во внимание настоящий момент — все, может быть, не так уж плохо. Даже наша пестрая компания.

— Но ты все еще не готов рассказать нам, что за карта спрятана в твоем рукаве?

Короткий неопределенный кивок головы.

— У мальчиков свои секреты, Кэрил.

Тем временем на экранах редел тесный частокол перекрывавшихся конусов, открывая широкое пространство в виде купола, форма которого смутно напомнила Сол то, что в человеческом глазу находится непосредственно за роговицей. «Эледон» доложил, что вокруг них почти чистый вакуум при низком содержании посторонних частиц очень малой энергии.

— Где-то здесь должен быть проход, — с надеждой объявила Сол.

В этот миг Тор пошевелилась и, мгновенно очнувшись, поднялась на ноги.

— Мы нашли путь к выходу?

— Возможно, — ответил Эландер.

— Это ваш последний шанс поменять свое мнение.

Слова Эксфорда предназначались Тор.

— Воздержусь от такого решения. Что это, вот здесь?

Она указала на экран.

«Эледон» приблизил изображение, показывая мерцающую высоко на потолке гигантского купола точку.

— Я определил наличие в показанной точке лазерного излучения, — доложил информатор корабля.

— Мне кажется, это что-то вроде отверстия, — заметила Тор. — Клео, подойди ближе, медленно, как только можешь. Я уверена, нам следует выйти именно там — не важно, как именно мы это сделаем, однако следует минимизировать турбулентность. Самое малое ускорение, и мы не пойдем напрямую, скорее, по широкой спирали. Сейчас я сброшу тебе точное описание траектории.

Сэмсон сжала ручку управления, и «Эледон» лег на совершенно новый курс. Мерцающее свечение вскоре превратилось в изображение зазубренной линии — как и предполагала Тор, это было отверстие выхода. Когда корабль подошел ближе, Сол разобрала в темноте черные точки, копошащиеся по внутренним краям проема.

Проявившись более четко, изображение показало их простые округлые формы, напоминавшие каски с многочисленными ножками. Чем бы они ни были, эти создания явно расширяли дыру, причем делали это быстро и слаженно. По мере отламывания очередного куска полупрозрачного материала, напоминавшего сетчатку они поднимали его за «спину», в свой панцирь — за раскрывавшимся подобием крыльев прятались отделения для хранения груза.

Как большие черные «божьи коровки», подумала Тор. Правда, эти «насекомые» были хорошо экипированы — лазерами и прочим разделочным оборудованием.

Лишь только «Эледон» приблизился, следуя осторожной дугой, черные жуки разбежались, сверкая своими лазерами, и тут же снова собрались в одну группу — у противоположного края отверстия.

— Получаю сложный повторяющийся сигнал, — доложил компьютер «Эледона». — Способ кодирования пока не известен.

Тор немедленно обратилась к Эландеру:

— Питер? Можешь опознать объекты?

Он медленно оторвал взгляд от экрана:

— Извини. Ничего такого я не припоминаю.

Она лишь вздохнула.

— Похоже, знакомство с ними не завяжется.

— По крайней мере они не так откровенно враждебны, — не подумав, заметила Инари. — Что является приятным исключением.

«Эледон» приблизился к проему. Жуки тем временем перестроились в подобие пирамиды.

— Эй, смотрите! Я вижу в проеме звезды! — обрадованно воскликнула Инари.

Сол приблизилась к экрану. Казалось, это действительно звезды, мелькнувшие за зазубренными краями — но они были едва видны, словно заслоненные дрожащими потоками горячего воздуха. Что вызывало эффект — трудно сказать. Это могло быть полем, прикрывавшим брешь в корпусе, или, например, результатом действия системы предотвращения утечек давления, сработавшей

слишком поздно. Или, возможно, простой кристаллизацией облака из остатков атмосферы куттера в момент его выхода в вакуум.

— Думаю, нам не стоит опасаться этих жуков, — заявила Тор, наблюдая за тем, как они копошатся, пытаясь соединить вместе лапки и панцири.

Похоже, они пытались построить небольшую, но толстую стенку, преграждая «Эледону» путь к выходу.

Делают вид, что они большие, мысленно предположила Сол. Показывают, что они более опасны, чем на самом деле.

— Я считаю, нужно идти вперед, — сказала Тор.

— С ходу, а? — ухмыляясь, процедил Эксфорд.

— Вроде того, — сказала Тор. — Веди нас прямо по центру, Клео.

Сэмсон выровняла корабль и ускорила, направив его к звездам. Жуки отреагировали немедленно, подогнув свои коренастые ножки, как бы натягивая стену и придавая ей структурную жесткость. Откуда-то из середины вылез толстый жук, высоко задрал передние лапки. По панцирям поползло голубое сияние, повсюду обозначенное шевелившимися антеннами и горящими глазами.

Что-то мне это не нравится, — подумала Сол.

Лишь только эта мысль пронеслась в ее голове, яркая вспышка заполнила экраны, за ней — опоздав на секунду — «Эледон» получил удар, не пройдя и половины пути до проема.

— «Эледон»? Твою мать! Что за...

Новая вспышка оборвала Тор на полуслове. Сол почувствовала, как Эландер схватил ее за плечо, пытаясь

удержаться от падения. Источником нападения был, несомненно, жук, находившийся в центре общего построения. Его передние ноги испускали плотные энергетические сгустки, мощность которых казалась достаточной, чтобы заставить любой из кораблей-прорезателей дважды подумать, прежде чем подставить себя под их удар.

— Корабль поврежден, — невозмутимо доложил «Элдон».

— Можем ли мы двигаться? — спросила Тор — и тут третий удар ослепил одновременно все экраны.

Когда они прояснились, дистанция, отделявшая корабль от отверстия, снова уменьшилась наполовину.

— Есть вероятность пройти отверстие целыми, — сказала Сэмсон.

— Есть такая же вероятность не пройти его вовсе, — возразил ей Эксфорд, хватаясь за стену, когда корабль снова вздрогнул, подвергшись очередному удару.

— Просто делай все, что можешь, Клео! — с перекошенным лицом выкрикнула Тор. — Остальные — держитесь!

Жуки выстрелили опять. Сила их ударов возрастала по мере сокращения дистанции огня. Сол упала на колени при пятом выстреле, и в тот же момент рубку корабля заполнила плотная энергетическая паутина, означавшая ввод в действие средств его собственной безопасности.

Взгляд Сол остался прикованным к экранам. Жуки снова выстрелили. Расстояние продолжало быстро сокращаться, о чем свидетельствовали жесткие толчки, отдававшиеся в рубке. До прохода сквозь проем оставалось, быть может, еще два залпа. Жучиныные рыльца, обрамлен-

ные блестящими черными оболочками, смотрели с экранов весьма угрожающе.

— Почти вошли! — промычала Тор сквозь защитное поле.

Экипаж в этот момент был разбросан по всей рубке. Кто-то почти касался пола, некоторые зависли в «паутине» силового поля между полом и потолком. У Сол хватило времени лишь подумать, как нелепо должна выглядеть вся эта картина со стороны, и тут на корабль обрушился последний, самый мощный удар.

Экраны погасли.

Наступил долгий миг прохода сквозь корпус куттера, в течение которого «Эледон» шел в основном по инерции мимо продолжавшегося мерцания жуков и сквозь поля, очевидным образом направленные на прорезатель и мешавшие его ходу. Корабль шел прямо, все еще ослепленный. Сол — также еще немая, не в состоянии двигаться — бессильно наблюдала за происходящим. Она могла лишь молиться, чтобы слепота радаров не оказалась долговременной.

Вскоре силовое поле внутри корабля ослабло, почти освободив ее, и Сол смогла, наконец, посмотреть в ту сторону, где находилась Тор.

— «Эледон», — процедила Тор сквозь сжатые от напряжения зубы, — доложить обстановку!

— Мною получены серьезные повреждения, — с готовностью отозвался искусственный мозг; голос его казался деревянное обычного. — Ремонт ведется.

— Как скоро мы сможем видеть?

— Осталось десять секунд.

Сол начала считать, проживая каждую из десяти секунд, как отдельную жизнь. Казалось, прошла вечность, однако «Эледон» оказался на высоте, и экраны снова ожили.

Сол преодолела сопротивление остаточного поля, подавшись вперед, к экранам, и не сразу осознав, что, собственно, видит. Изображения, представленные на локаторах различных диапазонов, давали странные, местами противоречивые картины. Мысленно сведя их воедино, Сол почувствовала, что у нее закружилась голова.

Впереди было что-то, отчасти напоминавшее планету — по крайней мере оно было столь же огромным, размером с две Земли, однако в некоторых частотных диапазонах его, казалось, испещряли дыры, а в других загадочное тело представлялось шаром, вывернутым в форме массивного тороида. На видимой части неба мельтешили мерцающие нити; они пульсировали, словно их трепало течением.

Маскировка? — подумала Сол, представив себе вид этого эффекта из внешнего космоса.

Внезапно объект, смутно напомнивший «Трезубец», скользнул над ними, загородив картину звездного неба. Он был освещен снизу так, что виднелись целые потоки кораблей, подходившие и отходявшие от его корпуса. Еще три огромных корабля виднелись на некоторой дистанции. Один горбатый, с подобием двух рогов или зубцов, росших из середины «спины». Были и другие объекты, определить которые немедленно Сол затруднялась. Там появлялись пузыри плазмы, вздувавшиеся и затем осциллировавшие каждые две или три секунды, выбрасывавшие бесчисленные тонкие и очень длинные «конеч-

ности», которыми они хлестали по проходившим мимо кораблям. Виднелись узлы пространственно-временной сети, заполненные пузырями пространства и служившие, очевидно, целям камуфляжа, придавая чистому вакууму волнообразную, как бы решетчатую структуру, непохожую на когда-либо виденные ею образования естественной природы. Свободные перемещения гиперплотных объектов, с их векторами, направленными в разные стороны, и немислимыми ускорениями, дополняли картину, равно как и видневшиеся на расстоянии звездочки явно искусственного происхождения, распространявшие вокруг себя отчетливые линии сильных магнитных полей.

Как Господь, дарующий благословение, — подумала Сол и вздрогнула.

На первый взгляд картина казалась хаотичной, однако интуитивно она понимала: должно быть, все не так просто. Увиденное было действительно выше ее понимания. Несомненно, перед ними лишь часть айсберга, и в ней есть еще те подробности, видеть которые она просто не может. Если перед Сол действительно находится флот Морских Звезд — это стало бы свершением единственной ее надежды, ибо в противном случае масштабу событий просто не находилось места в объеме человеческого рассудка.

Что казалось самым удивительным, так, несомненно, факт ежедневного перемещения этой армады вслед за фронтом Морских Звезд. Мозг отказывался согласиться с оценкой количества энергии, необходимой для подобных маневров.

Эландер продолжал изучать открывшийся перед ними вид. Куттер дрейфовал в пространстве, оставшись без поддержки собратьев, притащивших его домой. Он весь дымился и во многих местах был прорезан по радиусам, лопаясь, как перезревший плод манго. Энергия и куски вещества клубились в разрезах, всасываясь внутрь или извергаясь наружу, сопровождаемые яркими точками, бывшими, как справедливо предположила Сол, еще одним видом существ, нашедших себе место в биосфере Морских Звезд.

Интенсивность производительных сил впечатлила Сол. Предприятие по разделке куттера, подобное этому, должно занять много месяцев даже у цивилизации уровня Винкулы. В данном же случае слуги Морских Звезд расправятся с куттером в течение нескольких дней. Что они сделают с полученным в итоге сырьем — определить невозможно. Сол надеялась, что Тор и не собирается изучать это, то есть не будет обследовать остатки куттера дальше. Ей бы не хотелось подставлять «Эледон» под перерабатывающие лом машины, отлавливавшие куски куттера прямо в пространстве.

— А что теперь? — осведомилась Гу Мань, как только куттер остался позади них и «Эледон» снял защитное поле.

Тор оторвала взгляд от экранов.

— А теперь мы отправимся искать того, кто принимает решения, — сказала она.

— Надеюсь, на сей раз мы не завязнем в ячейках местной оборонительной сети, — добавил Эксфорд.

— У кого есть идеи? — спросила, обращаясь ко всем, Гу Мань.

Тор пожала плечами, по очереди оглядывая присутствовавших в рубке.

— Я лично готова выслушать любые предложения, — проговорила она.

— Как и прежде, я настаиваю на возвращении к Расмуссену, — встрепелась Инари.

— Ага, превосходно — как только мы получим работающий сверхсветовой двигатель, а иначе, боюсь, этой идее суждено самой пойти на переработку. — Тор наградила Инари уничтожающим взглядом. — Кто еще хочет высказаться?

— Перво-наперво, — вмешалась Сол, — если мы планируем говорить с Морскими Звездами, следует определить, где находится их командный пункт или узел связи. Если удастся подойти к ним, оставшись при этом в живых...

— Слишком поздно, — сказал вдруг Эксфорд, кивком головы указав в сторону одного из экранов.

Сол обернулась. На первый взгляд ничего необычного на экране не было. Вдруг ей удалось поймать взглядом черную тень, скользящую на фоне звезд. Угловатое, со сложной формой ответвление чего-то еще более огромного нависло над их прорезателем.

— Клео, давай же, уходим отсюда! — не сказала, а скорее крикнула Тор.

Сэмсон отреагировала мгновенно, навалившись на ручку управления и направляя корабль прочь от настигающей их тени — словно падая с гребня невидимой энергетической волны. Реакция самой тени была столь же молниеносной. Сгустившиеся вдруг ветви метнулись во все

стороны, перекручиваясь и распространяя свои отростки на всем видимом пространстве. С их приближением, заслонившим флот Морских Звезд, Сол почувствовала себя комаром, которого вот-вот прибьет рука великана.

Затем их окончательно окружила темнота — на всех экранах и всех частотах.

— Мы все еще движемся? — спросила Тор, ошеломленно уставившись в черную поверхность экрана.

— Вроде бы да, — ответила Сэмсон; на лице ее отражались охватившие Клео противоречивые ощущения. Она уже просто ничего не понимала.

Внезапно губы Тор побелели от напряжения, затем она произнесла:

— «Эледон»! Приказываю тебе немедленно передать следующее широкоэвещательное сообщение на всех волнах, включая сверхсветовую связь. ЭТО КЭРИЛ ХАЦИС ИЗ ОБЪЕДИНЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗВЕЗДНОГО ПРОСТРАНСТВА, КОД 154, КОРАБЛЬ «С.В. КРАСНИКОВ». СИСТЕМА СТАРТА HD-92719. ОБРАЩАЮСЬ В КАЧЕСТВЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ, НАПРАВЛЯЮЩЕЙСЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАСЫ, НАЗЫВАЕМОЙ НАМИ МОРСКИМИ ЗВЕЗДАМИ. ИМЕЕМ ДАННЫЕ О МЕСТЕ, КОТОРОЕ ВЫ ИЩЕТЕ. ЭТО СПРЯТАНО В СИСТЕМАХ, ВБЛИЗИ КОТОРЫХ МЫ ОБИТАЕМ. ЕСЛИ ХОТИТЕ ГОВОРИТЬ С НАМИ, МЫ ДАДИМ ЕГО КООРДИНАТЫ. ВСЕ, ЧЕГО МЫ ТРЕБУЕМ, — ПРЕКРАТИТЕ УНИЧТОЖЕНИЕ НАШЕГО НАРОДА. ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ.

— Сообщение отправлено, — доложил «Эледон».

— Ты действительно считаешь, что этого достаточно? — спросила Гу Мань.

Взгляд Тор был по-прежнему обращен к залитым чернотой экранам.

— Не уверена, — сказала она. — А что еще мы можем сделать?

— Смотрите, здесь что-то есть, и оно приближается, — предупредила всех Инари.

Экран приблизил изображение, и все увидели тонкий росток белого цвета, двигавшийся с невероятной скоростью прямо к ним. Спустя какую-то секунду изображение увеличилось многократно, едва помещаясь на экране.

Тор обернулась к Сэмсон:

— Клео, что за...

При этих словах корабль содрогнулся, подбросив всех собравшихся в рубке высоко в воздух. Защитное поле подхватило их, не дав опуститься на пол.

— Корабль поврежден, — услышали все меланхолический голос информатора.

Сообщение было излишним. Послышался резкий звук вторжения неведомого энергетического поля, и очень длинное, острое и совершенно прямое жало, отливающее серебром, пробило стену рубки, поразив Тор прямо между глаз.

2.2.3

Лючия порхала среди энграмм, словно ангел в окружении смертных. Странно, но несмотря на казавшиеся поначалу волшебными свойства ее И-костюма, она не ощущала себя устойчивым и надежным созданием. Жесткие ограничения, всегда свойственные ее психике, продолжали

действовать. Не освободившись от пут, наложенных некогда на ее энграмму — и на ее оригинал, — нельзя ощутить и полной свободы.

Я скорее Голем, чем ангел, — подумала она. — Существо из праха и глины, приводимое в движение лишь словами.

К сожалению, времени на ретроспекцию не оставалось. Ей еще нужно было спасти четыре поселения — последние пристанища людей в Освоенном Космосе. Это Земина, Деметра, Геба и Сагарси — осужденные погибнуть именно в таком порядке.

— Итак, ты предлагаешь нам бросить все, что нами создано, и последовать за тобой неизвестно куда, — подытожил Винс Молер, гражданский руководитель корабля «Джеймс Дж. Фунаро», экспедиция которого изначально нацеливалась на Земину. — Это непростое решение.

— Или мы принимаем решение, или нас ждет смерть, — задумчиво произнес Эли Дженовезе, начальник охраны поселения Деметр.

— Знаю, но все же... — его коллега с Деметры по гражданским вопросам, Оуэн Норсуорси, вздохнул, выражая свое сомнение, — в общем, это слишком несправедливо.

— Счетчик включен — счетчик времени.

Лючия сказала так, желая выразить суть дела совершенно прямо. Руководители экспедиций всегда тесно связаны со своими миссиями, глубоко запрограммированными в их сознании. Им свойственно искреннее, хотя местами прошитое в сознании искусственным путем, чувство долга, и все это для того, чтобы именно их миссия шла в строгом соответствии с регламентом. Что означало: не

оставлять усилий в случае угрозы, очевидной и неминуемой. Информация, даже точная, о предстоящем неминуемом уничтожении поселений, не представляла собой повода, достаточного для преодоления жестких психологических установок. До реального появления Морских Звезд и начала разрушения Даров руководители экспедиций постараются действовать по своим программам и сохранить порядок вещей, установленный в поселении.

Это Лючия поняла, лишь собрав всех руководителей вместе. Еще раньше, после масштабного совещания на Расмуссене, она удивлялась тому, как Сол удалось убедить многие оставшиеся целыми поселения никуда не уходить, в то время как оставшиеся в живых представители разрушенных колоний проголосовали за уход с Юлами.

— Это решение программирует счетчик времени, — повторила она еще раз, — а программа убьет и вас, если позволить ей это сделать.

— А насколько мы все можем быть уверены, что ты не исчезнешь в последний момент, как это произошло на Расмуссене?

Лючия обернулась к Клео Сэмсон, гражданскому руководителю Сагарси. Клео сказала вслух то, что наверняка вертелось на языке почти у всех присутствовавших. Лючия не испытывала от каверзного вопроса раздражения — на самом деле она предчувствовала подобное, но сомневалась, сможет ли передать это ощущение при помощи своего эфемерного тела.

— У вас не может быть такой уверенности, — ответила она просто и до предела честно. — Как не может быть и

гарантий с моей стороны. Вот почему мне нужна ваша помощь — чтобы удостоверить тем самым мою честность.

Затем она проанализировала все, включая собственные чувства до и после атаки Морских Звезд на Расмуссен, и далее свое пробуждение в Солнечной системе. Сам по себе факт, что разум Лючии обрел новый дом, совершенно не означал отличия ее программного кода от кода других энграмм. В принципе она оставалась андроидом, то есть машиной, в той же степени, в какой и остальные, и приводилась в движение желаниями и потребностями низкого уровня, прошитыми в мозгу аппаратно, а не программно. Просто теперь ее нужды стали несколько иными — вот и все отличия.

— Помочь тебе? — В голосе Клео отразилось сомнение. — Но как?

— Я хотела бы знать, был ли в числе кораблей, выживших около Расмуссена, прорезатель с названием «Клото»? — ответила Лючия.

— Корабль Сол? — Клео неодобрительно сдвинула брови. — Мы все еще переписываем выживших, так что определенно я ничего утверждать не могу. Из того, что мы имеем, я бы сказала: скорее — нет.

— Для чего тебе «Клото»?

Вопрос задал Дональд Шевенин, напарник Клео по военным делам.

— Мне не нужен сам «Клото», — пояснила Лючия. — Мне необходимо нечто, находящееся на корабле.

Она пожала плечами, изображая безразличие и стараясь скрыть глубочайшее разочарование неизвестной судьбой «Клото».

— Если он не сохранился, — продолжала Лючия, — придется найти иное решение. О нем я расскажу, если и когда это понадобится.

Собравшиеся в помещении руководители миссий, сплошь андроиды с едва намеченными антропоморфными чертами, смотрели прямо на нее, и выражения на их лицах были совершенно разными. Лючия хотела бы убедить их всех, однако не следовало демонстрировать собственную ранимость в большей, чем она уже сделала, степени.

Это был военный совет, объединявший скорее общую слабость, нежели силу. Присутствующие представляли собой покрытых шрамами ветеранов ужасающе неудачной кампании — войны по истреблению своего вида, и были жертвами своего, столь необходимого им прагматизма. Миссия объединенных исследований старалась использовать любые известные по книгам приемы, чтобы гарантировать успех всей программы. Тот факт, что многие экспедиции, входившие в ОЗИ-ПРО, провалились даже раньше, чем появились Морские Звезды, заставляли согласиться: на войне экстремальные средства скорее необходимость, чем излишняя жестокость.

Продолжать дискуссию не оставалось никакого смысла. Пока они не поверят, все это — напрасное сотрясение воздуха.

— Вернетесь ко мне, когда найдете «Клото», — сказала Лючия. — Тогда и поговорим. Мои предложения вам известны, и вопрос остается открытым.

— Мы ничего не услышали о Тор, — вдруг заявила Клео Сэмсон.

— Морские Звезды подойдут к Земине через двадцать часов, — добавил напряженности Винс Молер.

Его беспокойство о судьбе колонии и конфликт, вызванный заложенной в него программой, ясно отражались на лице андроида. Лючии было жаль Винса, пускай помочь ему нечем.

— Тогда вам следует думать быстрее, — сказала она, затем встала и вышла из комнаты, сопровождаемая общим молчанием.

Ее план оказался весьма прост. Еще с момента, когда Лючия очнулась внутри Десятой башни, ее потрясло превосходство этой конструкции над сверхсветовым кораблем, то есть «обычным» прорезателем. Она больше и значительно быстрее, чем внепространственные корабли — маленькие пузырьки, на которых человеческие копии летали среди звезд. Несомненно, что конструкция башни не столь гибка в смысле форм и размеров, и очевидно также, что она не приспособлена для военных действий. В них отсутствовала встроенная система самозащиты, а Лючия резонно сомневалась, найдется ли информация по боевому оснащению в Библиотеке Даров. Десятая башня не могла предстать военным кораблем, однако она могла стать ковчегом.

Это было как раз то решение, на котором споткнулись руководители экспедиций. Почему она должна обязательно преуспеть там, где потерпели неудачу все остальные? Множество кораблей пытались перенестись за пределы фронта Морских Звезд, причем во многих направлениях. Никто из них так и не вернулся.

Это потому, рассудила Лючия, что их внепространственные корабли оказались подобны муравьям, пытающимся убежать от топчущей их ноги. Такое просто невыполнимо. Десятая башня могла и близко не достичь возможностей Морских Звезд — однако она реально увеличивала шансы людей на выживание, а только это и имело значение. В ней достаточно места для размещения каждого, включая Несогласие. Если удастся спастись от всевидящего Ока достаточно долго, они гарантированно смогли бы избежать смертельного удара, вернувшись на Сагарси после ухода фронта Морских Звезд — с их уходом и бояться стало бы нечего. Они приобрели бы свободу для колонизации любой звездной системы по собственному выбору.

— Если это сработает, — мрачно заметил Роб Сингх, с которым Лючия поделилась мыслями по поводу своего же проекта.

Общаясь при помощи телеробота — такого же, какой был и на Расмуссене, — Роб, в лице местной версии, по просьбе самой Люции помогал ей разбираться в конструкции Десятой башни, «припаркованной» возле Хаба на орбите вокруг Сагарси.

— Тебя позвали вовсе не за твой пессимизм, Роб, — ответила Лючия, наблюдая за ним при помощи зрительных приспособлений своего И-тела.

Хотя энграмма Бенк и продолжала работу в Темной Комнате, Лючия оказалась способной перемещать точку своего виртуального взгляда в любое место, по собственному выбору.

— Так почему ты пригласила меня, а? — спросил Роб, а его безжизненный, сверлящий взгляд начал искать ее прозрачное лицо.

— За компанию, — просто сказала она. — А еще — осталось плохое чувство после того, что произошло на Расмуссене.

— Это был не я, — оправдывался Роб, — это был другой я.

— Вы все на одно лицо. Вы даже ведете себя одинаково. Ты ведь тоже копаешься в Дарах, верно? Ищешь всякие нестыковки?

— Так же, как и еще один из Робов, с Инари. — Его длинные руки сплелись вместе. — И посмотри, куда его это привело...

Убит, — напомнила она себе, — *при крушении Сотиса*.

— Он умер не по этой причине, разве нет? — произнесла Лючия уже вслух. — Собственно, как и другая твоя копия, на Расмуссене.

— Однако я не помог им, верно же? Теперь же начинаю понимать: я... нет, мы... мы теряем время понапрасну! Даже если в Дарах есть еще секреты и если мои усилия не стали ошибкой — все равно больше нет времени на то, чтобы узнать остальное! Что дальше?

— Цель есть всегда, Роб, — спокойно возразила Лючия. — Чем больше мы знаем, тем больше у нас шансов. Если тыпустишь себе пулю в лоб, признав поражение, тогда умрем и мы. Если ты продолжишь поиск, продолжишь борьбу, тогда и мы можем выжить. Даже такая малая надежда стоит того, чтобы за нее побороться.

Роб на какое-то время задумался над этой мыслью, его робот тоже замер, затем произнес:

— Ты дала мне надежду, Лючия. Благодарю за это. Готов сам стать добровольцем и участвовать в экспедиции «имени Темной Комнаты» — если только Дональд позволит.

— Я уже замолвила за тебя словечко.

Пока они разговаривали, на Сагарси и в других поселениях не оставляли попыток обследовать оставшиеся у них Темные Комнаты. Если бы нашлись другие — те, кто сможет взять от Башен еще больше, тогда несущая способность их ковчега могла бы увеличиться. Теперь на план Люции работали многие.

Лючия старалась не остудить энтузиазма.

— Роб, я хотела спросить тебя. Ты занят изучением Даров дольше, чем кто-либо еще. Как ты считаешь, почему они обращаются к нам на нашем языке, причем с самого первого момента? С Юлами ситуация та же?

— Мы полагали, что они считывали данные с первых зондов для получения информации о нашей культуре еще до контакта.

— То есть они наблюдали за нами, не обнаруживая себя, правильно?

— Может, да, а может, нет. Знаешь, Лючия, эти создания настолько высокоразвиты! Нам остается лишь надеяться на нечто подобное. Подозреваю, что им достаточно столько времени на знакомство с чужой культурой, сколько я сам трачу на произнесение одной такой фразы.

Лючия кивнула. Теория Роба грешила излишней скромностью, но казалась вполне правдоподобной, учитывая факты, ей уже известные.

— Должно найтись какое-то объяснение, почему для любого контакта они всегда выбирают Питера, если могут выбирать, — проговорила она. — Почему именно он является интерфейсом между ними и нами.

— Это кажется логичным, — ответил Роб. — Хотя мы не знаем, почему выбирают именно его. Думаю, если в качестве посредника кому-то нужен тот, кто едва способен трезво рассуждать — то вовсе не между тобой и тем, кому бы ты хотел реально помочь. Я слышал, что Питер был настоящим ученым, универсалом, и как кандидат вполне мог олицетворять собой естественный выбор, но сейчас...

Робот немного подумал, затем произнес:

— Короче, похоже на ситуацию, когда нам сознательно затрудняют путь к пониманию.

— Не исключено, — согласилась Лючия.

Все казалось слишком правдоподобным. Если Прядильщики могли выучить язык землян за несколько секунд, это факт уже не столь удивительный в сравнении с их элементарной ошибкой при выборе контактного лица.

— А вдруг это проверка? Когда мы поймем ход с Питером, с нами заговорят по-настоящему, — предположила она.

Глаза робота весело завертелись на своих стебельках:

— Интересное предположение.

Она тоже так думала. Предположение имело вполне определенный смысл, и оно согласовывалось с другой информацией, до того смущавшей Лючию.

Если система Пи-1 Большой Медведицы действительно представляет собой убежище Прядильщиков, и они оставались там в течение более чем сорока лет — тогда почему Лючия жива до сих пор? Прядильщики разрушили поселение, основанное там ее соратниками по экспедиции. Начиная с определенного момента они препятствовали любым попыткам изучения системы, пресекая их самыми жесткими средствами, и тем не менее дали Лючии пройти по всей системе, скомпрометировав себя подменой изображений ее примитивной камеры и почти гарантируя возникновение подозрений.

Проблема в том, что альтернатива предоставляла более негативный сценарий. Воображение уже рисовало Лючии картину: высшие существа играют найденными ими более молодыми расами. С Питером Лючию связывала сложная паутина взаимно переплетенных обстоятельств, направляемых, казалось, их собственными оригиналами. Было ли то совпадение обстоятельств случайным, когда она выжила у Пи-1 Большой Медведицы и на Расмуссене, когда не была сожжена вместе с технологиями Прядильщиков.

И разве не были таким же чудом события, происшедшие с Питером на Адрастее, а затем у Бейда, сопровождавшиеся не менее поразительными личностными изменениями? Прядильщики знали их обоих очень близко, практически интимно — они сканировали Лючию задолго до ее встречи с Питером. Не урок ли это — не столько новый курс по выживанию, сколько попытка лишить всего, что когда-то было им дорого?

Лючию связывало с Питером нечто большее, чем простая структура энграммы. Он сам мог полагать, что обошел все внутренние программные ловушки, однако Лючия представляла проблему намного яснее. Они навсегда связаны вместе — еще сильнее, чем раньше, и им суждено остаться такими до смерти или до ее программного эквивалента.

Лючия уже пыталась использовать новые средства тела, чтобы изменить структуру собственного программного кода. Она пробовала скопировать себя, намереваясь потом отредактировать код копии, а впоследствии запустить новую программу на выполнение: естественно, удалив старую версию самой себя. Попытка не удалась. Копия получилась неработоспособной и останавливала свою работу уже через секунду после начальной загрузки.

Это нормально, говорила она сама себе. В доставшийся им момент короткой паузы — до прихода Морских Звезд, — надежда все еще оставалась. И Лючия твердо знала: она постарается.

Роб и Лючия в ее И-теле шли коридорами Десятой башни — теми, что она сама уже исследовала досконально, но тем не менее обязательно хотела ему показать. Не просто за компанию: ей следовало знать мнение Роба. Как убежденный сторонник идеи о том, что Прядильщики скрывают некую информацию, его взгляд на события отличался от позиции большинства. Все действительно считали чужие создания «дары приносящими», что, разумеется, представлялось бескорыстным благодеянием. По окончании акта воздвижения Даров в очередной системе действие завершается, и далее Прядильщики больше не

появятся на сцене никогда. Теперь Лючия не могла согласиться с подобным допущением. Сделав так, считала она, можно обречь себя на неприятные и даже роковые последствия в будущем.

— Лючия? — Голос, позвавший ее по переговорному устройству, явно принадлежал Клео Сэмсон. — Мы нашли «Клото». Корабль ушел с Несогласием при эвакуации Расмуссена и был объединен с «Мантиссой-Б».

— Где «Клото» сейчас?

— В Доке.

— Буду там через минуту.

— Можно, я с тобой? — спросил Роб, слушавший их разговор с нескрываемым интересом.

Лючия ненадолго задумалась, затем согласилась.

— Почему бы нет? Давай, поехали.

Они снова направились в сторону двери, теперь на выход. Да, расположенные вблизи Сагарси Дары уже не заговарят с ней, зато они открыли доступ к локальной системе мгновенных перемещений. Теперь Хаб на Сагарси имел одиннадцать дверей: здесь находился новый портал, выполненный из матового материала вроде того, которым было отделано здание администрации ОЗИ-ПРО, запомнившееся ей когда-то. Лючия и Роб без труда проделали путь до Хаба и далее до Сухого Дока через такие же двери, как и те, что были на Расмуссене. И там, и здесь двери первым открыл Питер Эландер. Точнее, это сделали две его копии из двух поселений, давно находившиеся в глубокой коме с заблокированным сознанием.

«Клото» не выглядел кораблем в чем-то отличным от других. Белая паукообразная форма с раздутым и похо-

жим на яйцо корпусом составляла довольно незамысловатую конструкцию, а отсутствие чего бы то ни было на гладкой поверхности даже не позволяло сказать, вращается ли он или пребывает в покое. Рубка, едва показавшись на своем обычном месте, медленно заскользила по корпусу вдоль линии экватора, напоминая постепенно увеличивающийся пузырь черного цвета. Пузырь вырос в полушарие, и вслед за этим отчетливо проявилась вторая сфера, выделившаяся из первой. Объект вращался, и эта сфера отделилась полностью и перешла на ту половину, где был входной пандус. Лючия и Роб живо направились к нему, преодолев остаток пути по огромному Доку в сосредоточенном молчании.

Странно, подумала она. И правда, для кого-нибудь из далекого теперь 2050 года — когда ОЗИ-ПРО направили свои экспедиции в космос — сцена должна была показаться совершенно фантастической: призрачная, почти прозрачная фигура женщины, словно состоящая из водяных струй, и нескладный робот. Точно два карлика вблизи конструкции, в большей степени напоминавшей гигантскую химическую модель какой-то там молекулы, нежели сверхсветовой космический аппарат. Хотя для Лючии подобные сюжеты уже стали обычным делом, теперь ей приходилось останавливать себя, поскольку, несмотря на силу привычки, ни Юлы, ни человеческие энграммы не имели понятия, каким путем приводились в движение все эти объекты.

С их приближением к кораблю в его обшивке открылся овальный вход, пропустивший исследователей внутрь. Оборудование кабины представляло собой типовой вари-

ант корабля-прорезателя с давно уже ставшим привычным интерьером. Здесь они нашли центральную рубку управления с ложем пилота и экранами и одну небольшую каюту. Конечно, Лючия могла бы с легкостью перенестись в банки памяти искусственного разума корабля, чтобы исследовать их содержимое, однако это не дало бы желаемого результата. Для осуществления операции требовалось нормальное тело.

— Где находятся личные вещи Питера Эландера и Кэрил Хацис?

Вопрос Лючии был адресован компьютеру корабля.

— Они в хранилище, — ответил информатор. — Согласно инструкциям Питера...

— Выдай мне данные немедленно, — нетерпеливо прервала она доклад искусственного разума.

Машина выполнила указание без малейшего протеста. Дары спокойно относились к понятиям приватности и личной безопасности — конечно, если это не затрагивало интересы их создателей. В последнем случае их рты были бы немые, а секреты достаточно надежно заперты.

В стене открылась небольшая ниша, в которой были кое-какие вещи: немного из одежды, копия старинной книги, один образец из Лаборатории. Найдя в нише долговременное запоминающее устройство — твердотельную память, в свое время показанную ей Питером, — Лючия тут же забрала его, попросив компьютер убрать остальное обратно в нишу. ДЗУ казалось слишком примитивным в окружении неземных высоких технологий, однако имело свои преимущества, будучи вполне материальным и к тому

же хорошо защищенным от чужого вмешательства носителем данных.

— Это оно? — спросил Роб, и глаза его робота повернулись к объекту в руках у Люции. — Это что, цель нашего визита?

Она просто кивнула:

— Да.

— Так что там записано?

Люция прижала находку к груди так, словно держала в руках подарок любимого человека.

— Просто кое-какие старые записи, — уклончиво пояснила она. — С их помощью я хочу освежить и свои воспоминания.

Глаза робота, покачиваясь, проводили ее до выхода из корабля.

— Знаешь, ты начинаешь говорить совсем, как они.

Люция глянула вниз на катившегося вперевалку робота, подлаживавшегося к ее размеренной походке.

— Начинаю говорить как кто?

— Как Дары, — ответил он. В голосе Роба послышалась игривая нотка, но в целом его речь была недвусмысленно серьезной.

Люция не могла возразить — в словах робота действительно имелась доля правды. Физически от Даров в ней было много больше, чем от человека: код энграммы исполнял процессор внеземного происхождения, а тело состояло из чистой энергии. В то же время в более высоком смысле — над уровнем физической реализации — это была прежняя личность Люции Бенк. Именно эту проблему хотелось решить, раз и навсегда.

Лючия немного отвлеклась, отвечая на комментарий Роба, и в это самое время почувствовала легкий электрический зуд — в одной из Десятых башен, расположенных на расстоянии Даров, получено сообщение мгновенной связи. Как именно она поняла это, осталось неизвестным, но сообщение резко отличалось от обычных донесений патрульных прорезателей, контролировавших пространство в удаленных системах. Лючия остановилась, прислушавшись к тексту:

ЭТО КЭРИЛ ХАЦИС ИЗ ОБЪЕДИНЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗВЕЗДНОГО ПРОСТРАНСТВА, КОД 154, КОРАБЛЬ «С.В. КРАСНИКОВ». СИСТЕМА СТАРТА HD-92719. ОБРАЩАЮСЬ В КАЧЕСТВЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ, НАПРАВЛЯЮЩЕЙСЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАСЫ, НАЗЫВАЕМОЙ НАМИ МОРСКИМИ ЗВЕЗДАМИ. ИМЕЕМ ДАННЫЕ О МЕСТЕ, КОТОРОЕ ВЫ ИЩЕТЕ. ЭТО СПРЯТАНО В СИСТЕМАХ, ВБЛИЗИ КОТОРЫХ МЫ ОБИТАЕМ. ЕСЛИ ХОТИТЕ ГОВОРИТЬ С НАМИ, МЫ ДАДИМ КООРДИНАТЫ. ВСЕ, ЧЕГО МЫ ТРЕБУЕМ, — ПРЕКРАТИТЕ УНИЧТОЖЕНИЕ НАШЕГО НАРОДА. ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ.

Казалось, все на Сагарси приостановилось, вслушиваясь. Энграммы и Юлы, андроиды и телероботы — замерли все, желая услышать: что случится затем? Это единственное сообщение, полученное от Тор с момента старта ее миссии. Ни один из оставшихся не был уверен, выжил ли кто из десанта, выброшенного внутрь куттера в Аселлус Примус. Услышать об их спасении — облегчение. А раз Тор решила нарушить запрет на трансляцию сигналов сверхсветового диапазона, значит, дело идет к развязке. А в этом случае следующее сообщение вполне могло оказаться подписанным самими Морскими Звездами.

По мере того как секунды следовавшего молчания превращались в минуты, Лючия начала ощущать нарастающее всеобщее разочарование. Что там за чертовщина? Удалось ли Тор совершить задуманное, или она и вся ее миссия, оказались вычеркнутыми из звездного пространства — едва открывшись, столь опрометчиво, перед неведомой силой? Узнать это не было никакой возможности. Нельзя было даже отследить источник сигнала и определить место расположения флота Морских Звезд. Лишь Морские Звезды сами владели такой техникой. Все, что они поняли: Тор находилась в пределах действия передатчиков их сверхсветовой связи. Это означало, что она находится где-то внутри пузыря пространства в две сотни световых лет, с центром на Сагарси.

— Как ты думаешь?.. — нарушил тишину запинаящийся шепоток Роба.

— Я пытаюсь вообще не думать, и в частности о худшем, — оборвала Лючия его бормотание. Затем, развернувшись и направляясь в сторону двери Сухого Дока, сказала: — Давай, Роб, говори.

Робот Роба засеменял след за ней.

— Что мы будем делать?

— Вернемся в Хаб, — ответила она, решительно вышагивая вперед. — Нужно готовить ковчег.

2.2.4

— КТО ТЫ?

Голос, пришедший ниоткуда, сопровождался ощущениями слепоты и боли; казалось, этот голос обладал не-

которыми свойствами самой боли. У него были рот и зубы, похожие на обломки стекол, располосовавшие мир на мелкие части, пробившие ее барабанные перепонки. Был язык, с которого эти обломки слетали, — он казался бичом и оставлял тело беззащитным, сдирая кожу. Было и дыхание, пар которого тоже нес с собой боль, — оно несло крошечные капли кислоты, сжигавшие кожу.

— КАК ТВОЕ ИМЯ?

Вдруг она почувствовала, как голос и та боль, которую он причинял, утихли — и тут же вокруг нее оказался знакомый с детства мир. Она ощутила запах яблок, ее лицо обвевал ветерок, и еще — она увидела тонкие и не предвещавшие ничего хорошего ветви, перекрывавшиеся с изображениями призрачных теней, метавшихся по небу. В воздухе висело ожидание; что-то заставляло ее предчувствовать: голос еще вернется. Поглядев вниз, она увидела траву под собственными босыми ногами, ее ногами — какими они были когда-то.

— Где я?

— В ЛУЧШЕМ ИЗ МИРОВ, — ответил голос. Теперь он вовсе не причинял боли, а слова долетали до нее вместе со слабым ароматом яблочного сидра. — ТАМ, ГДЕ МЫ МОЖЕМ ПОГОВОРИТЬ.

Сад казался таким знакомым — он казался домом, особенно в сравнении с обстоятельствами, с которыми она имела дело недавно. Это, однако, совсем не могло утешить: воспоминание о старых изменах и об убийстве преследовало ее неотступно.

— Кто ты такой?

— НЕ ВАЖНО. МОЖЕШЬ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ НЕКСУС. ЭТО ИМЯ НЕ ХУЖЕ ОСТАЛЬНЫХ. Я ВЫБРАЛ ИМЯ, ИСХОДЯ ИЗ СОДЕРЖАНИЯ РАЗГОВОРА — ТОГО, ЧТО ВЫ ВЕЛИ НЕЗАДОЛГО ДО МОЕГО ПОЯВЛЕНИЯ.

— Ты слышал нас?

— ДА.

Ее лицо казалось чужим, словно резиновая маска.

— Но мне важно понять, кто ты, — настаивала она. — Я хочу знать, с кем говорю.

— ЗНАНИЕ НЕ ДОБАВИТ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ.

— Почему так?

— НЕСООТВЕТСТВИЕ. НАШИ ЛИЦА — ЭТО МАСКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ И НАШЕ ЖЕЛАНИЕ ВЫГЛЯДЕТЬ, И НАШУ СУЩНОСТЬ. МЫ ОПИСЫВАЕМ СЕБЯ, ДЕЛАЯ ЭТО ТЕМ ЛУЧШЕ В НЕПРЕРЫВНОЙ ПРОГРЕССИИ, ЧЕМ БОЛЕЕ РАЗУМНОЙ И СОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЛАЕТСЯ НАША СОБСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА. МОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ВЫБРАННОЕ МНОЙ САМИМ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОНЯТНЫМ ТЕБЕ, ОДНАКО Я НЕ НАМЕРЕН ОПИСЫВАТЬ СЕБЯ В РАМКАХ ТВОИХ ПОНЯТИЙ. ЕСЛИ ВЫ БУДЕТЕ ТЕМ, ЧТО ПРОЙДЕТ МИМО, СОВЕРШЕННО НИ К ЧЕМУ СВЯЗЫВАТЬ СЕБЯ С ЗАНИЖЕННЫМИ ОЦЕНКАМИ ИДЕНТИЧНОСТИ ВАШЕЙ КУЛЬТУРЫ.

Она рассерженно возразила:

— Что ты имеешь в виду? В чем мы провинились?

— ЭТО Я ХОТЕЛ БЫ ОПРЕДЕЛИТЬ. ВМЕСТЕ С ТОБОЙ. КАК ТЕБЯ ЗОВУТ? ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ?

— Ты можешь зачитать мне содержимое моей же памяти. Скажи мне, кто я.

— ЭТО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДМЕТОМ НАШЕГО РАЗГОВОРА. Я ИНТЕРЕСУЮСЬ ТВОИМИ МОТИВАМИ. КАЖЕТСЯ, ТЫ НЕ СО-

ВСЕМ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЧТО ДЕЛАЕШЬ И ЗАЧЕМ ЗДЕСЬ НАХОДИШЬСЯ.

— Я здесь для... — Она задумалась. — Я здесь в попытке спасти еще живых. Мы должны остановить Морских Звезд — или они сами уничтожат всех нас.

— РАЗВЕ ЭТО ТАК ПЛОХО?

— Разумеется, да, если ты один из тех, кто должен быть уничтожен.

— ТАКИМ ОБРАЗОМ, СПАСЕНИЕ — ЭТО ВСЕ?

— Разумеется, спасение — не венец всего, однако при данных обстоятельствах — это цель, оправдывающая любые наши действия.

— НАЗОВИ СВОЕ ИМЯ.

Голос стал настойчивым.

Она посмотрела на расположившуюся вокруг иллюзию сада. Ряды деревьев простирались вдаль, уходя до бесконечности, и она подумала, что ей, вне сомнения, не избавиться от этой иллюзии без помощи обладателя голоса — таким образом, следовало участвовать в его играх.

Она вздохнула, соглашаясь:

— Ладно. Меня зовут Тор.

— НЕТ, НЕ ТАК, — возразил ей Нексус. По саду пронесся порыв сильного ветра, заставивший деревья красиво качаться. — СУДЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ, ТВОЕ ИМЯ — КЭРИЛ ХАЦИС.

— Да, но я не совсем Кэрил Хацис. Я лишь энграмма — или копия. Нас много, и все мы различаем друг друга по названиям поселений, откуда пришли. Потому меня и зовут Тор. То же самое с Гу Мань, Инари, Ю-Кван...

Она умолкла, чувствуя, что такой ответ не устраивает Нексуса.

— Одна только реальная Кэрил Хацис имеет право носить это имя, — закончила она.

— ДА.

Наступило молчание. Оно последовало за утвердительным ответом...

Но ожидание, что Нексус произнесет еще что-то, было томительным; в ответ же — лишь ветер развеивал ее волосы, да деревья негромко шумели своей листвой.

— И что? — спросила она. — Что дальше? Что бы это ни значило для тебя, на мой вкус — это вовсе не откровение. Сол — матрица, на которой оттиснуты все ее энграммы. Она и была наречена первой. Подумаешь, большое дело. Это вовсе не значит, что она лучше, и не означает, что всегда только она должна быть командиром.

— ИЛИ ЧТО ОНА ЗАСЛУЖИЛА ТАКОЕ ИМЯ.

Она открыла рот, потом закрыла.

Да ты... твою мать, я ведь знаю, куда ты клонишь.

— ЕСЛИ ЗНАЕШЬ, К ЧЕМУ ВЕДУ — ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ САМА НЕ ОТДАЕШЬ ОТЧЕТА СЕБЕ?

Нексус определенно прочитал ее мысли.

— Не важно, почему!

Ее бесчувственные до того щеки горели, она задыхалась от гнева, искренне желая сбросить маску и стать собой.

— ОДНАКО ЭТО ВАЖНО, — возразил голос. — ВЕСЬ ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРИТИЧЕСКИ ЗАВИСИТ ОТ НАЧАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ. Я ПРЕДПОЧИТАЮ ЗНАТЬ, КАКОВЫ ЭТИ НАЧАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИСКАТЬ, КУДА ОНИ ПРИВЕДУТ. ЕСЛИ ТЫ

ПРЕДПОЧИТАЕШЬ СКРЫВАТЬ ИХ — ТОГДА Я ЗАВЕРШАЮ ВЕСЬ ПРОЦЕСС ПРЯМО СЕЙЧАС.

Тор едва сдержала порыв злости, хотя бы и ничего не значивший. Нексус мог читать мысли, значит, скрывать ей нечего. Странно, но, осознав это, она успокоилась.

— Мое имя Кэрил Хацис, — сказала она. — И, по правде говоря, я всегда желала быть единственной, кто носит это имя.

Теплый ветерок мягко пошевелил листвой окружавших ее деревьев.

— ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ — БЫТЬ КЭРИЛ ХАЦИС — ДОМИНИРУЕТ В ТВОИХ ТАЙНЫХ МЫСЛЯХ, — произнес наконец Нексус. — ПОЧЕМУ, КАК ТЫ ДУМАЕШЬ?

Тор пожала плечами в ответ.

— Наверное, я так запрограммирована. Код энграмм написан таким образом, чтобы усилить чувство самосознания, противостоящее случайным ошибкам программирования. Мы верим в определенную нам сущность потому, что неверие способно нарушить целостность личности.

Тут она вспомнила об Эландере и его страданиях, связанных с утратой своей идентичности, заметив:

— Иногда это вызывает проблемы.

— АЛГОРИТМ НЕСЛОЖНЫЙ, НО ЭФФЕКТИВНЫЙ — ЕСЛИ НЕ ПРИМЕНЯТЬ ЕГО КО ВСЕМ СОЗДАНИЯМ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ВИДА, В ОДИНАКОВОЙ МЕРЕ ПОДВЕРЖЕННЫМ ОДНОМУ ОБЩЕМУ ЗАБЛУЖДЕНИЮ. ПРОТИВОРЕЧИЕ СМЯГЧАЕТСЯ СУЩЕСТВОВАНИЕМ ПЕРВИЧНОЙ МАТРИЦЫ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ И БЫЛА ВОСПРОИЗВЕДЕНА КОПИЯ, ОДНАКО ОНО ОСТАЕТСЯ В ПРИГЛУШЕННОМ СОСТОЯНИИ, ПРОДОЛЖАЯ РАЗРУШАТЬ ЛИЧ-

НОСТЬ ИЗНУТРИ. В МОМЕНТ СТРЕССА ТАКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СПОСОБНО ДАЖЕ ВЫЙТИ НА ПЕРВЫЙ ПЛАН. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ОНО ПРИВОДИТ К НЕПРЕДСКАЗУЕМОМУ ПОВЕДЕНИЮ. ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ЧТО ОРИГИНАЛ СПОСОБЕН ВМЕШИВАТЬСЯ В ПРОГРАММУ, НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТ.

Новая волна неприятия пронизала Тор при этой мысли:

— Способен вмешиваться? — переспросила она.

— ОРИГИНАЛ КЭРИЛ ХАЦИС НЕСКОЛЬКО ИЗМЕНИЛА ОПРЕДЕЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ТВОИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ. — Нексус сформулировал свое утверждение уклончиво. — И ЭТО РАСКРЕПОСТИЛО ЛИЧНОСТЬ. ПОТОМУ ТВОЯ НЫНЕШНЯЯ ГИБКОСТЬ — НЕ ЗАСЛУГА РАЗРАБОТЧИКОВ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЗНАЯ О СЛУЧАЙНОМ ХАРАКТЕРЕ ПРОИЗВЕДЕННЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ, МОГУ ПРЕДПОЛОЖИТЬ: ОНИ БЫЛИ СДЕЛАНЫ НА СКОРУЮ РУКУ, И ВОЗМОЖНО, ЭТО ОДНО ИЗ МНОЖЕСТВА СДЕЛАННЫХ У ДРУГИХ ТВОИХ ЭНГРАММ ИЗМЕНЕНИЙ. ВОЗМОЖНО, ОРИГИНАЛ КЭРИЛ ХАЦИС ИСКАЛА СПОСОБ ПРОДЛИТЬ ПЕРИОД ВАШЕГО РАБОТОСПОСОБНОГО СОСТОЯНИЯ, ВНЕДРЯЯ ЭКВИВАЛЕНТ МУТАЦИИ НА УРОВНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОГРАММНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ.

Большая часть из сказанного Нексусом все еще не доходила до сознания Тор.

— Она изменяла что-то внутри меня?

— ИЗМЕНЯЛА СПОСОБ, КОТОРЫМ ТЫ БАЛАНСИРУЕШЬ СВОИ ВНУТРЕННИЕ ИМПЕРАТИВЫ. В ТЕБЕ — ТВОЕ ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ КЭРИЛ ХАЦИС, И ОНО СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ СЛЕДУЕТ. ОНО НАХОДИТ ВЫХОД В НАВЯЗЧИВОМ СТРЕМЛЕНИИ ВЫТЕСНЯТЬ ДРУГИХ И ПРОЯВЛЯЕТСЯ КАК АГРЕССИВНОСТЬ И АМБИЦИОЗНОСТЬ. ЭТИ КАЧЕСТВА, ВОЗМОЖНО, ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫ — ВО ВРЕМЯ СТОЛКНОВЕНИЯ

ИНТЕРЕСОВ, НО СОВЕРШЕННО НЕ ПРОДУКТИВНЫ ДЛЯ КОММУНИКАЦИИ.

Нексус взял многозначительную паузу, затем продолжил:

— Я ОТМЕЧАЮ СЛЕДУЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ОСОБО. Я НЕ РАССМАТРИВАЮ НИ ТВОЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ, НИ ТВОИ ОТНОШЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ СВОЙСТВ ТВОЕЙ ЖЕ ЛИЧНОСТИ. Я ПРЕДПОЧИТАЮ ОБЩАТЬСЯ, ИСПОЛЬЗУЯ КАНАЛ РАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ, НЕ ЗАТРОНУТЫЙ КОНФЛИКТОМ ТВОИХ ВНУТРЕННИХ МОТИВОВ.

Некоторое время Тор оставалась в молчании, да она и не могла говорить. Мысли ее проносились и исчезали, словно тучи, гонимые штормовым ветром. Казалось, какое-то особенно уязвимое место ее психики оказалось обнаженным, и к нему уже подключили электроды. Да, она негодовала, думая о Сол как о той, кто вдохновлял их всех, и в то же время той, кто заставлял Тор относиться к себе самой, как к вечно второй и неадекватной личности. И все же ей удавалось жить с этим грузом. Открыть же факт, что Сол была той, кто влез в ее мозг и имел, как хотел, все личные установки, все самое интимное, что составляло ее существо — было совсем уж неприятно, осознание подобного предательства вызвало вполне физическое и тошнотворное ощущение.

Что делала Сол с остальными своими копиями? Может быть, то же самое и с каждой? Были они все марионетками, плясавшими для ее забавы? Ставила ли она себя выше всех, намереваясь стать существом вроде Практика — «королевой», окруженной рабами, ей прислуживающими и выполняющими малейшие ее капризы?

— Как насчет твоих собственных «мотивов»? — вдруг спросила она, обращаясь к Нексусу. Хотелось скорее отыскать выход из тупика, в котором оказалось ее бурлящее сознание. — Раз уж мы собираемся «общаться» — не следует ли поговорить о тебе в таком же смысле?

— НЕ Я НУЖДАЮСЬ В НАШЕМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ. — Интонация Нексуса не оставляла надежды на смягчение. — И Я ЗДЕСЬ НЕ ДЛЯ ПОМОЩИ. ГЛАВНЫЙ ЗДЕСЬ Я, И МНЕ НЕТ НУЖДЫ ТЕРЯТЬ ЧАСТЬ ПОЗИЦИИ ПРЕВОСХОДСТВА, РАСКРЫВАЯ ИНФОРМАЦИЮ О СЕБЕ. НЕ ДЕЛАЙ ОШИБОК, КЭРИЛ ХАЦИС: ТЫ МНЕ НЕ РОВНЯ, И НИКОГДА НЕ СМОЖЕШЬ ЕЮ СТАТЬ.

— Что все это значит? Ты просто играешь со мной? Убиваешь времена от вечной скуки?

— НИЧЕГО ПОДОБНОГО. МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО Я ИЗУЧИЛ В ТВОЕМ СОЗНАНИИ, НЕ МОГЛО БЫТЬ ПОНЯТО ИЗ СТАТИЧНОГО СНИМКА, СДЕЛАННОГО С ТВОЕГО СОЗНАНИЯ. ВНЕ СТЕПЕНИ МОЕГО НАД ТОБОЙ ПРЕВОСХОДСТВА ЕСТЬ НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗАРАНЕЕ ДЕТАЛИ ПРОЦЕССА, НАБЛЮДАТЬ КОТОРЫЕ МОЖНО ТОЛЬКО В ХОДЕ САМОГО ПРОЦЕССА. ЭВОЛЮЦИЯ СОБЫТИЙ — ЭТО ЛУЧШЕЕ ИЗ ЗАНЯТИЙ, КОТОРОЕ МОЖЕТ НАЙТИ СЕБЕ ЛЮБАЯ ФОРМА РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ. ЧТО ТЫ СМОГЛА ПРЕДЛОЖИТЬ МОЕМУ ВНИМАНИЮ, ЗНАЧИТЕЛЬНО МЕНЕЕ ИНТЕРЕСНО В СРАВНЕНИИ СО СПОСОБОМ, КАКИМ ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИЛО. ЕСЛИ ИНФОРМАЦИЯ НЕ ДВИЖЕТСЯ — ОНА МЕРТВА. Я ПОНЯТНО ГОВОРЮ?

Тор подумала, что, кажется, начинает понимать. Независимо от сложности разума, независимо от объема его знаний и степени осведомленности об истинной природе вещей, такому разуму всегда интересен сам ход событий.

Событий в их последовательном изложении и в виде законченной повести. Повести ее собственной жизни...

— ТВОЯ ПОВЕСТЬ ПРИШЛА К ФИНАЛУ, КЭРИЛ ХАЦИС ИЛИ ТОР.

— Не надо так, не списывай меня заранее, — вызывающе попросила она. — Я еще жива.

— В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ТЫ ИМЕННО МЕРТВА. ТВОЕ ТЕЛО ПЕРЕСТАЛО ЖИТЬ, А ПОСЛЕ НАШЕГО РАЗГОВОРА — И ТВОЯ ЛИЧНОСТЬ ОКАЖЕТСЯ СТЕРТОЙ ИЗ МОЕЙ ПАМЯТИ. ПРЕКРАТИТСЯ ДВИЖЕНИЕ ВСЕГО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ СЕЙЧАС — ТОЧНЕЕ, ОСТАНОВИТСЯ ПРОЦЕСС, ЗАПУЩЕННЫЙ ВНУТРИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА.

— Прекратится?.. — Внутри у Тор все сжалось. Она неясно пробормотала: — Почему? Что я сделала такого, что ты решил меня убить?

— ТЫ НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛА, КЭРИЛ ХАЦИС, — ответил — голос Нексуса. — ТЫ НЕ СДЕЛАЛА НИЧЕГО И ТЫ НИЧТО ДЛЯ МЕНЯ. ТВОЯ ЛИЧНАЯ СУДЬБА НЕ МЕНЯЕТ НИ МОЕГО СУЩЕСТВА, НИ МОЕГО НАЗНАЧЕНИЯ, И ТВОЯ СМЕРТЬ НЕ ПОВЛЕЧЕТ УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ — НИ СМЕРТЬ ТВОЕГО ТЕЛА, НИ ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОЕГО СОЗНАНИЯ. ТЫ — НАСЕКОМОЕ, ПЫТАВШЕЕСЯ ИЗМЕНИТЬ ДВИЖЕНИЕ КОНТИНЕНТОВ. НЕ ВАЖНО, КАК ТЫ БУДЕШЬ ТУЖИТЬСЯ, ИЛИ КУДА ТОЛКАТЬ — ОНИ НЕ СДВИНУТСЯ ОТ ТВОИХ УСИЛИЙ.

— А крылья бабочки? — проговорила она в безнадежном поиске контраргументов.

— ХАОС НЕ ПОДДАЕТСЯ УПРАВЛЕНИЮ. БАБОЧКА НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ НИЧЕГО, ЕСЛИ ДАЖЕ БИЕНИЕ ЕЕ КРЫЛЬЕВ И СОЗДАЕТ УРАГАН НА ДРУГОМ КОНЦЕ ВСЕЛЕННОЙ.

— Она может пытаться! — Тор дернула плечами, едва подумав о том, что ее жизнь могла пройти тихо, в полном согласии с бытием. — И если попытка идет своим, интересным путем — разве это ничего не стоит? Разве не становятся интересными все частности сами по себе?

— ДА, КОНЕЧНО. ПОЭТОМУ Я И СПРАШИВАЛ О ТВОИХ МОТИВАХ ЧУТЬ РАНЬШЕ. ВОЗМОЖНО, МНЕ ИНТЕРЕСНО ПОМОЧЬ ТОМУ, ЧЬИ ПОБУЖДЕНИЯ НЕСКОЛЬКО ВЫХОДЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЕГО СОБСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ НИШИ, ХОТЯ И НЕ ИМЕЮ ЦЕЛИ ВСТРЕВАТЬ В ЧАСТНЫЕ РАЗБОРКИ.

— Так почему ты все еще разговариваешь со мной, если не имеешь интереса? Почему еще не стер меня?

— Я СОВЕРШЕННО ЛИШЕН ТОГО, ЧТО ТЫ НАЗЫВАЕШЬ СОЧУВСТВИЕМ. В ТВОЕЙ СУДЬБЕ И СУДЬБЕ ТВОИХ СПУТНИКОВ ЕСТЬ ЕЩЕ НЕКОТОРАЯ ДОЛЯ ИНТЕРЕСА.

Тор ощутила вдруг бесконечную усталость, даже опустошение. Что хочет получить от нее этот Нексус? Проклятие! С ним она вела себя более честно, чем с кем-либо, возможно, даже, чем сама с собой. Все могло отпечататься в ее подсознании и дать информацию полнее, нежели ответы на головоломки Нексуса. Почему его решение нельзя наконец вынести и выполнить — избавив ее от дальнейшего унижения?

— Послушай, кто ты, наконец? — задала она свой вопрос после секундной паузы. — Можешь ты сказать по крайней мере хоть что-то, прежде чем покончить со мной?

— ЕСТЬ РАЗНИЦА?

— Конечно, есть! Если ты из Морских Звезд — то в любом случае уже знаешь, зачем я пришла сюда, и тогда я

могу по крайней мере умереть спокойно, с сознанием, что послание достигло адресата. Если же нет, если ты еще один из встреченных на пути «переходных» видов, тогда...

Она остановилась, не зная, что сказать.

— ТОГДА ТЫ БУДЕШЬ ЗЛА И РАЗОЧАРОВАНА, — закончил за нее Нексус. — И ВСЕ ЕЩЕ ОКАЖЕШЬСЯ НЕ В СОСТОЯНИИ ПРИНЯТЬ НЕИЗБЕЖНОЕ.

Казалось, это могло стать последним аргументом. Все же оставалось ощущение, словно точка еще не поставлена — и к чему вообще слова, если Нексус мог знать ее мысли еще до того, как слова сказаны?

— ВСЕГДА ЕСТЬ ТАКАЯ ТОЧКА, КЭРИЛ ХАЦИС. В ТВОЕМ ПРЕБЫВАНИИ ЗДЕСЬ ЕСТЬ СВОЯ ТОЧКА; В МОЕМ РАЗГОВОРЕ С ТОБОЙ ЕСТЬ СВОЯ ТОЧКА. ЭТА ТОЧКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ РАЗДЕЛИТЕЛЬ И ОДНОВРЕМЕННО ЭТО ПУНКТ ДЛЯ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ. ДИНАМИЗМ, СВОЙСТВЕННЫЙ ОБМЕНУ ДАННЫМИ, ВЕСЬМА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПРЕДПИСАНИЙ ПОРЯДКА. ДАВ ТЕБЕ ШАНС ИЗМЕНИТЬ МОЕ МНЕНИЕ, Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО ДЕЙСТВУЮ ЧЕСТНО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ В СООТВЕТСТВИИ С ЕСТЕСТВЕННЫМИ ЗАКОНАМИ ЖИЗНИ.

Она склонила голову, словно прислушиваясь к себе.

— Значит, я смогла изменить твое мнение?

— НЕТ.

— Что такая попытка представляет для тебя, кроме как приятное отвлечение перед тем, как ты отправишься своим путем, разрушая наши поселения и убивая. Ведь это делаешь именно ты?

Тор показалось — или это лишь показалось? — но в последовавшем секундном молчании она почти услышала вздох.

— ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, КЭРИЛ ХАЦИС, — произнес наконец Нексус. — ИНФОРМАЦИЯ, ЧТО ТЫ ПРЕДОСТАВИЛА, МОЖЕТ БЫТЬ ДОВОЛЬНО ЦЕННОЙ. ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ТОБОЙ СДЕЛАННЫЕ: ЧТО В СИСТЕМЕ, НАЗЫВАЕМОЙ ВАМИ ПИ-1 БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ, ИМЕЕТСЯ ЧТО-ТО НЕОБЫЧНОЕ — КАЖУТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМИ, ИМЕЯ В ВИДУ ВСЕ ФАКТИЧЕСКИ СОБРАННЫЕ ВАМИ ДАННЫЕ. БОЛЬШАЯ ИХ ЧАСТЬ — КОСВЕННЫЕ, ОДНАКО УБЕДИТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ: ЗАГАДОЧНЫЕ ПРОЛЕТЫ КОРАБЛЕЙ ЗА НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ ДО ЭТОГО, УНИЧТОЖЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ РАЗВЕДЧИКОВ В СОВСЕМ УЖЕ НЕДАВНИЕ ВРЕМЕНА. ЭТО УКАЗЫВАЕТ НА ИЗМЕНЕНИЕ ТАКТИКИ ТЕХ, КОГО МЫ ПРЕСЛЕДУЕМ — СУЩЕСТВ, НАЗЫВАЕМЫХ ВАМИ ПРЯДИЛЬЩИКИ. ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, В ЭТОМ ЕСТЬ ВАЖНОЕ ДЛЯ НАС РАЗВИТИЕ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ С НИМИ НАЧАЛОСЬ ЗАДОЛГО ДО ТОГО, КАК РОДИЛАСЬ ВАША РАСА. ПРОИСХОДЯЩЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ ВЕСЬМА МАЛО, НО ОДНАЖДЫ ОНО МОЖЕТ РАЗВЕРНУТЬСЯ В МОЛНИЕНОСНЫЙ ПРОЦЕСС, СТАВ КАТАЛИЗАТОРОМ ЯВЛЕНИЙ, НЕ НАБЛЮДАВШИХСЯ НАМИ УЖЕ МНОГО ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ ЛЕТ.

— Так скажи мне — ты один из Морских Звезд?

— НЕТ.

Несмотря на обилие мыслей, потоком пронесшихся в ее сознании, Тор не сразу удалось преодолеть растерянность.

— ОДНАКО Я БЛИЖЕ К НИМ, НЕЖЕЛИ ВСЕ, С КЕМ ТЫ СТАЛКИВАЛАСЬ ДО НАШЕЙ ВСТРЕЧИ. ЭТО ПРОЯВЛЕНИЕ, КАК ДОГАДАЛСЯ ОДИН ИЗ ТВОИХ СПУТНИКОВ, ОБЪЕДИНЕНИЯ ФОРМ ЖИЗНИ, ЭКОЛОГИЧЕСКИ ВПОЛНЕ ОПРАВДАННОГО. МНОГИЕ НАШЛИ СЕБЕ МЕСТО ОКОЛО ИХ ВЕЛИЧАЙШЕЙ МИГРАЦИИ. ЗДЕСЬ ЕСТЬ БЕСЧИСЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО СВЯЗЕЙ И МНОЖЕСТВО ИХ УРОВНЕЙ, И ЭТО ПРЕКРАСНАЯ СРЕДА ДЛЯ ТАКОГО СОЗ-

ДАНИЯ, КАК Я, ПРОЦВЕТАЮЩЕГО ВЕЗДЕ, ГДЕ ЕСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ. ЭТИ ПРОЦЕССЫ ОБЕСПЕЧИВАЮТ МНЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ; Я САМ СУЩЕСТВУЮ, ЧТОБЫ РЕГУЛИРОВАТЬ ПОТОКИ ДАННЫХ В НИХ. В ЭТОМ СМЫСЛЕ ВАМ ПОВЕЗЛО — НАЙДИ ВАС ОБИТАТЕЛЬ ИНОЙ НИШИ, И ВАС УНИЧТОЖИЛИ БЫ БЕЗ ВСЯКОГО РАЗГОВОРА.

— То есть утверждаешь, что именно ты нам поможешь?

— Я ЗАИНТЕРЕСОВАН В ВАШЕЙ ИСТОРИИ, КЭРИЛ ХАЦИС, ОДНАКО ИМЕЮ СОБСТВЕННЫЕ ЦЕЛИ, КОТОРЫМ СЛУЖУ. Я В СОСТОЯНИИ СОДЕЙСТВОВАТЬ ВАМ, ИЛИ ПОКОНЧИТЬ С ВАМИ, УБИВ ВСЕХ, ЕСЛИ ВАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕ ОКАЖЕТСЯ ДЛЯ МЕНЯ ПОЛЕЗНЫМ. ЕДВА ЛИ МОЖНО ПОЗВОЛИТЬ ВАМ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ДАЛЬШЕ И НЕ ОКАЗАТЬСЯ ОБНАРУЖЕННЫМИ.

— Но почему тебе не помочь нам? Умея читать мои мысли и прослушав наши разговоры заранее — разве ты не убедился в пользе нашего предприятия?

— НО ЧТОБЫ ПОМОЧЬ, ВНАЧАЛЕ Я ДОЛЖЕН УБИТЬ ТЕБЯ, КЭРИЛ ХАЦИС.

Внутри нарастал протест, перехваченный Нексусом раньше, чем она смогла произнести хотя бы одно слово.

— ПРОШУ, ПОЗВОЛЬ МНЕ ЗАКОНЧИТЬ МЫСЛЬ. ТЕБЕ СЛЕДУЕТ ВЫСЛУШАТЬ ЕЕ ДО КОНЦА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я ПРИМУ СВОЕ РЕШЕНИЕ. ЗАТЕМ НАСТАНЕТ ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ РЕШАТЬ. ПОКА ЧТО ТЫ СЧИТАЕШЬ СЕБЯ В ДОСТАТОЧНОЙ МЕРЕ ИНФОРМИРОВАННОЙ О МОРСКИХ ЗВЕЗДАХ И ДВИЖУЩИХ ИМИ ЦЕЛЯХ. А ЕСЛИ И ГОВОРИШЬ СЕБЕ, ЧТО, ВОЗМОЖНО, ЧЕГО-ТО НЕ ЗНАЕШЬ, ТО ВСЕ РАВНО ПРОДОЛЖАЕШЬ ВЕРИТЬ, НЕЗАВИСИМО НИ ОТ ЧЕГО. НА САМОМ ДЕЛЕ ТЫ ПРОСТО НЕ СПОСОБНА ПОНЯТЬ ИХ — ТАК ЖЕ, КАК И Я; В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, Я ПРЕДСТАВЛЯЮ СОБОЙ, ПО-ВИДИМОМУ, САМОЕ ВЫСОКОРАЗВИТОЕ СОЗДАНИЕ ИЗ ВСЕГО ВСТРЕ-

ЧЕННОГО ВАМИ ДО СИХ ПОР, ВКЛЮЧАЯ И ТО, ЧТО ВЫ ИМЕНУЕТЕ ДАРАМИ. ДОПУЩЕНИЯ, СДЕЛАННЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СТОЛЬ ПРЕВРАТНО ПОНЯТОЙ ВАМИ СУТИ СОБЫТИЙ, ПОПРОСТУ ОСЛЕПИЛИ И ДЕФОРМИРОВАЛИ ВАШЕ ВОСПРИЯТИЕ. И ПРЕЖДЕ ЧЕМ СМОЖЕШЬ ПРОДОЛЖИТЬ — ТЕБЕ ПОНАДОБИТСЯ УВИДЕТЬ ВЕЩИ МОИМИ ГЛАЗАМИ.

ТЕ, КОГО ВЫ НАЗЫВАЕТЕ МОРСКИМИ ЗВЕЗДАМИ, СОВЕРШЕННО НЕИЗВЕСТНЫ СУЩЕСТВАМ, СОПРОВОЖДАЮЩИМ ИХ В ПУТИ. САМ Я СЛУЖУ ИМ МНОГИЕ ТЫСЯЧИ ВАШИХ ЛЕТ, НО ПОДОШЕЛ К СУТИ НЕ БЛИЖЕ, ЧЕМ ЭТО УДАЛОСЬ ВАМ. ЕДИНСТВЕННОЕ ИЗ МОИХ ПРЕИМУЩЕСТВ В СРАВНЕНИИ С ВАМИ — ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ ВОСПРИНИМАТЬ ИХ ОПЫТ, ИЗУЧИТЬ ПОДХОДЫ, ИМИ ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ, ОБРАЗЦЫ СОБРАННЫХ ИМИ ДАННЫХ, ПОНЯТЬ МЕТОДИКИ. ЧТО ПОСЛЕДУЕТ ЗА ФАКТАМИ, ИМИ УЖЕ ОСМЫСЛЕННЫМИ, ИЛИ КАКОВЫ ПРОЦЕССЫ, ИМИ ДВИЖУЩИЕ. ЭТО БОЛЬШАЯ ЗАГАДКА, И, ВОЗМОЖНО, НАМ НИКОГДА НЕ УЗНАТЬ ЕЕ ОТВЕТА. СУДЯ ПО ТОМУ, ЧТО УЖЕ ИЗВЕСТНО, ИХ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ ВОВСЕ: МИГРАЦИЯ ВПОЛНЕ СПОСОБНА ИДТИ СВОИМ ПУТЕМ И БЕЗ НИХ — ВЕДЬ ВСЕ МЫ, ЗАНИМАЮЩИЕ КАЖДЫЙ СВОЮ НИШУ, ВЫПОЛНЯЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОБОСОБЛЕННЫЕ ЗАДАЧИ, СТОЛЕТИЯМИ ОБХОДЯСЬ БЕЗ ИНСТРУКЦИЙ ИЛИ УКАЗАНИЙ К ДЕЙСТВИЮ.

ПРОИСХОДЯЩЕЕ НА САМОМ ВЕРХУ ЭТОЙ ЦЕПИ ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ. Я ОБЩАЮСЬ С СОЗДАНИЯМИ, СТОЯЩИМИ НА СЛЕДУЮЩЕЙ СТУПЕНИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕСТНИЦЫ МИГРАЦИИ — И ЭТИ СУЩЕСТВА ТАКЖЕ ГОВОРЯТ ОБ ОТСУТСТВИИ КОНТАКТА С МОРСКИМИ ЗВЕЗДАМИ. ВОЗМОЖНО, МЫ ВСЕ ЯВЛЯЕМСЯ МОРСКИМИ ЗВЕЗДАМИ: СОВОКУПНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НИШ СОСТАВЛЯЕТ НЕКИЙ ОБЩИЙ СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ, СОХРАНЯЮЩИЙ СЛАЖЕННОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ — ВОПРЕ-

КИ ПОВЕДЕНИЮ СОБСТВЕННЫХ, ОТЛИЧНЫХ ДРУГ ОТ ДРУГА КОМПОНЕНТОВ. КАК — Я НЕ ЗНАЮ, И В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ МОЕ НЕЗНАНИЕ СТОЛЬ ЖЕ ВЕЛИКО, КАК И ВАШЕ — НО ТОЛЬКО В ОДНОМ И ЧАСТНОМ КОНТЕКСТЕ.

ИТАК, Я НЕ В СОСТОЯНИИ СКАЗАТЬ, ЧТО ИМЕННО ПОДУМАЮТ МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ О ТОЙ ИНФОРМАЦИИ, КОТОРУЮ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ИМ ПРЕПОДНЕСТИ. МОГУ ЛИШЬ ПОМОЧЬ В ЕЕ ДОСТАВКЕ.

— Но ты просто обязан иметь собственное мнение о ней.

Неровные взмахи ветвей, на фоне хмурого неба — это продолжалось несколько мгновений, в течение которых Нексус раздумывал над очередным комментарием.

— ЕСЛИ СКАЗАННОЕ ТОБОЙ — ПРАВДА, — произнес он наконец, — А ПРЯДИЛЬЩИКИ НА САМОМ ДЕЛЕ ПРЯЧУТСЯ В СИСТЕМЕ ПИ-1 БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ, ТОГДА ТЫ ЛЕГКО СМОЖЕШЬ ДОСТИЧЬ ПОСТАВЛЕННОЙ ЦЕЛИ. ПРЯДИЛЬЩИКИ МОГЛИ ИЗМЕНИТЬ СОБСТВЕННУЮ ТАКТИКУ СОЗНАТЕЛЬНО — В ПРЕДПОЛОЖЕНИИ, ЧТО МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ, ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ, ПРОСТО ЭТОГО НЕ ЗАМЕЯТ. КОГДА ФРОНТ ПРЯДИЛЬЩИКОВ ДВИЖЕТСЯ — МЫ ИДЕМ СЛЕДОМ; ЕСЛИ МЫ УСКОРЯЕМ ДВИЖЕНИЕ — И ОНИ УХОДЯТ ВПЕРЕД. УБАЮКАННЫЕ ЭТОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТЬЮ, МЫ, ВОЗМОЖНО, НЕ ЗАМЕТИЛИ БЫ ОДНОГО НЕБОЛЬШОГО ИЗМЕНЕНИЯ — ЕСЛИ БЫ НЕ ВЫ. ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ БУДЕТ ЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ДЛЯ ОДНИХ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ СТАНЕТ ВЫЗОВОМ СУЩЕСТВУЮЩЕМУ ПОРЯДКУ С ПОЗИЦИЙ ДРУГИХ. ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ, ЕСЛИ ПРЯДИЛЬЩИКИ ИСЧЕЗНУТ? РАССЕЕТСЯ ЛИ НАША МИГРАЦИЯ? ИЛИ БУДЕТ УНИЧТОЖЕНА ЗАОДНО С ПРЯДИЛЬЩИКАМИ, БОЛЕЕ НЕ НУЖНАЯ НИ ДЛЯ ЧЕГО? И ОПЯТЬ ЖЕ МЫ, ВЕРОЯТНО, НЕ МОЖЕМ И НАДЕЯТЬСЯ УЗНАТЬ ОБ ЭТОМ.

— А ты сам пропустишь ли наше сообщение наверх? — спросила Тор, почувствовав в интонации Нексуса предложение к сотрудничеству. — Можешь ли передать послание на уровень выше, чтобы со временем его могли «прочсть» Морские Звезды?

— НЕТ. Я НЕ СМОГУ НАДЕЖНО ОБЕСПЕЧИТЬ ЭТОГО. ЕСТЬ ТЕ, КТО СТАНЕТ ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ ТАКОЙ ДОСТАВКЕ И, ВОЗМОЖНО, УГРОЖАТЬ САМОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ СООБЩЕНИЯ, ТАК ЖЕ, КАК ВСЕМ, КТО МОГ ЕГО ПРОЧЕСТЬ. Я НЕ МОГУ РИСКОВАТЬ. СЛИШКОМ УЖ ХОРОША САМА ЖИЗНЬ — КАК ПРОЦЕСС.

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, КЭРИЛ ХАЦИС, И ЭТО НАИБОЛЕЕ ВАЖНОЕ ИЗ ВСЕГО, ЧТО Я СКАЖУ: ТВОЯ РАСА СДЕЛАЛА ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОПУЩЕНИЯ. Я УЖЕ ГОВОРИЛ ОБ ЭТОМ, ОДНАКО ЕЩЕ НЕ РАССКАЗАЛ О ВСЕХ ВАШИХ ДОПУЩЕНИЯХ. ЕСТЬ И ЕЩЕ ОДНО, ЧТО ВАМ СЛЕДУЕТ ИМЕТЬ В ВИДУ. ЕСЛИ СКАЗАННОЕ ВАМИ О ПРЯДИЛЬЩИКАХ — ПРАВДА, ТО ВЫ МОЖЕТЕ ОКАЗАТЬСЯ ВИНОВНЫМИ В ВЕЛИЧАЙШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ НИХ. ВЕДЬ ОНИ В КОНЦЕ КОНЦОВ ЛИШЬ БЕСКОРЫСТНЫЕ РАСПРОСТРАНТЕЛИ ЗНАНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВЕЛИКУЮ УСЛУГУ МОЛОДЫМ ЦИВИЛИЗАЦИЯМ И КУЛЬТУРАМ НА ПУТИ СВОЕГО СЛЕДОВАНИЯ. И ВСЕ ЖЕ ВЫ ПРЕДАЕТЕ СВОИХ БЛАГОДЕТЕЛЕЙ — ПРОСТО ЧТОБЫ ОБЕЗОПАСИТЬ СОБСТВЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. КТО ПОВЕРИТ ЭМИССАРАМ СТОЛЬ ВЕРОЛОМНОЙ КУЛЬТУРЫ?

— Это лишь способ, которым мы могли привлечь внимание, — быстро нашлась Тор. Моральная сторона ее миссия не могла найти простое разрешение, более основательное, чем иллюстрация в стиле «убить-или-быть-убитым». — И если бы мы не сделали этого, то...

— ПРОШУ, — прервал ее Нексус, — ПОЗВОЛЬ МНЕ ДОГОВОРИТЬ. ВЫ РАССМАТРИВАЕТЕ МИГРАЦИЮ МОРСКИХ ЗВЕЗД КАК ВЕЛИЧАЙШИХ РАЗРУШИТЕЛЕЙ, СТИРАЮЩИХ В ПЫЛЬ ВСЯКУЮ ВСТРЕЧЕННУЮ ИМИ ЖИЗНЬ. И КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ — МЫ САМИ РАЗДЕЛЯЕМ ТАКУЮ ПОЗИЦИЮ? У ВАС ЕСТЬ СВОИ ПРИЧИНЫ ЖЕЛАТЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ СВОИХ БЛАГОДЕТЕЛЕЙ. ВОЗМОЖНО, МЫ ТАКЖЕ ИМЕЕМ СВОИ РЕЗОНЫ.

— Но ты сам говорил, что вы не знаете мотивов Морских Звезд.

— НЕ ЗНАЕМ. НО ВЫСКАЖУ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ: ИХ МОЖНО СПРОЕЦИРОВАТЬ. А ЕЩЕ — МЫ МОЖЕМ ВЫДВИГАТЬ СВОИ ТЕОРИИ И ИСПЫТЫВАТЬ ИХ ДОСТОВЕРНОСТЬ ВНОВЬ ПОЛУЧЕННЫМИ ДАННЫМИ — ТАК ЖЕ, КАК Я ПОСТУПИЛ С ИНФОРМАЦИЕЙ, ПОЛУЧЕННОЙ ОТ ТЕБЯ. ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕ ПРОТИВОРЕЧИЛО ИМЕЮЩЕЙСЯ У МЕНЯ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ВЫСШИХ СУЩЕСТВ, И ДАЖЕ НЕСМОТРЯ НА ФАКТ, ЧТО ЭТА МОДЕЛЬ СТОИТ НА ПОЗИЦИЯХ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ТВОИМ. ВЕРОЯТНО, Я ВИНОВЕН, КАК И ТЫ, ИЗБРАВ СЕБЕ МОДЕЛИ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ МОРАЛЬНОМУ ВЫБОРУ, СДЕЛАТЬ КОТОРЫЙ МНЕ НЕОБХОДИМО ДЛЯ СОБСТВЕННОГО ВЫЖИВАНИЯ. ТАКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ВПОЛНЕ РЕАЛЬНА. ОДНАКО Я МОГУ ПРЕДЛОЖИТЬ ТЕБЕ ИНУЮ МОДЕЛЬ — ЧТОБЫ ТЫ МОГЛА ПОЧУВСТВОВАТЬ РАЗНИЦУ. ПОСЛЕ ЭТОГО Я ПРЕДОСТАВЛЮ ТЕБЕ ВЫБОР.

По саду прошел ветер, вызвавший у Тор озноб. Мысль о том, что мог представлять собой этот выбор, вызывала гнетущее беспокойство.

— ГАЛАКТИКА ОХВАЧЕНА ВОЙНОЙ, — продолжал Нексус после паузы. — ЭТО МЕСТО ВЕЧНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ ТЫСЯЧ ФРОНТОВ И МИЛЛИОНОВ ВИДОВ. ТВОЙ ВИД ХОРОШО ЗНА-

КОМ С ПОНЯТИЕМ ВОЙНЫ. У ВАС ЕСТЬ ПОНИМАНИЕ ЕЕ ПОЛНОЙ БЕССМЫСЛЕННОСТИ И ХАОСА, СТОЯЩЕГО ЗА НЕЙ. ЧАСТО СХВАТКА БЫВАЕТ БЕСПОЧВЕННОЙ, РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ И НАПРАСНОЙ, ДАВАЯ В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ НАЧАЛЬНЫЙ ТОЛЧОК ИЗМЕНЕНИЮ, ПРИВОДЯ В ДВИЖЕНИЕ СИЛЫ ЭВОЛЮЦИИ, ДВИГАЯ ПРОГРЕСС ВПЕРЕД. ЭТО ОБОЮДООСТРОЕ ЛЕЗВИЕ, УРАВНОВЕШИВАЮЩЕЕ ДЕСЯТКИ МИЛЛИАРДОВ ЗВЕЗДНЫХ СИСТЕМ В ИХ ПРОТИВОСТОЯНИИ. И ЭТО — ЕДИНСТВЕННО УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТИП ПОВЕДЕНИЯ, ОБНАРУЖЕННЫЙ НАМИ ДО СИХ ПОР.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ПОЛАГАЮ, ТЕБЕ СЛЕДУЕТ РАССМОТРЕТЬ МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ПРОСТО ВООБРАЗИ СОВСЕМ НЕБОЛЬШУЮ СТЫЧКУ В КОНФЛИКТЕ, ИДУЩЕМ В СТОРОНЕ ОТ ОСНОВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ. КТО УЧАСТВУЕТ В ЭТОЙ СТЫЧКЕ — МЫ НЕ ЗНАЕМ, И СОВСЕМ НЕ ВАЖНО, КТО В НЕЙ ПОБЕДИТ. ВСЕ, ОДНАКО, ИНАЧЕ ДЛЯ ОДНОЙ ИЗ СТОРОН-УЧАСТНИЦ. ОНА УБЕГАЕТ И ПРЯЧЕТСЯ. ИЛИ, ВОЗМОЖНО, В КОНФЛИКТЕ ОНА — АГРЕССОР. НАКОНЕЦ ОНА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ПРОСТО ЖЕРТВОЙ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ОНА СПАСАЕТСЯ БЕГСТВОМ.

ОДИН ИЗ ВРАГОВ УСТРЕМЛЯЕТСЯ ВСЛЕД, СТАРАЯСЬ ЕЕ ОПОРОКИНУТЬ. ПОГОНЯ ТЯЖЕЛА И ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДОЛГО. ОНИ БЕГУТ СКВОЗЬ ГУСТЫЕ ЗАРОСЛИ, ЧЕРЕЗ ВЫЖЖЕННЫЕ СРАЖЕНИЯМИ ПОЛЯ. ОНИ УКЛОНЯЮТСЯ ОТ ДРУГИХ КОНФЛИКТОВ И НИКОГДА НЕ СЛЕДЯТ ЗА ПРОЙДЕННЫМ ИМИ РАССТОЯНИЕМ. ОНИ БУДУТ ВСЕГДА ЗАХВАЧЕНЫ ТОЛЬКО БОРЬБОЙ — ДО САМОЙ СМЕРТИ. ИТАК, НАЗАД ВЕРНЕТСЯ ЛИШЬ ОДИН ИЗ НИХ.

ТАКОЙ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, И ЯВЛЯЕТСЯ МИГРАЦИЯ ПРЯДИЛЬЩИКОВ/МОРСКИХ ЗВЕЗД — ИЛИ «ДВУЛИЧИЕ», КАК ЕГО НАЗВАЛИ СУЩЕСТВА, ЗНАКОМЫЕ ВАМ КАК «ЮЛЫ», ВМЕСТЕ С ИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ — ПРАКТИКОМ. ХОРОШЕЕ ИМЯ. ОНО

ДОВОЛЬНО ЯСНО ДЕМОНИСТРИРУЕТ ВСЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НАШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ. ДЛЯ ВАС МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ — УЖАСАЮЩИЕ ХИЩНИКИ, ЕДИНСТВЕННОЙ ЦЕЛЮ КОТОРЫХ ЯВЛЯЕТСЯ УНИЧТОЖЕНИЕ ДОБРЫХ ДЕЛ — ДАРОВ, ОСТАВЛЕННЫХ ПРЯДИЛЬЩИКАМИ. ДЛЯ НАС ПРЯДИЛЬЩИКИ — ЭТО БРОДЯГИ, СПАСАЮЩИЕСЯ ОТ ПРАВОСУДИЯ, ПОИСКУ КОТОРОГО МЫ САМИ ПОСВЯТИЛИ ЖИЗНИ. КТО ИЗ НАС ПРАВ? ВОЗМОЖНО, ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ НИКТО.

— Это кажется бессмысленным, — сказала Тор, потирая рукой лоб. — Зачем Прядильщики помогают нам, если их единственная цель — спасти себя?

— ОНИ ВАМ НЕ ПОМОГАЮТ.

— Ну а как же Дары...

— ЭТО ЛОЖНЫЙ МАНЕВР, ПРЕДПРИНИМАЕМЫЙ УБЕГАЮЩЕЙ СТОРОНОЙ, ЧТОБЫ ОТВЛЕЧЬ ВНИМАНИЕ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ. ЭТОТ МАНЕВР ОСТАВЛЯЕТ ВАМ ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ПРИВЛЕЧЬ НАШЕ ВНИМАНИЕ, КАК ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ И, НАПРОТИВ, НЕ ОСТАВЛЯЕТ ВРЕМЕНИ ДЛЯ САМОЗАЩИТЫ. МЫ НЕ МОЖЕМ ИГНОРИРОВАТЬ ВАС, ПОТОМУ ЧТО ВОЗМОЖНО ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ — И ОДНАЖДЫ ПРЯДИЛЬЩИКИ ОКАЖУТСЯ У НАС ЗА СПИНОЙ. НАКОНЕЦ, ОНИ МОГУТ МАСКИРОВАТЬСЯ ПОД ВАС САМИХ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ МЫ ОКАЖЕМСЯ ИЗЛИШНЕ ТЕРПИМЫМИ. НАШ ХОД ЗАМЕДЛЯЮТ, ВЫНУЖДАЯ БЫТЬ ТЩАТЕЛЬНЫМИ В ПОДХОДАХ, НЕ ОСТАВЛЯЮЩИМИ ШАНСА УПУСТИТЬ ДАЖЕ МЕЛОЧЬ. ПРЯДИЛЬЩИКИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ВАС, КЭРИЛ ХАЦИС, ОНИ ПРЕДАЛИ ВАС САМИХ, ОБРЕКАЯ НА СМЕРТЬ.

— С какой стати тратить на нас так много усилий? — тихо спросила Тор. — Это не имеет никакого...

— ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ЗАТРАЧЕННЫЕ СРЕДСТВА С ПОЗИЦИЙ СОБСТВЕННЫХ ЗАНИЖЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ. БУДУЧИ БЕГЛЕЦАМИ САМИ СТАЛИ БЫ ВЫ ЭКОНОМИТЬ НА КОРОТКОЙ ОСТАНОВКЕ, ЧТОБЫ ПРОСТО ПОТЯЯСТИ ГНЕЗДО С ДИКИМИ ПЧЕЛАМИ — ВЕДЬ РАЗОЗЛИВ ИХ, ВЫ ЗАДЕРЖИТЕ СВОИХ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ?

Слезы разочарования потекли из глаз при воспоминании о сожженных дотла поселениях. Вспомнились восторженные голоса ученых, впервые включивших передатчики мгновенной связи, по неосторожности зажигая пламя пожара, в огне которого со временем сгорела почти вся человеческая раса.

— ЭТО ВПОЛНЕ ОЧЕВИДНАЯ ТАКТИКА, — продолжал Нексус. — И ДОСТАТОЧНО ЭФФЕКТИВНАЯ. ОДНАКО НЕ СТОЛЬ ОРИГИНАЛЬНАЯ, КАК ИДЕЯ СПРЯТАТЬСЯ В ОДНОЙ ИЗ РАЗОРЕННЫХ НАМИ СИСТЕМ, ЗАМАСКИРОВАВШИСЬ ПОД ЖЕРТВУ НАШЕСТВИЯ МОРСКИХ ЗВЕЗД. ЗА ДЕСЯТКИ ВАШИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ОНИ ПРОДОЛЖАЛИ ИДТИ ВСЕГДА ОДНИМ ПУТЕМ. ЭТО ПРОДОЛЖАЛОСЬ СТОЛЬ ДОЛГО, ЧТО ВПОЛНЕ МОЖНО ПОВЕРИТЬ: ТАК БУДЕТ ВСЕГДА. ТЕПЕРЬ, ОДНАКО, ОНИ ИЗМЕНИЛИ ТАКТИКУ, И, ПО СТРАННОМУ СТЕЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ВОЗМОЖНО, К ВАШЕЙ УДАЧЕ, ИМЕННО ВЫ ОБНАРУЖИЛИ ЭТОТ ФАКТ. ИХ ПРИЕМ ОБЕРНЕТСЯ ПРОТИВ НИХ: ДИКИЕ ПЧЕЛЫ БУДУТ ЖАЛИТЬ ИХ ПРЯМО В УКРЫТИИ.

Голос Нексуса приобрел особую твердость:

— ТАКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПОМОЖЕТ НАМ ПОЛУЧИТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО. ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ СЛЕДУЕТ ПЕРЕДАТЬ СУЩЕСТВАМ ИЗ ДРУГИХ НИШ ТАК, ЧТОБЫ ОНИ МОГЛИ ЕЕ УСЛЫШАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ.

Тор глубоко вздохнула.

— Теперь, как я догадываюсь, мне необходимо принять решение.

— ДА, КЭРИЛ ХАЦИС, ИМЕННО ТАК, — откликнулся Нексус. — ВИДИШЬ ЛИ, ЕСТЬ ВСЕГО ОДИН МАРШРУТ, ПО КОТОРОМУ Я МОГУ НАПРАВИТЬ ЭТО СООБЩЕНИЕ, ПРИВЛЕКАЯ ВНИМАНИЕ ТЕХ, КОГО ТЫ, СОБСТВЕННО, ИЩЕШЬ. ВЕКА, ПРОШЕДШИЕ В ИЗУЧЕНИИ НАШЕЙ МИГРАЦИИ, УБЕДИЛИ МЕНЯ И ДРУГИХ В ВАЖНОСТИ ТОГО МЕСТА, КОТОРОЕ СЛУЖИТЕЛИ ОСТАЛЬНЫХ НИШ ОТВОДЯТ «ИСТОЧНИКУ ВСЕГО». ТЫ УЖЕ ВИДЕЛА ЕГО. ОНО ПОКАЗАЛОСЬ ТЕБЕ МАЛЕНЬКОЙ ЗВЕЗДОЧКОЙ. ЕСЛИ МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ И ПРИСУТСТВУЮТ ЕЩЕ СРЕДИ НАС — ИМЕННО ТАМ ОНИ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ОБИТАЮТ.

— И что следует сделать мне, привлекая их внимание?

— НИКТО ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ. ВСЕ, ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ САМ, — ЭТО ОТПРАВИТЬ ТЕБЯ ТУДА.

Теплый свет упал туда, где, казалось, заканчивались ряды яблонь, в тени которых сидела Тор. В какой-то момент ей почудилось, будто наступил восход солнца. Но это солнце было меньше размером, более плотным и горячим, а свет его — жестким и колючим. Она старалась сжаться, по мере того как светило поднималось все выше, но не могла бороться с нарастающим жаром. Внизу под ней становилась вялой и коричневой трава, листья и плоды опадали на землю. Она почувствовала сильный запах дыма, а еще через секунду, или чуть более того, Тор поняла, что горит она сама!

— НИКТО НЕ ВОЗВРАЩАЛСЯ ОТТУДА, — продолжал Нексус. — ЕСЛИ РЕШИШЬСЯ — СКОРЕЕ ВСЕГО НАЗАД ПУТИ НЕ БУДЕТ.

— Итак, если я пойду этим путем — то умру, — проговорила она. — А если я останусь — ты удалишь модель, и я так же умру. Не похоже, что у меня есть выбор, что скажешь?

Боли не было, и Тор испытывала ощущение, что просто тает, миллиметр за миллиметром. Она не сопротивлялась. Такой возможности модель не предусматривала.

— ЭТО НЕ РЕШЕНИЕ, О КОТОРОМ ПРОШУ Я, — продолжил Нексус. — РЕШИТЬ СЛЕДУЕТ ВОТ ЧТО: Я МОГУ ПОСЛАТЬ ТЕБЯ В ИСТОЧНИК ВСЕГО, ПРЯМО К НЕМИНУЕМОЙ СМЕРТИ, ИЛИ Я МОГУ ВЕРНУТЬ ТЕБЯ К ТВОИМ СПУТНИКАМ, ОСТАВИТЬ ТЕБЯ НА ИХ МЕСТЕ И ЗАТЕМ ОТПРАВИТЬ К ЦЕЛИ ОДНОГО ИЗ НИХ.

Дыхание сбилось, но вовсе не от жара:

— Кого? Может быть, Инари или Гу Мань? Ты имеешь в виду одну из энграмм?

— НЕ ТОЛЬКО ЭНГРАММЫ: Я В СОСТОЯНИИ ДАТЬ ТЕБЕ ТЕЛО ЛЮБОГО ИЗ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА. МОГУ СДЕЛАТЬ ТЕБЯ ПИТЕРОМ ЭЛАНДЕРОМ, ИЛИ ФРЭНКОМ ЭКСФОРДОМ. МОГУ ПРЕВРАТИТЬ В КЛЕО СЭМСОН. И Я СДЕЛАЮ ТАК, ЧТОБЫ НИКТО НЕ ПОНЯЛ ПРОИСХОДЯЩЕГО — ДАЖЕ ТА, КОГО ВЫ НАЗЫВАЕТЕ СОЛ.

Пламя Источника уже лизало кости, а Тор размышляла о своем выборе. Почти неизбежная гибель от рук Морских Звезд или шанс выжить — внутри чужого тела. Более того, это ее шанс стать собственным оригиналом — Кэрил Хацис, той, на кого смотрели снизу вверх и кому преклонялись все, к кому обращались в поисках совета и лидерства. Может быть, Сол — единственная во всей Вселенной, кем она желала бы стать, хотя бы и заявив Нексусу о своем желании.

Однако, рассматривая возможности, Тор сомневалась: а так ли все просто? Зачем Нексусу идти на подобные сложности, чтобы лишь умиротворить ее «эго»? Не похоже ли все на некое моральное испытание — чтобы оно показало путь, выбираемый Тор для последнего шага.

Возможно, думала она, все является частью одного большого испытания. Что, если все встреченное — от Прядильщиков до Морских Звезд — не представляет собой ничего, кроме жестокого механизма фильтрации, барабана для отжима, сквозь который молодая цивилизация осуждена пройти — или не пройти? Космический тест на пределе возможностей, специально выработанный для отсева слабых? Последний вывод — о том, что результат всего теста может зависеть от одного ее решения, вдруг показался более чем волнующим.

Источник надвигался, казалось, в какой-то момент он завис прямо над ней. Тор уже не знала, осталось ли у нее тело — в этой части иллюзии. Она сосредоточилась на Источнике и уловила смутные очертания отростков, исходивших от его краев так, будто там целый лес, поглотивший прежний сад. В то же время сознание оставалось совершенно ясным. Так что дезориентация не могла стать причиной, препятствующей ее последнему решению.

Смеялся ли чужой разум над тем, как Тор билась над своим решением? Ей не хотелось умирать, и одновременно ей действительно хотелось стать лучшей из Хацис. Все же она еще оставалась лидером — руководителем экспедиции, посланной для спасения человечества. Как могла она отойти от собственных целей, бросить свои обязан-

ности и экипаж? Какое право имела она уйти от ответственности, послав другое создание на свое место?

Тор вспомнила разговор, из которого Нексус и выбрал себе имя:

«Нам следует определить, где находится их командный пункт или узел связи, — сказала она, обращаясь к Инари. — Если удастся подойти к ним — оставшись при этом в живых...»

Как и обычно, здесь тоже имелось последнее звено — ключ ко всему доказательству. Но оно виделось как невозможное. Да, при помощи Нексуса она могла стать таким коммуникационным средством. Но кто что при этом узнает? Может быть, она вовсе не умрет. Или, возможно, в ней говорит страстное желание выжить там, где другие просто сгорели бы в пламени? Она должна дать себе шанс. В ином случае решение просто уйдет из рук. Модель поведения, заложенная в ней Сол, самоощущение личности, желающей аутентичности и вечной жизни — она просто не позволит покончить с собой таким способом.

Но если от такого трусливого решения зависит судьба человечества, не следует искать в себе ответа на вопрос: что здесь плохого. Человечество в целом не обладает благородством или величием. Оно с радостью отказалось от собственных благодетелей, лишь бы остаться в живых еще на один день или два. Оно приняло бы и равнодушную жертву, сделанную перед лицом принуждения.

— Ладно, — сказала она наконец, — я согласна. Что нужно сделать?

— НИЧЕГО, КЭРИЛ ХАЦИС. ВСЕ ПРОИСХОДИЛО С ТОБОЙ ПО МЕРЕ НАШЕГО РАЗГОВОРА. И ТЕБЕ БУДЕТ ДАН ШАНС ОБЪЯСНИТЬ ПРОИСШЕДШЕЕ ОСТАЛЬНЫМ. ПОТОМ ТЫ ОТПРАВИШЬСЯ ДАЛЬШЕ. СДЕЛАЙ ЭТО, НЕ ЗАДЕРЖИВАЯСЬ, КЭРИЛ ХАЦИС. ВРЕМЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.

Тор скользнула куда-то вниз, теряя сознание. Над ней сомкнулись ветви, спиралью закружилась темнота. Не успев испугаться, исчезла она сама, и взамен осталось только одно: ее Канал Связи.

2.2.5

Длинное, острое и совершенно прямое жало, отливающее серебром, прошло сквозь голову Тор чисто, словно игла для инъекций. Эландер, потрясенный, лишь хлопал глазами, зафиксированный там, где его прихватило защитным полем, и наполовину оглохший от звуков электронных сирен «Эледона», истошно завывавших с момента вторжения. Мельчайший туман кровавых брызг, вылетевших при ударе из входной и выходной ран, осел на стенах рубки и на всех, кто стоял рядом. Немыслимо острый конец жала злобно блестел в нейтральном освещении рубки, слегка вздрагивая, — тем временем тело Тор судорожно дергалось, словно получая разряды электричества.

Затем, так же внезапно, как и появилось, жало вышло из тела и исчезло за обшивкой корабля. Пробоина в корпусе мгновенно затянулась, что касается Тор — ей повезло значительно меньше. Кровь, перемешанная с мас-

сой серого цвета, выпукло блестела на ранах, абсурдно удерживаемая свойствами И-костюма. Присутствовавшие беспомощно смотрели на андроида, глаза которого вдруг закатились, а руки, беспомощно обмякнув, раскинулись в стороны.

— «Эледон»! — выкрикнула Сол. — Отключи поле, нужно помочь ей!

Послушный ее воле, корабль повиновался, хотя его немного дернуло — словно от отвращения. К счастью, разум корабля сумел понять ситуацию, оставив Тор зафиксированной в поле, — в то время как все прочие вновь опустились на пол. Она зависла среди них, живых, не подавая никаких признаков жизни. Тор была мертва. Эландер приблизился к телу, и его лицо оказалось напротив головы Тор и ее лица, залитого кровью. Быстрота и уверенность, с какими жало нанесло свой смертельный удар и затем исчезло, имели за собой какую-то побудительную причину — казалось, будто кто-то, вдали от них, захотел попробовать готовность жаркого.

Экраны вокруг них слегка замерцали. Корабль постепенно восстанавливал свои функции. Изображения оставались не совсем четкими и едва узнаваемыми, но из них стало ясно: похожие на ветви образования атаковавшего их корабля отошли назад. Взору снова открылись чужие звезды и свет чужого солнца.

— Кажется, она?..

Глаза Гу Мань изумленно расширились, она не могла отвести взгляда от выпучившейся из ран на голове Тор крови, удерживаемой на месте невидимой силой.

Сол коснулась шеи лежавшего андроида и качнула головой:

— Ее сердце все еще бьется.

Тор никак не прореагировала на касание.

— Не могу поверить, что это происходит. — Клео Сэмсон повела взглядом вдоль стен, словно в ожидании нового прорыва. — Так все абсурдно.

— Абсурдно или нет, — возразила ей Инари, — факт, что это случилось. И если, конечно, мы не хотим кончить так, как она, — предлагаю попытаться понять...

— Посмотрите на Тор, — вмешался Эксфорд. — С ней что-то не так.

— Да уж, наверное. Сквозь ее несчастную голову прошел космический корабль, — моментально нашлась Гу Мань. — Похоже, это не так хорошо, как ты мог бы...

— Разуй-ка глаза, — резко оборвал ее Эксфорд. — С ней действительно что-то происходит!

Эландер изумленно смотрел на то место, куда указывал Эксфорд. На первый взгляд кожа выглядела, как обычно; однако внезапно он понял, что поверхность движется, меняясь с каждой минутой! Веснушки на ней оплывали, постепенно проступали вены. Словно восковая модель ее тела таяла, находясь при этом в свободном падении; не было ни отека, ни иной деформации — просто медленное, постепенное растворение.

Все отступили назад — в какой-то момент стало заметно, как мелкие частицы начали отделяться от поверхности кожи, мельтеша и стараясь улететь в пространство.

— Это нановирус! — воскликнула Инари. — Она заражена чем-то, нам неизвестным!

— И-костюм держит все внутри, — успокоила ее Сол, сделав все же шаг назад, чтобы оказаться подальше от возможной опасности.

— Надолго ли? — засомневалась Гу Мань. — Это оружие пронзило «Эледон» так, словно его корпус не прочнее воздушного шара. Как можно верить, что подобного не произойдет с И-костюмом?

— Она права, — поддержал Эксфорд. — Нам следовало бы изолировать ее от корабля прежде, чем инфекция сможет выйти наружу. Чем она дальше от меня, тем спокойнее я себя чувствую.

— Никто не покинет корабля, — твердо заявила Сол. — Она ранена, черт возьми! И она нуждается в помощи.

— Исходя из того, что мы знаем, она, по всей вероятности, уже мертва, — возразил Эксфорд. — А чужие могут поддерживать функции этого тела до тех пор, пока не одержат верх над нами.

— Не надо, Фрэнк, мне нет дела до чужих, — отбрила Сол, оборачиваясь к нему. Внешне она казалась спокойной и уверенной, хотя Эландер слышал за ее словами некую неопределенность. — Мы не собираемся бросать ее до тех пор, пока я не решу, что нет иного выбора — ни в коем случае, пока еще бьется ее сердце! «Эледон»! Я приказываю изолировать Тор от остальных. Тебе все понятно?

— Да, Кэрил.

Сол и Эландер отступили одновременно с появлением пузыря, окружившего подвешенное в воздухе тело Тор. Пузырь коснулся стен рубки, затем устремился наружу. Спустя секунду стены сомкнулись, закрывая проход, а

пространство перед Сол и Эландером снова опустело. Лишь небольшая вибрация прошла по полу, как бы подтверждающая очевидное: часть корабля отделилась в отдельную конструкцию.

— Завершено разделение корабля на две неравные части, — доложил «Эледон». — Кэрил Хацис предоставлено все обеспечение для личной жизнедеятельности и безопасности.

Позади Эксфорда засветился новый экран, на котором обозначился интерьер вновь созданного корабля. На экране виднелось тело Тор, сразу под несколькими углами обзора.

Сол с трудом перевела дыхание.

— Хорошо, с этим ясно, теперь мы можем посмотреть на ситуацию несколько более рационально. — Она со значением взглянула на Эксфорда. — Какие есть предложения?

— Да уж... — пробормотал экс-генерал. — Я требую сменить воздух, и я требую очистить поверхности стен. Не хотелось бы оставить и шанса на возможное заражение.

— Уже произведено, — отрапортовал корабль. — Не обнаружено очагов инфекции или проникших внутрь частиц.

Обрадованный заключению корабельного компьютера, Эландер вернулся к экранам, изображавшим тело Тор. Теперь оно было столь же аморфным и настолько лишенным всякого цвета, как комок белого сыра. Несмотря на то, что он мог наблюдать кровь, сочившуюся из ран — ставшую черной, но все еще циркулировавшую внутри нее.

— Что за чертовщина? — бормотал он. — Как это они нас?

— Возможно, такова ответная реакция на вторжение, я так считаю, — сказал Эксфорд. — Аналогичная действию иммунной системы. Вторгшееся создание определено и затем инфицировано патогеном, его разрушающим. Если бы мы не могли изолировать этот патоген, то вскоре оказались бы в таком же положении.

— А не легче просто убить нас сразу? — переспросил Эландер.

— Нет, если это заранее не входило в список их интересов. Это могло привлечь внимание, или поблизости могли находиться чувствительные для них зоны.

— Такое все меньше и меньше напоминает об экологии, — вмешалась Инари, — и все больше уводит нас в сторону биологии.

— Такова цена аналогии, — пояснила Гу Мань. Потрясение, отразившееся на ее бледном лице, сделало забавное созвучие неприличным и неуместным. — Оно выделило Тор так, будто заранее знало, что это наш лидер. Это пугает возможным проигрышем.

— Она сама и есть единственное пугало: то, что пугает лично меня, — проговорил Эксфорд, все еще глядя на экран. — И я не склонен разрешить себе поверить, что все окончено, пока тело Тор не отправится куда подальше.

— Это лишь часть проблемы, — сказала Сол. — Если *оно* поймет, что план не сработал, то может вернуться и попробовать забрать еще одного из нас, чтобы попытаться снова. Как мы можем предотвратить такое развитие?

— Еще один доброволец на должность босса? — мрачно пошутила Сэмсон.

На экране изображение Тор приобрело окончательно белый цвет. Ее И-костюм порядочно раздулся. Странные всполохи метались в разных точках кожного покрова — так, словно инфицировавшие ее наносоздания светились. Единственное, что выдавало ее отдаленную принадлежность к человеческой расе, — это контуры тела. Остальное — униформа, черты лица, волосы — все уже растаяло.

— Я сама сделаю это, — сказала Сол после недолгого молчания. — То есть займу место Тор — по крайней мере на время, пока у нас есть идея о том, как поступать в дальнейшем.

Никто не протестовал. Эландер взял ее за руку и сильно сжал, как бы выражая поддержку. Быстрая улыбка, мелькнувшая на лице Сол, сказала ему: поддержка принимается.

— Возможно, пора подумать о возвращении, — предложила всем Сол. — Мы уже потеряли почву под ногами. Больше нам здесь делать нечего, разве что искать смерти? О чем мы еще не поговорили, так это о значении нашей удачи — более важной, чем наше знание. Рано или поздно удача может отвернуться от нас.

— Такая дискуссия уже имела место, — возразил Эксфорд.

— Все изменилось, Фрэнк. Когда мы...

— погоди ты! — Гу Мань прервала речь Сол. — Посмотрите-ка все на это...

Она указала на экран, где открывалась панорама флота Морских Звезд. Вид скопления чужих кораблей — из-

менчивый и завораживающий, был полон загадок. Пламенный солнцеподобный объект, казалось, находился во власти сильных магнитных бурь. Огромные выбросы плазмы вздымались вокруг его экватора, падали обратно на поверхность объекта, совершая не менее чем пол-оборота вокруг него. Странного вида радуги перекрывали одна другую, вставая и опадая так, что казалось, будто объект пытается построить вокруг себя кольца, напоминающие кольца Сатурна, — и не может сделать этого из-за мощного гравитационного поля.

Корабли-трезубцы крутились вокруг этих колец, будто опекая их. Эти массивные корабли сопровождали другие, вид которых был незнаком Эландеру: волнистой дельтаобразной формы, искривленные цилиндры, структуры, напоминавшие модели атомов, составленные из случайных композиций стержней и сфер. Трудно сказать — «коренные» ли это обитатели системы или зашедшие в нее корабли, предоставленные сами себе.

Пока он наблюдал, пейзаж звезд приобрел неопределенность, словно от горячего тумана, внезапно перестроившись в новую конфигурацию. Флот, и «Эледон» вместе с ним, явно переместились еще куда-то.

Инари рассмеялась:

— Вот и чудно. Нам все лучше и лучше.

Слова ее были брошены в пустоту — в рубке царили подавленность и напряженное молчание. Невозможность того, что они затеяли, дошла наконец до сознания всех. Морские Звезды выглядели настолько совершенными созданиями, что любые надежды наладить связь с ними выг-

лядели теперь смехотворно наивными. Сол оказалась права: они утратили ощущение реальности твердой почвы под ногами.

— Что такое? Один сюрприз круче другого, — сказала Гу Мань.

Эландер закачал головой:

— Пожалуй, я более чем просто удивлен.

Едва он произнес свои слова, как на одном из экранов Тор села и взглянула прямо на них.

Сол не видела экранов по эту сторону рубки. Внимание ее было отвлечено наблюдением солнцеподобного объекта. Циркуляция его плазмы, казалось, пошла на убыль вместе с окончанием прыжка, совершенного флотом Морских Звезд. Активность же странного скопления кораблей продолжала расти.

Эландер удивленно вскрикнул, и она обернулась, чтобы посмотреть на вдруг ожившую Тор. Пострадавший от инфекции андроид пытался встать, преодолевая защитное поле. Какое-то мгновение борьба оставалась безуспешной, затем она, казалось, оставила попытку.

— Да, Кэрил.

Голос, принадлежавший «Эледону», испугал всех. Затем на экранах все увидели, как поле, удерживавшее Тор в подвешенном состоянии, ослабло и аккуратно опустило ее на пол рубки.

— «Эледон», нет! — гаркнула Сол. — Игнорируй любые приказы.

— Не нужно так кричать, Сол.

Голос проник в рубку, наполняя ее, как вода. На экране Тор стояла прямо, а ее взгляд, обращенный к экипажу, был лишен всяких эмоций.

— Тор? Это ты? — неуверенно спросил Эландер.

— Я была Кэрил Хацис, — ответил им голос. Тело Тор, казавшееся теперь чем-то совершенно непонятным, словно дымилось, отдаленно напоминая атмосферу газового гиганта. — Теперь я представляю собой Канал Связи.

— Канал связи? — переспросила ее Сол. — Что ты хочешь сказать?

— Теперь я должна встать между вами и Источником Всего. Я буду передавать...

На мгновение существо, стоявшее перед ними, замялось, подыскивая точное определение.

— Я донесу до них ваше послание, — закончила она.

— До кого?

Сол смотрела на экран с каким-то странным выражением, напоминавшим отчаяние. Казалось, ей не под силу подобное напряжение.

— Времени на разъяснения уже нет, — продолжила Тор. — Теперь я должна оставить вас.

— Но ты вернешься? — спросила Сол.

Тор не ответила. Вместо ответа она подняла руку, направив в ее точку, выбранную на одной из стен капсулы. Рука выстрелила вперед, и пальцы, сведенные в одну точку, прошли сквозь стену без всякого видимого усилия. Фигура Тор сжалась в шар, мгновенно вытекая в отверстие — так, словно она состояла из жидкости. Экраны сами перешли на внешний обзор, показав вид совсем

небольшой сферы — нынешнего ее убежища. Протяженный мазок молочно-белого цвета уходил прочь на заднем плане картины, затем стал быстро нарастать, описав круг; раздувшись до невообразимо огромной величины, он явно намеревался поглотить сферу своей огромной «пастью». Сделав именно это, огромное образование исчезло, оставив после себя небольшое яйцевидное тело. На одной из оконечностей яйца образовалось отверстие, начавшее выбрасывать в вакуум потоки неизвестной энергии. Тело быстро ускорялось.

Расплывшись в пятно из-за огромной скорости, слишком большой, чтобы «Эледон» мог за ним следовать — то, что некогда носило имя Тор, стремительно уходило от наблюдателей. Телеметрия следила за этим небольшим пятном, выделяя его на фоне меняющейся картины звездного неба. Сол ошеломленно смотрела за тем, как траектория была немного скорректирована — все явно шло к столкновению Тор с солнцеподобным объектом в сердце огромного флота.

— Куда ее несет? — неуверенным голосом спросила Гу Мань.

— Полагаю, в Источник Всего, — ответила ей Сол.

— Две минуты до столкновения, — сообщил информатор ровным голосом.

— Что мы предпримем теперь? — поинтересовалась Инари.

Сол пожала плечами:

— Я полагаю, будем сидеть и ждать, — спокойно ответила она.

— А как мы узнаем, успешно ли она доберется? — в свою очередь спросила Гу Мань.

— Если Морские Звезды прекратят наконец стирать в пыль наши колонии, то, я полагаю, мы можем считать, что она добралась, — сказал Эландер.

— Не знаю, как вы, уважаемые, — вставил слово Эксфорд, — но мне, к примеру, не нравится идея сидеть здесь в неопределенном ожидании — сможет она или нет. Лично я предпочел бы сменить обстановочку и ждать в другом месте.

Сол кивнула:

— Склоняюсь к тому, чтобы согласиться. «Эледон», выводите нас отсюда. Не делай ничего излишне заметного.

— Понял, Кэрил.

Внепространственный корабль шел по кривой, оставаясь вблизи поврежденного куттера. Забытый на время драматических событий, теперь огромный корабль выглядел утратившим свою форму. Местами уже показался каркас, на остальных его частях висели огромные облака выходящих изнутри газов, заслонявших картину. Интенсивные магнитные поля окружали оба полюса куттера, вызывая сполохи сияний, пульсировавших на его боковых поверхностях.

— Одна минута до столкновения, — доложил «Эледон».

Тор уже исчезла с экранов, но пассивные датчики все еще ловили ее след, избирательно оставленный в узких диапазонах частот. Казалось, ее движение замедлялось по мере сближения с солнцеподобным объектом, но Сол относил этот эффект на счет релятивистского смещения.

Тор перемещалась быстро, и очевидно, что она доберется до цели раньше, чем вызванное движением излучение достигнет наблюдателей.

«Эледон» распечатал ее предполагаемый курс и продолжал отсчет исходя из того, что этот курс уже не изменится.

— Десять секунд, — начал последний отсчет голос компьютера, затем — после небольшой паузы, он продолжил: — Три, две, одна... контакт.

— Вот оно, — сказала Сол в момент, когда точка, обозначавшая Тор, совместилась с краем солнцеподобного объекта.

— А сейчас что мы делаем? — спросила Инари.

— Ждем, — ответила Сол. — Ждем, как я и говорила.

— И как долго? Это может растянуться на часы или даже дни.

Сол повернулась к Инари:

— Если у тебя найдется более...

Ослепительно белое сияние заставило ее замолчать. Сол отступила назад, закрывая глаза. Свет исходил от всего, что было вокруг нее, он был даже внутри, под веками, словно резонировали все атомы ее тела, испуская триллионы фотонов.

Затем яркий свет потух, и все вернулось в норму.

— Кажется, у нас только что были гости, — отметила Сол, пройдя к центру рубки. — Смотрите.

Она показала на экран, где горели лишь два слова. «Можете свидетельствовать».

— Что бы это могло?..

Слова Гу Мань повисли в воздухе.

Сол покачала головой:

— Пока я не знаю, что это.

— Вдруг послание означает: «это сработало»!

— Как, уже? — с изумлением воскликнула Инари.

Сол только пожала плечами, вновь возвращаясь к экранам. Казалось, флот Морских Звезд охватила волна неожиданной активности. Все его части пришли в движение одновременно — словно по приказу из единого центра.

Хлестали потоки энергии, метались странные тени. Сол почувствовала дрожание картины звездного неба — будто общее возбуждение коснулось самого космоса. Корабли чужих метались из одного квадранта в другой, многие исчезали и затем больше не появлялись; другие — появлялись ниоткуда. Трудно сказать, однако, появлялись ли они из внепространства или просто снимали маскировку.

Еще одна вспышка заставила Сол вздрогнуть — теперь источник света находился вне корабля-прорезателя. Источник ярко горел. Громадными волнами энергия уходила прочь от его экваториального кольца, вырываясь в вакуум и искрясь в пустоте. Раскаленные прожилки могли, вероятно, быть оружием, транспортом, коммуникацией причудливой формы; они не могли быть лишь одним — живым созданием. Сол ощущала себя дикарем, пытающимся изучить конструкцию авиалайнера, пока тот пролетает над ним высоко в небе. Вытянув голову, как журавль, с раскрытым от изумления ртом стоит такой не-

вежда перед чудом, находящимся за пределами его понимания.

— Что-то еще, прямо по курсу, — произнес Эксфорд, показывая след на одном из экранов — к ним снова приближались чужие.

— Принимаю сообщение от внешнего источника, — оповестил всех «Эледон».

Несколько секунд тишины — Сол молчала, ожидая какой-то реакции, пока до ее сознания не дошло: подтверждение ожидалось именно от нее.

Я снова несу всю ответственность, — подумала она, — *как глупо.*

— Хорошо, прочитай, — наконец распорядилась Сол.

Спокойный, не мужской и не женский — нейтральной тональности — голос прочитал без всякого выражения:

— Не надо быть тревожными.

В рубке переглянулись.

— Это все?

— Да, Кэрил, — подтвердил «Эледон».

— Мы можем увидеть изображение? — спросила она.

На экране появилась нечеткая дрожащая картинка. На ней виднелось нечто вроде кольца, прикрытого натянутой на него паутиной с геометрически правильными ячейками. Связи выглядели нечеткими, и Сол не могла понять — было ли причиной расстояние, или свойства реальной конструкции. Не заметно ни признаков работы двигателей, ни вторичных пространственно-временных эффектов.

— Скорость объекта увеличивается, — доложил корабль. — До встречи примерно двадцать секунд.

Изображение не становилось четче, хотя объект был все ближе и ближе.

— Сколько шансов на то, что он может промазать? — спросила Сол.

— Ноль. Объект идет на нас, — ответил компьютер. — Пять секунд, четыре...

Нити посередине кольца начали светиться тускло-желтым, словно разогреваясь. До столкновения оставалось две секунды. Сол разогнала свои процессоры до предела, собираясь наблюдать момент перехвата их прорезателя. В последний момент она осознала, что именно напоминала ей паутина — несомненно, это была коммуникационная сеть.

Испытав легкий толчок, они оказались захвачены объектом, метнувшим их куда-то с ускорением, уже просто невозможным.

Кажется, наше ожидание закончилось, — подумала она, наблюдая за смазанными образами на экранах и переполняемая чувствами несколько более сильными, нежели простое волнение.

2.2.6

Юэй/Эллил

Кто-то из всех сил пытался растолкать его.

— Юэй?

— Конъюгатор Юэй/Эллил?

— Неужели умер?

Юэю хотелось одного: пусть они все уйдут, пусть собравшиеся вокруг оставят его одного. Мучили усталость, боль, и он не хотел видеть никого. Нет, совершенно ясно, назойливый хор не желает оставлять своего подопечного. Превозмогая себя, он попытался пошевелиться и подать им знак. Что оказалось почти невозможным. Поднять голову — на это требовалось слишком большое усилие. Руки не слушались, словно не его собственные, а чьи-то еще — чужие. Однако попытки сдвинуться не остались незамеченными.

— Он зашевелился! — услышал Юэй чей-то голос.

— Слава Двумичию!

— Что с ним такое?

— Я...

Обе его голосовые трубы неприятно саднило. Вытянув кверху одну пару рук, он заморгал, заслоняясь от яркого света.

— Все в порядке, — солгал Юэй.

Правдивый ответ мог сделать остальных еще более навязчивыми. Ему следовало бы лежать, сжавшись в своей нише, какое-то время, думая, скажем, о том, почему не слушаются руки. Кожа была воспалена из-за постепенно нараставшего на ней слоя омертвело пигмента.казалось, лицо превратилось в резиновую маску, а внутри у Юэя...

Руки сами потянулись к огромной ране, оставленной на его теле Практиком. Рана полностью затянулась, но все еще была покрыта молодой и очень чувствительной кожей. Мысленно Юэй проанализировал состояние органов

брюшной полости. Они казались усохшими и столь же пострадавшими, как и все его тело.

Искупление все еще находилось внутри — это было нечто, до поры притихшее, но вполне живое. Оно ощути-мо увеличилось и словно распространилось по телу. Юэй ощущал какие-то усики, уходившие по позвоночнику и еще ниже — к бедрам. Они казались жесткими, напоми-ная рубцы, только находились не на поверхности кожи, а внутри. И совершенно непонятно, что они там делали.

При помощи окружавших его граждан Юэй сумел под-няться и расположить тело в более удобной, правда, не-сколько скрюченной позиции. Кружилась голова, и во-обще, ощущения были странными, словно он очнулся от сна, а сон оказался почти реальным, не полностью, но именно вполовину реальным. Все казалось одинако-вым — угловатые фигуры и нечеткие образы.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, выбрав для обращения стоявшую ближе фигуру — Ю-Кван.

— Я пришла посмотреть на тебя, — ответили ему, и, судя по голосу, это была энграмма Кэрил Хацис. Говори-ла она с участием: — Мы озабочены твоим состоянием, Юэй. Когда ты перестал отвечать на вопросы, я первая позвала на помощь.

— Почему ты здесь? — Ее интонация озадачила Юэя. — Тебя что, позвал Практик?

Она кивнула:

— Да. Еще он сказал, что просит за тебя; знаешь, Юэй, мы чрезвычайно ему признательны за обращение.

— Каковы успехи в поиске Прядильщиков?

— Никаких, и это все больше и больше нас озадачивает.

Одна из фигур, маячивших у входа в нишу, громко сказала что-то на языке Юлов, оттеснив Ю-Кван в сторону и пододвигаясь к конъюгатору. Тональная насыщенность хорошо знакомого языка оказалась богатой и выразительной, но в этот трудный момент Юэй не мог ее разобрать даже приблизительно. Теперь, научившись уже воспринимать картину мира как результат суперпозиции, он, подобно существам с бинокулярным зрением, строил трехмерный образ на основе плоских изображений двух сетчаток. В подобном представлении мир казался в самом деле беспокойным — полным ложных перспектив и нечетких ассоциаций. Юлы, напротив, видели мир каждым из своих глаз по отдельности. Да, он уже не был Юлом, то есть единственно и только им. Стало понятно, почему Юэй как-то обнаружил, что рассуждает линейно.

Он позволил себе захотеть их заботы, немедленно пожалев об этом. Чьи-то сильные руки достали Юэя из ниши, насильственным образом поставив на ноги. От удивления при виде его огромной раны глаза у всех буквально вылезли на лоб.

— Ужас какой! — возмущенно повернулась к остальным Ю-Кван.

— Я/мы не были осведомлены о его состоянии, нам ничего не доложили, — оправдывался один из помощников прерывающимся голосом. — Я/мы не видели...

Ю-Кван снова повернулась, подойдя вплотную к Юэю:

— Кто поступил с тобой так?

— У этого ранения нет последствий, — ответил Юэй. — Оно поверхностное.

— Оно выглядит инфицированным. — Ю-Кван схватила помощника и показала на рану. — Это что, должно иметь такой цвет?

Юэй взмахом руки пригласил всех замолчать.

— Ничего плохого со мной не произошло, — твердо произнес он. — Пожалуйста, уймитесь, мне необходим отдых.

— Даже не думай, Юэй, мы не оставим тебя в таком состоянии, — заверила его Ю-Кван. — Боже, он может умереть!

Что вряд ли, — подумал он. Впрочем, Юэя снова тронула ее забота.

Вид у раны действительно был отталкивающий. В то же время у него не было сил отстаивать свою позицию. Просто хотелось побыть одному. Юэю пришлось повторить свою просьбу более настойчиво, скрывая боль.

— Я прошу: оставьте меня в покое, — сказал он.

Помощникам ничего не оставалось, как выполнить просьбу. Они тихонько удалились, все время кланяясь ему — в знак извинений и уважения. Что касается Кэрил Хацис — она осталась, не выказав никакого уважения к приказу. Ясно, она считает себя обязанной заботиться о Юэе.

— Юэй, не надо, — сказала она, — кто-то должен остаться и приглядывать за тобой.

— Ладно, останься, — сказал он. Потер лицевые пластины и ощутил, как чешуйки белого и черного цвета размазываются под пальцами. — Можешь остаться ты одна.

Она помогла Юэю занять его место в нише.

— В самом деле, не нужна ли тебе медицинская помощь?

— Тело само лечит меня, — ответил он.

Ю-Кван могла поверить в это. Люди знали о давней истории биомодификации Юлов. Прислонившись к стене, она наблюдала за Юэем, пытавшимся найти наиболее удобное положение.

— Извини, конечно. — Он заговорил первым — осознав, что не знает причину, по которой Ю-Кван пришла в его убежище. — Но что ты делаешь здесь, Кэрил Хацис?

— Просто пришла поблагодарить за твой разговор с Практиком — когда ты выступил в нашу защиту.

Он шутливо продемонстрировал пожатие рук — совсем по-человечески, намекая, что не верит ей:

— Это ведь не единственная причина? Наверное, есть и еще что-то.

Одно мгновение казалось, что Ю-Кван станет все отрицать, но неожиданно она капитулировала:

— Ладно, так и быть. Я пришла сказать, поскольку считаю, что ты должен знать: мы получили сигналы с Сагарси. Не напрямую — поскольку все еще избегаем мгновенной коммуникации. Тем не менее в сигналах нашлось то, что заполнило определенные пробелы.

— И что же там нашлось?

— Во-первых, подтверждение активности, имевшей место в системе Пи-1 Большой Медведицы. Там действительно что-то происходило — и пока мы не знаем, что именно. Далее, пришло сообщение от Тор: она попыта-

лась говорить с Морскими Звездами. — Тут Ю-Кван смущенно пожала плечами. — Кажется, есть вероятность, что дело дойдет до контакта.

Ему показалось, что фигура андроида раздвоилась, затем оба изображения опять слились в одно.

— Понимаю, — сказал Юэй, на самом деле не понимая ничего. — Думаю, это интересно?

— Интересно? — скептически переспросила она. — Еще бы! Если на самом деле удастся войти в контакт... уговорить их не разрушать наши колонии — тогда мы сможем вернуться!

— А почему мы должны будем вернуться? И зачем?

— Ну, потому... — Она замялась, впервые задаваясь подобным вопросом. — Потому что у нас есть дом, Юэй.

— Твоего дома больше нет, — продолжал стоять на своем Юэй. — Земля уничтожена, и это сделали сами люди, когда...

— Это не важно! — прервала она Юла. — Это исходный пункт всего движения и место, с которым мы связаны. А разве ты не хотел бы вернуться, если бы мог, туда, где родился твой народ?

Юэй не знал ответа. Вернуться в родные им миры? Такая возможность вообще не рассматривалась им прежде. Юэй был выведен искусственно, прошел через кокон, затем вырос — всё на борту «Мантиссы». Он никогда не покидал свой корабль дольше, чем на цикл.

— Подобное не слишком меня привлекает, — ответил Юэй. — Как и всех нас.

— А как же подвид Мечтателей?

— Они создали себе новый мир, Кэрил Хацис, и уже не нуждаются в возвращении старого.

— А Практик?

Тут Юэй не сдержался, по лицу сразу же побежал целый всплеск эмоций.

— Следовало бы спросить Практика, что он сам думает о таких вещах. Мне не пристало говорить от его имени.

— Но будет ли он?.. — Ю-Кван замялась, и Юэй почувствовал: теперь она готова открыть истинную причину, по которой пришла. — ...Позволят ли нам вернуться, когда мы сами захотим этого?

На самом деле Юэй не мог знать точного ответа. Да, вопрос сам по себе выглядел резонным — раз Двумичие может быть остановлено, то не остается и причин для бегства, и тогда человечество сможет вернуться в систему своего первоначального обитания. Однако люди уже встретились с Практиком и Юлами/Гозлами, и теперь их судьбы тесно связаны. Если Практик решит продолжить движение, не важно, с Двумичием или без, он может не захотеть остановиться, даже на время. Он может не захотеть терять корабли-прорезатели, другие ресурсы, особенно зная, что Прядильщики уже не станут возобновлять свои Дары. Да, собственно, Практику вряд ли приходилось сталкиваться с подобной дилеммой прежде.

— Я опять скажу: спросите его сами.

— Такая попытка уже была, — ответила Ю-Кван. — Он не стал отвечать, сказав, что прежде я должна согласиться на съедение. А такой вариант никогда не одобрит мой оригинал.

— В таком случае не понимаю, чем тебе помочь. — Он тревожно заворочался в нише. — Я очень устал, Кэрил Хацис, и нуждаюсь в отдыхе.

— Ладно, нет проблем. — Она мило улыбнулась. — Я вовсе не против. Подожду ответа здесь, рядом с тобой. Возможно, мы еще поговорим, но позже.

Он нахмурился:

— Зачем еще? Не нужно.

— Не хочу, чтобы с тобой произошло что-либо плохое во время моего отсутствия, — сказала она.

И хотя Ю-Кван попыталась сделать вид, что не смотрит на Юэя, он знал: ее внимание сосредоточено на ране, шрам от которой пересекал его брюхо.

Он хотел протестовать, потом передумал. Раз она сама решила остаться, к чему его запрещения? Возможно, позже ему действительно понадобится помощь. В конце концов неизвестно, что именно сделает с ним Искупление, данное Практиком. Оно способно даже убить его — во сне. Однако Юэй уверил себя: он будет жив до тех пор, пока нужен. Что станет с ним потом? Думать об этой перспективе не хотелось.

Ю-Кван ждала, пока он устроится в нише поудобнее. Юэй чувствовал ее взгляд, оценивающий и внимательно изучающий в поисках неуловимых, но беспокоивших ее изменений. Он не обращал на этот взгляд никакого внимания. Одолевала усталость, хотелось только одного — отдохнуть; тишина же, спустившаяся на убежище, позволяла сделать именно это...

* * *

В полусне Юэю казалось — он снова в мутировавшем некогда чреве Практика. Что бы ни представляло собой это создание, намерения его были понятны. Тело Юэя кроили заново с неумолимой точностью хирургического автомата. Крики и стоны не слышал никто — виднелись только трубки, да лихорадочно мелькавшие в его внутренностях ножи и зажимы. Кто-то создавал тело заново, меняя не только физическую структуру, но и гормональную среду. Его внутреннее устройство делали пригодным для того создания, носить которое он избран.

Когда же пришло время поместить это создание в Юэя, тот не воспринимал почти ничего. Запомнились только руки, странно изогнутые и тонкие, возникшие из стен и вложившие в него что-то белое, мягкое, напоминавшее по форме бобовое зерно, размером достигавшее половины головы самого Юэя. Он помнил беззвучное отслаивание тканей, которые затем прижигали, зашивая Юэя вместе с тем, что находилось внутри. Ослабшего, находившегося в тяжелом шоке Юэя буквально выдавило из чрева Практика, а затем он съехал вниз по скользкому желобу, смыкавшемуся с пандусом в глубине организма — в самом сердце «Мантиссы-А». Оттуда Юэй с трудом пустился в обратный путь — направился к нише, в которой теперь находился.

Юэй никогда не состоял в брачном трио. Однако знал, каким образом все обычно происходит. У всех особей Юлов имелись сперма и яйцеклетки, у всех имелась и матка. С наступлением подходящего для размножения момента

сперма одной особи, вместе с яйцеклеткой другой, должна добраться в матку третьей. Чтобы оплодотворенная яйцеклетка могла быть выношена, требовалось подавить реакцию иммунной системы носителя. Процесс сопровождался болью и был всегда инвазивен по определению — он включал хирургическое внедрение секрета при помощи шипастых желез, располагавшихся за надкрыльями. Один из доноров держал носителя, в то время как другой протыкал его своим шипом. После первого акта доноры менялись местами. Затем носитель, как правило, впадал в бесчувственное состояние под действием мощного гормонального выброса, а дальнейшее вынашивание продолжало наносить ущерб его телу во имя продолжения рода.

К счастью, в среднем такая беременность редко продолжалась дольше одного человеческого месяца. За это время носитель впадал в состояние, близкое к коматозному. Родители-доноры дежурили возле него, сменяя друг друга и обеспечивая носителя всем, что тому требовалось. Они же отвечали за поддержание иммунного баланса, то есть среды для правильного развития зародыша. За родами, а вернее — простым извлечением плода следовало бессознательное развитие: сперва личиночное, затем стадия куколки. Появлявшийся в итоге практически взрослый Юл не помнил ничего о собственном рождении, но в ранние годы жизни сохранял привязанность к родительской триаде.

Юэй знал, что люди используют иной способ, и вполне принимал их подход к продолжению рода, хотя сам ме-

тод казался ему странным. Казалось закономерным, что всякий из разделенных по половому признаку видов, встреченных им за долгую жизнь, демонстрировал свой элемент паразитизма, органично включенный в процесс вынашивания. Иногда то, что было нормальным внутри вида, представлялось крайне шокирующим извне. Но еще никогда не встречались ему разумные существа, достигшие высокой ступени развития и при этом не вынашивающие своих детей. Возможно, это проявление естественного закона: сама природа препятствует столь аморальным видам за их ложное восприятие кооперации — условия, необходимого для существования истинной цивилизации.

Практик сделал с ним то, что походило на воспроизводство живого существа. Он уже рассказывал Юэю, что тот рискует умереть от процедуры, пройти которую согласился, однако никогда не намекал, что может стать рассадником чего-либо злого. Тем не менее сомнения у Юэя оставались. Они являлись, как ночные кошмары, повторяя одно и то же: он производит кого-то на свет, в крови и муках — именно так, как это случается у людей. А если не было кошмаров, взамен появлялся Практик, шепчущий ему во сне.

Юэй задумывался, каково это, остаться единственным существом своего вида во всей обозримой Вселенной? Был ли Практик одиноким или уязвимым, чувствовал ли он вину? За что конкретно мог он нуждаться в Искуплении?

Пробудившись, на сей раз уже не столь болезненно, Юэй вновь обнаружил присутствие Ю-Кван, внимательно рассматривавшей его в приглушенном свете ламп.

— Хорошо поспал? — спросила она.

Юэй не ответил, приняв вопрос за то, чем он собственно и являлся — за проявление ничего не значащей вежливости.

— Где мы находимся? — вместо ответа спросил он. — Мы переместились?

— Сейчас мы в системе, называемой Хипп-66486, — ответил андроид. — Звезда К-типа — именно то, что вы предпочитаете, плюс несколько планет. Не слишком далеко несколько других звезд типа G, и эти миры выглядят довольно уютно.

— Что за планеты? — задал он вопрос и впервые за долгое время ощутил собственный интерес к внешним событиям.

— Два газовых гиганта поодаль и три планеты правильной сферической формы на ближних орбитах. И ни одной обитаемой.

— Они хотя бы пригодны к освоению?

Она покачала головой:

— Одна из них в стадии формирования, другая выморожена и обезвожена, а третья — просто голые камни.

Юэй сменил позу, неожиданно по-человечески передернув плечами. Искушение начинало проявлять себя по всему телу. Жесткие усики, пронизывавшие его, росли внутри, как корни, и останавливались только под поверхностью кожи.

— Было ли что с Сагарси?

— Совсем немного. Сейчас мы отброшены к последним поселениям. Если у Тор ничего не получится, причем в ближайшее время — спасти будет уже нечего.

Он выпрямился, уловив что-то необычное в выражении, с которым Ю-Кван произнесла свои слова:

— Ты сожалеешь о чем-то, не так ли? Думаешь, тебе следовало остаться и помочь ей?

Она ответила не сразу.

— Даже оставшись, я вряд ли могла бы что-то сделать.

— Кроме как умереть вместе с ними.

Последовал горький вздох:

— Считаешь, все действительно кончится этим?

Юэй внимательно посмотрел на нее.

— Что, если и так? Твой народ предпочтет отдаться судьбе? Больше не будет ни вопросов о своем предназначении, ни мечтаний о доме?

— Люди не могут сдаваться легко, — сказала Ю-Кван с едва заметной улыбкой. — Даже утверждая, что сдаются, они сохраняют в себе маленькую частицу надежды. И всегда верят: придет время, с которым их ситуация переменится.

На мгновение она задумалась, затем продолжила:

— Думаю, все прояснится, если обнаружится фронт миграции Прядильщиков. А пока мы зависли в неопределенности.

С таким ощущением — неопределенностью — Юэю уже пришлось столкнуться: получеловек, полу-Юл, он сам оказался между старой жизнью и другой, уготованной для него Практиком.

Он вновь изменил положение тела, впервые за долгое время пожелав хоть какого-то движения. Юэй устал от положения узника и чувствовал себя так, словно вернулся в кокон.

Неожиданно он потянулся к руке Ю-Кван. Сперва она удивилась, потом поняла и быстро пришла на помощь; благодаря ее поддержке Юэй выбрался из ниши, поднявшись на ноги. Держась поначалу неуверенно, он судорожно напрягал мышцы в поисках равновесия. Рубец, начинавшийся от самого горла и заканчивавшийся в паху, был плотным, даже жестким, но тем не менее уже утратил вид, поначалу ужасавший. Тончайшие усики Искупления отзывались во всем теле, но теперь их присутствие уже не делало Юэя слабым. Он чувствовал себя прошитым насквозь, не испытывая при этом особого дискомфорта.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Ю-Кван, поддерживавшая Юла одной рукой.

В ответ он только кивнул, мысленно сконцентрировавшись на новом ощущении — на своем побуждении к действиям, нараставшем внутри.

— Думаю, мне следует немного пройтись.

Дверь с шипением открылась, подчинившись мысленному приказу, и Ю-Кван провела Юэя внутрь. Их встретили шум и яркий свет. Несколько циклов оторванный от обычной жизни «Мантиссы-А» он успел довольно быстро отвыкнуть от нескончаемого столпотворения в ее коридорах. Медленно передвигаясь по кораблю, Юэй больше ориентировался на собственное чутье, чем на зрение, принаравливаясь к вновь открывающемуся перед ним миру. Обслуга и коллеги приветствовали его на родном языке. Он отвечал на ходу, односложно или парой слов, бормоча их к тому же неразборчиво.

— Наблюдательная палуба, — вдруг произнес Юэй. В его куполообразной голове что-то странно закружилось, пришлось даже опереться на руку Ю-Кван — сильнее, чем этого бы хотелось. — Идем.

Добравшись до места, он постоял, не без помощи спутницы, ожидая, пока сверху спустится извивающаяся кишка коммуникационного порта, затем устройство мягко присосалось к голове. Ощущение было приятным и знакомым.

Перед ним во всех направлениях открылась Вселенная — поразительное по красоте зрелище. Мириады звезд ярко сияли, в этой иллюзорной картине их не мог заслонить блеск расположенного вблизи светила. Ю-Кван уже назвала его — Хипп-66486, но имя это казалось грубым для образа столь прекрасного. Юэю даже подумала, что он чувствует тепло солнца на своей коже, его ноги сзади покраснели, а надкрылья выгнулись от удовольствия.

— Что ты чувствуешь? — внезапно спросил его Практик.

Голос, ласкающий слух, не заставил вздрогнуть, как это было однажды. Про себя Юэй отметил построение вопроса: ЧТО чувствуешь, а вовсе не КАК себя чувствуешь.

— Я ощущаю... — Юэй подобрал для ответа слово из человеческого языка, затрудняясь найти такое же у Юлов. — Думаю, это тоска по дому.

Практик ничего не ответил, и Юэй даже успел подумать, не сказал ли он глупость. Очевидно, что обуревавшие его чувства были незнакомыми и не вполне опреде-

ленными — прежде такого просто не было. Он спрашивал себя, не было ли это результатом общения с Ю-Кван, или, может быть, в него просто вложили новое понимание?

Слегким шумом, напоминавшим выпуск пара, рядом с ним в модели Вселенной появился фантом Кэрил/Хацис. Теперь они стояли рядом, глядя на открывающиеся просторы космоса, греясь в лучах близкого светила.

— Все привыкли думать, что здесь пустынно, — проговорила она. — Теперь мы знаем — это не совсем так.

— Все относительно, — отозвался он.

— Думаю, да. Кажется, скоро это место станет действительно пустым — если те самые создания, называемые нами Двуми, действительно остановят свою миграцию.

Юэй внимательно осмотрел небо, ища планеты, названные его спутницей. Найти их оказалось делом несложным — пять ярких точек контрастно выделялись на фоне звездного пейзажа. Увеличив по очереди изображение каждой, Юэй убедился — они именно такие, как описала Ю-Кван. Ни одна не казалась явно пригодной для обитания, но надежда еще оставалась.

Надежда — но на что? — задумался он. Не устремлен ли он сам к человеческой мечте — обретению своего дома?

— Я закрепил за тобой внепространственный корабль, — сообщил Практик. — Он готов выйти в любой момент, Юэй.

Слова о том, что может понадобиться корабль, немного напугали его — в немалой степени потому, что именно в

этот момент Юэй впервые осознал собственное желание покинуть «Мантиссу-А». Выйти из ниши — его прежнего убежища — явно недостаточно, и вовсе не там находилась причина его нараставшего беспокойства. Казалось, он нуждался в новом пространстве, чтобы дышать, — и Практик заранее знал это.

— Третья планета, — наконец произнес Юэй, указывая на изображение только формирующегося мира прямо под ним, казавшееся сверху, из космоса, серо-зеленым. Нагретая и бурно клокоотавшая атмосфера не выглядела гостеприимной, но от среды мог защитить И-костюм. — Я направляюсь туда.

Ю-Кван посмотрела на него с изумлением.

— Неужели ты серьезно? Сам еле ходишь, а планируешь заняться исследованиями?

— Можешь отправиться со мной, если так хочешь.

— Разумеется, я тоже отправляюсь. Не могу же я позволить тебе путешествовать в одиночку — в таком-то состоянии. Все же ты сумасшедший, раз пытаешься сделать это сейчас.

Он отключился от наблюдательной модели, чувствуя, как телу возвращается реальный вес. Впрочем, Ю-Кван уже находилась рядом. Следуя за ним, андроид повела его до ближайшего причала.

— Что, если остальные Юлы откажутся последовать за тобой? — спросила она по дороге.

— Они не откажутся.

— Они уйдут, как только обнаружат фронт Прядильщиков. И ты отлично это знаешь, Юэй.

— Они не сделают этого.

— Сумасшедший, — снова пробормотала она, следуя вместе с Юзем по узким проходам и чувствуя на себе вопросительные взгляды встречных.

Внутри своего тела Юэй с каждым шагом ощущал беспокойное движение. Он был уверен: Искушение, данное ему Практиком, уже предчувствовало свое скорое освобождение.

2.3

Закон гибридизации

2160.10.1 по стандартному времени
космических миссий
(5 сентября 2163 по земному календарю)

2.3.1

— Привет, Питер? Слышишь меня?

— Лючия?

Пока изображение Питера Эландера с Афины сохраняло устойчивость. Внешне Питер оставался таким, каким она его помнила, а не обросшим и молодым, каким сделал его Практик. Лючия обнаружила эту запись в хранилище — том самом, которое сам Питер назвал Кладбищем. Энграмма была помечена только номером миссии — 512 — и сопровождалась подробной историей всех «заболеваний», начиная от раннего старения и заканчивая блокировками сознания. Все же качество изображения не соответствовало тяжести диагноза.

— Это и вправду ты? — спросил Питер, глаза его округлились от удивления.

— Да, Питер.

Приятно снова посмотреть на его лицо, а тем более увидеть, как он рад встрече. В виртуальном пространстве Лючия могла дотронуться до него, взять за руки и даже ощутить вполне явственный телесный контакт. Кожа Питера была столь же теплой на ощупь, как и его взгляд.

Вдруг улыбка сошла на нет, а Питер посмотрел вниз, на их сцепленные в пожатии руки.

— Я не чувствую, что реален, — несколько озадаченно проговорил он. — Наоборот, кажусь себе подделкой.

— Питер, ты вовсе не подделка. Ты вполне реальное существо.

— Ты говорила, что так будет, еще до нашей экспедиции — предупреждала, что все энграммы возомнят себя реальными созданиями. Что, если я всего лишь фрагмент хитрого кода, запрограммированного на ложь самому себе?

Это именно то, что мы собой представляем, — подумала Лючия, чуть не сказав это вслух, но сдержалась, понимая — это не та правда, которую Питер должен узнать именно сейчас.

— Питер, — проворковала она, нежно поглаживая его руку, — это совершенно не важно. Ты — то, что представляешь собой, а не то, из чего состоишь. Разум и личность много выше уровня их аппаратной реализации. Ты способен всегда оставаться самим собой.

— Все правильно, даже чудесно... но все же, Лючия, кто я? — Взгляд Питера, полный уныния, скользнул по ней. — И раз на то пошло, кто ты? Откуда мне знать, действительно ли...

— Питер, прекрати и подумай: кто задает этот вопрос?

Изображение задрожало, словно трепеща от страха. Картинка побежала, словно телевизионное изображение в условиях плохого приема, и черты его лица стали искаженными. Оно вытягивалось, двоилось и плясало на экране.

— Л-люч-чи!..

Безнадежный возглас распался на части, едва не потеряв последний звук. Изображение окончательно замерло, и Лючии пришлось отключить модель. Питер Эландер-512 объединял 154 компонента из Тор, 44 из Геба, взял 919 от Илмаринен и 755 от Рамы. Оставалось протестировать еще около дюжины, но она не знала, хватит ли духу. В то же время дело следовало завершить, и Лючия продолжала работу.

Она нуждалась в Питере так же, как все оставшиеся в живых нуждались в ней самой.

Руководители экспедиций на Деметре и Земине — двух поселений, находившихся под угрозой нападения Морских Звезд, уступив в итоге давлению общества, разрешили части сил уйти еще до начала неизбежной атаки. Призыв Тор к Морским Звездам оставался без ответа, а значит, отсутствовали конкретные основания для надежды на остановку их фронта. Имея варианты, они все же запрограммированы на естественный, то есть следующий прежнему порядку ход событий — большую часть персонала и оборудования заранее эвакуировали на Сагарси.

Лючия помогала, обеспечивая транспортировку, и отчасти как организатор. Перемещая грузы быстрее, чем корабли-прорезатели, Лючия освобождала их для разведки

и прочих задач. Зрелище повинующихся ей Даров казалось убедительным — как будто сами Прядильщики помогали выживать человечеству.

Но Лючия вовсе не так наивна, чтобы верить в это. Прядильщики, словно по какому-то капризу, предоставили ей единственное, всего одно средство из многих. Это могло быть случайностью, а возможно — составной частью неизвестного пока сценария. В любом случае она не чувствовала полной уверенности.

Ресурсы, имевшиеся на Сагарси, вскоре пришли в напряжение. За шесть лет после прибытия «Фрэнка Дрейка» эта молодая колония сумела возвести несколько наземных баз и, кроме того, заложила основу для орбитальной станции. Все это не предназначалось для отдыха, а представляло собой инфраструктуру научных исследований. Раздраженных энграмм заставляли делиться вычислительной мощностью много большей, чем было предусмотрено, обеспечивая самое необходимое для связи и частых досветовых рейсов. Даже из виртуальных залов на BSC-5148 Лючия чувствовала ропот и неудовольствие, возникавшие, когда изымались дефицитные ресурсы — пусть и под давлением обстоятельств. Отслеживание движений Ока Морских Звезд и обстоятельное планирование возможных сценариев — обе задачи требовали огромных вычислительных мощностей.

Кроме двух ролей — пилота и символа сопротивления, отнимавших ее время, Лючия находила возможность следовать собственным целям. Действуя на самой высокой из своих тактовых частот, она рылась в архивах

Кладбища, пытаюсь найти новые обнадеживающие свидетельства.

— Привет, Питер! Слышишь меня?

— Лючия? Это и вправду ты?

Питер Эландер с Эоса смотрел на нее с тем же выражением, что и все другие копии, и, без всякого сомнения, он покажет аналогичные реакции на тесты, которым остальные уже подвергались.

— Полагаю, что я — это я, — ответила Лючия. — Я чувствую, как Лючия Бенк. Я выгляжу, как она, и действую, как она. Не это ли делает меня ею, как думаешь?

Нахмурившись, он подошел ближе, изучая и почти враждебно разглядывая ее лицо. Здесь, в виртуальном мире, глаза его оказались невозможно ясными, а кожа — изумительного, совершенно человеческого тона.

— Значит, ты энграмма, — произнес он наконец. — Такая же энграмма, как и я.

— Да, Питер, именно так. — Причины обойти эту тему не существовало. Как не было и времени на терапию — помощь, оказанную в свое время Питеру с Адрастеи. Теперь ей следовало отыскать быстрый и эффективный способ, чтобы заставить Питера продолжать разговор. И она попыталась: — Ты и я — мы оба лишь пытаемся быть людьми, хотя на самом деле считаться ими не можем. Мы оба несем в себе упрощения, сделанные когда-то, и именно они — причина наших проблем. Мне необходим только ты, чтобы продолжать оставаться в этом мире. Возможно, сам ты подобного чувства не испытываешь. Но или так, или мне придется уйти. Понимаешь? Ты понимаешь, о чем я говорю, Питер?

— Турист и правдоискатель, — сказал он, обращаясь, как уже бывало, к теме давнего разговора, случившегося еще на Земле, а скорее — к последней записи, сделанной перед отлетом и завершавшей перенесенную в энграммы живую память Питера Эландера.

Кстати, сама Лючия хорошо помнила тот разговор, происшедший между их оригиналами.

— Предполагается, что именно туристы толкают вперед тех, кто ищет правду, — заметила она. — Но теперь все иначе. Питер, без тебя я готова разбиться на части. Ты должен мне помочь.

— Помню... — Он замялся, на самом деле что-то припоминая. — Помню Дары... и Прядильщиков...

Она попыталась зацепиться за эти детали.

— Правильно! Ты вышел из сна в момент высадки Прядильщиков на Эосе. Они сами выбрали тебя для общения с Дарами.

— Я, я... — Он схватил Лючию за руку и крепко сжал. — Да тебя там и не было.

— А теперь я здесь. Питер, я вернулась за тобой.

Такая маленькая ложь, но Лючия надеялась, что она поднимет его в собственных глазах.

Однако проблема состояла в другом. Лючия поняла это сразу, как только увидела, как он опустил голову, спрятав лицо. Самооценка не могла дать надежной опоры; похоже, Питер вовсе не имел никаких представлений о самом себе.

— Но кто тогда ты? — спросил он. — И кто я? Если мы — это не мы, тогда...

— Питер, мы — это всегда мы. Ты — Питер, а я — Лючия. Когда-то мы дружили, и одна моя часть все еще хочет оставаться с тобой. Я уже больше не могу бежать, не могу оставить в беде свой народ. Ты должен стать моим якорем, моей надеждой.

Его изображение раздвоилось, затем снова стало четким.

— Я не в состоянии сказать, кто... я...

— Питер, нет!

Бесполезно. Он замер, как статуя, остановившись на полуслове. Лицо потеряло выразительность, и от живого человека остался лишь картонный профиль. Все неуправляемое движение, все процессы, как раз и составлявшие то, чем был Питер, остановились; он «ушел».

Лючия отключила его с чувством полной безнадежности, сожалея, что не может выразиться так же жестко, как Кэрил Хацис. Хотелось кричать в пустоту, проклиная всю их миссию и программистов, кодировавших энграммы, — всех, кто должен ответить за это: за саму Лючию, за Питера и за остальных. Как же случилось, что энграммы созданы столь эффективными в работе и одновременно столь нестабильными в долгой жизни? Лючия могла лишь гадать. Если бы разработчики знали, что создают тех, кто станет последними представителями человеческой расы, неужели и тогда эти разработчики проявили бы столько же безответственности?

Пришлось остановиться — к чему теперь рассуждения, это лишь напрасная трата времени. До возвращения на Сагарси у нее оставался час по относительной шкале, так что можно попробовать еще раз. Вызывая из хранилища энграмму миссии за номером 17, имевшей своей целью

Хи Геркулеса, Лючия мысленно готовила себя к очередному эмоциональному забегу.

— Лючия? — проговорила очередная энграмма Питера, увидев ее.

— Да, это я. — Лючия явно не могла скрыть скуки. — А ты — это ты. Мне следовало написать это на дощечках и повесить нам на шеи.

— Не ожидал увидеть тебя, проснувшись. — Он осмотрел невыразительную обстановку, произвольно подобранную для оформления виртуального пространства. — Собственно, и не надеялся пробудиться. Я предпочел мрак.

Изображение слегка дернулось, однако сбоя не произошло.

При этих словах в Лючии проснулось любопытство.

— Мрак? Что ты хочешь сказать?

— Мне предоставили выбор, и я его сделал. Кстати, я просил его передать тебе привет.

— Просил кого?

Изображение Питера вновь дернулось.

— Другого Питера, еще на Сотисе.

Лючия принялась лихорадочно соображать, где именно мог состояться такой разговор. Данный расклад совершенно не походил на другие случаи. Ей пришлось побывать на Сотисе: теперь там, благодаря Морским Звездам лишь руины. Версия Питера должна была находиться на Сотисе перед их атакой. И если верно все, сказанное энграммой сейчас, должна существовать еще одна копия, работоспособная на тот момент времени. Логика, казалось бы, железная — это и возбуждало ее интерес.

— Меня он называл калекой, раненым. А еще говорил, что это случилось не по вине Кэрил. Он рассказывал...

— Кто это был, что за копия? — перебила она. — Откуда?

— Эпсилон Водолея, — ответил он. — И он говорил...

В этот момент изображение заплясало в третий раз — и снова выправилось, оставшись стабильным надолго.

— Он считал, что я могу и не вернуться, а я все равно предпочел отключиться. Это наилучшая из альтернатив.

— Каких альтернатив?

Ее волнение утихло при известии, что разговаривавшая с ним версия Питера была именно той, что отвергла саму Люцию. Тем не менее ей было интересно.

— Объединиться с ним и стать чем-то еще. — Питер скорчил гримасу. — Может, я и болен, но сам-то знаю, кто я такой. Кем был, — поправился он. — Или, точнее говоря, кем я себя считал.

— Он предлагал тебе... слияние?

— Да, но он уже не был прежним. И он не стал мной. А как я мог стать не тем, кто я есть? Это же самоубийство.

Она задумалась над рассуждением, спрашивая себя, не здесь ли ключ к дальнейшей стабильности его копии. Угрожая лишить энграмму хрупкого ощущения самоидентичности, тот, другой Питер сумел придать этой своей версии более тесную связь с ее собственной личностью. Вопрос: какова ее стабильность и, вообще, продолжится ли такая фиксация?

Единственным способом узнать ответ казалось продолжение разговора.

— Питер, больше тебе не придется выбирать мрак; я смогу поддерживать тебя сколь угодно долго.

Он отрицательно покачал головой.

— Я уже зацикливаюсь, и не хотел бы снова пройти через все это. Все закончится моим отключением.

— Но я... Питер, ты мне нужен.

— Я не в состоянии ни на что повлиять. Ты сама — почти целиком продукт Прядильщиков, вернее, их внеземных технологий. А на что ты способна в их отношении? — Он издал короткий смешок, словно изумившись чему-то. — Бог мой! Если на то пошло, этих Прядильщиков, возможно, уже не существует!

Да ведь он прав, — подумала Лючия, вспоминая, как в 2010 году Питер авторитетно заявил научному сообществу о том, что человечество, по-видимому, одиноко во Вселенной, если верить основным положениям квантовой механики. Да и взять саму миссию — поначалу обнаруживали только одноклеточные и иные подобные формы самой примитивной жизни, что только подтверждало мнение Питера. И что теперь...

— Прядильщики должны будут появиться, — задумчиво проговорила Лючия.

Питер несколько ошетинился:

— Никто еще не доказал, что моя теория ложна. Они могут оказаться не сознающим себя искусственным интеллектом. Если они не занимаются истинно исследовательской деятельностью, если их создатели исчезли из Вселенной задолго до появления разумной жизни на Земле — все, возможно, обстоит именно так, как считаю я.

— А как быть с Морскими Звездами? — спросила она. — А что же Юлы? Или Практик?

— Морские Звезды могут представлять такой же точно искусственный интеллект. Про остальных я слышу в первый раз.

— Они существа из плоти и крови. И я видела их сама. Он на секунду запнулся, потом продолжил:

— Здесь возможны разные варианты. Раз Прядильщики и Морские Звезды перемещаются по Вселенной в поисках любых форм разумной жизни, они могут брать с собой «попутчиков». Юлы — эта форма жизни могла прийти из совершенно иного континуума; их эволюция может не давать эффекта в развитии, подобном нашему.

— Одно объяснение из всех возможных, — заметила в ответ Лючия. — И не самое правдоподобное. Кажется, здесь ты схватился за первую из попавшихся соломинок.

— А разве оно менее правдоподобно, чем вся наша ситуация? — Сейчас, в их интеллектуальном взаимодействии, Питер казался достаточно живым и устойчивым. — Я могу предложить второе объяснение, если первое кажется тебе не слишком основательным. Возможно, Прядильщики и Морские Звезды принадлежат временному континууму, обратному нашему по направлению. Для нас они идут из будущего в прошедшее. Разве мы говорили с ними когда-либо? Разве видели их?

Лючия покачала головой, и Питер принял ее жест как знак согласия. Он продолжал:

— Это может быть следствием различий в фундаментальных представлениях о причинности. Возможно, мы

вообще не способны к взаимодействию, кроме как через посредников, раз векторы времени направлены навстречу друг другу. Мы идем на волне, расходящейся от нашего большого взрыва, а они нам навстречу, к своему большому столкновению — коллапсу. Если они и достигнут еще более высокой ступени в своем будущем, нашего развития это уже не коснется.

Минуту Лючия обдумывала слова Питера, затем сказала:

— Действительно, интересная научная теория, — последние слова она произнесла со значением. — А чем она полезна нам? Может ли она на какое-то время сохранить наши жизни?

Питер пожал плечами.

— Это уже твой вопрос. Что касается теории, понять проблему — значит сделать первый шаг к ее разрешению.

— Вот потому-то мы и нуждаемся в тебе, Питер, чтобы сделать этот первый шаг. Ты должен остаться с нами. — *Сомной*, — добавила она про себя. — Не мог бы ты попытаться?

Его взгляд стал строгим, секунду он казался совершенно неподвижным, погруженным глубоко в себя.

— Я выбрал мрак, — наконец сказал Питер. — И это единственный выбор, который следовало сделать.

— Но ведь теперь у тебя больше вариантов!

— Ты неправильно меня поняла, Лючия. Это мой единственный выбор. Мой. Этой версии, а не другой, и не возможный выбор моего оригинала. Я знаю, что представляю собой: сбойную программу. Я знаю, что не смогу

существовать сам по себе. Но это все мое и именно к этому я привязан. Поскольку ты не в состоянии дать мне, моему разуму, защиту от его тупиков — тогда...

Неоконченная фраза оставляла невысказанным вопрос: может ли она это сделать? Секунду спустя Лючия со вздохом покачала головой — способа, гарантирующего успех, не существовало.

— Тогда боюсь, что должен настоять на моем отключении. Шанс у меня остается. Настанет день, и мрак снова растает. Возможно, что тогда же появится и решение.

Она отвернулась, когда его изображение снова задрожало. Похоже, что до момента полного заикливания его программы оставалось совсем немного. Все же он был лучшей из реализаций. Лючия не знала, что именно придало энграмме подобное отличие — была ли то встреча с другим Эландером или ситуация выбора «жизнь-или-смерть», — подступало сожаление о надежде, ускользавшей сквозь пальцы.

— А если решение не обнаружится? — мрачно спросила она. — Если ты умрешь?

— Что же, думаю, это решит все мои проблемы.

Вид у него был скорее извиняющийся и необычно незащищенный; и тут Лючия ввела команду на отключение модели и виртуальная беседа превратилась в молчание. Она боролась с ощущением беспредметности своего дела, охватывавшим все сильнее. Желание бросить все и убежать было таким сильным, что она сама не знала, преодолет ли его при определенных обстоятельствах. Дол-

гая жизнь — это прекрасно, однако Лючия не хотела бы остаться навеки с чувством собственной вины.

Поначалу она спрашивала себя — насколько долгим может стать ее пребывание в Десятой башне. Если она и нашла способ обойти изъяны в собственной программе, и жизнь ее энграммы более не ограничена, не рискует ли она бессмертием, оставаясь с другими? Она не видела причины для пессимизма. Будучи лишь скоплением электронов или, возможно, иной средой хранения информации, она сама запущена как модель, ею только что выключенная, внутри оборудования Даров. И будь оборудование и его программы работоспособны вечно — столько же может крутиться и ее собственная энграмма.

Конечно, если не существует еще что-то, что Прядильщики скрыли от них.

Мысль о цельной модели Питера Эландера, составленной из всех энграмм Кладбища, запущенных параллельно, в кластере, способном поддерживать свое функционирование при зависании отдельных моделей, начала неясно формироваться в ней только с прибытием на Сагарси, вместе с беженцами на своем «буксире».

Первым, что стоило отметить, оказалась необычная активность в районе расположения Даров: туда и обратно непрерывно сновали внепространственные корабли. Вторым — повышенный уровень сверхсветовых коммуникаций внутри системы. Информационный поток нарастал, и Лючия чувствовала это. Когда же сенсоры смогли подключиться к накопителям данных, она окунулась в поток полностью.

То, что обнаружилось, напоминало нечто уже знакомое.

— Лючия, слава Богу, ты вернулась. — Этими словами ее приветствовала Клео Сэмсон, едва присутствие Люции зафиксировали системы «Фрэнка Дрейка». Голос Клео был настойчивым: — Ты нам нужна, немедленно.

— Зачем? Что у вас случилось? — спросила Лючия. — Я вижу только Пи-1 Большой Медведицы и какие-то вспышки.

Нечто, напоминавшее светящийся шар, описывало окружности вокруг Солнца, сопровождаемое тысячами неистово мечущихся сверкающих точек, двигавшихся по замысловатым кривым на всевозможных околосветовых скоростях.

— Пока мы не в состоянии приблизиться и рассмотреть более подробно. — Лицо Клео на консоли обычной связи явственно выражало ее тревогу. — Мы уже потеряли там трех разведчиков, и я не намерена рисковать более ни одним.

— Так что ты хочешь от меня? — спросила Лючия.

— Раз ты можешь двигаться быстрее, чем наши прорезатели, значит, сможешь подойти, не рискуя себя обнаружить.

А если не смогу? — хотелось ей спросить, однако вместо этого Лючия ответила:

— Я вовсе не военный корабль, Клео.

— Никто не ждет от тебя военных действий. Нам нужно лишь знать, что там происходит. Если это Морские Звезды — возможно, Тор добилась, чего хотела. Если же нет...

Клео не следовало договаривать. Пи-1 Большой Медведицы — действительно большая загадка. Энграммы напоминали детей, случайно захлопнувших дверь чулана. Случись что — и они не смогут открыть ее, чтобы выбраться.

— Ладно, — сказала Лючия, несмотря на обещание больше не возвращаться в систему, где погибли все, кроме нее самой. — Но я не двинусь с места, пока не высажу пассажиров.

Клео кивнула:

— Переключись на Хаб и передай всех внутрь, потом отправляйся на Пи-1 Большой Медведицы. Расскажешь, как там и что, когда вернешься, или передай по мгновенной связи. Оба варианта допустимы. На самом деле я не хочу требовать невозможного — так что, Лючия, немедленно возвращайся, если станет горячо. Ты понадобишься нам здесь, чтобы вернуть все на свои места, но уже потом.

Изображение Клео исчезло.

Лючия помотала головой, оставшись одна в тишине своего виртуального мира. «Вернуть все на свои места», — так сказала ей Клео. Нельзя бежать. Рамки энграммы все еще стесняли Лючию в решениях и планах на будущее. Но с этим она не могла ничего поделать. Остается надеяться на лучшее — на то, что Тор смогла осуществить дело, ею задуманное.

Решив сыграть более активную, чем раньше, роль, она принялась освобождать коридоры и каюты от всех, кого вывезла с Земины.

2.3.2

Эксфорд отвлекся от экрана и взглянул на Кэрил Хацис.
— Я отправляюсь туда.

Эландер понял, что Сол согласится, еще до того, как она успела раскрыть рот. Она медлила пару секунд, размышляя, затем сказала:

— «Эледон», я предлагаю тебе разделиться на два обитаемых корабля. Один для меня, Инари и Клео. Второй — для Питера, Фрэнка и Гу Мань.

Сол мельком взглянула на Эландера.

— Разреши второму кораблю произвести персонализацию с подчинением Питеру.

— Понял, Кэрил.

Питер перешел на другую половину рубки, оказавшись с Эксфордом и сердитой на вид Гу Мань. Рубку тут же поделил надвое прозрачный энергетический барьер, затем граница раздвинулась по контуру рубки и сжалась — сперва до размеров окна, затем до небольшого отверстия, после чего закрылась вовсе. Эландер наблюдал, как половина корабля вместе с Сол последовала своим курсом. На ее лице запечатлелось выражение усталости и беспокойства; исчезая из поля зрения, она не выказала никаких эмоций, не подбадривая и не воодушевляя никого.

Этого делать и не следовало, подумал он. Хотя искусственный разум Собирателя — аппарата, подобравшего их вблизи разбитого куттера и доставивший внутрь «Трезубца», заверял их в полной безопасности путешествия, таких гарантий не существовало. Его понимание безо-

пасности не включало возможности зависнуть под потолком, в очевидно безвыходном положении и просто ждать.

— Она все еще не доверяет мне, не так ли? — сказал Эксфорд, как только Сол скрылась.

— Вероятно, у нее не было оснований доверять, — заметила Гу Мань.

— Мое поведение по ходу миссии было примерным. Она фыркнула.

Эксфорд покачал головой, изображая разочарование.

— Удивлен твоим неумением прощать, Кэрил. Идет война, и тебе следует научиться принимать помощь, когда ее предлагают.

— И что же ты предлагаешь? — вмешался Эландер.

— Откровенно говоря, не могу открыться тебе, — произнес Эксфорд с искренним сожалением. И тут же улыбнулся: — Видишь, я тоже не вполне тебе доверяю.

Гу Мань закачала головой — пришла ее очередь.

— Давайте двигаться, пора уже закончить этот разговор.

Эландер не ответил, наступило гнетущее молчание. Он полагал, что общее раздражение — скорее следствие усталости, чем прочих обстоятельств. Что делало ситуацию понятной, однако не могло извинить никого конкретно. Следовало решить, не пытался ли Эксфорд вызвать конфронтацию, или у него имелась иная цель. Он давно пытался разьединить их и без того разбитую на фракции экспедицию — еще с Аселлус Примус. Вероятно, так полагал сам Эландер, Фрэнк числил собственную наглость за мерило истинного успеха.

Вокруг появилось кольцо новых экранов. Они показали тот же вид, что открывался с «Эледона»: закруглен-

ные помещения цвета слоновой кости, способные вместить не один собор.

— Корабль! С этого момента ты будешь откликаться на имя «Селена», — произнес Питер, выбрав имя одного из входивших в «Эледон» прорезателей. — По окончании перестройки корабля перемести нас ниже, к краю этого зала. Мы намерены там высадиться.

— Хорошо, Питер.

— Это не опасно? — спросила Гу Мань, но ответ «Селены» прозвучал немедленно:

— Внешние условия соответствуют защитным возможностям И-костюмов.

Гу Мань хихикнула:

— Да, но я совсем не это имела в виду.

— Я в состоянии обеспечить лишь той информацией, которой располагаю. Сейчас у меня недостаточно ресурсов для догадок.

Эландер кивнул. Он не знал, что внепространственные корабли способны к умозаключениям.

Корабль мягко причалил к указанной точке. Зал оказался действительно огромным, он нависал над ними, словно пустая тыква. Форма объекта в целом производила впечатление природной, однако детали поверхности выдавали ее искусственное происхождение.

В одной из стен рубки радугой засветился шлюз. Поток воздуха, способных выдать утечки, не обнаруживалось: тонкая энергетическая преграда все еще отделяла корабль от чужеродной среды. Немного нервничая, Эландер преодолел зыбкую границу, отделявшую шлюз от внешнего мира.

В самом деле, момент его перехода через мениск, из одной среды в другую, не обозначил себя никаким ощущением, как не было чувства обжатия И-костюма атмосферой чуждого им корабля. На Эпсилоне Водолея ему случилось быть в вакууме под защитой одного лишь И-костюма, и там тоже все было, как обычно. Ах да, разумеется, раз внепространственный корабль сам заверил их в безопасности — какие еще причины могут найтись для сомнения?

Питер сделал несколько шагов по поверхности цвета все той же слоновой кости. Она оказалась достаточно твердой и совершенно ровной — такой же, как и стены зала. Ни разрывов, ни швов, ни закраин. Ближайшая стена была выгнута вперед, затем она отклонялась вовнутрь и заканчивалась на общей куполообразной крыше. В центре на поверхности купола была округлая площадка. На ней рос целый лес из тонких цилиндров длиной в десятки метров, напоминавших, скорее, свисавшие вниз корни деревьев. Судя по сигналам с радара, «корни» твердые и неподвижные.

Эксфорд и Гу Мань присоединились к Эландеру.

— Ну, что здесь творится? — поинтересовалась Гу Мань, голос ее звонко отдавался в ушах Питера. — Это гостиная или зал ожидания?

Эксфорд погрузился в изучение искривленных, уходящих вверх стен.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвал Эландер. Ответа не было. Зато появилось чувство, словно за ними наблюдают. — Эй!

Послышался свистящий звук, похожий на утечку воздуха, — и вдруг Эландер оказался перед серой сферой, зависшей в воздухе не более чем в четырех метрах от него. От неожиданности он отскочил назад, то же сделала и Гу Мань. Обращенная к ним поверхность сферы оказалась испещренной небольшими ямками.

— Эй! — произнес объект и сразу же исчез.

Эксфорд открыл рот.

— Что это было?

Гу Мань, приложив руку к груди, дикими глазами смотрела вокруг себя:

— Какая разница! А куда оно пропало?

— У вас там все в порядке? — донесся голос Сол с «Эледона».

Корабль завис поодаль на безопасном расстоянии и издали казался мыльным пузырем молочного цвета.

— Ты видела? — спросил Эландер.

— Достаточно четко. Его зафиксировал и радар, так что это не иллюзия. «Эледон» полагает — объект пустотелый.

— Он еще здесь? — спросил Эксфорд. — Маскируется?

— Не похоже. Судя по нашим данным, он действительно исчез.

— Ну и зачем говорить «Эй!» — чтобы просто исчезнуть? — поинтересовалась Гу Мань.

Эксфорд зло засмеялся:

— Вероятно, мы испугали его, когда...

Он вскрикнул — объект появился снова, так же внезапно и на том же месте. Все трое в испуге отскочили.

— Я намерен общаться, — произнес объект.

Его щербатое «лицо» немного повернулось из стороны в сторону, словно осматривая присутствующих.

— Ладно, — пробормотал Эландер, пытаясь умерить стучащий в виски пульс. — Во-первых, назови свое имя. И кто послал...

С прежним свистящим звуком сфера вновь исчезла.

— Что же это такое? — Гу Мань недоверчиво осмотрелась по сторонам. — Что за ерунда?

Эландер закачал головой, тоже оглядываясь вокруг. Затем произнес, обращаясь в пространство:

— Ты говорил, что намерен общаться?

— Обеспечение коммуникации — моя основная задача, — сказала сфера, появляясь снова — чуть ближе к Питеру. Эландер вздрогнул, однако на сей раз не отступил.

— Тогда почему ты не отвечаешь? — спросил он.

Молчание — и объект снова пропал.

— Он забавляется с нами, — сказал Эксфорд.

Эландер кивнул.

— Или пытается ввести в заблуждение.

— Я веду общение в соответствии со своими операционными параметрами, — откликнулась сфера, появляясь совсем уже близко от Питера.

Ямки на ее поверхности были глубокими. Вдруг показалось, что от объекта пахнет йодом.

— И что за параметры? — спросил Эландер. Впрочем, уже через секунду Питер понял, что сейчас произойдет — поэтому, упреждая исчезновение объекта, быстро перевел беседу в другое русло. — Если ты сумеешь пояснить свои параметры, мы сможем общаться более правильно. В противном случае мы, возможно, просто уйдем.

— Мои параметры отражают свойства того, кто меня изготовил, — откликнулся объект. — Так же, как и ваши.

— А кто тебя изготовил? — спросила Гу Мань.

Сфера не ответила и исчезла, уже в четвертый раз. Эландеру показалось, что он начал понимать, в чем тут дело.

— Мы являемся копиями наших оригиналов, — громко заявил он. — Мы не вполне идеальны, но нормально функционируем.

Сфера тут же вернулась.

— Я представляю один аспект личности, которая выше меня. Я — один из многих, выполняющих каждый свою задачу.

— Готов предположить: все сказанное нами докладывается личности, что стоит выше тебя.

— Вся информация обобщается и анализируется на предмет ее значительности.

Интересный способ ввода данных, — подумал Питер.

Он кивнул.

— Мое имя Питер Эландер.

— Мое имя Астероид.

— Астероид? — спросила Гу Мань. — Что за имя такое?

Сфера развернулась, словно «поглядев» на нее, и пропала.

Эксфорд громко рассмеялся.

— Хорошая работа, Питер. Полагаю, в итоге мы к чему-нибудь да придем.

Гу Мань с подозрением оглядела обоих спутников.

— О чем вы толкуете?

— Астероид отвечает только на утверждения, — пояснил Эландер. — В особенности на те из них, что может воспроизвести применительно к себе. Он игнорирует вопросы.

— Похоже, мы поймали льва за хвост, — с юмором отметил Эксфорд.

— За кисточку на хвосте, — добавил Питер. Ему не хотелось показаться излишне самоуверенным. — Мы еще далеко от головы льва.

— Что бы там ни было, — откликнулся экс-генерал, — голова, ноги, кисточка... Главное, что Тор сумела привлечь хотя бы чье-то внимание.

— Мы этого еще не знаем, — возразил Эландер.

— Возможно, он прав, Питер, — вмешалась в разговор Сол. — В самом деле, Астероид — это же подобие названия Морских Звезд. Не может быть, чтобы это оказалось простым совпадением.

— Подобие — да, но не единственное из возможных, — ответил Эландер, озираясь в необъятном пространстве зала.

Оно было безжизненно и пусто, но не оставляло ощущение — о них не забыли. Питер чувствовал присутствие разума, огромного, превосходящего его собственный, пристально их изучающего, и думал что делать?

— Мы пришли, чтобы говорить с Морскими Звездами, — произнес он, обращаясь в пространство.

— Я пришел, чтобы говорить с вами, — ответил Астероид, выскакивая опять, словно чертик из табакерки.

— Мы предоставили им информацию. — Эландер пытался вспомнить, как Тор называла себя, отправляясь прямо в пылающее солнце Источника, в центре флота Морс-

ких Звезд. — Наше сообщение передано Источнику через Канал Связи.

— Вас доставили сюда. Можете свидетельствовать.

— Можем? Нам так не кажется, — возразил Эксфорд.

— Информация, вами предоставленная, недостаточно проверена.

Итак, зал действительно оказался залом ожидания, вдруг подумалось Эландеру.

— Хотелось бы знать, что конкретно происходит, — заявил он вслух.

Вместо ответа Астероид вновь пропал из виду.

Эксфорд только вздохнул:

— Эх, только мы начали привыкать...

Он осекся — стены окружавшего их зала вдруг исчезли. На какой-то момент кругом оставалась сплошная чернота. Исчезли не только стены, но и «Селена», «Эледон» и вообще все. Эландер оказался в одиночестве, зависнув во внушающей ужас мертвенной пустоте.

Неожиданно из пустоты раздался голос Гу Мань, до Питера донесся обрывок вопроса:

— ...кто-нибудь?

Никто не отвечал: всех слишком занимала открывшаяся перед ними картина. Они плыли в космосе, незащищенные ничем, и их окружали только звезды.

— Вот здесь Пи-1 Большой Медведицы, — сказал Эксфорд, имея в виду яркое Солнце прямо перед ними.

Фигура Фрэнка, освещенная только звездами, оказалась слева от Эландера.

— Мы действительно там? — спросил Эландер, обращаясь ко всем. — Или это иллюзия?

— Иллюзия. — Ответ подсказала Сол, находившаяся на «Эледоне». — Мы никуда не перемещались с прежней позиции.

— Разве «Трезубец» не мог переместиться? — с сомнением заметил Эксфорд.

— Если бы он двинулся с места, используя тот же принцип, что и куттер, — я уверен, мы не могли бы не заметить, — ответил Эландер.

— Или да, или нет — если здесь мы экранированы от подобных ощущений, — махнул рукой Эксфорд. — Что бы там ни было, главное, что цель уже определена. И мы наконец свидетельствуем.

Гу Мань рассмеялась.

— Свидетельствуем? Но что? Здесь мы вовсе не перегружены деталями.

С последним утверждением Эландеру пришлось согласиться.

— Астероид, мы ничего не видим.

Сфера опять предстала перед ними.

— Этот вид не идеален.

— Он будет лучше с более близкой точки.

— Сам я наблюдаю с позиции того, кто меня изготовил.

— Можно видеть лучше, если позиция того, кто тебя изготовил, будет приближена к объекту.

Сфера повернулась.

Эксфорд высказал собственное заключение:

— Утверждение не касалось тебя лично, поэтому он не намерен отвечать. — Затем он продолжил, обращаясь к Астероиду: — Мы торопимся, однако согласны ждать,

пока тот, кто тебя изготовил, найдет для наблюдения более подходящую позицию.

— Время не относится к предмету разговора.

— Возможно, для тебя и не относится, — высказалась Гу Мань. Она не скрывала разочарования. — А наш народ может погибнуть, если вы не сдвинетесь наконец с места!

— Ваш народ никого не интересует.

— А стоило бы поинтересоваться!

Эландер потер виски — у него разболелась голова. Он тщательно обдумывал следующий ход.

— Астероид, уже доказано, что эта система чрезвычайно опасна для любой разведки. Надеюсь, тот, кто тебя изготовил, будет осторожен.

— Тот, кто меня изготовил, избегает опасности многими способами.

— Мы полагаем, кто бы ни скрывался в системе — он ваш враг. Тот, за кем вы гонитесь.

— Те, кто меня изготовил, стараются узнать правду.

— А мы надеемся, что, узнав правду, они прекратят уничтожать наши поселения.

— Я не могу говорить за тех, кто меня изготовил.

— Тем не менее ты обсуждаешь их возможности. Как...

— Мы — мой народ — общаемся в категориях вопросов и ответов, — попробовал объяснить Питер. — Я нахожу твою манеру общения затруднительной.

— Я запрограммирован для коммуникации в строгих границах, не допускающих распространения информации, — ответил Астероид. — Информация должна оплачиваться. Информация должна уравниваться встречным потоком.

— Могу лишь предположить. Ты копаешься в наших мыслях. Вероятно, те, кто тебя изготовил, делают то же самое.

— Похоже, ты предполагаешь слишком многое, — вмешался Эксфорд. — Вероятнее всего язык общения они получили от Тор. Если они и в состоянии считывать наши мозги — зачем им делать это? Смешно даже предполагать, что мы заслуживаем их внимания.

Питер кивнул. Сфера крутнулась к Эксфорду при первых звуках его голоса, потом опять повернулась к Эландеру. Казалось, объект переносит свое внимание с одного собеседника на другого.

Он не ожидал услышать ответ на свое предыдущее *утверждение/вопрос*, потому был удивлен, услышав голос Астероида:

— Сканирование мыслей — не моя функция. Я обеспечиваю процесс выяснения вашей природы. Кто-то должен идти впереди тех, кто меня изготовил, поскольку их задача — оценивать. Те, кто принимает решения, не полагают временем для второстепенных задач.

Эландер ломал голову над следующим построением, когда окружающая картина неожиданно изменилась. Не было и малейшего чувства движения или пространственного перехода, как вдруг он увидел все с иной позиции, располагавшейся гораздо ближе к Пи-1 Большой Медведицы. Эффект оказался головокружительным — на секунду Питер потерял равновесие.

— Раньше этого не было, — заметила Гу Мань, показывая на сияющее кольцо, окружившее Солнце.

— Да, это новость, — подтвердила Сол с борта «Элдона». — Астероид, данная картина не соответствует астрономическим наблюдениям.

— Феномен, наблюдаемый вами, — результат работы тех, кто меня изготовил.

— Не могу определить, что именно они сделали, — отозвался Эландер.

— Без сомнения, мало что из деяний тех, кто меня изготовил, покажется вам понятным.

Эландер кивнул:

— У тебя есть много, очень много информации, за которую мы хотели бы заплатить. Существует ли иной способ расчета?

Астероид крутнулся и исчез, а Эландер мысленно дал себе оплеуху.

— Я вот чем интересуюсь, — тут же вступила Сол. — Не создают ли те, кто тебя изготовил, сознательные трудности для нас — ищущих правду.

Астероид тут же вернулся.

— Мне ничуть не жаль охладить ваше любопытство относительно мотивов тех, кто меня изготовил.

Эксфорд фыркнул.

Картина вновь заметно переменилась. На сей раз все наблюдатели расположились над плоскостью эклиптики и сверху могли рассмотреть Солнце вместе с вновь образованным кольцом. В солнечной атмосфере виднелись быстро кружащиеся темные пятна, а линии магнитного поля изгибались, изламывались, в величественных всплесках высвобождая энергетические сгустки. Прежде Элан-

деру не приходилось видеть столь восхитительного зрелища.

Кольца света состояли из множества раскаленных шаров, сопровождаемых яркими хвостами и мчавшихся вместе вдоль экватора звезды. Их спиралевидные следы многократно переплетались, накручиваясь друг на друга. Атмосфера звезды отвечала на это по-своему, уклоняясь от невидимых наблюдателям полей и создавая неглубокие впадины, опоясывавшие Солнце — словно затягивая на нем ремень.

Астероид, на некоторое время пропавший, появился опять. Эландер почти уверился, что этот шар — один из миров, обращающихся около Пи-1 Большой Медведицы.

— Те, кто меня изготовил, не обнаружили свидетельств, описанных вашим эмиссаром.

Питеру потребовалось некоторое время на осознание — Астероид имел в виду Тор.

— Наш корабль атаквали именно здесь, — ответил он.

— Те, кто меня изготовил, не обнаружили свидетельств...

— А Лючия Бенк? Она тоже докладывала об активности, значительной по масштабам. Мы пришли рассказать именно об этом.

— То свидетельства прошлой активности, — возразил Астероид.

— Прядильщики все еще должны быть здесь, — высказала свое мнение Гу Мань.

— Показалось. — В голосе Эксфорда не прослеживалось и тени юмора. — Может, ваша Лючия их спугнула?

Эта мысль несколько ошарашила Эландера. Поскольку Прядильщиков отличала почти параноидальная страсть

к безопасности, они действительно могли уйти сразу после случайного визита Лючии. Но зачем уничтожены посланные недавно корабли-разведчики? И почему не был сбит прорезатель самой Лючии?

— Что-то здесь не так, — наконец сказал он, обращаясь к медленно кружившемуся Астероиду.

— Кое-что, — ответила сфера.

Промелькнула быстрая серия сменяющих друг друга изображений, они открывались в окнах на фоне звездного ковра, поочередно появляясь и растворяясь в черноте пространства. Возмущения пространства казались невероятно малыми, но они действительно имели место. Казалось невозможным, что Морские Звезды — при всей своей технике — распознают настолько ничтожные следы чьего-то присутствия внутри невероятно огромной системы.

— Это наши корабли, — сказала Сол. — И они заметили именно ваше присутствие.

— Те, кто меня изготовил, уже определили вашу общность с ними. Их присутствие отвлекает внимание.

— Можем приказать им уйти, если позволите. Пока что мы здесь под арестом, полагаю, вы это осознаете.

— Не существует повода для коммуникации с существами вашего вида. Они будут удалены из системы.

— Вы хотите атаковать именно их?

Вопрос сорвался с губ Эландера прежде, чем он успел обдумать текст. Астероид тут же пропал.

— Ах ты, черт! — выругалась Сол.

— Можешь высказаться еще, — заметила Гу Мань. — Потопят, как котят. Приди мы вовремя — возможно, и был бы толк, а сейчас...

— Прекрати, — бросил Эландер.

Гу Мань обернулась.

— Как ты можешь? Ты слышал, что говорил этот летающий булыжник? Питер, Прядильщики давно ушли! Морские Звезды не остановятся! Да они теперь еще больше рассвирепеют, потому что след еще теплый! Должна сказать, что наши шансы теперь упали до нуля!

— Чушь! — бросил Эксфорд. — Мы еще можем сбежать.

— О да! Если нам разрешат. И если сумеем починить корабль. И если отыщем Практика, причем так, чтобы не вывести на него Морских Звезд. Если, если... трижды проклятые «если»!

Гу Мань помотала головой и направилась прочь.

Она не сделала еще и десяти шагов, как Астероид появился вновь.

— Кое-что есть, — сообщила сфера.

В пустоте повисли новые картины. Они были туманными и нечеткими из-за мощных энергетических полей, казалось, сопровождавших некую масштабную трансформацию, происходящую с миром, когда-то названном колонистами планетой Цзян Ляо. Несмотря на нечеткость и искажения сигнала, место было вполне узнаваемым.

Эландер смущенно уставился на золотистую башню.

— Понятия не имею, каким образом могла оказаться здесь эта конструкция, — произнес он.

— Те, кто меня изготовил, определили конструкцию этого артефакта как принадлежащую тем, кого мы ищем.

— Именно так, — ответил Эландер. — Мы зовем их Прядильщиками. Это существа, строящие данные кон-

струкции и затем оставляющие их нам. Мы зовем их конструкции Дарами.

— Поскольку вы обнаружили здесь одну из них, — вмешалась Сол, — это, несомненно, оправдывает нас.

Сфера развернулась к ней.

— Данный артефакт не отвечает критерию принадлежности к системе.

Гу Мань уже вернулась назад, встав рядом с Питером.

— Не соответствует критерию? — прошептала она. — Вероятнее всего, так и есть.

Он покачал головой и вновь обратился к Астероиду:

— Никогда еще Дары не перемещались в пространстве по своему разумению.

— Тем не менее этот артефакт перемещается. Кроме того, он излучает — на частотах, используемых вами для вашей же примитивной радиосвязи.

— Что за... — Эландер оборвал фразу, начавшуюся, как вопрос вместо понятного Астероиду утверждения. — Нам было бы желательно услышать, а что за информацию он передает.

Пространство заполнил новый голос. Сообщение тронуло исключительно и одного лишь Эландера, зато — до глубины души.

ГОВОРIT ЛЮЧИЯ БЕНК, ЭКСПЕДИЦИЯ 391 ОБЪЕДИНЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗВЕЗДНОГО ПРОСТРАНСТВА. ПРИВЕТСТВУЮ ВСЕХ ГОСТЕЙ ЭТОЙ СИСТЕМЫ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ. ПОВТОРЯЮ: ГОВОРIT ЛЮЧИЯ БЕНК, ЭКСПЕДИЦИЯ 391 ОБЪЕДИНЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗВЕЗДНОГО ПРОСТРАНСТВА, ПРИВЕТСТВУЮ ВСЕХ ГОСТЕЙ ЭТОЙ СИСТЕМЫ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ.

Лючия? У Питера опять закружилась голова. Появление башни из Даров было уже достаточной загадкой, но трансляция, да еще ее голосом... Как овладела она колоссальной башней, заставив ее сойти с орбиты и отправиться собственным курсом на Пи-1 Большой Медведицы? Что за события произошли с тех пор, как они расстались в Алькаидах.

Вид звездного неба снова изменился. Теперь они находились вблизи одной из ближайших к Солнцу планет. На разных удалениях и в отличных одна от другой орбитальных позициях располагались четыре корабля класса «Трезубец», силуэты их выделялись на фоне солнечного света. В этих ярких лучах искрами сверкали мириады прочих кораблей. Кольцо, опоясавшее звезду по периметру, продолжало сжиматься, хотя эффект этот не был особенно заметным издалека. Выдавали короны, образовавшиеся над полюсами звезды. Громадные языки многоцветной энергии лениво прошивали атмосферу Солнца, дотягиваясь до самых звезд.

— Те, кто меня изготовил, озабочены происходящим, — заявил Астероид.

— Мы не дали им ни малейших оснований для беспокойства, — убеждал Эксфорд.

— Имеются основания считать нас введенными в заблуждение.

— Мы не вводили вас ни в какое заблуждение!

Гу Мань едва не тряслась от ярости.

— Возможно, я знаю, почему они убеждены в обратном, — заметил Эксфорд. — Мы информировали их, что Прядильщики находятся в Пи-1 Большой Медве-

дицы. Далее — появилась башня из Даров, демонстративно приветствуя их. Что создает совершенно очевидную связь между Прядильщиками и нами — теми из нас, что побывали здесь раньше, причем в тех колониях, что уже уничтожены.

— Они полагают нас Прядильщиками? — с изумлением переспросила Гу Мань.

За несколько секунд Астероид несколько раз поменял направление вращения.

— Те, кто меня изготовил, подозревают, что вы завели нас в ловушку.

Эландер отрицательно замотал головой, его охватило ощущение нереальности происходящего.

— Я заверяю, это не входило в наши намерения.

— Мы лишь пытаемся спасти свой народ, — поддержала его с борта «Эледона» Сол.

— Те, кто меня изготовил, были увлечены сюда обманом.

— Мы никого не обманывали!

Ситуация стремительно уходила из-под контроля.

— Если считаете, что мы обманули вас, — воскликнула Гу Мань, — почему не уйдете и не покончите с этим?

Астероид исчез, предоставив Эландеру право дать вполне очевидный ответ:

— Потому что те, кто их изготовил, не видят здесь реальной опасности.

— Никого, кто стал бы их очевидной жертвой, — добавил Эксфорд.

Экс-генерал кивнул в сторону, туда, где открывалось зрелище неопишуемого масштаба. Картина менялась с умопо-

мрачительной скоростью, охватывая все миры системы и подавляющее большинство точек Лагранжа. Кругом маячили куттеры и «Трезубцы» среди столпотворения кораблей бесконечного разнообразия форм и размеров. Как противостоять флоту подобного размера и мощи?

У Эландера закружилась голова.

— Астроид, ты сказал, в системе ничего нет? — спросил вдруг Эксфорд.

Ответа не последовало.

— Я мог бы удивиться, опасайся вы атаки извне системы, — настаивал Эксфорд.

Астероид крутанулся, словно в поисках ответа.

Позади него точка обзора вернулась к светилу Пи-1 Большой Медведицы — ослепительной звезде с поясом из огненных шаров. Энергия потоками исходила из ее полюсов, распространяясь сгустками синего и зеленого цветов. Что бы ни задумали Морские Звезды, это несомненно сказывалось на Солнце, на его магнитном поле и на мощности выбросов солнечного ветра. Закругленные силуэты «Трезубцев» медленно перемещались на фоне пылающей атмосферы.

Эландер уже знал, что сейчас произойдет. Это было в его сути, в инстинктах энграммы, оставленных, казалось, на Земле вместе с телом оригинала. Программа тренировок предполагала обоснование окончательного доказательства отсутствия души как феномена, по сути, чисто физического. Как, по словам исследователей, могли они с точностью и правдоподобием воссоздать человеческое существо из ничего, имея только лишь наборы цифровых

данных, если бы оригиналы не состояли лишь из этих данных?

И все же Эландер знал.

Он раскрыл рот, чтобы крикнуть, предупредить.

Поздно. Солнце за «Трезубцем» раздулось, как перетянутый пополам воздушный шар — немыслимо быстро, захватывая светящиеся вокруг огненные кольца и распространяясь по всей системе в виде уже двух гигантских шаров, равных сверхновым по силе заряда. Силуэты «Трезубцев» исчезли в энергетической волне взрыва.

— Да что за?.. — вскрикнула Гу Мань.

— Началось, — произнес Астероид.

2.3.3

Взрыв Пи-1 Большой Медведицы застал Люцию врасплох. Она только что перебазировалась, заняв позицию как раз над северным полюсом Солнца и наслаждаясь новым видом на открывавшуюся перед ней систему. Однако времени на любование пейзажем не оставалось. «Уши» сверхсветовых коммуникаторов еще не успокоились после разрушения Земины — события, происшедшего всего через час после ее прибытия в Пи-1 Большой Медведицы. Теперь, прыжками перемещаясь во внепространстве, Люция старалась преодолеть защиту Морских Звезд, запутывая следы.

Что им еще нужно? Люция чувствовала бессилие и отчаяние. Почему Прядильщики никак не отреагировали на присутствие Морских Звезд, как случилось при первом же

появлении людей в системе? И почему Морские Звезды не призвали себе в помощь все превосходство их цивилизации?

Она глянула на Солнце и замерла в недоумении. Что это? Источник энергии? Оборонительная система? Род искусственного разума? Ответа не было.

Внезапно северный полюс Солнца приблизился, одним рывком заняв почти все небо под ней. Первая и паническая мысль — Солнце само сорвалось с орбиты и теперь идет прямо на нее. Нет, слава богу, Солнце осталось на прежней орбите. Оно разорвалось на две части, две быстро расширявшиеся полусферы из звездной материи, с немыслимой скоростью вспухавшие над и под плоскостью эклиптики. Даже на самой высокой из тактовых частот — при том, что скорость газов не может превышать скорость света, — взрыв казался абсолютно ужасающим. Обычная звезда G-класса не может вести себя подобным образом!

Флот Морских Звезд, стоявший вблизи Солнца, исчез в кипящей плазме. Излучения метались по всем известным диапазонам, ослепляя датчики Люции. Она бросилась в сторону от надвигавшихся ударных волн, нырнув ближе к эклиптике — именно здесь эффект неожиданного катаклизма оказался менее всего. После того как разодранная на части звезда взорвалась, система оказалась между «полом» и «потолком», образованными из плазмы. Пройдет час-другой, и звездная буря до неузнаваемости изменит пейзаж, превратив его в мир, непригодный для жизни любых существ, лишенных высокоэффективной защиты.

Неизвестно, что за воздействие испытают орбиты планет, но Цзян Ляо никогда уже не будет тем цветущим миром, о котором она мечтала. Его атмосфера или сгорит, если облако плазмы пройдет слишком близко, или он окажется унесенным на далекую от Солнца орбиту и замерзнет. Мечта Лючии: стоять вместе с Питером на вершине какой-нибудь небольшой горы и смотреть на закат, должно быть, утрачена навсегда.

— ГОВОРИТ ЛЮЧИЯ БЕНК, ЭКСПЕДИЦИЯ 391 ОБЪЕДИНЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗВЕЗДНОГО ПРОСТРАНСТВА. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ.

Она не выключала радиомаяк, вопреки всему надеясь на ответ — все равно, от Тор или от Морских Звезд.

— ПОВТОРЯЮ: ГОВОРИТ ЛЮЧИЯ БЕНК, ЭКСПЕДИЦИЯ 391 ОБЪЕДИНЕННОЙ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗВЕЗДНОГО ПРОСТРАНСТВА, ПРИВЕТСТВУЮ ВСЕХ ГОСТЕЙ ЭТОЙ СИСТЕМЫ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ.

Ответом была только тишина. Что произошло с миссией, посланной людьми для контакта с Морскими Звездами, оставалось загадкой. Хотя, судя по сообщению, переданному Тор, и тому факту, что сами Морские Звезды прибыли к Пи-1 Большой Медведицы, следовало предполагать скорее лучший исход. И все-таки сообщений больше не было, как не было и малейшего намека на то, что экспедиция Тор жива.

Лючия совершила несколько прыжков около эклиптики, опасаясь куттеров или «Трезубцев», или иного нацеленного на нее оружия. Не проявилось и никаких признаков перемещения внепространственных кораблей, несомненно, посланных Несогласием и колонией на

Сагарси, чтобы на месте увидеть, что случилось в системе. Лючия опасалась связываться с ними по мгновенной коммуникации.

Продолжавшееся молчание говорило ясно: вся система каким-то образом блокирована. Наиболее логичным казалось предположение, что ответственность за это лежит на Морских Звездах, равно как и детонация Солнца.

Лючия старалась записывать все происходящее. Она понимала, что в противном случае энграммы-астрономы, включенные в состав экспедиций, не смогут простить ее упущение. Само собой, если они останутся в живых достаточно долго, чтобы увидеть эту ценную информацию.

Наблюдать за разворачиванием полярных туманностей оказалось просто. Куда сложнее разобрать что-либо у них внутри. Виднелись только смутные, скрытые в клубящихся облаках плазмы образы, странные тени, появлявшиеся и уносившиеся прочь из наблюдаемого ею континуума, испускавшие огромные газовые пузыри, коллапсирующие или расширяющиеся. Казалось невозможным определить, что это на самом деле. Некоторые из образов напоминали «Трезубцы» или другие корабли Морских Звезд. Остальные казались более округлыми, похожими на объекты живой природы, с широкими плавниками и придатками, подобными крыльям.

Истинно — Морские Звезды, — подумала она. — *Созданные, чтобы жить в солнечной атмосфере.*

Как только на эклиптике распустилась вторая звезда, сразу за орбитой ближнего к Солнцу газового гиганта, Лючия подумала, не стоит ли занять позицию немного даль-

ше? А потом ад обрушился на нее, а любые из мыслимых возможностей для бегства исчезли в один миг.

— Черт! — выругалась Сол сквозь стиснутые зубы. — Мы на линии огня!

Вид окружающего пространства несколько переменялся, затем корабль скачком перенес их ниже к эклип-тике, где возмущенное пространство вело себя немного спокойнее, потом снова внутрь фронта ударной волны. Линии магнитного поля прерывались и неистово перекручивались. Вокруг метались потоки и сгустки раскаленных газов — казалось, они стояли у жерла действующего вулкана. «Трезубец» покачивало, огромный, длиной в десятки тысяч километров корабль плохо соответствовал такому бурному окружению.

— Астероид! — Голос принадлежал Эландеру. — Мы желаем знать, что происходит!

Сфера не появлялась и не отвечала. Неожиданно все почувствовали новый, более резкий толчок и почти сразу переместились в другую часть системы. Здесь все было по-другому — чистый и более яркий, чем от только что взорванной звезды, свет.

— Источник Всего! — выдохнула Сэмсон.

— Какого черта он тут делает? — спросила Инари.

«Трезубец» снова вздрогнул, и в поле зрения его пассажиров пронеслось что-то яркое.

— Питер, вам лучше вернуться на свой корабль, — сказала Инари.

— Уже, — ответил Эландер.

Эландер едва не оступился: пол буквально ушел из-под его ног. Уходя из-под залпа, «Трезубец» снова переместился — в точку, расположенную довольно далеко от Источника. Он присоединился к рою куттеров и других «Трезубцев», сосредоточенных около Цзян Ляо — планеты, колонизация которой представляла цель «Андре Линде». Корабли окружала призрачная энергетическая пелена, мерцавшая в свете новой туманности словно маршевые огни.

— Кто взорвал Солнце? — спросила Инари.

— Твои догадки пока что не лучше моих, — ответила Сол. — «Эледон»? Что мы видим?

— Пассивное сканирование не обнаруживает за стенами зала никаких объектов.

— Думаю, то же самое покажет и активная локация.

В поле зрения появились зеленые треугольники, волочащие за собой яркие пятна, они волнами устремлялись в направлении кораблей Морских Звезд. Их такими же волнами встречали красные стрелы, голубые хлысты и залпы прочего экзотического оружия. Пространство в местах столкновений двух атакующих друг друга волн возмущенно закручивалось, переплетаясь жестокими потоками энергии в многоцветную, в чем-то даже красивую картину. Поле боя — достаточно обширное — давало место проявлению релятивистского смещения. Вспышки, изначально происходившие одновременно, приходили к наблюдателю волнами; корабли появлялись из внепространства за несколько мгновений до их же исчезновения.

Сол старалась уследить за всем сразу. Атаку треугольников отбили довольно легко, однако их было еще слиш-

ком много. Осматриваясь, она пыталась найти источник этих кораблей, но не смогла заметить ничего подозрительного. Чуть больше десятка куттеров, вращаясь, спешили присоединиться к схватке.

«Трезубец», в котором находились они сами, совершил внезапный прыжок в другую систему. Там, в окочевшей бездне, разворачивался строй нового столкновения. На сей раз противником выступали змеящиеся мерцающие струи. Достигая многих тысяч километров в длину, они выбрасывали из своих окончаний огромные сгустки энергии. Невозможно тонкие на вид, в действительности эти образования достигали в диаметре десятков метров. При разрыве они тут же превращались в дождь из обломков, наполненный наноминами и другими ловушками. Сол видела, как взрываются корабли Морских Звезд, пораженные такими минами, непостижимо быстро проникавшими сквозь обшивку. Некоторые корабли, попав на мины, просто дрейфовали в пространстве — ослепшие, с выведенными из строя системами навигации и связи, становясь легкой добычей зеленых треугольников. Чем больше серых струй выходило из боя, тем больше их появлялось вновь, восстанавливая себя из облаков с обломками.

Эландер приступил к докладу обстановки уже с борта «Селены».

— Мы готовы к уходу в любое желательное для вас время, — сказал Питер; его изображение появилось на переднем плане одного из экранов «Эледона».

— Не останемся и на одну секунду, — согласилась, выглядывая из-за него, Гу Мань, вид у нее был нервный.

— Дискуссии не будет — нет времени, — отрезала Сол. — Объединяем корпуса, остальное обсудим позже.

— «Объединяем» — плохая идея, — возразил Эксфорд. — Когда обстоятельства становятся скверными, лучше видеть только спины друг друга.

— Ничто из того, чем мы располагаем, не даст нам такой надежды, в существующих обстоятельствах.

— И все же подумай, я настаиваю.

— Я уже подумала, и я приказываю: объединяйте корпуса! У тебя что, проблемы, Фрэнк?

— Да, Кэрил, проблемы.

На экране, позади Эландера и Гу Мань, Эксфорд поднял вверх левую руку. С нее капала темная жидкость. Тут же, упреждая вопросительный возглас Сол, раздались два резких, оглушительных выстрела, и оба — Эландер вместе с Гу Мань — оказались на полу.

На экране осталось только крупное изображение Эксфорда, словно настала его очередь командовать «Селеной».

— Питер! — У Сол внутри все оборвалось. — Питер, ответь!

Ответа не последовало.

Вспышка и звук грянули одновременно. Ощущение было такое, словно его ударило по шее пушечное ядро. И-костюм успел поглотить часть энергии, и если бы не его защита, волосы, кожа, мускулы и даже кости немедленно превратились бы в облако плазмы. Этого не произошло, однако и оставшейся части импульса хватило для удара настолько сильного, что Питер полетел на пол.

На какое-то время он остался полностью обездвиженным, ничего не видел и не слышал. Сознания он не терял, а боль подтверждала сам факт его существования. Питер только не мог понять — откуда идет боль. Казалось, изранено все тело, и это ощущение не позволяло мыслить логически. Немногие оставшиеся у него силы пришлось направить на рассуждение — что, собственно, произошло.

Итак, очевидно, что стреляли сзади. Поскольку Гу Мань постоянно находилась в поле зрения, значит, стрелял Эксфорд. Вот только где он достал такой ствол? Лазер, Бог ты мой! И почему он выстрелил?

Усилием воли Питер заставил себя приоткрыть глаза. Поначалу виднелся только красный туман. Затем глаза сфокусировались на изображении и стало понятно: красное — это кровь, залившая весь пол рубки. Посередине лежало тело Гу Мань. Она не шевелилась.

Эландер поморщился. Первый выстрел сделан по нему — раз он не слышал второго, предназначавшегося Гу Мань. Хотя нельзя разобрать, насколько тяжела ее рана — судя по кровопотере, повреждение оказалось серьезным.

Эксфорд-1313 переместился в поле зрения, и Эландер наконец увидел, откуда столько крови.

Предплечье его оказалось сломано, из культи торчало толстое дуло лазера. На уровне запястья находился не только ствол, но и несколько новых конечностей, раскладывавшихся, словно ноги насекомого. Эксфорд стоял посреди пола рубки на коленях, вытянув перед собой остат-

ки своей руки с выдвинутыми на всю длину новыми конечностями. Нескладные «пальцы» со шноровкой хирурга опустились на пол. Эландер слышал, как экс-генерал издал стон, сопровождаемый странным вздохом. Когда он снова встал на ноги, рука Эксфорда уже стала частью самого корабля. Пол вытянулся, следуя за его движением, точно белая патока, формируя геометрически совершенные формы. Выступы и рукоятки на глазах вырастали в кажущихся случайными местах, переходя в новые конечности у запястья Эксфорда. Экс-генерал вырастил себе командный пункт.

Затем рука отделилась от пункта управления, издав при этом чмокающий звук, и из обеих частей на пол полилась кровь. Казалось, Эксфорд ничуть не обеспокоен новой раной: его лицо отражало только сосредоточенность работой.

Эландер анализировал свои шансы. Понятно, что Эксфорд не ожидает от него мгновенного восстановления, иначе он постарался бы принять меры. Значит, есть шанс воспользоваться эффектом неожиданности. Однако проверять на себе превосходство Эксфорда в вооружении не хотелось. Питер подозревал, что в запасе у экс-генерала могут оказаться другие средства, возможно, куда более смертельные, чем лазер.

Эландер лежал неподвижно, пытаясь хоть что-то придумать.

— Получено сообщение от Кэрил Хацис, — доложил корабль, его голос прозвучал точно так же, как на «Элэдоне».

— Игнорируй, — просто сказал Эксфорд. — Дай мне ручное управление.

— Функция авторизована. Управление доступно Питеру Эландеру.

— Ладно, Питер мертв, так что не будь педантом и дай мне полный контроль над кораблем. Я не могу делать все сам.

— Ошибка, — отрезал корабль. — Питер Эландер не мертв. Он в нормальном состоянии.

Взгляд Эксфорда упал на Эландера, лежавшего посреди огромной лужи крови. Кроваво-красный глаз лазера снова уставился прямо на него. Эландер, приподнявшись, откатился в сторону — впрочем, недостаточно быстро. Уйти от выстрела он не успел — импульс скользнул по плечу, отбросив его к стене. Удар не стал неожиданным, в отличие от первого, полученного в спину. Его немного оглушило, но не вырубил — что, без сомнения, понравилось бы Эксфорду больше.

В местах, где энергетический заряд пришелся по разлитой на полу крови, превращая ее в горячую плазму, поднимался дым. Еще секунда, и Эксфорд снова выстрелит. Хотя... лазерный луч в задымленном помещении теряет силу. Эландер пригнул голову и решил встать, пока у него есть шанс.

— Бог ты мой! — Он перевел дух. — Хватит уже!

— Ну, ладно, попробуй еще раз.

Эксфорд появился из дыма и приставил к затылку Эландера ствол лазера.

— Послушай, — начал было Питер и замолчал.

— Что? Сказать-то тебе нечего, Питер, и ты не узнаешь, что меня интересует.

На Эландера обрушился новый удар. Мир обернулся белым и болью. Резкий запах сгоревшей крови заполнил ноздри.

Это еще я? — удивился он. — Жарят мои мозги?

Он хотел засмеяться этой идиотской мысли, но не смог — от боли. Нет, это не его мозги. Но он может думать.

С трудом открыв глаза, он увидел Эксфорда: тот повернулся и, собираясь уйти, что-то довольно бормотал.

— Следовало постараться, — смог сказать Питер, его руки искали опору на скользком полу.

Эксфорд-1313 крутнулся на месте. Красный глаз лазера снова уставился на Эландера, однако выстрела не последовало.

— Нет, невероятно, — проговорил экс-генерал. — Я разработал это оружие, способное убить сквозь И-костюм. Его импульса достаточно, чтобы одним выстрелом превратить внутренности в желе. Посмотри на нее!

Тут он пнул ногой Гу Мань. Тело не пошевелилось.

— Мертва? — спросил Эландер.

— Конечно, мертва! Я не в состоянии выносить ее... как и тебя. А теперь сделай одолжение, попробуй умереть еще раз!

Ствол лазера пыхнул прямо в лицо, резкий удар опрокинул голову Эландера назад. Он услышал, как треснули позвонки, во рту появился вкус крови. К своему удивлению, он не упал. Питер выдержал выстрел в упор.

Что-то непонятное происходило в нем самом. Он чувствовал это и в руках, и в ногах. Оно словно ползало под кожей, завязывалось в узлы, а потом распутывало их. Спина сгорбилась, потом снова распрямилась. Заморгав, Питер потряс головой, словно желая прогнать дурной сон.

— Похоже, тебе не хватает огневой мощи, — произнес он, осторожно вставая на ноги.

— Очевидно. — Эксфорд внимательно наблюдал за ним. — Что мне сделать с тобой, Питер? Могу продолжать огонь... но я не сторонник бессмысленных жестов.

Эландер чувствовал силу, разгоравшуюся в нем. И боролся с ощущением собственной неуязвимости. Из того, что он способен выдержать выстрел лазера, вовсе не вытекает абсолютная стойкость к деструкции.

— Так, может, опустишь свою пушку, а?

— Это средство устрашения, и пока что оно имеет свою цену. Помни, хотя твое тело имеет скрытые резервы, то же самое есть и у меня. Дам один совет: не подходи ближе.

Эландер взял паузу. Они стояли друг против друга, в дыму от горелой крови.

— Ладно, Фрэнк, — проговорил он наконец. — Так или иначе, все кончено. «Селена», дай мне линию связи с Кэрил Хацис.

— Питер! — мгновенно прозвучал ответ Сол. — Что это за бред, что происходит?

— Эксфорд, — ответил он, покачивая головой. — Снова Эксфорд.

— Господи, Питер! — сказала Сол. — Что это с тобой?

— Я в порядке, но вот Гу Мань... она мертва. На какое-то время Эксфорд сошел с катушек, но теперь, полагаю, все снова под контролем.

Он взглянул на Эксфорда:

— Не так ли, Фрэнк?

Экс-генерал покачал головой.

— Ты снова позволяешь ей командовать. Думал, в тебе больше здравого смысла.

— Пусть так, сегодня мы оба полны сюрпризов, верно? «Селена», у...

Это было последнее, что Питер успел сказать. Эксфорд сделал в его сторону выпад своей вновь обретенной «рукой». Наносверла и лазерные резакі ударили залпом. Эксфорд рванулся вперед — чудовище в человеческом обличье.

Эландер понял, что тоже движется — причем с невероятной для человека скоростью. Он нырнул влево, и в то же время правой рукой, поднятой вверх, старался отвести атакующую его массу. Эти движения, заученные еще оригиналом на курсах по самозащите, задолго до начала подготовки к полету, он получил в «нагрузку» — вместе со всем остальным. Хотя Питер никогда не использовал своего навыка, он двигался изящно и легко, словно с тех самых пор не оставлял ежедневную практику.

Снова полыхнул лазер. Левое плечо Питера пошло назад, независимо от него. Что бы с ним ни происходило — это прогрессировало, и быстро. Эксфорд-1313, жестокий убийца, завис в воздухе — казалось, совершенно неподвижно, — и тут Эландер перевернулся в воздухе, уходя в

сторону. Левая нога Питера нанесла жесткий удар вверх и вбок, поразив Эксфорда точно в середину груди. Раздался громкий хруст ломающихся костей.

Нога, ударившая Эксфорда, несколько деформировалась, впрочем, как и грудная клетка, и оба противника отлетели друг от друга. Эландер свалился на пол; боль в ноге казалась сильнее, чем от всех выстрелов лазера, вместе взятых. Эксфорд весил, наверное, тонну!

— Господи! — закричал Питер и откатился в сторону.

— Приступаю к объединению корпусов, — услышал он голос Сол, прозвучавший где-то высоко — над ним и над ощущением боли.

— Нет, подожди, — сказал Эландер. Ему хотелось удостовериться, что экс-генерал больше не угрожает им и их миссии. — Кэрил, дай мне минуту!

— «Селена».

Питер взял паузу, собираясь приказать кораблю выкинуть Эксфорда за борт. Вместо этого он поднялся на здоровую ногу и запрыгал в направлении его лежащего тела. Присев на корточки около Эксфорда, Питер немного потянулся вперед и ткнул рукой в его плечо. Потом перевернул Эксфорда на спину.

По крайней мере попытался сделать это. Эксфорд определенно весил больше, чем должен был бы. Эландер поднатужился. Тело перевернулось.

Эксфорд выглядел так, словно на него упал бетонный блок. Там, куда ударила нога Питера, осталась глубокая вмятина, свидетельствующая о сломанных ребрах, грудинах и повреждении внутренних органов. Ни кожа, ни И-

костюм не пострадали, однако картина говорила сама за себя.

Как я это сделал? — подумал Эландер. — *И кто я теперь, прости меня, Господи!*

— «Селена», я прошу изолировать его от остальных. Не впускай и не выпускай никого, пока не получишь особое распоряжение — Кэрил Хацис или мое. Тебе понятно?

— Да, Питер.

Когда граница уже сформировалась, он повернулся к Гу Мань. Как и сказал Эксфорд, ее убил первый же выстрел. Убил — или остановил функции андроида, тело которого она занимала. Если органика, в которой работала энграмма, повреждена не слишком сильно, можно попытаться вытащить ее.

— Питер? — нарушил тишину голос Сол. — Безопасно ли наше дальнейшее объединение?

— Да, — ответил он, чувствуя, как наваливается оцепенение — словно обезболивающее. — Полагаю, что да.

Вокруг Эландера делали свое дело технологии чужих цивилизаций. Он почти ничего не замечал. Снова опустившись на пол, Питер чувствовал, как вся новая сила уходит из него. Что бы ни дал ему Практик — оно не вечно, что совершенно естественно. Очевидно также, что это не решило всех проблем. Да, он смог пережить мятеж Эксфорда, но принесла ли победа уверенность? Да, его сложенная нога срослась сама — прямо на глазах. Но Питеру не требовалось даже смотреть на экраны, на битву, продолжавшуюся у Пи-1 Большой Медведицы. Он и так прекрасно понимал: они все еще безумно далеки от своего дома — они еще там, где не приходилось быть никому.

2.3.4

Лючия уворачивалась от целой волны зеленых треугольников. Обманчиво мелкие издали, вблизи они оказывались длиной примерно в половину ее собственной. Пока Лючия сама не подставила им борт, треугольники, казалось, предпочитали игнорировать ее и тоже уклонялись от боя. Она проявляла осторожность, впрочем, оставаясь вполне уверенной в собственных силах. Словно самая мелкая рыбешка в самом населенном из океанов, Лючия предпочитала оставаться незаметной.

Вокруг, излучая все виды волн во всех частотных диапазонах, догорала атмосфера Пи-1 Большой Медведицы. Пространство и время еще сотрясали взрывы — словно неведомое, но ужасное оружие настигло наконец свои цели. Лючия прокладывала путь, лавируя между силами, понять которые оказалась не в состоянии. Ослепленная и напуганная, Лючия запрещала себе думать об удаче — которая, казалось, вот-вот отвернется от нее.

Следовало спастись, пока еще оставался шанс, пока Солнце не взорвалось, говорила она себе — время потрачено впустую в попытках установить контакт с Морскими Звездами. *Боже мой, им нет до нас дела!* — думала она. — Единственный вариант спасения — бежать и не останавливаться ни при каких обстоятельствах!

А еще Лючия знала: это говорит вложенная в нее программа. Тот факт, что Лючия распознавала это, не изменил ее стремления спастись любой ценой — как не означал и того, что она сбежит немедленно. В ходе взрыва она

утратила способность сверхсветового перемещения. Видимо, повлияли образовавшиеся в пространстве-времени складки.

Неужели Прядильщики могли взорвать Солнце, желая иметь простое преимущество в сражении. Взрыв Солнца — тактический прием? Мысль о подобных масштабах заставляла чувствовать собственную ничтожность.

Лючия продолжала маневрировать, уходя от столкновений при помощи двигателя малой тяги. Она уклонилась от куттера и того, что выглядело похожим на гигантского кальмара, собранного из сверкающих колец. Кольца пульсировали, испуская энергию волнами, распространявшимися по усикам километровой длины — до самых концов. Последние испускали красные стрелы энергетических зарядов, отправляя их в быстро вращающееся туловище куттера. Большая часть успешно отражалась, однако некоторые, ударяя по цели, оставляли на ней яркие алые риски, отмечавшие места повреждений выбросом в космос облаков газа и туч мелких обломков.

Куттер бешено маневрировал, но был не в состоянии увернуться от скоплений энергии. Наконец он распался, превратившись в расширяющееся дискообразное облако, разбрасывая по всей системе миллиарды наэлектризованных мощными зарядами обломков. Сразу после взорвался и кальмар с ослепительной вспышкой, похожей на взрыв новой звезды.

Лючия сумела спасти себя от обоих взрывов, укрывшись возле одного из наименее пострадавших астероидов. Не то чтобы здесь было спокойнее... Система ки-

шла сражающимися, оружием и его огневыми трассами. Все смешалось в один клубок, казалось, ничто уже не спасет ее.

Лихорадочно ища пути к спасению, Лючия активизировала энграмму Питера Эландера за номером 17.

— Не понимаю, чего ты ждешь от меня, — заметил Питер, как только Лючия обрисовала ему ситуацию.

Что ж, по крайней мере не пришлось долго объяснять — Питер достаточно хорошо запомнил все при их предыдущей встрече.

— Что ты думаешь о возможных путях выхода? — спросила Лючия.

— Думаю? Мне известно о Прядильщиках меньше, чем тебе. Собственно, теперь ты сама — иное существо.

— Едва ли. Они лишь поместили меня в стеклянную каплю, что, кажется, совершенно бесполезно против их ракет.

— Из тебя получили гетерозисного гибрида, Лючия.

— Получили что?

— Гетерозисного гибрида. То, что иногда получается при скрещивании двух особей: третья, более жизнеспособная, чем первые две.

— Ты рассуждаешь о синергии?

Изображение задрожало.

— Не спеши сдаваться — вот все, что я хочу сказать. Сейчас ты имеешь некоторые возможности. Постарайся не упустить их.

Изображение неподвижно замерло.

— Питер?

Энграмма не отвечала. Быстро очистив память, Лючия перезагрузила программу — ничего не помогало. Интерфейс КоннЦентра давал на экран только «мусор» и перемешанные обрывки воспоминаний:

- *//метафизическая путаница//*
- *Как я мог не хотеть?*
- *//поглощенный пучиной//*
- *Именно сейчас, Лючия, ты и я...*

Лючия вышла из программы. Из несуществующих глаз ее текли несуществующие слезы. Она казалась себе призраком, загнанным в чью-то пустую могилу. Столь же мертвая, сколь мертвым казался ей Питер Эландер номер 17... как все эти Питеры Эландеры.

Гетерозисный гибрид, — подумала она. — *Здравствуй, дорогая!*

Из депрессии Лючию вывел звук эхолотатора ее летающей башни, эквивалента обычного сонара: совсем рядом с ней появился внепространственный корабль. В зону видимости, медленно разворачиваясь, вошел «Трезубец». Его обманчиво тонкий корпус и все три выступа были покрыты сполохами электрических разрядов. Отметка эхоимпульса пришла из основания корпуса, где было утолщение и начинались сами зубы. Казалось, там не один корабль, а два.

Тор, — поняла она. — *А возможно, и остальные...*

Что-то черное пришло со стороны звезд, коснувшись корпуса «Трезубца». Чем и как — Лючия не уловила, но эффект проявил себя сразу. «Трезубец» изогнулся, распа-

даясь на две части. Неповоротливая махина сразу же поддалась непреодолимым силам, сея в пространство обломки и облака газа.

Темный объект отошел, решив заняться кем-то еще. Лючия знала: где-то внутри поврежденного «Трезубца» ее друзья, и теперь было ясно, как туда проникнуть.

Сол осмотрелась, уже из объединенного корабля, и увидела, как сперва мигнул, а затем и вовсе ослеп огромный дисплей Морских Звезд. Вид на пространство сражения пропал, и они снова оказались в огромном зале со стенами цвета слоновой кости.

Один из экранов показывал вид потолка с висевшей на нем «люстрой» — скоплением тонких, направленных к полу «соломинок». Возможно, они и проецировали изображение. Сейчас конструкция явно вибрировала, хотя сама Сол не чувствовала никакой вибрации.

— По-моему, что-то случилось, — с беспокойством пробормотала она.

— Сейсмоактивность повысилась, — доложила Сэмсон. — Несколько секунд назад был сильный удар. Думаю, мы сбиты.

— Вопрос в том, насколько опасны повреждения.

Линия мениска от поля, разделявшего две рубки, наконец пропала, и в нос ударил запах горелого. Сол совершенно не смутилась видом пролитой крови и направилась к Эландеру. Тот сидел на полу, разглядывая свою ногу. Лицо его, заросшее бородой, покраснелось, и Питер устоял в точку чуть выше лодыжки — туда, где еще некоторое время назад был перелом.

— Питер? — Она положила руку на плечо. — Ты как?

— Я в порядке. Посмотри, что с Гу Мань.

Сол направилась туда, где лежало тело. Инари уже осматривала ее, выясняя, можно ли хоть чем-то помочь андроиду. Шею Гу Мань сильно повредило выстрелом в упор. И-костюм защитил ее от лазерного излучения и от разогрева, но не смог предохранить от механического удара. Удар пришелся по черепной коробке и частично по позвонкам. Надежды оставалось мало, и все же Сол старалась, как могла.

Положив руку на все еще активный порт инфракрасного обмена, расположенный под кожей андроида, она получила доступ к аварийным системам. Образ любой из энграмм хранился в энергонезависимой памяти, спрятанной глубоко внутри грудной клетки. Миниатюрное запоминающее устройство испытало сильный удар, но данные сохранило. Времени на глубокий разбор ситуации не оставалось, и Сол просто выгрузила все данные в собственное, более емкое ЗУ, в надежде изучить информацию позже и тогда узнать, что осталось целым.

В любом случае тело шло на списание. Так же, как и труп Эксфорда. Сквозь отделявшую его от остальных мембрану Сол видела сгорбленный силуэт, с продавленной ударом Эландера решеткой ребер.

— Готова поспорить, сучий потрох не совсем еще сдох, — сказала из-за плеча Сол Клео Сэмсон.

— Склонна согласиться с тобой, — ответила Сол. Она поморщилась. — «Эледон», прошу прибраться в этом бардаке. Затем желательно и нам убраться отсюда. Клео, изучи обстановку.

Сэмсон кивнула, направляясь на свое место у консоли управления. Сол опять повернулась к Питеру — тот все еще тупо смотрел на ногу.

— Питер, ты уверен, все в порядке?

Он смущенно посмотрел на нее снизу вверх и спросил:

— Что же я такое, Кэрил? — Он показал на свою лодыжку. — Здесь оно сломалось, когда я ударил Фрэнка — а теперь все нормально. Ты уже видела его грудь, и это сделал с ним я. Боже, он ведь стрелял в меня неизвестно сколько раз, а Гу Мань хватило всего одного выстрела. Что за чертовщина? Что Практик сделал со мной?

Он сказал это с таким отчаянием, что Сол опустила глаза.

— Питер, правда, я не имею понятия, — произнесла она.

— Я изменился... он изменил меня. Я уже не тот, кем был, когда...

Питер недоуменно умолк.

— Никто из нас не остался таким, каким был в тренировочном лагере, — закончила за него Сол.

— Это не то, что я хотел сказать. — В глазах Питера ясно читалась усталость, которой раньше не было: усталость человека, долго боровшегося с самим собой. — Я не тот, кем был до того, как оказался съеден. Он создал меня заново, дал мне плоть и дал тело. Он сказал, что переделал меня по моему собственному образу — но, Кэрил, старый фокусник замешал в тесто и свою долю.

С пугающей скоростью Питер поднялся, опробовав ноги, сгибавшиеся с грациозной легкостью.

— Бог мой, я стал забывать, как выглядел прежде.

— Разве это плохо? — удивленно спросила она.

Питер пожал плечами.

Сол рассмеялась.

— Я с удовольствием приму тебя — нового или старого, в любой момент.

Он подошел вплотную и, взяв ее за плечо, с силой сжал, собираясь что-то сказать.

— Спасибо, Кэрил.

— Не стоит благодарить, Питер. Мы с тобой оба — настоящие монстры, ты и я. Так уж оно получилось. — Она натянуто улыбнулась. — И при более счастливых обстоятельствах мы, пожалуй, могли бы составить достойную пару.

Он неуклюже улыбнулся, отпуская руку Кэрил. Странно, но ее охватило сожаление.

— Ничего не обнаруживаю, — прервала их идиллию Сэмсон.

Сол отвела глаза от Эландера и обернулась к Клео.

— Проверила везде?

Сэмсон озадаченно пожала плечами.

— Нет ни разрывов, ни спаек, ни явных неоднородностей.

— А как насчет этого?

Сол показала в сторону висящей у них над головами конструкции.

— Ничего. Проверь сама, если хочешь.

Сол отвергла предложение, резко помотав головой.

— Итак, нам остается попробовать просто выйти отсюда. «Эледон». — Она изучающее смотрела на экран. — Перенеси нас сюда, вот в эту точку.

Она ткнула наугад, попав в место, где пол переходил в потолок.

— Посмотри, сможешь ли пройти туда?

По экрану пробежал свет, и что-то из арсенала имевшихся у корабля средств пришло в действие, пытаясь проникнуть за казавшуюся мягкой поверхность. Вспышки резкого света отбрасывали лучи во всех направлениях.

Спустя минуту Сол спросила:

— Получается что-нибудь?

— Внутренний слой мягкий и легко проницаемый, — ответил корабль. — За ним более твердая броня, пройти сквозь которую я пока не в состоянии.

Сол мысленно выругалась.

— Попытайся в другом месте. Где-то должно повезти больше.

Прорезатель переместился в новое место — уже по собственному выбору, немедленно принявшись за работу. Все же Сол догадывалась: слабого места наверняка не найдет. Если Морские Звезды настолько искусны в преобразовании свойств любого материала — а все к тому идет, — они вполне могли возвести стену там, где корабль прошел внутрь зала, и замуровать их, сделав вход совершенно незаметным. И если предположить, что с самим «Трезубцем» произошла катастрофа — тогда все они, может статься, навеки заперты внутри его корпуса.

Не может быть, этого не может быть, убеждала себя Сол. Чтобы она пришла сюда просто умереть? Нет, только не это.

— Что, если позвать на помощь? — вдруг предложила Инари. — Нам уже не следует скрывать свое присут-

ствие. — К тому же Несогласие могло направить еще кого-то — просто узнать, что происходит. Дай мы свои координаты, возможно, сюда сможет пройти корабль и всех вытаскать.

Сол кивнула в знак согласия, предложение ей понравилось.

— Клео, что скажешь?

— Мгновенные коммуникации все еще не работают, — тут же отозвалась Клео Сэмсон. — И это не эффект экрана, поставленного вокруг нас Морскими Звездами. Извне что-то доходит, но это только шум. Короче говоря, в эфире — полная тишина.

— Что можно сказать о других кораблях?

— Попытки поиска уже были, но не дали ничего нового. Кроме семи кораблей, из которых состоит наш «Эледон», вокруг ничего нет.

— В любом случае следует продолжать. Посылай сообщение с детальным описанием ситуации. Если кто-то пытается нас искать, уловит его и через шум. Мы не можем слышать их, но это не значит, что они не могут слышать нас.

Корабль тем временем переместился к основанию «люстры», пытаясь вырезать отверстие в корпусе.

— Погоди-ка, — сказал вдруг Эландер. — Клео, сколько кораблей опознал в пространстве «Эледон»?

— Семь, — отозвалась Сэмсон. — Что-то не так? Мы вышли, имея восемь; потом потеряли один зонд — при встрече с Плликсом.

— А как же Тор? Ведь она взяла корабль, когда уходила. У нас должно быть шесть.

— «Эледон» доложил, что их семь.

— Здесь должен быть кто-то еще.

— Или кто-то еще, или это Тор спаслась, — сказала Инари. — Может быть, она вернулась за нами?

Сол и Эландер переглянулись.

— Проблемы? — спросила Инари, заметив их многозначительный обмен взглядами. — Разве это не хорошо для нас?

— Зависит от того, в каком виде она вернется, — ответил ей Эландер.

— SOS, SOS. ГОВОРИТ КЛЕО СЭМСОН ИЗ РАСМУССЕНА. ОБРАЩАЮСЬ ОТ ИМЕНИ КЭРИЛ ХАЦИС ИЗ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ КО ВСЕМ КОРАБЛЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ ВБЛИЗИ ПИ-1 БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ. МЫ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ И НУЖДАЕМСЯ В ПОМОЩИ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ.

Свет постепенно отступал, давая место для слов.

— SOS, SOS...

Поначалу мысли едва ворочались, ускоряя свой ход очень медленно. Первыми вернулись понятия; за ними стали связываться одна с другой подпрограммы ментального уровня, сцепляясь, словно зубчатые колеса какого-то сложного механизма.

— ГОВОРИТ КЛЕО СЭМСОН ИЗ РАСМУССЕНА...

Знакомое имя и знакомый голос. Непонятно другое — кто она сама, почему она здесь и почему слышит эти слова? Ощущение таково, будто она вернулась издалека — откуда-то, из места столь населенного, что оказалось невозможным найти там хоть уголок. Оставалось чувство

зажатости, сужения собственных границ и забвения; возможно, забвение касалось всего, кроме самой этой мысли, одной-единственной.

— ОБРАЩАЮСЬ ОТ ИМЕНИ КЭРИЛ ХАЦИС ИЗ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ...

Что-то будто щелкнуло — и при звуке имени она поняла, кто она сама.

— ПРОШУ ОТВЕТИТЬ...

Да, я отвечаю, — подумала Тор это, и воспоминания заполнили наконец все пробелы, образовав цельную картину. — *Но как?*

Теперь Тор знала, кто она; но кто расскажет — где она находится и что собой представляет?

Она помнила Нексуса и ту миссию, с которой была направлена к Источнику Всего. Помнила собственное превращение в Канал Связи и странное восприятие этой новой сущности. Помнила головокружительный полет к Источнику и погружение в него — словно она нырнула внутрь Солнца. Помнила, как нечто более цепкое, чем гравитация, сжало ее, потащило к себе и словно засосало куда-то, неведомой силой разъяв на части...

И все, больше в ней не было воспоминаний...

— SOS, SOS...

Сообщение от Клео Сэмсон вернулось на начало. Они явно в беде, но живы, и это добрый знак. Морские Звезды могли убить их без всяких церемоний, и тогда ее миссия окончилась бы катастрофой. Секунду Тор анализировала эту возможность. Значит ли обратное, что успех уже достигнут? Что она совершила все намечен-

ное? Если так — получается, загадочные Морские Звезды прислушались к ней и пришли в Пи-1 Большой Медведицы для контакта с Прядильщиками? Что же, они остановили волну миграции?

Главное, что все это заставляет ее продолжать путь.

Тор попробовала ощутить свое тело. Ощущения приходили от всех нервных волокон, но до определенного момента казалось непонятным — есть ли само тело. Белизна отступила, и Тор почувствовала под собой что-то холодное и мягкое. Она лежала на спине, глядя на ярко освещенный потолок рубки. Пошевелив пальцами, согнула ноги в коленях и повертела головой. Поняв первые ощущения, смогла осторожно встать.

Тело, а это явно тело андроида, стояло на полу так легко и естественно, словно ничего не было. Это поразило более всего. Удалось ли совсем избежать повреждений? И вообще, случилось ли с ней хоть что-нибудь?

— Эй! — позвала она наугад. Голос показался прежним.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ОБРАТНО, КЭРИЛ ХАЦИС, — проговорил Нексус. — НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ.

Мгновенно исчезли и надежда, и опасение.

— Это снова нереально? — спросила она.

— НЕРЕАЛЬНО.

— Значит — я умерла?..

— А Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ, ЧТО НЕИЗВЕСТНО — ПЕРЕЖИВЕШЬ ЛИ ТЫ СВОЙ ОПЫТ.

— Да, я помню. Но... — она почувствовала легкую головную боль, подступившую к вискам, — если я умерла, тогда зачем опять оказалась здесь?

— МЕНЯ ПОСЛАЛИ, ЧТОБЫ ПОМЕШАТЬ ТВОЕЙ СМЕРТИ, — ответил Нексус. — СИТУАЦИЯ, В КОТОРОЙ ВЫ ОКАЗАЛИСЬ, ДОСТАТОЧНО ИНТЕРЕСНА НА ВЗГЛЯД ТЕХ, КТО ВЫШЕ МЕНЯ. ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ.

Тор с трудом подавила ярость. Они относятся к ней, как к козявке под микроскопом.

— Мои друзья в опасности.

— ЧТО БЫ ТЫ СДЕЛАЛА, БУДЬ СВОБОДНОЙ? И ПОЧЕМУ?

— Продолжаем играть в ту же бессмысленную игру?

— ДА.

Ответ был прост и резок.

Тор только вздохнула, смиренно разведя руками.

— Ладно, но давай на этот раз покороче.

— ЭТО ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ, КЭРИЛ ХАЦИС.

— Что я стану делать? Приду на помощь моим друзьям. А почему? Разумеется, потому что это единственно правильно.

— КАК ТЫ МОЖЕШЬ ПОМОЧЬ?

Она пожала плечами.

— Какого ответа можно ожидать, когда я не знаю ничего об их положении.

— ОТДАШЬ ЛИ ТЫ ЗА НИХ СВОЮ ЖИЗНЬ?

Ей не удалось сдержать смехок.

— Опять? Я полагала, что однажды уже сделала это.

— ЭТО ОТНОСИЛОСЬ К СПАСЕНИЮ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. А ЧТО КАСАЕТСЯ КУЧКИ ТВОИХ СПОДВИЖНИКОВ? ТЫ СДЕЛАЕШЬ ЭТО ДЛЯ СОЛ?

Тор ненадолго задумалась, анализируя противоречивые чувства: обида на Сол сопровождалась глубоко спрятым своим корыстием. Под пристальным вниманием

Нексуса Тор изо всех сил пыталась остаться честной, сделав правильный вывод.

— Да, — сказала она. — Я отдам жизнь за Сол. Она должна вернуться. Это необходимо остальным.

— МОЖЕШЬ ЛИ ТЫ ИЛИ ОДНА ИЗ ЭНГРАММ ВЫПОЛНИТЬ ЕЕ ДЕЛО ТАК ЖЕ ХОРОШО?

Судорога свела мышцы в момент ответа, который Тор ненавидела всем сердцем. Но она сказала правду:

— Нет, мы этого не можем.

— НИЧТО НЕ СОПРОВОЖДАЕТ НАЧАЛО ВСЯКОГО НОВОГО ДЕЛА ЧАЩЕ, ЧЕМ ЗНАНИЕ О СОБСТВЕННОЙ ОГРАНИЧЕННОСТИ. — Нексус сделал паузу, размышляя. — МОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ К НИМ И ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО СУМЕЕШЬ. БОЛЬШЕ МЫ НЕ ВСТРЕТИМСЯ.

— Постой! — Она шагнула вперед, жалея о том, что не знает, куда сфокусировано внимание Нексуса: он был везде и одновременно нигде конкретно. — Скажи, что произошло между Морскими Звездами и Прядильщиками? Ты это знаешь?

— А РАЗВЕ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ?

— Нет. Ничего не помню.

— ИЗВИНИ. Я НЕ РАСПОЛАГАЮ ДОСТУПОМ К ПОДОБНОЙ ИНФОРМАЦИИ. — Голос Нексуса звучал почти возмущенно. — ЕСТЬ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ МЫ, НИЗШИЕ СУЩЕСТВА, ПРОСТО НЕ МОЖЕМ ВОСПРИНЯТЬ ДО ОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ. ИНОГДА КИРПИЧИ ЗНАНИЯ НАСТОЛЬКО ГОРЯЧИ, ЧТО ИХ НЕВОЗМОЖНО УДЕРЖАТЬ. ОНИ ОБЖИГАЮТ ТАКИХ, КАК ТЫ ИЛИ Я. ИНОГДА ЛУЧШЕ ПРОСТО БЫТЬ С ТЕМ, ЧТО У ТЕБЯ УЖЕ ЕСТЬ, И БЫТЬ ТЕМ, КТО ТЫ СЕЙЧАС, КЭРИЛ ХАЦИС.

Иллюзия рубки куда-то исчезла, и Тор почувствовала, как чужой разум вторгся в ее подсознание. Она старалась держаться того, чем была, но вторжение расширялось и поработало... и вдруг она снова стала кем-то.

Люция уходила от группы назойливых когтеобразных созданий, следуя по цепи труб достаточно широких, чтобы вместить десять таких башен, как ее собственная, поставленных одна на другую. Кружащие голову вихри и воронки бросали ее из стороны в сторону, прижимая то к одной, то к другой стенке. Ориентацию непрерывно сбивали жесткие энергетические всплески. Когда внутри массивного транспорта проходили ударные волны — встречные или попутные, — его внутреннее пространство становилось весьма опасным для пребывания местом.

Обитатели «Трезубца» оставались беспомощными. Реагируя на аварию каждый по-своему, некоторые из них стойко пытались устранить повреждение, другие же предохраняли проем от вторжений; они крутились на ее пути, словно какие-то насекомые-переростки. Люция не имела понятия, были среди них настоящие Морские Звезды или нет, и ее нисколько не занимали подобные вопросы. В ее задачу входило одно: достичь места, где, судя по пеленгу, должны находиться корабли-прорезатели.

Вскоре Люция оказалась у громадной камеры, объединявшей множество коридоров с совершенно разных направлений. Через камеру шло множество «кабелей», похожих на нити из расплавленного сыра, хаотически пересекавших путь. Люция лавировала, беспрестанно ук-

лоняясь во все стороны, до предела напрягая свои пилотажные навыки. На той скорости, что требовалась сейчас, ее старый зонд «Чанг-5» не имел ни малейшего шанса. Он неминуемо развалился бы, разрезанный на кубики, словно вареное яйцо, встретившееся в воздухе с теннисной ракеткой. Более массивная башня Даров демонстрировала сейчас все превосходство внеземной технологии, превосходно маневрируя и слушаясь управления.

Полет казался безукоризненно чистым. В какой-то момент Лючия задела «кабель», заставив его колебаться по всей длине. Один из похожих на коготь кораблей, преследовавших ее «башню», тут же развалился, рассеченный на две части, заставив вибрировать уже все «кабели», находившиеся поблизости. Лючия воспользовалась хаосом, чтобы улизнуть в ближайший коридор.

— SOS, SOS. ГОВОРIT КЛЕО СЭМСОН ИЗ РАСМУССЕНА. ОБРАЩАЮСЬ ОТ ИМЕНИ КЭРИЛ ХАЦИС ИЗ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ, КО ВСЕМ КОРАБЛЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ ВБЛИЗИ ПИ-1 БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ. МЫ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ И НУЖДАЕМСЯ В ПОМОЩИ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ. SOS, SOS...

— Клео, как меня слышно? Это Лючия, ответь.

Последовала короткая пауза.

— Лючия, это что... ты? — вместо монотонного текста она услышала полный удивления голос Сол. — Это действительно ты?

— Это я, — ответила ей Лючия. — И я иду к вам.

— Лючия, мы только что смогли тебя услышать. Вероятно, ты вошла в зону устойчивой связи. Где именно ты находишься?

— Иду в вашем направлении настолько быстро, насколько это возможно, — ответила она. — Если вы еще не поняли — скажу, что «Трезубец» в неважном положении. Следует выбираться, и поскорее. Каково положение у вас?

— Ситуация критическая. Мы заперты в каком-то зале, главные двигатели корабля неисправны. Пытаемся выбраться, но просто не в состоянии ничего сделать. Довольно безысходная картина.

— Сверхсветовое перемещение вырубилось по всей системе, к несчастью для нас. Просто оставайтесь на месте. Я пеленгую положение и вот-вот определю ваши точные координаты. Посмотрим, что можно сделать.

Последовала короткая пауза.

— Не тебя ли мы наблюдали чуть раньше? — спросила, не удержавшись, Сэмсон.

Лючия вспомнила, что ее трансформация случилась уже после начала их миссии.

— Это долгая история. Питер с тобой?

— Лючия, я на связи.

Прошла волна облегчения — приятно чувствовать, что сделано хоть одно доброе дело.

— Питер, я...

Она не успела окончить фразу. Нечто огромное и могучее обрушилось в дальнем конце коридора, вызвав серию взрывов и разбрасывая вокруг волны энергии и обломков. Лючия закувыркалась, теряя ориентацию и пытаясь удержаться среди хаоса. Чувства ее растворились в одном-единственном желании — выдержать, не потерять

из виду точку на радаре — отметку далекого корабля, командиром на котором была Сол.

Я иду к тебе, — твердила Лючия. В сумасшедшем потоке, исключавшем всякую возможность радиосвязи, это заклинание помогало ей сосредоточиться. — *Я иду к тебе, Питер...*

Жесткие шорохи помех прервали Лючию на полуслове. Как ни пыталась Сэмсон, восстановить связь ей не удалось.

— По крайней мере мы знаем, что она снаружи, — высказалась Инари. — И постарается помочь, если ничего не получится у Тор.

«Эледон» все еще безуспешно пытался пробиться наружу. Чем бы ни был материал корпуса — возможностей их корабля оказалось недостаточно, чтобы его разрезать.

— И никаких известий от Тор? — задала вопрос Сол.

— Ее не видно ни в одном из диапазонов.

— Что говорит «Эледон»?

— Мы насчитали семь кораблей, одним из которых может быть она.

— Посмотрим, что за картину покажет нам «Эледон».

Сол приблизила изображение, изучая подробнее сам корабль-кластер. Питеру казалось, он слышит, как Сол, шевеля губами, считает корабли. Еще с момента, когда они расстались с Тор, «Эледон» шел своим курсом в виде двух сцепленных вместе треугольников, наложенных друг на друга и слегка развернутых так, чтобы массивные час-

ти верхней фигуры разместились в проемах фигуры нижнего уровня, и наоборот. При такой конструкции места для еще одного корабля просто не нашлось бы.

— Увеличь еще.

Все команды, исходившие от Сол, корабль выполнял мгновенно. Яркие точки разбухли и стали сферами, немалого отличаясь от картины, представлявшей каждый из кораблей в реальности. С экрана смотрела объемная конструкция, напоминавшая гроздь винограда.

— Ты состоишь из семи кораблей, так, «Эледон»?

— Правильно, Кэрил.

— Так я и думала, — прокомментировала она. — Однако можешь назвать меня дурой, но я вижу только шесть.

— Семь кораблей, Кэрил, — настаивал «Эледон».

— Ладно, тогда где же седьмой? Почему я его не вижу?

— Не знаю, Кэрил.

Она тяжело вздохнула.

— Я слишком устала, чтобы разгадывать загадки и играть в игры. Просто покажи, где именно он находится.

Экран снова принял прежний вид.

— Черт меня побери, «Эледон», — устало произнесла Сол. — Это мы уже видели. Что ты хочешь сказать?

— Седьмой корабль здесь.

— Ладно, ладно. Увеличь изображение и покажи, где он. Изображение послушно приблизилось.

Сол покачала головой.

— Я не вижу ничего. Приближай еще.

«Виноградины» вышли за пределы экранов.

— Что за ерунда?

— Погоди-ка, Кэрил, — вмешался Эландер, оставив свое место и подходя к экрану. Он ткнул пальцем в изображение. — Что это, «Эледон»?

Прижатый в точке между двумя сферами, потому почти незаметный, виднелся небольшой, белого цвета круг.

— Это корабль, который вы ищете.

— Он является частью кластера?

— Нет, Питер. Это независимый от остальных корабль.

— Но где же он? Раз это не часть нашего корабля, и если он виден на экране — тогда он должен быть виден и невооруженным глазом.

— Поднимите руки те, кто видит подозрительную сферу белого цвета, плавающую в окружающем нас пространстве, — сказала Сол; ее разочарование вылилось в сарказм.

Со странным ощущением, будто его толкнули, Эландер повернулся в сторону, где в обособленной секции их корабля лежало тело Эксфорда.

— Чтоб я...

Сол проследила направление его взгляда.

— Что? Что... там?

Эландер двинулся в сторону границы, отделявшей экс-генерала от остальных. Как только он, осторожно ступая, вошел внутрь, с его движением произошло и раскрытие пленки силового поля. Войдя, Питер сразу же содрогнулся от знакомого запаха горелой крови.

— Питер, что ты делаешь! — Сол двинулась было за ним, но остановилась у едва видимой границы. — Мы даже не уверены, умер ли он на самом деле!

— Сол, это внутри его тела.

Она остановилась, насупив брови.

— Помни: эти корабли способны уменьшаться в размерах почти беспредельно. И одному Богу известно, чем, может статься, наполнено это тело. В нем, вероятно, найдется оружие, приборы и все виды обеспечения.

Остальные подошли к Хацис и замерли возле нее, уставившись на мертвое тело Эксфорда.

— Скорее всего он был немного не в себе, когда затеял все это, — пробормотала Сэмсон.

— Когда он сказал, что может вывести нас всех с «Эледона», я не могла и подумать ни о чем таком, — в тон ей повторила Инари.

— Так же, как и все мы, — согласился Эландер. — Однако если в момент повреждения «Эледона» корабль Эксфорда еще не был активизирован, тогда существует вероятность, что его маршевый двигатель в порядке, и все, что нам нужно, — извлечь его наружу.

— Питер, будь осторожен, — предупредила Сол. — Пусть всю работу делает «Эледон». Он, — и Кэрил показала в сторону трупа, — все еще может оказаться миной-ловушкой.

Эландер криво усмехнулся. Действительно, вполне здоровое предположение, учитывая особенности характера Эксфорда. Должно быть, у генерала имелись планы на любой непредвиденный случай.

Тело совсем не изменилось с момента, когда его оставили в «камере хранения», и все же Питер опасливо изучал его внешний вид. «Насекомоногий» инструментарий безвольно свисал из переломанной руки. Носком ботин-

ка Эландер осторожно пнул тело, затем стукнул посильнее, тем самым убеждая себя в окончательно мертвом состоянии Эксфорда.

И снова он отметил странное отсутствие колебания тела. Оно как-то не так отвечало на пинок — словно весило действительно больше, много больше, чем должно.

Что неудивительно, — подумал Питер, — когда знаешь: в нем, должно быть, похоронен целый корабль-прорезатель.

Он толкнул тело еще сильнее, и голова Эксфорда изменила положение, откинувшись немного в сторону. Питер опасливо отскочил. Впрочем, Эксфорд вовсе не собирался смотреть в его сторону, а выражение на его мертвом лице было далеким от упрека. На нем осталось, скорее, удивление.

Прежде чем обратиться к компьютеру корабля, Эландер перевел дух.

— «Эледон», я приказываю тебе вскрыть тело Фрэнка. Как — не имеет значения, можешь использовать силовое поле или все, что хочешь.

— Где предполагается сделать надрез?

— Выше пояса, — пояснил, намечая линию, Эландер. — Вдоль этого шва.

Что-то прошелестело в воздухе, и невидимое глазу лезвие рассекло одежду Эксфорда именно там, где указал Эландер. Кожа на теле Эксфорда-1313 не отличалась от кожи остальных андроидов, и тем не менее Эландер рассматривал ее с опаской, ожидая подвоха. Разрез перешел на брюшину, и живот генерала открылся, словно страшный безгубый рот. Крови вытекло немного — Эксфорд

мертв достаточно давно. Со смешанным чувством Эландер наблюдал, как «Эледон» сквозь жир и брюшную мускулатуру пробирается к кишечнику.

— Я обнаружил препятствие, — доложил корабль через несколько минут после начала препарирования.

Эландер подался вперед.

— Удали все, что мешает, и затем дай мне посмотреть.

Загустевшую кровь удалили; открылась поверхность белого цвета, которая не могла принадлежать органическому объекту.

— Глазам своим не верю, — пробормотала Инари. — Эта сволочь могла в любой момент перенести нас домой.

Эландер распорядился:

— «Эледон», извлеки объект из тела Фрэнка. Ты в состоянии сделать это сам?

— Да, Питер, — подтвердил корабль.

С тем же шелестом разрез на трупe расширился, и появился новый — крест-накрест с первым. Тело Эксфорда изогнулось, и относительно тонкий слой ткани вывернулся наружу. словно при каком-то сюрреалистическом кесаревом сечении, из полости вышла белая, покрытая сгустками крови сфера, размером чуть больше головы взрослого человека. Она высвободилась, издав отвратительный хлюпающий звук, и застыла, повиснув в воздухе.

Тело Эксфорда на заднем плане выпрямилось и скользнуло на бок, более никому не нужное.

Эландер обошел кругом мини-корабль. Даже сейчас ему с трудом верилось, что перед ним вход в настоящий прорезатель пространства. Сейчас он казался просто боль-

шим мраморным шаром, перепачканным красной краской. В первый момент Питер растерялся, не зная, как попасть внутрь. Если эта операция связана с увеличением размеров корабля до нормальных, тогда он разорвет их рубку на части.

Правильное решение пришло от Сол, и оно оказалось до обидного простым. Странно, как он сам не додумался.

— «Эледон», — обратилась Сол к кораблю, — можно ли объединиться с кораблем Фрэнка, пока он еще в этом состоянии?

— Да, разумеется, — ответил информатор «Эледона».

Эландер взглянул на Сол и слегка кивнул.

— Ладно, «Эледон», сделай это, но соблюдай все предосторожности и держи нас в изоляции.

Эландер сделал шаг вперед: крошечный кораблик двинулся в направлении стены. В месте контакта со стеной его встретила небольшая ямочка, а затем окровавленная сфера оказалась втянутой прямо в поверхность, исчезнув за ней в один «глоток». Под ногами прошла легкая вибрация, однако иных признаков изменений не ощущалось. Загадочные технологии сами придавали материи любой нужный облик, направляя энергию поля по новым путям. На противоположной от них стене беззвучно появилась овальная дверь из непрозрачного материала. Питера будто приглашали войти.

— Открой, «Эледон».

Дверь отворилась со слабым «пуфф», выровнявшим давление. Эландер вошел первым, попав в короткий коридор, ведущий дальше в корабль Эксфорда. Питер ступал осторожно, с определенной опаской.

Пол под ногами резко вздрогнул. Остановившись, чтобы сохранить равновесие, Эландер, обернувшись через плечо, вопросительно глянул на Сол.

— Это снаружи, — пояснила она. — По «Трезубцу» наносят довольно реальные удары.

Питер двинулся в глубь корабля. Он направлялся в рубку, справедливо полагая найти все нужное и полезное именно там.

Рубка не была обычным постом управления, как в обыкновенном корабле-прорезателе. Стены расчерчивали ряды покрытых стеклом ниш и охлаждаемых контейнеров с цифровой памятью. Питеру пришлось подумать, прежде чем он смог вспомнить что-либо подобное. Эти конструкции, с четкими металлическими поверхностями, не походили на изделия Пряждильщиков с их округлыми контурами. Скорее, они выглядели продуктом военных технологий. А то, что в их происхождении сыграли роль люди, не вызывало вообще никакого сомнения. Вдоль одной из стен располагались девять белых сфер, идентичных той, что Эландер обнаружил внутри Эксфорда.

Питера сильно «зацепила» идея подобной вложенности.

Корабль-прорезатель, несущий в себе корабль-прорезатель с кораблями-прорезателями, — подумал он. — Цепь можно продолжать до бесконечности — пока не доберешься до самых основ мироздания.

Он попытался открыть одну из ниш, но та оказалась надежно запечатанной. Сквозь заиндевевшее стекло он мог видеть лишь контур — в нем неясно угадывались формы человеческого тела, — однако увидеть лицо Питеру не

удалось. Ниши соединялись с банком твердотельной памяти при помощи системы кабелей, здесь же стояло несколько мерцающих экранами дисплеев. Изображение на них загадочно подмигивало.

Пока Питер изучал схему, он понял наконец назначение ниш. Несомненно, они представляли собой «колыбели» для выращивания андроидов и среди нанотехнологического окружения выглядели чем-то вроде обычных микроволновых печей. Питер не видел подобного со времен тренировок на Земле, и хотя каждый корабль той волны имел подобное оборудование, само количество образцов подобной техники, собранных вместе, его сильно поразило.

— Какого черта, зачем ему понадобилось столько...

Пока Питер формулировал свой вопрос, ответ родился сам собой.

— Питер?

Оторвавшись от своих мыслей, он обернулся и увидел, что у входной двери замерла Сол. Она уже собиралась войти, когда их взгляды встретились.

Она внимательно смотрела на ряды с «колыбелями». Их было всего двадцать, и в каждой находился наполовину выращенный андроид. Эландеру не требовалось проверять содержимое, чтобы выяснить, чей конкретный образ они имели.

— Более чем достаточно, чтобы воевать, — сказала Сол, несколько побледнев.

Эландер вполне понимал ее состояние.

— Кэрил, он с самого начала не собирался помогать нам. Он точно знал, что шанса у нас нет. Вот почему он

всегда пытался отколоться от нас. Этот подонок пошел с нами, чтобы «колонизировать» собственный мир.

Сол покачала головой.

— И если бы не ты, он мог бы улизнуть со всем этим.

— Я и сейчас могу, — раздался голос позади них.

Одновременно обернувшись, они увидели Эксфорда, стоявшего на полпути между ними и дверью.

От удивления Сол отступила на шаг назад.

— Ты же умер, — растерянно проговорила она.

— 1313-й мертв, — сказал Питер, обращаясь к Сол. — А это еще один Эксфорд. Так, что ли, Фрэнк?

Эксфорд расплылся в натянутой улыбке, демонстрируя оружие, которое он направил прямо на них.

— Я 1041-й, — признался он. — Приятно увидеться снова, Кэрил.

— Ты был здесь все время, — догадалась она. — 1313-й был просто курьером. А ты — посылка.

— Я рассада, если хочешь. И я наблюдал за вами при помощи его органов чувств и видел, как вы убили его. Размышляя, стоит ли показаться, я решил повременить — это, знаете, всегда безопаснее. Вы могли и не докопаться до правды. Если бы произошло именно так, вскоре у меня была бы свобода перемещения — иди куда угодно.

— Теперь идти уже некуда, Фрэнк, — заявила Сол.

— Кэрил, не думаю, что в твоем положении следует угрожать мне. — 1041-й посмотрел на свое оружие, а затем, к их удивлению, отбросил его в сторону и обратился к Эландеру: — Я понимаю, что, вероятно, не смогу вас убить, но у меня есть стойкое ощущение, что вы позволите мне уйти своим путем.

— Боюсь, ты сильно заблуждаешься, — ответил Эландер.

— Возможно. — Тут Эксфорд взглянул на Сол. — Однако я так не считаю.

— Почему?

— Кэрил, ты все еще надеешься преуспеть, — спокойно объяснил он. — Возможно, так будет, и, возможно, ты даже выживешь. Но что касается лично меня — я совершенно точно уверен, что буду жить и здесь, и во многих, многих иных местах. Нам еще придется встретиться, и мы еще будем развиваться — параллельно друг другу. — Голос его был спокоен. — Однажды я сказал тебе, что это большая галактика и что мы можем сосуществовать мирно. И я вовсе не лгал. Но такого может и не случиться. Обойдитесь со мной плохо сейчас — и первым из колонизированных мной миров станет ваш мир. — Он пожал плечами. — Выбор за вами.

Эландер вышел вперед, сжав кулаки.

— Предупреждаю, Кэрил, — сказал Эксфорд, пятясь. — Отзови свое чудо природы, прямо сейчас.

Эландер рассмеялся. Он вовсе не собирался бить Эксфорда; Питеру нужно было его оружие. Подобрал его, он покачал увесистый ствол в руке.

— Что это? — спросил он Фрэнка. — Лазер, как и тот, у 1313-го?

— Точно такой.

Эландер взглянул на Сол. Подняв оружие одним быстрым движением, он направил его на Эксфорда.

— Как думаешь, Кэрил, стоит ли закрыть его под замок или просто пристрелить сейчас и больше не мучиться?

— Он в чем-то прав, — сказала Сол, с выражением напряженного отвращения. — Мы не в том положении, чтобы делать врагов из его копий.

— Не позволяй влиять на себя, — заметил Питер. — Он способен сеять свои споры? Мы умеем то же самое, причем нас больше. Кстати, за нами преимущество в генетическом плане, и это предопределяет большую устойчивость потомства. Кроме того, мы — гетерозисные гибриды.

Эксфорд рассмеялся.

— Возможно, так. Но ведь этого совершенно недостаточно. В этой Вселенной человек человеку волк и нужно быть только первым, чтобы не оказаться в итоге последним.

Эландер сжал в руке оружие. Пол корабля снова задрожал под ногами. Что бы ни случилось с «Трезубцем» — вряд ли это улучшение. В их распоряжении нет времени для дискуссии на тему выживания в отдаленной перспективе.

«Бессмертны ли мы, — спросила однажды Лючия, — или нам суждено умирать тысячи раз?»

Он спустил курок. Грянул выстрел, на какое-то мгновение оглушивший и ослепивший их. Питер не был снайпером, но на такой дистанции... Эксфорд оказался на полу, и вместо головы в его И-костюме лежало только кровавое месиво.

— Господи! — Сол так и задрожала от увиденной картины. — Боже, Питер, ты убил его!

— В этом состояла вся идея.

Он опустил лазер, чувствуя кожей тепло от выстрела. Еще он чувствовал слабость в ногах и дрожь в руке, нажавшей на спуск. Питеру не стало плохо, и у него не возникло ощущения вины. Но он мог утверждать совершенно уверенно — не прибавилось и чувства собственной силы.

Сол подошла к Эксфорду проверить пульс.

— Теперь трупов уже два, — сказала она, поднимаясь. —
Одному Богу известно, сколько их еще будет.

Эландер не мог отвести взгляда от страшного месива внутри совершенно прозрачной оболочки И-костюма.

— Еще утром я казался человеком, что и мухи не обидит. Сейчас, ближе к вечеру — убил уже двоих.

— Вернее, одного, но дважды, — поправила его Сол, забирая лазер. — Если тебе от этого легче — он вовсе не человек. Он просто эпидемия, моровая язва человечества. Ты совершил благое дело.

Прозвучало не вполне убедительно.

— Ая? Разве я сам — человек? — продолжал Эландер. —
Частично — человек, но также Юл, а еще Практик.

— Питер, мы постепенно становимся теми, кем должны стать, чтобы выжить. Это закон жизни, не так ли? И если мы не те, кем предполагали стать, или если мы не принимаем себя такими, какими стали, — она пожала плечами, — тогда, могу предположить, последует только наше неминуемое вымирание.

— Сол! — послышался из коридора голос Инари. —
Посмотри на это!

Ее лицо приняло озабоченное выражение.

— Ну, Питер, тебе уже лучше?

Он кивнул, удивленный собственным хладнокровием. Он был в полном порядке.

— Ладно, — сказала Сол, становясь за его спиной. — Приберем все это безобразие потом.

Вместе они вышли в рубку «Эледона», где на всех экранах сразу демонстрировалось одно изображение. Пылающий диск размером во всю стену, цвета красного золота в середине и сверкающе белый по краям.

— Спасатель? — с надеждой спросила Сол.

— Никакого ответа ни в одном диапазоне, — нервничая, пожала плечами Сэмсон. — Чем бы это ни было — оно гораздо сильнее, чем мы.

Эландер вместе со всеми молча стоял, глядя на экран и ожидая нового сюрприза.

2.3.5

Лючия продолжала свое путешествие в самой экстремальной обстановке. Решимость, с которой она стремилась навстречу Питеру, не ослабевала, но не следовало проявлять безрассудство. И разбиться напоследок совсем не хотелось.

Она вела свою золотистую ракету по изгибающимся трубкам, лавируя среди смятых переборок. Ее И-костюм принял вид желеобразной капли — состояние, обычное при отсутствии содержимого. Использовать его защиту в адском чреве «Трезубца» — столь же бессмысленное дело, насколько бесполезно открывать зонт с приближением волны высокого прилива.

Отметка на локаторе неуклонно приближалась. Несмотря на обилие тупиков и растущее количество обрушений, Лючия пробиралась все глубже в самое нутро «Трезубца», попав в зону, где находились огромные, похожие на тыквы образования. Размером с ее башню, каждый из этих объектов соединялся с соседним при помощи стекловидных нитей, многие из которых не выдержали внутреннего напряжения «Трезубца» и уже раскололись. Среди мерцающих осколков и гула разрушения все еще находилась точка, обозначающая цель — слабая, но стабильно высвечиваемая отметка сонара.

Наконец она достигла области, внутри которой находились Питер и его спутники. Они застряли в ней, как в ловушке, и теперь у Лючии возникла новая проблема: как, черт возьми, вывести их оттуда? Не обнаружив нигде явных признаков входа или пролома, она растерялась — ни оружия, ни оборудования, способного пробить стену, в башне не было. Разочарованию не было предела: оказаться совсем рядом с Питером — и что же?..

Позади внезапно вспыхнул яркий свет — ослепительно белый и очень жаркий. Что-то ослепительно белое и блестящее облетело вокруг ближайшего тыквоподобного объекта, резко остановившись прямо напротив нее. Лучи света, явно когерентного, расходились в стороны, словно предмет изучал то, что находится вокруг него, обходя окружающее и пробуя на вкус — точь-в-точь усики муравья. Лучи проникали сквозь обшивку башни, и Лючия вздрагивала от их почти физического прикосновения.

Однако ее сами лучи игнорировали, сосредоточившись вместо этого на части стены «Трезубца», заключав-

шей в себе Питера. Приняв всю энергию маленького «солнца» в одной точке, темный материал тут же начал плавиться.

— Там внутри — люди! — закричала Лючия, бросаясь вперед.

— Знаю, Лючия, — ответил чеканный и строгий голос. — Я в силах помочь им.

При звуках знакомого голоса ее пронзило головокружительное ощущение — происходящее казалось не-реальным.

— Кэрил?

— Я Тор.

— Ты? Но...

— Лючия, мы не слишком отличаемся друг от друга.

В самом деле, — думала она, постепенно вникая в сказанное, — *похоже, это недалеко от правды.*

Но если Морские Звезды и вправду дали Тор то же самое, чем Прядильщики наделили Лючию, тогда они смотрели друг на друга, находясь по разные стороны баррикад.

Перед ней был корабль, немного похожий на футбольный мяч, с отверстием на одной из своих сторон и размером примерно в половину роста Лючии. Жесткий, казавшийся когерентным свет, как будто исходил от самой поверхности шара. Он излучал совершенно естественный, чистый свет — так, словно стоял неподвижно, хотя на самом деле пребывал в движении. Что придавало сиянию несколько смазанные очертания.

Тем не менее прошлое до некоторой степени объединяло их. Обоих роднило человеческое происхождение.

Стена, отделявшая их от «Эледона», сильно нагрелась, и там, куда Тор направила свое сконцентрированное сияние, ее поверхность приобрела ярко-оранжевый цвет. Пятно свечения все расширялось, и наконец на него стало больно смотреть. Сильные электромагнитные помехи заполнили эфир, и уровень сигнала принял столь высокие значения, что Лючия забеспокоилась о возможности привлечь к себе ненужное внимание.

— Уверена ли ты в том, что делаешь? — спросила Лючия.

Тор не ответила. Теперь раскалилась уже половина стены, однако материал не поддавался. Лючия подумала: насколько высока вероятность просто свариться внутри этой посуды? Выдержат ли такой жар их прорезатели?

Без всякого предупреждения Тор отвела ослепительную «горелку», и исходившее от стены сияние начало ослабевать. Несколько секунд ушло, пока привыкали глаза, затем Лючия увидела, как на стене словно вырисовывался чей-то неестественно яркий глаз: ярко горящие края окаймляли отверстие зрачка — там экзотический материал уступил энергии Тор.

— Выходите, пока это возможно!

— Тор? — Голос, принадлежавший Сол, звучал удивленно и недоверчиво. — Неужели это ты?

— Не время, Сол, нужно уходить.

— Она права, — вмешалась Лючия. — Конструкция «Трезубца» уже утратила стабильность. В любой момент может произойти взрыв.

— Лючия?

Настал черед Питера удивляться.

— Приятно снова слышать твой голос, — откликнулась она, чувствуя радостное облегчение. — Однако давай побережем удовольствие на потом. Нужно выбраться отсюда прежде, чем события примут нежелательный оборот.

— Да, это важнее всего, — согласилась Тор.

Пространство и время содрогнулись вокруг них — недалеко взорвалось что-то очень большое, распространяя волны по остовам «Трезубца». Гравитационные волны вызвали внутреннее напряжение материи, на мгновение изменив геометрию пространства, после чего все снова вернулось на свои места.

Семиглавый внепространственник медленно вышел из отверстия, оказавшись в относительной свободе. Белая окраска резко контрастировала с видом обожженных стен.

— Следуйте за мной, — приказала Тор и отошла в сторону, сопровождаемая вихрями световых пучков.

Затем она повернулась вокруг оси и включила ускорение. Внепространственный кластер, как мог, старался поспеть за ней. Лючия прикрывала их с тыла. Так они и шли, пролагая дорогу на волю из распадающегося на части «Трезубца».

— И кто теперь босс? — спросила Сэмсон с кривой усмешкой, пилотируя шедший за Тор «Эледон».

— Я бы сказала — она, — ответила Сол, кивая на экран. — Посмотрите, я хочу сказать, она...

Сол замялась, подбирая нужное определение.

— Изменилась? — подсказал Эландер.

Сол кивнула:

— Да, верно, изменилась.

Правда состояла в том, что сама она была унижена. Можно предполагать все что угодно относительно неспособности энграмм к изменению. Разбираясь в их поврежденных кодах, вмешиваясь в их операционные параметры, Сол еще не умела полностью преодолевать их ограничения и возвращала энграммы в строй лишь на некоторое время. Надеясь отыскать чудесный рецепт и обойти проблему в будущем, она так и не смогла совершить задуманное. И что же? Все решило вмешательство пришельцев: сначала они помогли Эландеру, а теперь пришла очередь Тор.

Сол доподлинно не знала, что же произошло с Люцией, но безошибочность, с которой прирученная ею башня Даров вышла на след «Эледона», и тон, прозвучавший в ее голосе, когда Люция разговаривала с Питером, предполагали в ней столь же глубокие изменения, сколь значительной представлялась перемена ее облика. Наконец, гетерозисный гибрид — как сам назвал себя Питер — оказался, по всей вероятности, тем самым существом, в жизнестойкости которого они крайне нуждались и сейчас, и в более отдаленной перспективе. Теперь Сол вполне довольствовалась бы и маленьким спасательным плотиком — попадись он на пути.

Температура среды резко взлетела вверх — они проходили узкими коридорами. Вскоре условия оказались столь же жесткими, какие встретились им еще в повреж-

денном куттере. Но в данном случае все было хуже: распад «Трезубца» продолжался сам собой. Трудно ожидать, что кто-то сможет отправить столь огромный корабль на переплавку. Не видно было и признаков работы местных Пликсов. Определенно одно: «Трезубец» стал очередной жертвой законов физики.

Такого Сол не видела давно, еще со времен гибели Солнечной системы. Вокруг открывались протяженные разломы, разбрасывая обломки стен и перекрытий, паривших повсюду, словно пепел в клубах пламени. «Эледон» содрогался. Белое пятно, обозначавшее положение Тор, вдруг пропало, перекрытое воющей и грохочущей волной, встряхнувшей корабль, как игрушку. Почти оглушенная, Сол услышала речь корабельного информатора, докладывавшего о полученных повреждениях, как вдруг над всем этим гулом зазвучал утробный рык, одному Богу известно, откуда исходивший. Могло показаться, это звал на помощь сам погибающий «Трезубец».

Ударная волна рассыпалась, пройдя сквозь них, и Тор появилась снова — сияя, как солнце, прикрытое облаками. Грохот постепенно сошел на нет, и виртуальный бортинженер «Эледона» прекратил читать «молитву», перечисляя свои неполадки. Стон агонии «Трезубца» утих.

Как только датчики обзора вернулись в строй, открылась ясная картина оставшегося от Пи-1 Большой Медведицы.

— О Боже! — вырвалось у Эландера.

Сол молчала, под впечатлением увиденного.

Центральную часть системы словно кто-то вымел. От Солнца остались лишь два все еще расширявшихся фрон-

та газоплазменной смеси, рассредоточенных параллельно эклиптике. Часть распыленной взрывом материи уже остыла и начала оседать в виде пестрых, словно покрытых кляксами, туч обломков. Оставшееся продолжало гореть красноватым, злым пламенем — исключая два впечатляющей красоты сине-желтых выброса, расположенных на местах, бывших некогда полюсами звезды, а теперь едва различимых во мраке.

Первое впечатление от системы, подумала Сол, конечно, то, насколько темной она стала. С разрушением Солнца и распределением его энергии на огромном пространстве видимый свет почти пропал. Впрочем, это лишь сделало продолжающуюся битву еще более жесткой, лишив корабли защиты света и тени. Яркие вспышки и трассы выстрелов продолжали сверкать в тысячах схваток, а их голубое или красное смещения объяснялись и огромными скоростями, и нарушениями пространственно-временного континуума. Наиболее массивный всплеск света, происшедший позади наблюдавших систему людей и сопровождавший последние моменты жизни «Трезубца», едва смог осветить гигантские облака газа и пыли, да и то продолжался около секунды. Похожие облака громоздились везде, куда ни падал взгляд Сол: они расширялись и сливались вместе там, где еще разворачивались военные действия.

А что стало с планетами? Не веря собственным глазам, Сол в отчаянии опустила голову. Даже увидев гибель Солнца, она все же не осознала истинных масштабов сражения. Да, звезды представляли собой театр для самых

жестоких игр природы — переменчивых и крепко закрученных, и тем не менее у планет редко когда сдувало или выжигало всю атмосферу.

Здесь, однако, все было именно так. Цзян Ляо, некогда похожая на Землю, превратилась в ничто. Атмосферу большего из двух газовых гигантов сорвало, а от ядра этой планеты остались только облака из миллионов зазубренных хрупких обломков. Плазма и скопления мелкой щебенки отмечали места, где все еще находились части бывших планет, а сами их ядра, пребывавшие когда-то в жидком, расплавленном состоянии, уже остыли до состояния мерцающей, едва теплой лавы. Планетарные кольца и малые луны превратились в неразличимую массу останков, заполонившую всю систему.

Итак, Пи-1 Большой Медведицы стала местом, совершенно лишенным жизни — тем не менее битва между двумя свехрасами продолжалась.

— Не могу смотреть на это, — сказала Инари бесцветным голосом.

Остекленевший взгляд ее сосредоточился на Источнике Всего. Он находился на средней из некогда существовавших орбит, вернее, за той из них, где оканчивалась обитаемая часть системы. Сияние Источника поблекло, теперь он скорее походил на подмаргивающую лампу дневного света, завязанную в узел вокруг темного, неровной формы основания, пульсировавшего внутри светящихся колец. Все укрывал светящийся смог, и определить, что именно происходит с Источником, казалось весьма нелегко. Сол пришло в голову сравнение с человеческой

зиготой — вернее, съемкой процесса ее деления, роста и нового деления.

— Куда пойдем дальше? — спросила Сэмсон, адресуя вопрос всем сидевшим в рубке.

Сол в сомнении пожала плечами.

— Не имею представления, но думаю, следует пойти за Тор — чем точнее, тем лучше.

Тор мягко маневрировала, проходя северным скоплением звездного газа и обломков. Двигаясь с ускорением в десятки «же», тройка кораблей вскоре достигла околосветовой скорости. Обломки с силой били по защитным экранам, и Сол точно знала, что они не предназначены для этой цели. Корабли-прорезатели обычно перемещались во внепространстве, а не в реальной Вселенной. На высокой скорости даже молекула, встреченная на пути, способна разнести корпус на части.

— Она уводит нас из зоны интерференции, — предположила Лючия. — Находясь в световом конусе взрыва, мы не можем использовать внепространственные двигатели. И не сможем спастись, пока не выберемся из зоны.

— А каким же образом выбираться из этого конуса, если мы лишены основного хода? — спросила Сэмсон.

— В космосе возмущения пространства не всегда симметричны, — пояснила Тор. — Можно найти неоднородности.

— И мы направляемся к одной из них?

Сол подождала секунд тридцать, пока не стало очевидным, что Тор отвечать не собирается.

— Она все больше и больше напоминает тебя, Сол, — прокомментировала Сэмсон.

— Что проку для нас во всем этом, — вдруг возразила Инари. — Наш основной двигатель все еще неисправен.

— Что да, то да, — согласился с ней Эландер. — Но теперь с нашим кораблем объединен корабль Эксфорда — и мы воспользуемся его двигателями.

Инари кивнула, но в глазах читалась отстраненность, словно она давно утратила способность удивляться. Впав в прострацию после первого шока, Инари придет в себя не скоро — через часы, а может, и дни.

Тройка вошла в светящиеся голубым облака. Спектральное смещение вызвала, вероятно, их огромная скорость. Их окружала звездная пыль, от обшивки «Эледона» шли странные высокочастотные звуки — это взвесь рикошетом отлетала от силовых щитов.

Схватка между Морскими Звездами и Прядильщиками постепенно исчезала в красноватой мгле позади. Прощальный взгляд Сол отметил, как, словно гнездо со змеями, извивается подбитый Источник Всего, а к нему со всех направлений слетаются чужие корабли всевозможных форм и размеров. Систему освещало пламя последней битвы. Поверх волны инфракрасного излучения от взрыва Пи-1 Большой Медведицы виднелись тысячи точек более высокочастотного спектра.

Тем не менее признаков погони никто не заметил, за что Сол была весьма признательна провидению.

Что-то виднелось впереди, угрожающе нарастая сквозь расходящиеся облака. Это оказался остов куттера многокилометровой протяженности, украшенный многочисленными кратерами взрывов. То ли окончательно мерт-

вый, то ли еще жизнеспособный, вскоре и он остался позади.

И все же расслабляться было еще рано. Конвой ускорил движение, и напряжение, не отпускавшее присутствовавших в рубке, возросло. Они опять разгонялись — прямо сквозь тучи звездной пыли. Просто невообразимо, задумалась Сол, ведь они проходили через взвесь вещества, еще вчера находившегося в самом центре горячей звезды. Эти размышления странным образом принесли с собой лучик надежды: раз Морским Звездам случилось претерпеть подобную трепку — впервые за десятки тысяч лет, — значит, выживание человечества возможно.

Земина и Геба должны были пройти критический момент еще несколько часов назад. А в случае если Око несколько отклонилось от первоначального расписания, могло быть атаковано и поселение на Сагарси.

Они продолжали молча нестись сквозь облака пыли. Вдруг видимость стала быстро улучшаться, и сквозь редящий туман наконец показались звезды. Инари без всякого стеснения разрыдалась. Сол сдерживала эмоции — но побоялась даже мельком взглянуть на своих соратников.

Потом словно ниоткуда послышался слабый, искаженный помехами человеческий голос:

— ...докладывают с Деметры, что...

— ...Око замечено в 09:20...

— ...снижение общей активности, кроме отдельных точек...

— ...нечему радоваться...

— Свяжись с ними, — мгновенно отреагировала Сол. — Скажи, что мы скоро прибудем.

— Говорит «Эледон» из системы Пи-1 Большой Медведицы. Вызываю всех, кто находится в моем районе. Как меня слышно? Прием.

— «Эледон», слышу вас хорошо, — незамедлительно последовал ответ. — Откуда вы взялись?

— Долгая история, — ответила Сол. — Кто на связи?

— «Фарида», — ответил тот же голос. — Господи, да мы, ребята, считали вас погибшими!

— Мы более чем живы, и мы идем домой — конечно, если все еще есть, куда возвращаться.

Нечему радоваться...

— Круг замкнулся, но мы пока держимся. Милости просим и вас: посмотрите на охотников за сигналами. Они тут везде.

Словно по чьей-то подсказке, рядом с Тор появилось нечто угловатое, серебристого цвета. По сверкающему корпусу объекта бегали малиновые энергетические сполохи, смыкавшиеся в волны яркого свечения.

— Сагарси, — неожиданно произнесла Тор и исчезла куда-то, сопровождаемая вспышкой яркого света.

Угловатый охотник за сигналами переключил свое внимание на следующий корабль из состава конвоя. Золотистая башня окрасилась оттенком малинового света. Лючия подошла к объекту поближе, и красные сполохи охватили ее корабль.

— «Эледон», — скомандовала Сол. — Курс на Сагарси. Лючия, надеюсь, мы встретимся уже там. Готова?

— Стартую сразу за вами.

Малиновые сполохи царапали обшивку ее башни. Сол сильнее сжала губы — она понимала, что корабль Лючии

совершенно незащищен против чужого разведчика. Мысленно она подгоняла «Эледон», как могла, не желая приносить Лючию в жертву лишь для того, чтобы прикрыть отход. Не в первый раз проклинала она слепое повиновение поведенческим моделям, так часто приводившее энграммы прямо в лапы смерти.

Все куда-то исчезло, и под ними наконец-то разверзлась бездна внепространства. И тут же Сол почувствовала, как рубка сжалась в размерах, и ее стены словно сблизились.

— Мы сделали это, — объявила Инари с радостным смехом. — Мы и вправду сделали это!

— Кажется, да, — согласилась Сэмсон.

— До поры, до времени не стану слишком радоваться, — проговорил Эландер тоном раздражающего всех зануды. — Мы все еще не имеем понятия, куда прилетим.

Сол кивнула.

Нечему радоваться...

Слова эти еще звенели у нее в ушах. Снизив частоту процессора, Сол откинулась на сиденье, собираясь провести остаток пути домой в полном молчании.

2.3.6

Выход из внепространства состоялся прямо над северным полюсом Сагарси. После тесноты «Эледона» и ужаса Пи-1 Большой Медведицы вид простого, без всяких прикрас, солнца BSC-5148 подействовал как глоток свежего воздуха или чистой воды: он стал истинным наслаждени-

ем. Голубой мир Сагарси простирался у их ног, а белые облака, закрученные в объемные спирали, парили над ледниками и замерзшими океанами. Звездное небо оставалось чистым, без всяких пылевых туманностей или иных следов военных действий. Этот мир не походил на Землю, но для Эландера он казался вторым из лучших в мире мест.

Едва оказавшись в реальном пространстве, они тут же услышали голоса, шумно приветствующие прибытие «Эледона».

— Сол! Ты сделала невозможное!

Клео Сэмсон устало смотрела со своего места за пультом корабля. Ее изображение и голос видели и слышали со всех экранов.

— Мы сделали это, — твердо возразила Сол, устраиваясь поудобнее. — И ты сама сделала это.

— Спаслись мы чудом, — серьезным тоном произнесла руководитель экспедиции с «Фрэнка Дрейка», сразу прекратив неумеренное веселье. — Мы уже потеряли Земину и Деметру; последнее, что слышали из эфира — информацию о нападении на Гебу. Лючия рассказала, что Морским Звездам надрали-таки задницы около Пи-1 Большой Медведицы; это так? Возможно, теперь-то они остановятся!

Эландер изучал корабли, расставленные около Даров Сагарси. Здесь находились десятки кораблей в самых различных конфигурациях. Самой большой была, без сомнения, конструкция, принадлежавшая Несогласию — передвижной ковчег существ их вида. На ближней к Хабу орбите обращалась вокруг планеты башня Лючий. Должно

быть, она шла во внепространстве намного быстрее, если заняла орбиту до прибытия «Эледона».

— Что ж, не будем терять надежду, — сказала наконец Сол. — Вероятно, Тор могла бы сказать нам больше.

— Она уже здесь, — заметила Сэмсон. — Где-то здесь. Последний раз ее видели занятой обследованием границ здешней системы. Одному Богу известно, что именно она ищет. Она так и не объяснила...

— Не поговорить ли нам об этом позже? — устало бросила Сол. — Мне нужно выбраться наконец из проклятой жестянки.

Сэмсон кивнула, и лицо андроида расплылось в извиняющейся улыбке.

— Разумеется. Дай всего пять минут, пока мы освободим Сухой Док, и все закончится.

Сэмсон отключила канал связи, а Эландер посмотрел на экран, словно ожидая увидеть еще одно лицо.

Ждать не пришлось.

— Здравствуй, Питер, — сказала Лючия.

С экрана она показалась такой же, какой Питер запомнил ее еще на Земле — более ста лет назад. Темно-карие глаза смотрели прямо на него, тепло и с какой-то умной живостью. Казалось, перед ним идеальный образ с ее ожившего художественного фото.

Но, совсем как настоящий фотограф, Питер почувствовал — это фото, и за ним нет объемной реальности. Сейчас Лючия оставалась только изображением, имиджем не первой копии, начавшим терять нюансы тональных переходов, и так же, как любая картина-копия, навсегда утратила часть очарования оригинала. Все же, несмотря на

все случившееся со времен старта с Земли, она старалась остаться все той же Люцией, какой привыкла быть, и поэтому держалась напряженно.

— Люция, привет, — просто сказал Питер. — Рад, что ты снова выкрутилась.

Она засмеялась:

— Не ожидала, что это займет столько времени.

— А кто из нас ожидал?

Быстрая тень беспокойства прошла по лицу Люции и исчезла.

— Питер... кто мог подумать... что мы кончим именно этим. Ведь мы сделали то, что нашим оригиналам даже не приснилось бы и через тысячу лет.

— И еще более того.

Она снова рассмеялась, на сей раз более естественно — вероятно, с началом разговора напряжение спало, — и предположила:

— Кажется, нам есть чем гордиться.

Он кивнул.

— Что да, то да.

Люция медлила, и стало понятно, что ее внимание отвлечено.

— Я общалась с Тор, — сообщила она. — Она сказала, что я должна поговорить с Сол.

Оригинал всех Хацис выступила вперед.

— Я здесь, Люция.

— Я...

К ней снова вернулась озабоченность.

Хацис быстро посмотрела на Эландера, потом снова на экран.

— Лючия, что?

— Я хотела бы измениться.

Хацис нахмурилась:

— Измениться? И каким же путем?

— Тор рассказала, что ты в состоянии помочь... так же, как помогла ей.

Сол холодно прищурилась:

— Что же именно она тебе рассказала?

— Только то, что ты перепрограммировала ей энграмму, сделав код более гибким.

Сол не обратила никакого внимания на пронзительный взгляд, брошенный в ее сторону Инари.

— Это не совсем так, Лючия, — задумчиво произнесла Сол. — Я лишь внесла ряд произвольно измененных параметров, чтобы проверить степень их влияния на поведение. И это все. Не думаю, что располагаю неким тайным знанием как переделать каждого, влезая в его сознание извне. Надеюсь, я все же найду простой способ дольше сохранять целостность вашей психики. Если нет, — пожав плечами, она обвела рубку взглядом, — что ж, думаю, уже через несколько лет мне придется остаться в одиночестве.

— Кэрил, я действительно желаю перемен, — упрямо настаивала на своем Лючия. — Эта башня может поддерживать мое существование вечно, но какой в том толк, если в итоге суждено оказаться на уровне растения. Кладбище Питеров... — В ее глазах, обращенных к Питеру, мелькнуло нечто похожее на извинение. — Боюсь, все Питеры умерли.

Эландер нахмурился:

— Что ты имеешь в виду, говоря «они умерли»?

— Зависли. — Лючия словно оправдывалась. — Мне правда жаль, Питер, но это из-за меня... Я... Я нуждалась в них... Точнее, мне нужен именно ты.

У Эландера вдруг появилось странное ощущение — словно кто-то и в самом деле погулял по его могиле. Видимо, Лючия впитала несколько последних «звуков» из его уходящих копий — как некий странный, виртуальный вампир. Одна часть его самого внутренне возмущалась, а другая не видела в этом ровно ничего примечательного. Те его версии не оставались им самим в полном смысле: это все нереально. Всего лишь сбойные отражения некогда оригинала. Эти копии утратили четкость так же, как утратила былую четкость Лючия, теперь смотревшая на Питера с экрана. Тот факт, что некогда он сам казался одним из них, вовсе не делал остальные энграммы Питера ближе. Его трогала лишь мысль о том, через что им пришлось пройти.

— Я не знаю, как их вылечить, — продолжала Лючия. — И даже не знаю, можно ли вылечить вообще. И я не хочу уйти не просто потому, что не в состоянии это остановить... просто...

— Лючия, не рви так сердце, — прервала ее стенания Сол. — Все уже поняли, что ты хотела сказать. Я буду счастлива помочь тебе, просто не могу ничего обещать.

— Если хочешь, — предложил Питер, — я тоже попытаюсь помочь.

На виртуальном лице Лючии было написано искреннее облегчение:

— Это... просто замечательно! Спасибо тебе!

Эландер успел поймать скептический взгляд Сол. Он вспомнил Практика. Конечности Питера вернулись к обычному состоянию после, как сама собой исцелилась сломанная нога. Никакого необычного жжения, как случилось после нападения Эксфорда, он больше ни разу не чувствовал. Как будто ничего и не произошло. Как будто...

Хацис кивнула, то ли уступая давлению, то ли в знак искреннего согласия. Глаза ее вдруг покраснели, а лицо стало таким, каким ни разу не было за все последние дни.

Клео Сэмсон с Сагарси вышла на связь, объявив, что Док свободен. Клео Сэмсон с Эледона подтвердила информацию, мягко выведя их корабль на курс «домой».

Внутреннее пространство Даров на Сагарси не было заполнено до отказа, но народу собралось довольно много. Большая часть Юлов предпочла присутствовать «живьем», чтобы скоординировать действия Несогласия и новой импровизированной инфраструктуры, созданной энграммами. Большинство представителей расы людей, напротив, физически не присутствовали — они использовали интерфейс связи КоннЦентра. Тут и там сновали многочисленные роботы телеприсутствия — они катались и бегали по полу, карабкались на стены и даже летали по коридорам. Возвращение Тор и ее миссии ненадолго приостановило подготовку к эвакуации. Члены экспедиции моментально растворились в толпе, отвечая на вопросы.

Эландер, напротив, сослался на переутомление и предпочел уклониться от общества. Из-за всего, что Питер со-

вершил в последнее время, многие смотрели на него, как на неудачника. После многочисленных сбоев его энграммы трудно было избавиться от крепко прилипшего клейма, но теперь Питер по крайней мере мог прикрыться своим «недомоганием».

Попав через Хаб в башню Люции, он наконец оказался в полной тишине.

— Питер, привет, — сказала Люция, как только он появился в башне.

По воздуху прошла легкая дрожь, и Питеру показалось, что рядом с ним мелькнула радужная пленка.

Испугаться он не успел — хотя желание отпрыгнуть в сторону непроизвольно появилось.

— Ну, здравствуй еще раз, Люция. — Он скосил глаза, оглядывая ее полунамеченные в пространстве формы. — Неужели я вижу именно то, о чем подумал?

— И-костюм? — Люция развела руками, словно демонстрируя свое новое платье. — Хочешь, и у тебя будет такой.

— У меня?..

Он внимательно смотрел на ее прозрачный образ.

— Ты что, и вправду способна это сделать? Выдать костюм по заказу?

— Дары — несколько сложнее, чем ты мог бы даже вообразить.

В это я как раз способен поверить, — мысленно ответил Питер.

Наступило молчание, и он не знал, что сказать. Когда-то это было легко, но это именно было — в прошлом.

Он больше не тот человек, изменились и его чувства — они стали чем-то другим. Напротив, чувства Люции не изменились вовсе, они, как показалось Питеру, лишь утратили прежнюю силу. И он знал точно: Люция оказалась способна обходиться без него долго — ровно столько, сколько оставалась в компании одних только звезд. А он просто боролся, чтобы выжить.

И теперь, стоя перед Люцией, Питер ясно видел, насколько же они разные. Собственное тело все еще представляло для Питера загадку, а сущность Люции казалась необъяснимой в принципе. Что произойдет, думал он, если они попробуют испытать что-то вполне естественное — например, поцелуй? Окажутся ли ее ощущения в И-теле такими же, как ощущения женщины, или прозрачная оболочка — это лишь холодный и неживой «пластик»? Питер не торопился узнать, и само по себе такое поведение уже говорило о том, насколько сильны внутренние изменения, происшедшие в нем. А когда-то он мог бы отдать буквально все ради одной невероятной возможности: прижаться губами к ее губам...

— Я сканирую все, что происходит поблизости, — произнесла Люция. — А хочешь, мы послушаем, о чем они сейчас говорят?

Питеру показалось, что она, как и он сам, испытывает неловкость, и совершенно не удивился этому. Последнее, что ему бы хотелось видеть — человеческую (или нечеловеческую) толпу, хором рассуждающую о политике. И все же это лучше в сравнении с их неловким молчанием.

— Пожалуй, — согласно кивнул Питер, — почему нет?

Отметив про себя, что она улыбнулась, Питер все еще не был на все сто процентов уверен в ее реакции.

— Сюда.

Лючия развернулась и зашагала по направлению к Темной Комнате. Он последовал за ее прозрачной фигурой, давно знакомыми коридорами направляясь туда, где однажды уже был, отдыхая во время «подзарядки». Питера охватила чернота, приятная, как теплая ванна. Это вызвало тревожные воспоминания — в прошлый раз Питер принимал такую «ванну» еще на Адрастее, как раз в день прибытия Прядильщиков.

Странное чувство, — подумал он, — кажется, что это случилось миллион лет назад.

Тогда, попав в Темную Комнату впервые, Питер остался совершенно один. Сейчас же с ним сама Лючия. Хотя Питер не мог видеть, он чувствовал ее присутствие физически, эмоционально, казалось, даже улавливал движение ее мыслей, пока Лючия витала вокруг, бестелесная, словно дух.

Слова и картины падали на него из темноты, поступая в сознание через интерфейсы КоннЦентра. Руки Лючии вызывали ощущение мягкости и уверенности, и его чувства воспринимали виртуальный контакт с ней тоньше, чем саму реальность.

— Несогласие послало корабли с целью найти Практика, — сказала она, показывая на навигационные карты. Там — на всем пространстве Освоенного Космоса, и вне этой зоны, пунктирными линиями обозначались курсы прорезателей, места их стоянок и пунктов назначения. — Мы пока не знаем, куда он делся. Прошло уже семь дней с

момента, когда он ушел, и с ним остальные, а за такой срок можно оказаться на удалении в три тысячи световых лет и более — то есть вне зоны действия мгновенной сверх-световой коммуникации.

— Может быть, Тор ищет именно их? — спросил Питер.

— Может быть.

Он почувствовал неуверенность в ее голосе и понял, что даже Лючия не может сказать ничего о намерениях Тор.

— А Несогласие? — спросил он. — Не думают ли они, что Практик может вернуться назад, если услышит об успешном контакте миссии Тор с Морскими Звездами?

— Рискну предположить, что ответ зависит от встречной реакции самих Морских Звезд. Возможно, да — если все пройдет более или менее гладко. Тем не менее, даже если он не вернется, если предпочтет продолжать свой путь — уверена, некоторые из Юлов все равно вернутся.

Эландер кивнул в ответ:

— А как насчет Гебы? Есть ли новости оттуда?

— Есть, и довольно плохие.

Лючия открыла файлы с донесениями разведчиков с Гебы. Знакомая картина тотального уничтожения в исполнении Морских Звезд: быстрое, методичное и жестокое.

— Не понимаю, почему они все еще делают это? — задумчиво произнесла Лючия, пока Эландер изучал данные. — Ведь Тор уже объяснила им, что происходит.

ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ ПОЛАГАТЬ, ЧТО НАС ВВЕЛИ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ.

Он вспомнил ее башню, сияющую на фоне враждебной и черной бездны.

ТЕ, КТО МЕНЯ ИЗГОТОВИЛ, ПОДОЗРЕВАЮТ, ЧТО ВЫ ЗАВЕЛИ НАС В ЛОВУШКУ.

— Так, по-твоему, получается...

Она на мгновение задумалась, затем продолжила:

— То есть, по-твоему, они пришли на встречу уже после происшедших событий? Они заранее обвиняют нас в том, что произошло с ними потом?

— Лючия, честно говоря, я понятия не имею, что именно они думали, — ответил Питер. — Но, да, такая вероятность существует.

Она замолчала, размышляя над ситуацией.

— Неблагодарное занятие — рассуждать на такую тему, — наконец тихо произнесла она.

— Нет, — возразил Питер. — Это не так.

Он вспомнил собственные ощущения, когда узнал, что повинен в гибели Солнечной системы, что, сам того не ведая, привлек Морских Звезд на погибель оставшихся представителей человечества, используя обыкновенный сверхсветовой коммуникатор. Тогда его переполняло ощущение вины независимо от внушаемой себе мысли о том, что он не мог заранее знать об опасности. В тот момент никто еще не знал о Морских Звездах и тем более не предполагал, что использование технологий Прядильщиков может разгневать эти создания. Люди просто наслаждались своей свободой — словно стайка рыбьей молоди, перенесенная волей судьбы в океан из уютной тихой заводи и не встретившая до поры ни одной акулы.

И все же время прошло, принеся осознание: он лишь ускорил момент катастрофы, не будучи сам ее причиной. Морские Звезды неизбежно напали бы на Солнечную

систему по мере своего продвижения в Освоенном Космосе. Несколько дней ни в коем случае не могли иметь значения для конечного результата.

Возможно, рассуждал он, иначе почувствуют себя те, кто виноват в разрушении единственной из оставшихся в космосе человеческих колоний. И снова та же ситуация — они не станут последними представителями человеческого рода. Останутся другие, где-то в глубине космоса они скачут от одной звезды к другой, укрываясь за спиной Практика. Наконец, не нужно забывать об Эксфорде. Нет сомнения, он тоже действует где-то, неизвестно, где именно, продолжая собственную миграцию сквозь галактические просторы, или скорее распространяя по ним свои споры, словно злокачественная опухоль.

Эландер и Лючия молчали, продолжая подслушивать разговоры остальных. Они следили за обсуждением всех тем, начиная политикой и заканчивая сплетнями. Координация действий нескольких сотен энграмм, в той или иной степени поврежденных, требовала такой отдачи от руководства всей миссией и создания той инфраструктуры, которых просто не было. Имелись, конечно, кое-какие импровизированные методики, но чаще они замыкались на проблемах одинаковых энграмм, разбросанных по разным экспедициям.

Угрюмое собрание копий Отто Вира требовало от руководства дополнительных ресурсов для своих научных исследований — особенно в свете взрыва новой звезды в Пи-1 Большой Медведицы. Прочие искали утешения и даже терапии, разговаривая друг с другом или в неболь-

ших группах — числом до трех разных версий. Такой вариант общения заметно превалировал: если общим правилом устанавливалось, что Оуэн Норсуорси и Налини Ковистра должны поддерживать дружеские отношения, значит, так и будет, причем во всех вариантах копий. И наоборот, трещины в отношениях, сформированные давно, еще на Земле, вели к вечному антагонизму, распространившемуся к звездам.

Бурное кипение потока информации несколько утихло. Убаюканный, Питер поплыл морем несовершенных человеческих эмоций, постепенно погружаясь в дрему; мысли стали путаться, все замедляя и замедляя свой ход, и наконец он заснул. Разобраться, где заканчивался мрак Темной Комнаты, а где начиналось бессознательное состояние, было непросто, так что переход из одного в другое произошел мягко и естественно. Но Питер даже и не пытался сопротивляться. Он просто принял это, легко позволив себе скользнуть в глубокий сон, уплывая с течением информационного потока общих и ничего не значащих разговоров около Сагарси.

— Спи спокойно, Питер.

Эти слова он услышал последними, почти провалившись в овладевшее им оцепенение.

Снов он не увидел.

— Если нам суждено спастись, — спустя неопределенно долгое время произнес голос, — это значит, что главная работа только начинается. Куда мы, собственно, направляемся? Где живем? Как управляем собой? Господи,

да как можно говорить о создании нормального общества, если мы имеем всего шестьдесят одних и тех же особей, воспроизводя их снова и снова?

Эландер, казалось, узнал голос, но все еще не мог определить личность говорившего. Моргая, он пялился в темноту, стараясь отыскать в ней опорные точки. На некотором расстоянии виднелась открытая дверь, а за ней странного вида веретенообразное создание, матово-серое и со светящимися глазами.

— Над этим люди и пытаются работать. — В принадлежности этого голоса сомневаться не приходилось: говорила Лючия. — Вероятно, тебе, Роб, следовало бы пойти и поговорить с ними, вместо того чтобы сидеть здесь и беседовать со мной.

Произнесенное вслух имя помогло Питеру вспомнить собеседника: Роб Сингх. Роб был одним из пилотов миссии, потерявших свое призвание из-за Прядильщиков с их новыми кораблями-прорезателями.

— Политика — не мое дело, — ответил Сингх. — Гораздо больше меня интересует вопрос, почему все так происходит. Из-за того лишь, что проблему можно просто выкинуть из рассмотрения, вовсе не следует, что мы должны прекратить всякие исследования. Все вопросы, поставленные нами при изучении Даров, до сих пор остаются нерешенными. А Прядильщики — все еще та же загадка, какой были всегда.

— Что здесь происходит? — спросил наконец Эландер.

— Ой... Питер, прости, пожалуйста, — извиняющимся голосом произнесла Лючия. — Мы совсем не собирались тебя разбудить.

— Не стоит беспокоиться, — ответил он. — Как долго меня не было?

— Недолго, — успокоила его Лючия. — Около часа.

— Всего-то? — Странное ощущение — такое, словно Питер заснул в неловкой позе, и мышцы лица немного затекли, а мир вокруг никак не хотел принимать ясные очертания; все это, разумеется, виртуально. — Я полагал, что просплю по крайней мере неделю. Но я, кажется, восстановил силы.

— И ты не единственный, — сообщил Сингх.

Эландер попытался стряхнуть с себя сон.

— Что произошло на Пи-1 Большой Медведицы? — спросил он. — Кто-нибудь что-нибудь понял?

— Пока еще невозможно сказать ничего определенного, — ответил Сингх. — Конус от взрыва все еще расширяется, поэтому наши разведчики стараются держаться на расстоянии. Там все еще идет бой. Что касается победителя — нам совершенно ничего не известно. Поверишь ли, многие сочиняют каламбуры на тему: что осталось от звезды...

Эландер слабо улыбнулся. К сожалению, в это верилось легко: второстепенные обстоятельства часто провоцируют заурядных людей на ничего не значащие рассуждения.

— Ну а вы-то что? — спросил Эландер. — Чем занимались вы сами, когда я отключился?

— Лично я изучал файлы с материалами вашей миссии. Знаешь, они исключительно интересны: за несколько дней мы узнали так много нового!

— Я тоже просмотрела их, — заметила Лючия. — Мне они кажутся скорее нагромождением малопонятных фактов.

— Может, и так, — ответил Сингх. — Но они могут дать и некоторые ответы — конечно, если ты готова воспринять их. Мне запомнился момент разговора, где ты говоришь об одной из энграмм Питера, с Хи Геркулеса.

Эландер помнил эту энграмму. Он просил разрешения на объединение собственной памяти с этой энграммой — и получил отказ. Вероятно, последние моменты жизни этой энграммы остались с самой Лючией.

— Почему? И что он тогда сказал? — спросил Питер.

— Он изложил теорию, согласно которой пути эволюции Прядильщиков и Морских Звезд могут не пересекаться с нашим развитием — по крайней мере в пределах его обособленных квантов. Один из вариантов, описанных им, состоял в такой идее: чужие движутся во временном континууме, направленном противоположно нашему, следуя, таким образом, к большому финальному столкновению. В противоположность этому, наша Вселенная идет от большого взрыва — к тепловой смерти или к чему-то вроде этого.

— Игры разума, — заметила Лючия. — Он всего лишь бился с собственными, ограничивавшими его сознание начальными условиями.

— Что не лишает его рассуждения смысла, — возразил Сингх. — Вспомните, как говорил Астероид. Он мог разговаривать только утверждениями.

Эландер помнил этот факт: странное сферическое создание, подразумевавшее свою позицию как последней ин-

станции для общения с Морскими Звездами. Не мог он понять другое: каким образом все это связано с запинаящимися рассуждениями его собственной покалеченной копии?

— Ладно. Так что из этого?

— Ты хотя бы понимаешь, почему он не мог говорить по-другому? — продолжал гнуть свое Сингх.

Эландер нехотя заметил:

— Излагай свою теорию, я буду слушать.

Робот Сингха сменил позу, оставаясь двери.

— Я верю: Астероид потому мог изъясняться только при помощи утверждений, что к нему неприменимы нормальные правила разговора. Постановка вопроса всегда идет до следования ответа, но только не в случае, если его хозяева «просматривают» разговор в обратном ходе времени. Как мог Астероид дать ответ раньше, чем он услышит вопрос? Или, выражаясь еще яснее — зачем ему задавать свой вопрос, если с его точки зрения мы уже ответили на него?

— Чего-то я не понимаю, — пробормотала Лючия.

— А я, кажется, понял, — сказал Эландер. Он переместился к двери, где радостно дергался и стрекотал робот. — Роб считает, что общение между существами из двух противоположных друг другу временных континуумов возможно лишь квантами — или утверждениями.

— Точно! — согласился Сингх. — Это интерфейс между совершенно несовместимыми мирами.

Эландер снова вернулся к тому странному и неловкому разговору, вспомнив собственное удивление — как могут столь могущественные создания испытывать такие

непонятные затруднения в общении? Сингх предложил им вполне разумное объяснение; если он был прав, это означает, что они открыли еще одну консервную банку — с червями. Проблема в одном: как заставить расплзшееся содержимое опять собраться в банке?

— Вероятно, это вносит новые сложности, — высказала Лючия ту же самую мысль. — В своей вселенной они наблюдают увеличение энтропии. И что же, там с течением времени все становится лишь более упорядоченным, но не наоборот?

Глазки робота закрутились, словно изучая темноту комнаты.

— Вот здесь и находится суть вопроса. Как ни неестественно это звучит, но они могут идти к нам с той стороны, где вселенная находилась в момент своего переворота — оттуда, где даже вектор времени принял противоположное нашему направление. С их точки зрения, они направляются в будущее — в свое будущее.

— Тогда с их позиций, — развивала мысль Лючия, — они вовсе не те, кто разрушает Дары. Они те, кто их строит! Для Морских Звезд разрушают Дары как раз Прядильщики!

— Вполне вероятно, — согласился Сингх. — Однако нам не известно, придерживаются ли Прядильщики того же, то есть противоположного нашему хода времени, что и Морские Звезды, или нет. Если нет, все становится еще сложнее для понимания.

— Боже всемогущий! — оторопело произнесла Лючия. — Неужели в науке и такое возможно?

— Гипотетически — да. Существует предположение о том, что такой обратный ход времени характерен для так называемой темной материи, хотя ее следов пока не обнаружено. Возможно, она представляет собой материю, совершающую во времени путешествие к большому столкновению. Впрочем, я лишь излагаю теории.

— Идеи интересные, — заметил Эландер.

Выйдя из Темной Комнаты, он оказался рядом с роботом Роба.

— Но откуда они могут идти? — озадаченно спросила Лючия. — Насколько далекое будущее мы рассматриваем как их прошлое?

— Сегодняшние оценки дают примерно пятьдесят миллиардов лет или около того, до момента поворота вектора времени.

— Чертовски большой временной отрезок, — вздохнула Лючия.

— Но отнюдь не невозможный.

— Чтобы держать свое направление во времени, — продолжал рассуждать Эландер, мысленно обращаясь к теориям, о которых не вспоминал долгие годы, — они должны оставаться на определенном расстоянии от остальной части Вселенной. Они способны общаться с нашей Вселенной, однако лишь при помощи слабых взаимодействий. В противном случае они рискуют развернуть свой вектор времени по направлению нашего.

— Что же они могут предпринять? — спросила Лючия.

— Не знаю. — Эландер что-то напряженно соображал. — Что, если и Морские Звезды, и Пряильщики — из буду-

шего? Предположим, они вместе путешествуют в наше прошлое, но все, что мы можем видеть — находится слишком далеко от нашей части Вселенной и от нашего временного континуума, обступающего их, как растущий коралл обрастает риф.

— Именно то, что я пытался представить, — кивнул Сингх. — Кажется довольно странным, что миграции Морских Звезд и Прядильщиков всегда вместе, связанные друг с другом во времени, словно нитка с иглой, тогда как остальные формы жизни обживают эту нитку, пытаясь устроить на ней свой дом. В некотором смысле они уже утратили свой вектор времени, раз причинность в пределах нитки спуталась в такой беспорядочный клубок, что причинность эта уже не имеет своего первоначального значения. Действительно ли Дары предоставляют Морские Звезды или Прядильщики? Действительно ли Морские Звезды или Прядильщики уничтожают Дары? Действительно ли мы спровоцировали битву в Пи-1 Большой Медведицы, или мы ее закончили? Прибыли ли Прядильщики в эту систему сорок три года назад, или это был их исход из системы? Возможно, с их точки зрения, они только сейчас прибывают в нее?

— Или всегда были там, — добавил неопределенности Эландер.

Скептицизм Люции почти физически заполнил Темную Комнату.

— Лично я предпочитаю другую теорию, — едко заметила она.

— Разумеется, — парировал Сингх. — Потому что ее легче принять. И как раз поэтому я не доверяю такой тео-

рии. Если Прядильщики раздавали Дары, чтобы сбить со следа Морских Звезд, пока сами они не уйдут, это автоматически превращает их в истинных виновников всего замысла. И наоборот, освобождает от обвинения нас самих.

— Обвинения в чем, — переспросила Лючия.

— Разумеется, в том, что мы выдали расположение Прядильщиков Морским Звездам, — пояснил Сингх.

Эландер вынужден был признать теорию Роба Сингха весьма интересной. Картина взаимно противоположных связей, пронизывающих все пространство-время и соединяющих две его противолежащие точки, казалась странной, но завораживающей. А кроме того — сурово фаталистичной. Теперь ему казалось нереалистичным сравнение с кораллом, выросшим и давшим приют богатой экосистеме. Скорее напрашивалась аналогия с липкой бумагой от мух, заманивающей в ловушку всякого, кто окажется достаточно близко. И для тех, кто однажды попал в спутанные сети причинности, спасения может больше и не быть: нить окажется прочной. Лишь в крайних точках — в начале и в конце сдвоенной временной последовательности — дается шанс ускользнуть со сцены.

Следовательно, вопрос вот в чем: где именно в будущем находится эта точка возможного отрыва? Оказалось ли человечество — или то, что от него осталось, — пойманным в ловушку на миллионы лет, как Юлы, или их спасение близко?

— Вполне возможно, разрешить сомнение способен Практик, — сказал Эландер после некоторого раздумья. —

Если впереди они обнаружили еще некоторое количество Даров, значит, миграция продолжается, и она не зависит от того, что произошло в системе Пи-1 Большой Медведицы.

— Наверное, кто-нибудь его спросит, — заметил Сингх. — Когда найдет.

— Если найдет, — криво усмехнулась Лючия.

Эландер не мог вечно оставаться взаперти, и сам понимал это. С течением времени, осаждаемый напоминаниями со стороны Сол, Питер сумел представить собственную, осмысленную в спокойной обстановке картину событий. Не зная заранее, как примут его точку зрения, он тем не менее понимал: его собственная роль убийцы двух Эксфордов и разрушителя фабрики по производству андроидов — центральная.

Лючия всюду сопровождала Питера, облаченная в свое И-тело — сначала в Хаб, затем в Библиотеку, где проходило его главное «расследование». Он работал с материалами, пользуясь рабочим местом руководителя экспедиции, со всем вниманием и скрупулезностью, на какие был способен. Понимая, что события двух прошедших недель невозможно рассматривать изолированно, Питер все же заметил — его руки вспотели, когда дошло до описания сцены с Эксфордом-1313. Ощущение, как от удара его ноги с хрустом сминается грудная клетка, прессуя внутренние органы, оставалось ужасающе натуральным. А запах сгоревшей крови, опасался Питер, вообще невозможно позабыть.

Затем они отправились в Медицинский Центр, где планировали подробное обследование тела Питера. Инструментарий, имевшийся для этого в Четвертой башне, значительно превосходил все, что Питер видел когда-то на Земле, и он заранее испытывал трепет перед тем, что может обнаружить в нем Кингсли Оборн — самый близкий к медицине член экспедиции, тысячи участников которой не имели человеческого тела в полном смысле слова. Стиснув зубы, Питер без звука вытерпел сканирование таинственных датчиков, метавшихся туда и обратно вдоль тела — чувствуя, как странные нанопотоки струятся по всем его тканям.

Выводы Оборна казались неопределенными. Он действительно обнаружил свидетельства обширного вмешательства в тело Эландера на клеточном уровне, однако не мог понять смысл произведенных изменений.

— Сейчас я работаю над новой конструкцией тела для андроидов, — задумчиво произнес он, теребя подбородок там, где у обычных людей должна расти борода. — И если удастся внести в нее то, что Практик внес в твое тело...

— Из какой ты экспедиции? — спросила его Лючия.

Оборн с нескрываемой завистью окинул взглядом ее И-костюм.

— Торус-10. Я смотрю в будущее — чтобы вернуться к жизни, как только все кончится.

— Чтобы жить?

Биотехник неопределенно пожал плечами.

— Хотелось бы. Хотя понятно, что если все разбегутся по углам, ничего хорошего с нами не произойдет. Нам

придется держаться вместе. Потом, когда все встанет на свои места, можно говорить о переходе к нормальной жизни.

— К жизни в обновленном теле?

Оборн посмотрел на Люцию.

— Разумеется. Кому хочется навеки остаться только с КоннЦом?

Эландеру еще не приходилось слышать этого выражения, так что он немного смутился, что не ускользнуло от Люции. Все выяснилось, когда Люция и он остались в Медицинском Центре одни.

— Имеется в виду КоннЦентр, — пояснила она Питеру. — Кое-кто из андроидов открыто презирает состояние, когда их запирают в виртуальной реальности, даже несмотря на факт, что интерфейсы КоннЦентра предоставляют более комфортабельную среду и в целом удобнее, чем искусственная плоть. Есть, разумеется, и обратная сторона: над «Конами» смеются за их тупость и медленные реакции, естественные для программной модели.

Эландер хмыкнул, гадая, не становятся ли они свидетелями проявления нового, уже внутреннего несоответствия культур? Что, если с развитием событий в будущем это перейдет в конфликт между андроидами, облеченными в плоть и бестелесными энграммами? Возможно, тогда люди без реального тела, подобные Люции, помогут смягчить расслоение общества.

— Можно представить себе энграмму без тела, но можно ли вообразить тело без энграммы? — вдруг спросил Питер, обращаясь к Люции.

— Возможно, да, — ответила она. — По крайней мере, думаю, кто-то работает над этим, пока мы разговариваем.

На общем пространстве странного виртуального пейзажа Несогласия Эландер смог уловить неясные признаки того, что часть чужих существ помнит события, происходившие с ними в начале миграции. Из тех, кто остался, чтобы стать подвидом Мечтателей — таких набралось несколько. Но хотя они помнили, как Прядильщики впервые посетили их родной мир, воспоминания их были нечеткими и скучными. Учитывая пластичность, свойственную мозгу Юлов, все они со временем оказались в значительной мере переработанными.

— Мы утратили все, — сказал Питеру один из старейших Юлов, не имевший специального статуса, но которому, однако, разрешалось высказываться от лица тех, кто сохранил эту расу. — Миллиарды погибли на обжитых нами лунах, горевших, как муравейники. Пламя пожрало все, созданное нами. Двумичию нет дела до наших требований. Оставшиеся в живых встретили Практика, и рок, преследовавший Юлов, отступил.

Эландер выслушал повествование с интересом, думая о том, каково это, осознавать конец исхода, продолжавшегося тысячи лет. Он не вполне доверял встроенной в его сознание способности понимать речь Юлов, однако почувствовал в словах старейшины определенную печаль, когда тот рассуждал об альтернативе их общего освобождения. Имел ли в виду смерть этот последний из выжив-

ших представитель родного мира Юлов, или он еще надеялся выйти на свободу? Вполне вероятно, в глазах Юлов один из выходов не казался лучше другого. Ничто не слишком после тысяч лет эмиграции.

Вид, к которому принадлежал этот гигант, путешествовал с Прядильщиками достаточно долго — дольше Юлов — и достиг, таким образом, понимания их могущества, так же, как и еще одного: менее развитая раса может стать лишь паразитом на теле более мощной цивилизации.

— Это рассвет новой эры, — сказала Сол, и ее голос ясно и громко прозвучал среди Юлов и подключенных к среде общения энграмм.

Эландеру были хорошо знакомы ее сомнения относительно той роли, которую сама Сол играла среди сообщества энграмм, однако Питер не собирался демонстрировать этого.

Сол продолжала речь:

— Что за будущее ожидает наши расы — неведомо никому, но раз мы встречаем его с уверенностью и достоинством, тогда...

— Что ж, давай встречай его, Кэрил, — прервал ее знакомый голос. — Полагаю, ты встретишь его тем же образом, которым встречала все, а именно некомпетентно. Вообще, я готов доказать, что ты не переживешь этот год.

По собранию словно прошла волна.

— Фрэнк? — переспросила Сол. — Каким, черт возьми, образом ты проник...

— Не имеет значения, как я проник, — снова оборвал ее Эксфорд. — Имеет значение лишь факт: я уже здесь.

Казалось, он развлекается.

— Знаешь, Кэрил, я слышал об уверенности и достоинстве, но ведь эти слова — твоя обычная риторика, не так ли? И все, что я вижу, это покорное стадо, корабль, полный дурней, оцепенело сидящих в ожидании пяты, которая придет и просто раздавит их.

— В то время как ты будешь строить планы и изучать собственные возможности, да? — негодуя, произнес Эландер. — Почему бы тебе не оставить свои разглагольствования, Фрэнк, мы это уже слышали.

— О, доктор Эландер, я полагаю, — не без ехидства заметил Эксфорд. — Жертва неудачной практики Практика. Скажи, каково тебе состоять частью этого шутовского собрания? А когда все человечество уйдет в никуда, что, будешь ли вспоминать сделанное тобой в Солнечной системе? Ты хотя бы задумываешься о миллионах погибших там? Они на твоей совести, потому что ты никогда не мог свести вместе даже две простейшие мысли, ты...

Смешок Эландера прервал Фрэнка.

— Вероятно, ты когда-то был способен ударить меня — один раз, но не более, Фрэнк. Давным-давно я даже испытывал к тебе симпатию, но теперь не могу вызвать в себе даже жалость.

— Я весьма тронут: такие манеры — и у гибрида...

— Обвиняя нас в риторике, ты сам отчасти причина этого. Если можешь обратиться к нам большее, чем слова, — давай, не стоит тратить время. Нам ни к чему пустые разговоры, Фрэнк.

Ответ Эксфорда прозвучал жестко:

— Поговори со своей вывернутой наизнанку подружкой, Питер.

Он исчез, растворившись в гомоне мыслей остальных присутствовавших, принявших с жаром обсуждать его явление. Эландер не стал задерживаться, в его намерения входило срочно вернуться в собственное тело. Со звуком сорвав с себя органический шлем, он вышел из соединения с Несогласием. Помощник из Юлов, стоявший рядом, предложил ткань, чтобы обтереть лицо, но Питер оттолкнул его и устремился на поиски Люции.

И-тело не нуждалось в физическом контакте сенсорами присутствия, так что Люция ждала Питера возле него самого, пока тот разбирался со своими виртуальными соединениями.

— Что произошло? — спросил он, взяв Люцию за прозрачные руки.

Его собственные руки дрожали.

— Он пришел ко мне, — ответила та. — Фрэнк-Топор. Он пытался войти в меня, чтобы потом овладеть и башней.

Запечатленное скорее в невидимых полях, чем на прозрачной внешней оболочке, ее напряженное состояние казалось ему очевидным. Оно выражалось ясно — и позой, и чертами призрачного лица. Для того, кто состоит из чистого разума, не имея даже собственного тела — ничего, что можно было бы назвать своим, психическое вторжение могло представлять собой настоящее физическое насилие.

— Ему удалось?..

Она отрицательно покачала головой.

— Темная Комната не пустила его. Он не смог попасть туда. Там, в ее глубине, могу находиться только я. И все же он пытался, а когда не удалось — хотел меня ранить.

— Но теперь-то ты в порядке?

Питер осмотрел ее И-тело в поисках видимых повреждений, но не обнаружил ничего подозрительного. Умом он понимал — тело должно выглядеть идеально, независимо от происшедшего внутри ее хранившегося в башне сознания.

— Все нормально. Но я рада тому, что теперь он ушел. По-моему, Тор сделала большую ошибку, связавшись с ним.

Питер кивнул. Эксфорд доказывал, что Вселенная — это жестокий мир и такое место, где лучше всего выживают создания наиболее бесчеловечные и жестокие.

Внезапно Лючия освободилась от рук Питера и слегка наклонила голову, словно прислушиваясь к звукам, которые могла распознать только она.

— Что там? — спросил он, увидев, как выражение ее лица становится все более озабоченным.

— Это Тор, — ответила Лючия. — Она вернулась.

— А что Практик? Он вместе с ней?

— Нет. Послушай.

Дотянувшись, она коснулась руки Питера. Тут же Эландер включился в КоннЦентр, увидев со стороны всю систему. Тор сверкала, словно многохвостая комета, сияя на ближайшей к Сагарси орбите.

— ...вернулась, — донеслись ее слова. — И я принесла вам плохие вести.

Эландер завертел головой.

— Что за плохие вести? — спросил он, не без удивления услышав собственный смоделированный голос. — Это связано с кем-то еще?

Тор не ответила на вопрос, продолжая:

— Вам следует немедленно покинуть это место.

— Покинуть? — спросила Клео Сэмсон уже с поверхности планеты. — Но почему? Мне кажется, здесь вполне безопасно.

Внезапно за сиянием, исходившим от Тор, все увидели загоревшуюся в небе крошечную точку, словно там явилась еще одна новая звезда.

— Нет, — проговорила Тор, — вы не в безопасности.

— О черт! — Голос принадлежал одной из энграмм Кэрил Хацис — КоннЦентр увеличил изображение вспыхнувшего в небе объекта. Он казался нестабильным и ярким, выдавая быстрое внутреннее движение. — Это Око.

— Господи!.. — пробормотала Сол. Все было ясно. — Мы все знаем, что это. Эвакуация, по всем станциям, быстро!

— А куда? — спросила одна из энграмм. — Бежать-то нам некуда!

Сол ответила не сразу, и в напряженной тишине все ждали, что скажет им единственное из живых существ, каков будет ее последний довод.

— Я возвращаюсь назад, к Солнцу, — сказала она. — Остальные могут действовать по собственному разумению.

— Сол, — громко выкрикнул кто-то, — но...

Она не позволила говорившему закончить:

— Я больше не буду убегать, как животное, — резко заявила Сол. — Если мне случится умереть, пусть это случится на моих условиях, а не на их. — Секунду она медлила, только секунду: — Если я умру, пусть это произойдет там, у меня дома.

Эландер не знал, что делать — плакать или аплодировать. Щелкнув выключателем, Сол вышла из виртуального пространства.

2.3.7

При виде открывшегося перед ней Ока Люцию охватил страх смерти. Первым ее желанием было бежать вместе с остальными. Пусть и устав от такого бегства, Люция понимала: уйти от Ока ей будет несложно. В движении она останется совершенно недосягаемой.

Страх превратился в ужас, как только она вспомнила, что Питера физически нет с ней рядом. Он оставался на «Мантиссе-Б»: два скачка и один корабль-прорезатель отделяли его от спасения. Ужас только усилился после заявления Сол.

Я больше не буду убегать, как животное.

Если Питер пойдет с Сол или если Люция не сможет его спасти, тогда она останется окончательно отрезанной от всего. В свободном полете. Затерянная во Вселенной. Кажется, время остановилось: Люция принимала решение, что делать дальше.

Однако на долгие раздумья времени не было. Внимание Люции привлекла паника, охватившая Сагарси. Эфир

пронизывали голоса, они кричали, задавали вопросы, предположения и обвинения. Во всем чувствовалось отчаяние — даже Лючия не могла противостоять всеобщему напряжению.

Сквозь доносившиеся из эфира панические возгласы Лючия уловила произнесенное много раз имя Фрэнка Эксфорда. Едва ли это могло быть сюрпризом, учитывая, что именно он вызвал Морских Звезд к Бейду. Эксфорд не стал бы думать дважды, случись снова предать возможных союзников. А короткая пауза между последним исчезновением Эксфорда и появлением Ока лишь укрепляла подозрения в умах оставшихся на Сагарси.

Несмотря на эмоции толпы, Лючия понимала: в данном случае Эксфорд явно ни при чем. С Сагарси вообще не случилось ни одной трансляции по мгновенной связи. А предположение, что Морские Звезды предприняли свое нападение из-за сообщения, переданного Тор, вовсе не имело смысла — акт подобного геноцида никогда еще не был связан с использованием простой, не мгновенной коммуникации.

Лючия была взволнована. Ее И-тело мчалось рядом с Питером, а он торопился к ближайшему эвакуационному пункту. Там уже стояла толпа, ожидая прибытия очередного внепространственника. «Мантисса-Б» начинала распадаться на части, отпуская на свободу корабли, разлетавшиеся вокруг, как семена одуванчика — только под действием солнечного ветра. Другое место предназначалось для сбора тех, кто не разделял самоубийственных представлений Сол. Сам по себе Алькаид — воистину,

«старшина в процессии плакальщиков» — стал местом, предназначенным судьбой для перегруппирования беглецов и принятия их решения о дальнейшем маршруте. При расстоянии в сто световых лет от Солнца, эта система представляла собой самый дальний уголок Вселенной, куда когда-либо добирались энграммы.

По моему мнению, но не в соответствии с вашим...

Решение Сол разорвало мрак неопределенности, превратив его в паническое бегство. Столь же жесткие, как и сама перспектива остаться, просто отдав себя на растерзание Морским Звездам, ее слова положили предел неопределенности и страху. Судя по гулу голосов, который могла слышать Лючия, большинство предпочло следовать за Сол. Многие из уже принявших это решение призывали остальных примкнуть к ним.

И-тело Люции с бессилием наблюдало, как Эландер выбрал свой путь — вслед за Сол.

— Что с ними будет? — спросила она, предлагая вопрос вниманию Тор. Сверкающий гибрид пока что не двинулся со своего места на орбите. Казалось, Тор предпочитала держаться на заднем плане событий, бессильно наблюдая за безумием эвакуации. Ее лучи освещали путь уходящим во внепространство кораблям. — Не попытается ли Око следить за ними?

— Уследить за ними по отдельности достаточно сложно, — ответила Тор. — Что касается всех в целом — думаю, направление перемещений будет перехвачено.

— А что решила ты, Кэрил? Уйдешь, спасаясь бегством, или последуешь за Сол?

В наступившем молчании Лючия слышала неуверенность. Тем не менее она знала: решение будет принято, и очень скоро. До прибытия в систему куттеров оставалось совсем немного времени.

Она мысленно переключилась в точку присутствия собственного И-тела, следовавшего за Питером. Вместе с ним в рубке тетрады, назначенной по маршруту следования Сол, оставалось еще около нескольких десятков андроидов. При всей его необычно бородатой внешности — Питер весьма основательно оброс — Лючия точно знала, что он чувствует: это ощущения загнанного в угол.

— Не могу поверить, что ты уходишь с ней, — сказала она Питеру.

Он посмотрел прямо на нее, покачав головой:

— Лючия, это не твое дело.

— Но это решение — ошибка! Ты сам знаешь!

— Что ошибка, что не ошибка, — ответил он, — все это мои проблемы.

— Но... — Она споткнулась на слове. *Как же звезды?* — хотела крикнуть она. — *И как же мы с тобой?*

Воспоминание — вот они, вместе, держась за руки, на Цзян Ляо — все еще оставалось в ней, оно казалось все еще сильным, несмотря на уничтожение той станции вместе со всем освоенным их экспедицией миром в Пи-1 Большой Медведицы. Пусть того солнечного будущего, о котором она мечтала, больше нет, но это не означает, что следует терять надежду.

Тетрада отчалила от «Мантиссы-Б» и завершала подготовку к прыжку в Солнечную систему, как вдруг в Лючии созрело импульсивное решение. Нельзя просто сто-

ять и смотреть, как Питер собирается убить себя сам. Став вплотную к Питеру, она положила свою прозрачную руку на его плечо. Одно мысленное усилие — и ее И-тело, тут же потеряв свою форму, словно поток воды окатило Питера с головы до ног, распространяясь поверх его тела и его И-костюма.

— Что за?..

Она лишь напрягла волю, и Питер замолчал. Мысленно Лючия вышла из тела, направившись к компьютеру корабля, который назывался «Хуан-ди».

— Открыть внутренний замок воздушного шлюза! — скомандовала она. Игнорируя протесты Эландера и смущенные взоры публики, они прошли к шлюзу коротким коридором, который вел из рубки. — Закрыть внутренний замок шлюза!

Из-за сжатых зубов Питера слышалось какое-то мычание. Лючия немного ослабила хватку, дав ему высказаться.

— Не делай этого! — пробубнил он. Казалось, звук раздается прямо у нее в голове. — Лючия! О боже, дай же мне уйти!

— «Хуан-ди», продуй шлюз.

Окружавший их шум исчез, остался только слабый звук, вибрация которого проникала через подошвы ног. В то же время голос Питера оставался по-прежнему громким.

— Пускай я не могу тебе помешать, — продолжал он, — тогда я вообще не буду разговаривать с тобой! Я останавливаю свой процессор! Я отключусь! Посмотрим, на что я сгожусь тебе в этом случае, а?

Люция поколебалась, но лишь на мгновение. Заставив его жить, она сохранит шанс восстановить и его энграмму. Если же Питер умрет — не будет и этой слабой надежды. Нетрудный выбор.

— «Хуан-ди», открой внешнюю дверь шлюза.

Остатки воздуха со свистом утекли в пустоту. Их встретило яркое свечение Ока, казалось, следившего за тем, как Люция тащит дрыгающего ногами Эландера в космос.

Люция мысленно перешла в башню. «Хуан-ди» все еще оставался на виду яркой точкой на звездном поле, а точка Питера светилась рядом с ним. Включив двигатели малой тяги, Люция повела свой корабль сквозь трассы хаотично перемещавшихся прорезателей, в то время как вокруг уже светились голубые огни, возвещавшие о начавшемся прибытии куттеров.

Паника среди отбывающих беглецов перешла в лихорадочное бегство, и Люция слышала их безнадежные возгласы, проклятия и даже мольбы, адресованные Морским Звездам, впрочем, совершенно глухим. Последние из доставшихся людям Даров золотом сверкали в лучах яркого солнца, а над ними уже заносили острый карающий топор. Люция, как и все остальные, знала: никто не способен изменить ход событий. Все, что еще можно, это попытаться спастись.

Энергетические поля с толщиной крыла бабочки и силой титана сомкнулись над Эландером и накрывшим его И-телом, увлекая их вслед за пролетающей мимо башней. Люция подобрала его, взяв под свою защиту. Куда именно направиться, она еще не решила. В отсутствие данных

о Практике сложно решиться на прыжок в неизвестность. Но где-то должна найтись точка, попав в которую, можно оказаться в безопасности; определенно существует и граница, за которой исчезнет угроза быть уничтоженными Морскими Звездами.

Внезапно Тор объявила, словно войдя в ее затруднительное положение:

— РЕШЕНО. Я ИДУ НА BSC-5581.

Ее голос дошел до Люции как раз тогда, когда половина кораблей с беглецами исчезла, словно увлеченные одной внезапной волной. Среди них и «Хуан-ди».

— Почему? — только и успела спросить Люция, и тут яркая точка, обозначавшая Тор, тоже исчезла.

Куттеры шли низко, над самой Сагарси, быстро сбивая башни одну за одной, словно это были веточки. Времени на раздумья не оставалось: наступил момент для решительных действий. Подобно личной подписи, у каждого из чужих кораблей был свой, особый стиль движения в пространстве — у куттеров, «Трезубцев» и их более экзотических сородичей. Тор, ставшая не менее загадочным созданием, не представляла собой исключение и, двигаясь во внепространстве, оставляла позади вполне четко определяемое возмущение, что облегчало следование Люции по ее маршруту.

— Извини, — сказала она, оборачиваясь к Питеру. Они как раз пересекали область пространства-времени с несложной геометрией. — У меня не было выбора.

— Избавь меня от твоих извинений, — отрезал он. Освободившись от плена ее И-тела, Питер оставался запер-

тым внутри корабля. Лючия предоставила ему полный доступ ко всей телеметрии, но это не интересовало его. — Ты наплевала на мои желания, так что давай кончай все это дерьмо.

Лючия было продолжила оправдываться:

— Но я действительно хотела...

— Если ты хотела, — проговорил он, — не следовало действовать против моей воли. И не стоит трудиться, предлагая мне весь этот вздор — как ты старалась для моей же пользы или для остальных. Меня на это не купишь. Ты сделала так лишь потому, что тем самым обеспечиваешь собственное бегство.

Обвинение довольно обидное — ведь сказанное попросту не было правдой. Однако на выяснение отношений времени не было. Они уже выходили из внепространства около BSC-5581. Мир этот некогда назывался Гебой, и он все еще догорал. Эландер замолчал, вероятно, понимая, что есть вещи выше личной свободы. Лючия и Тор все еще оставались одни в мертвой системе. Если сюда и придет кто-то из выживших, это случится позже.

— Что теперь? — спросила Лючия.

Тор ничего не ответила. Вместо этого она направила вниз, на руины лежащего под ней мира яркие лучи, словно тестируя насыщенную дымом атмосферу. Лючия опять вспомнила об антеннах — таких, какие бывают у насекомых, и ей захотелось узнать, хотя бы когда-нибудь, о чем теперь думает Тор.

В этот миг высоко над эклиптической загорелся огонек, и сердце у Лючии замерло. За ними опять следило Око. Тор не стала тратить время на обсуждение.

— HD-132142, — сказала она.

Прежде чем Лючия успела ответить, Тор вновь отправилась в путь, оставив ее башню под холодным и пронзительным взглядом Ока.

— Если мы собираемся за ней, — заметил Питер, — я бы не советовал тебе долго думать.

Не имея альтернативы, Лючия последовала его совету, прежде чем куттеры успели отрезать им путь.

Прибыв в HD-132142, она обнаружила систему пустой, а саму Тор летающей в отдалении над еще одной разрушенной колонией. Огонь догорел, но по поверхности планеты еще стелился дым. Мрак, должно быть, продлится еще несколько месяцев, если не лет.

Через несколько мгновений после ее прибытия Око зажглось вновь, проступая сквозь облака, словно новое солнце.

— BSC-5423, — сказала Тор и снова исчезла.

На сей раз Лючия не раздумывала. Она опять ушла во внепространство, ориентируясь по следу Тор.

— Это никуда нас не приведет, — сказал Питер. В его голосе еще звучала обида, но уже не было злости. — Продолжая так, ты рано или поздно окажешься там же, где и Сол. Можно с тем же успехом отправиться прямо туда и избежать всех этих метаний.

Лючия тоже заметила систему в перемещениях Тор. Система HD-132142 включала Деметру, третий по счету мир из только что разрушенных Морскими Звездами. Земина, следующая на очереди, находилась в BSC-5423. Тор явно отработывала цепочку в последовательности, обратной порядку разрушения. Но почему?

Вскоре после их прибытия к руинам, некогда называвшимся Земиной, над системой опять появилось Око. Тор мгновенно отправилась дальше, Лючия пустилась за ней, держась вплотную. Так они прибыли на Расмуссен — в систему BSC-5070.

— Чем же ты занимаешься, Кэрил? — спросила Лючия сразу после прибытия в систему. — И что тебе нужно?

— Симметрия, — просто ответила она.

— Симметрия? Что, черт побери, происходит?

Появление Ока снова прервало их краткую беседу. Тор снова исчезла.

Лючия последовала за ней: у нее не оставалось иного выбора. Если у перемещений Тор и была какая-то цель, Лючий следовало узнать — какая именно.

— Что понимать под термином «симметрия»? — задавала она вопрос уже около Лямбда Ауриги.

— Если у нити есть один конец — найдется и второй, — ответила Тор и отправилась своей дорогой.

В системе Тета Персея Лючия спросила:

— Ты имеешь в виду разнонаправленные нити времени, о которых толковал Роб?

— Твоя терминология неадекватна.

Питер горько засмеялся, пока они следовали к Тору-су-10.

— Она всегда была высокомерной сучкой, — зло заметил Эландер. — Но если она думает вывести Морских Звезд обратно тем же путем, по которому они пришли...

— Не думаю, — ответила Лючия.

Она с трудом могла принять саму вероятность осуществления подобной схемы. Тор если и права, то не более

чем наполовину. И здесь Люции не хватало не только терминологии: ее разум просто по определению не способен был оперировать такими понятиями.

По-видимому, Тор располагала немалыми возможностями. В красноватом свете звезды Лайтена Люция вдруг увидела, как Тор скачком подошла ближе к Оку. Око угрожающе засветилось, и через мгновение Тор уже была на пути к очередной системе. Люция последовала за Тор, а по ее следу за ними шло Око.

В системе Грумбридж-1830 Тор опять повторила свой маневр и опять была отвергнута. В Йота Ботис, казалось, удалось подойти ближе всего — и снова Око отогнало ее прочь. Вблизи Хи Геркулеса Око выскочило на них прямо над позицией Тор, заставив ее отпрянуть. Так продолжалось и дальше. Люция словно наблюдала странную игру в классики, но в масштабах расстояний между звездными системами и с угрозой в виде куттеров, постоянно ждущих где-то рядом.

— Чего она хочет? — спросил Эландер по дороге к очередной системе. — Объединить свой «корабль» с «кораблем» Ока? Бог ты мой!

— Это был бы огромный шаг вперед в области гибридизации, истинно мичуринский опыт, — заметила Люция. — Лично я не подозреваю Тор ни в чем подобном. Скорее всего Око не попадает в класс объектов, с которыми возможно объединение.

— Что ты хочешь сказать?

— Любое создание имеет собственный почерк — то, каким способом оно выходит из внепространства. Любое —

за исключением Ока. Оно не оставляет пространственных волн никакого рода. Нет вообще никакого ощущения движения: оно просто появляется.

— Что ты такое говоришь?

— Я утверждаю — это не корабль.

— Тогда что? — озадаченно спросил Эландер.

— Полагаю, отверстие от своего рода червоточины.

Около Бета Гончих Псов они наблюдали, как Око сверкнуло над еще одним из опустошенных миров. Теперь, когда светлая идея уже осенила ее, решение показалось Лючии вполне очевидным: к чему посылать вдаль корабли, когда есть другое средство пронизать время и пространство. Уже зная о прочих чудесах, имевшихся у Морских Звезд и Прядильщиков, нужно ли слишком удивляться технологии «червоточин»? Когда Морским Звездам не следовало подходить слишком близко — вне зависимости, по какой именно причине, — все, что приходилось сделать, это открыть свое окно в системе, исследование которой было необходимо. Увидев происходящее — послать туда куттеры. Излучение Ока представлялось побочным продуктом существования окна — как кровь, капающая из ранки.

Вопрос состоял в другом: что находится по другую сторону червоточины? Куда реально она ведет? И что заставляет интеллект, наблюдающий за окном, исполнять вместе с Тор этот странный танец?

Они миновали Вегу и Сотис — две жертвы страшной битвы при Бейде. Око равнодушно проследовало мимо руин, а затем танец продолжился. Тор подходила к глотке

«червоточины» ближе и ближе, словно хотела, чтобы ее проглотили.

— Так или иначе, но я не вижу никакого смысла, — нетерпеливо высказался Эландер. — Когда Око обнаружит Сол, оно выведет куттеры на нее и на остальных, и все закончится.

Лючия соглашалась, подозревая, что и Тор рассуждает точно таким же образом. По мере их продвижения от системы к системе Сол все время приближалась, а танец принимал угрожающий оттенок. Постоянно исследуя периметр «червоточины», Тор не обращала на Лючию и Эландера ровно никакого внимания. Игнорируя любые вопросы Лючии, она тем не менее предполагала, что за ней неотступно следуют. Лючия понимала, что она просто наблюдатель, свидетельствующий даже о том, что не в состоянии понять.

Так они прибыли в HD-92719 — систему, показавшуюся вначале неотличимой от других: чужое Солнце над чужим миром и черное, обугленное лицо планеты, некогда похожей на Землю.

Внезапно Тор заговорила.

— Я дома, — сообщила она за несколько секунд до появления Ока. — Здесь все началось.

Лючия никак не могла понять значение слов «я дома», пока не проверила файлы с архивами всех экспедиций. В системе HD-92719 находилось поселение, имя которого носила Тор.

— Что ты сказала, Кэрил? — переспросил Эландер. — Это место, где началось что?

У Тор не оставалось времени на ответ, даже если бы она и хотела ответить. Око раскрылось прямо над нами, сияя, словно сверхновая звезда. Приняв угрожающе большие размеры, оно заняло полнеба. Оно было явно больше, чем раньше, однако Лючии все еще казалось, что это лишь оптическая иллюзия. Через мгновение она поняла: Око на самом деле расширялось.

— Боже правый! — пробормотал Эландер.

С перемещением границ Ока ближе Тор исчезла, оставив после себя лишь ослепительную белую вспышку. Лючия приготовилась было следовать за ней, но судя по волновому следу, оставленному Тор, ее трасса шла вовсе не из системы. Она устремилась в самое сердце открывшегося перед ней явления.

Сквозь вакуум вскипели потоки радиации, и одновременно Око пошло вперед, а его вмиг замутившаяся поверхность выбрасывала неистовые потоки и всплески. Тонкие органы чувств, доставшиеся Лючии от Пряильщиков, улавливали присутствие геометрий неясного рода и диких возмущений пространства-времени. Внутренняя часть червоточины казалась практически живой, пульсируя с симметрией, воспринять которую сознание Лючии просто отказывалось.

Затем, совершенно внезапно, что-то хлестнуло по ним — язык из чистой энергии белого цвета. Лючия почувствовала резкое движение, ускорение, проникновение, дезориентацию...

Время отступило, и осталось туманное забытие. Лючии показалось, что ее внутренняя частота упала до само-

го нуля, оставив ее неподвижной, тогда как весь мир продолжал двигаться мимо.

Потом все затихло, и даже Око куда-то исчезло. Лючия посмотрела вокруг, не понимая, что и как с ними произошло.

— Где мы?..

Эландер замер на середине своего вопроса, так и оставшегося без ответа.

Вокруг была не HD-92719 — их опять куда-то перебросило. В центре, на месте звезды, крутился водоворот бешеной энергии. Система, в которой они оказались, в последние дни снова претерпела большие перемены, однако Лючия узнала ее сразу.

— Пи-1 Большой Медведицы, — еле слышно произнесла она.

— Какого лешего нас сюда занесло?

— Вероятно, именно сюда и вела «червоточина».

— А где тогда Морские Звезды? Что произошло с битвой?

Лючия обследовала систему на всех частотах — никого.

— Они ушли, — просто сказала она.

— Я это понял. Вопрос — куда?

— Откуда мне знать? — огрызнулась Лючия.

Питер взъерошил рукой волосы и тяжело вздохнул.

— Извини, — сказал он. — Просто я...

Он запнулся.

— Просто что, Питер?

— Просто система выглядит слишком пустой, — сказал он после небольшой заминки. — Слишком тихо. Я просто не хочу надеяться...

Он снова остановился, качая головой.

— Я боюсь надеяться...

Лючия никак не могла понять, о чем он толкует. Обследовав систему, они внимательно искали любые виды активности — и ничего не находили. Но просто потому что здесь нет ни Источника Всего, ни «Трезубцев», ни куттеров, разве можно сделать вывод, что чужие ушли насовсем? Не слишком ли это — надеяться, что странный танец Тор каким-то непостижимым образом спас их всех?

Как и Питеру, Лючии не хотелось делать поспешные выводы. Тем не менее система действительно опустела. Никакого движения, только руины планет и разбитые вдребзги астероиды.

Они ждали, не появится ли Око, но ничто не нарушало дикое в своей красоте зрелище газовых облаков, бывших некогда центром системы и ее светилом. Они ждали, не вернется ли Тор — она тоже не появлялась.

— Может быть, они просто продолжили движение, — предположил Эландер. — Возможно, своим танцем Око просто вывело нас за пределы их дальнейшего маршрута от одной системы к другой?

После паузы он добавил:

— Но вероятно, тогда мы просто теряем здесь время?

У Лючии перехватило дыхание. Время не имело значения, но мысль о его безвозвратной потере могла вести к депрессии.

— Так куда ты хотел бы отправиться?

Он несколько не колебался, хотя мог бы — для приличия.

— К Сол, — упрямо ответил он. — Я хочу домой, и хочу видеть, что осталось от дома.

2.3.8

Юэй/Эллил

Юэй/Эллил шагнул с корабля, ступив на поверхность безымянной планеты. В лицо ударил поток плотного воздуха, и держать равновесие стало трудновато. Опустившись на одно колено, он запустил одну из рук в грунт, пытаясь привыкнуть к обстановке.

Ю-Кван тут же помогла ему подняться.

— Плохая идея, Юэй.

Неяркий свет солнца добавил коже зеленого оттенка, так что вид у нее был решительно нездоровый. Что вполне соответствовало тому напряженному выражению, с которым она совершила короткое путешествие по поверхности планеты.

— Со мной все будет нормально, — заверил Юэй.

— Ладно. Просто, чтобы ты был в курсе: если умрешь, я не смогу дотащить тебя обратно.

В знак согласия он просто сдвинул вместе лицевые пластины и тут же подумал: она ведь не понимает мимического языка Юлов. Его же переполняла такая радость, что он просто-напросто лишился дара речи. Приближалось поистине удивительное событие.

Почва под его ногами была каменистой и вовсе не выглядела плодородной — но это была настоящая земля! Сжав горсть в ладони, Юэй смог оценить ее структуру. Да, впервые за многие и многие циклы он стоял на поверхности настоящей планеты. Ее тяготение давило вниз, погодные условия не внушали оптимизма, солнеч-

ный свет едва достигал значения, принятого на «Мантиссе-А». И все же именно здесь он чувствовал себя в своей тарелке.

Искупление в нем зашевелилось. Ощущая скручивающиеся под кожей усики, Юэй подумал, что оно нуждается в том, чего он уже не может дать. Перерастая своего хозяина, оно должно перейти к следующей фазе.

Вероятно, роды будут тяжелые, рассудил он. Что ж, не стоит сожалеть. Странно, но страха Юэй не ощущал.

— Ладно, — сказала Ю-Кван, — что теперь?

— Думаю, теперь я понял, — сказал Юэй. Острое желание свободы, исходившее из находившегося внутри Искупления, раскрыло перед ним вопросы, никогда до того не возникавшие. — Теперь я знаю, что означает имя «Гоэлы».

— Юэй, избавь меня от этой мистики, — ответила она. — Сейчас не время для явления чуда.

Он только рассмеялся. Впервые за все его циклы Юэй почувствовал — он по-настоящему жив!

— Я больше не Юэй, — спокойно ответил он. — Все меняется. Я на пути к освобождению.

— Ты меня нервируешь.

Он понимал ее страх так же ясно, как чувствовал желание того, что находилось внутри него, вырваться на волю.

— Двуличие ушло, — сказал Юэй.

Ю-Кван внимательно посмотрела на него.

— Откуда тебе знать?

— Это известно Практику. Он всегда знает то, что нам еще недоступно. Практик чувствовал, как они уходили из этой Вселенной.

— Так мы спасены? — Она помедлила, явно пытаясь привыкнуть к этой новости, и в то же время не в силах поверить, не поняв сути происходящего. Вид быстро меняющегося облачного неба, казалось, воспроизводил картину ее спутанных мыслей. — Нам, что... больше не нужно бежать?

— Вы можете вернуться домой, Кэрил/Хацис. Именно так, как вы и хотели.

— Как и вы.

— Есть вещи, недоступные Юлам/Гоэлам.

— Знаю, вы путешествовали долго... но есть ведь навигационные карты. Уверена, можно отыскать любую дорогу.

— Ты не понимаешь меня, — пояснил он. — У нас никогда не было дома.

Ю-Кван внимательно посмотрела на него.

— О чем это ты толкуешь?

— «Гоэл» означает «изготовленный», — сказал Юэй.

Простая формула, высказанная вслух, вызвала некое внутреннее тепло, заливая светом участки мозга, обычно покрытые сумраком.

— Не понимаю.

— Нас создал Практик, — снова объяснил Юэй. — Мы служили ему, помогали во всем и просто поддерживали компанию. Мы давали основание для продолжения его

миграции. Вероятно, мы смоделированы с видов, существовавших до нас, возможно, их было несколько. Каким бы ни было наше происхождение, память, данная нам, была фальшивой. Это миф, давший нам чувство самосознания и в то же время начисто лишенный стремления вернуться к чему-либо... или найти что-то еще... впереди. Мы представляли собой идеальных спутников. Практик лгал нам все эти годы, — добавил он.

— Ты совсем не кажешься разочарованным, — заметила Ю-Кван. — Он использовал вас в своих целях так же, как собирался использовать нас.

— А как долго ваши энграммы смогли бы продержаться без его помощи? Возможно, и вы были чем-то полезны — однако не без выгоды для самих себя. Лишь переделанные Практиком, вы могли бы выжить во Вселенной — той, где действует Двуличие.

— Это не давало ему права...

Юэя больше не занимали ее доводы. Вот-вот должно было произойти нечто более важное, что-то, способное оправдать всю прошлую ложь Практика.

— Теперь я понимаю, — прервал он Ю-Кван. — И знаю, что должен делать.

Юэй расставил руки, повернувшись к ветру, и распахнул И-костюм.

Холод зло прошелся по груди и плечам. Первобытный ветер вливался в кожу, больно, до крика, цепляя каждый из его нервов. Внизу И-костюм разошелся до талии, оставляя прикрытой лишь спину, потом сполз с рук, и поясница осталась незащищенной.

— Что ты делаешь?

Юэй не обратил на протест Ю-Кван никакого внимания. Воздух чужого мира вызвал в его теле совершенно новые, волнующие чувства: казалось, в нем просыпается каждая клетка. Придерживая И-костюм около шеи, Юэй старался продлить каждое из этих последних ощущений своей жизни. Полностью подняв надкрылья, он словно парил, отдав себя воле ветра.

Ю-Кван хотелось схватить его, затащить обратно в рубку, но она оставила эту мысль — рядом со странным шипящим звуком пронесся шквал ветра, казалось, сопровождаемый туманом. Мгновение понадобилось, чтобы Юэй понял — это исходит от него самого. Его кожа трескалась, словно от огня, клочки отрывались на ветру, разбрасывая его, Юэя, генетический материал.

— Я сам — Искупление! — крикнул он, перекрывая нарастающий шум.

— Остановись, Юэй! — вскрикнула Ю-Кван. — Ты погибнешь!

Это не беспокоило его. Более того, Юэй принимал свой конец добровольно, уже зная: его личная смерть несет жизнь этой пустынной планете, она дает новый мир, в основание которого ляжет его, Юэя, тело, ставшее генетическим материалом. Искупление сыграет роль катализатора, вызвав рост совершенно новой биосферы. Здесь будет его дом.

Что его смерть перед лицом подобной трансформации? Кто откажется отдать жизнь ради будущего своего народа, ради того, чего этот народ был изначально лишен, сам того не зная?

С чувством выполненного предназначения Юэй раскрыл И-костюм, спокойно приняв данное ему судьбой.

— Юэй!

Последнее, что он услышал, был отчаянный призыв Ю-Кван.

Слова потеряли смысл. Имя перестало ему принадлежать. И пока ветер разносил семена по поверхности планеты, его оставшаяся часть еще не верила в реальность происходящего.

3.0

ЭПИЛОГ

2160.10.7 по стандартному времени
космических миссий
(12 сентября 2163 по земному календарю)

С того момента как Морские Звезды появились в последний раз, прошло уже целых три дня. Трое суток почти неестественной тишины и невысказанных предчувствий. Сол отлично понимала существо этих предчувствий, однако, провожая уже третий закат среди каменных глыб лунного пейзажа, не могла поделаться ничего, кроме, как гадать: не продолжит ли человечество прятаться и дальше, ожидая нового смертельного удара со звезд.

— Сол, все нормально?

Она взглянула в сторону, где рядом с ней угадывалось смутное дрожание прозрачного И-тела Люции Бенк. Посмотрев на север, в сторону горизонта, она могла увидеть и золотое сияние, исходившее от сиротливо зависшей башни — последнего из оставшихся Даров, откуда Люция контролировала их разговор.

Сол кивнула, улыбаясь.

— Я подумала о карбоновом диске с Водолея, который нашел Питер, — сказала она. — Один из тех, что ты — вернее, одна из твоих энграмм — оставляла на своем пути. Знаешь ли, о чем это говорит?

— У меня есть целый перечень, — ответила ей бывшая космонавт-исследователь. — Это была Ноэль Ковард? Ой-ой, почему только в путешествие так любят отправлять не тех людей, что следовало? А те как раз остаются дома?

Сол снова рассмеялась.

— Кажется, на самом деле это была Уордсворт.

— Ах да, — вспомнила Лючия и немного приблизилась, мельком взглянув в сторону Солнца. — Счастье — быть живой и оставаться здесь, на закате.

— Так и есть.

— А почему ты спросила?

Сол спокойно пожала плечами:

— Думаю, тот момент не показался мне слишком счастливым.

— Но ведь мы живы, Сол, и только это имеет значение. Пока у нас есть свой путь, остается и надежда на лучшее. Когда-нибудь мы будем счастливы.

— Знаешь, он еще носит диск на шее.

Лючия ответила не сразу.

— Теперь мы поняли, как следует изменить себя. И придется это сделать.

— Не все захотят измениться.

— Тогда, возможно, нам придется вспомнить, что такое быть людьми.

— Ты излагаешь так, что это кажется неплохим известием.

Горечь, заключенная в собственных словах, удивила даже Сол. В конце концов она жива, и в этом Лючия совершенно права. Разве не следует благодарить за это судьбу? Нужно сказать спасибо за возможность просто видеть закат — каждый день.

Сол наклонила голову, криво улыбаясь сама себе. Все это вздор. Выпрямившись, она посмотрела в небо — туда, где должны находиться звезды, если бы их не затмевал солнечный свет. Туда, где должна была находиться Земля, если бы ее не уничтожили Морские Звезды девяносто восемь лет назад. Возможно, виной тому человеческая натура, но одного выживания ей самой недостаточно. С Сол остались единицы — самые дорогие ей существа, с которых и следовало начать возрождение мира, но ни одно из них не представляет чистой человеческой природы. Лючия, Эландер и она сама — вот ее наиболее крайние представители.

Еще с разрушения Сагарси и последних Даров — три дня назад — она жила здесь, на Луне, в ожидании конца человеческой цивилизации. Она ждала Морских Звезд, ждала, что они придут и просто раздавят выживших своей подошвой. Пришельцы не пришли — и факт этот оставил Сол в совершенно расстроенных чувствах. Она устала и от бесконечных отступлений, и от потока вечных перемен. Ей хотелось осесть на одном месте и тихо стариться, как и положено человеку, чтобы тихо отойти в иной мир на своем крылечке, сидя в кресле-каталке и наблюдая, как у ног играют внуки.

Она снова чуть не рассмеялась. Какая нелепая картина. Ее никогда не интересовали дети, а что уж говорить о внуках! Применительно к Питеру, единственно подошедшему на роль любовника за более чем столетнее путешествие — мысль о детях казалась еще смехотворнее. Их свели вместе обстоятельства, вскоре прошедшие, и потребность в этом давно миновала. Возможности приятного времяпровождения не соответствовали заложенным в них ожиданиям.

Нет, скорее всего ее собственные энграммы тоже приспособлены к продолжению человеческого рода; они, вероятно, несовершенны и обидчивы — как она.

Правда состояла в том, что Сол сама не знала, чего же она хочет. Знала лишь, чего не желает при любых обстоятельствах: сидеть и ждать, когда смерть сама придет за ней.

— Лючия, я пригласила тебя, чтобы попросить об одолжении, — сказала она.

И-тело Лючии подошло ближе, вздымая лунную пыль, легко скользившую вниз с ее невидимых ног и затем естественно медленно падавшую на твердую поверхность реголита.

— Если хочешь, чтобы башня стала челноком между Эллилом и Лунной базой, то я уже дала добро, — сказала Лючия. — Несогласие попросило меня еще вчера.

— Я желала бы твоего участия в этом, как только вернется Ю-Кван. Возможно, взглянув ей в глаза, мы сможем лучше понять, что именно произошло.

Сол не доверяла показаниям свидетелей об ушедших по пути миграции Морских Звезд вместе с Практиком. Вот известные факты: новый мир, засеянный наноспорами

тела Юэя; уход Практика, исчезнувшего в неизвестном направлении вместе с огромной частью «Мантиссы-А»; отсутствие всякого напоминания о Морских Звездах в радиусе тысяч световых лет.

— Но я хотела попросить о другом, — продолжила Сол. — Это до некоторой степени личное одолжение.

— Личное одолжение?

Призрачная Лючия немного наклонила голову, словно прислушиваясь.

— Понадобится некоторое время, чтобы точно понять, кто и где будет жить в дальнейшем, а также — как именно жить. Я предпочитаю остаться здесь, чего, возможно, вовсе не желают остальные.

Сол представила себе трансформацию лунной поверхности — подобную задуманной на Эллиле. Луна, свободная от притяжения Земли и управляемая искусственным разумом, оставшимся от Спайка. Бывший спутник Земли обращался теперь вокруг Солнца по стабильной траектории, проходя новый круг каждые десять часов. Орбита позволяла жизни существовать. Органического сырья — в форме раздробленных молекулярных цепочек и радиоактивных ионов, выпавших в осадок при уничтожении базы под названием «Раковина», — вполне достаточно. Что еще нужно для создания нанофактурной среды, пригодной к обитанию? В итоге этот мир не станет Землей, но он вполне способен заменить дом. За отсутствием Венеры — еще одной жертвы Спайка, — пейзаж системы оставался до боли знакомым. В Сол снова заговорили древние гены.

Она обратилась к Лючии:

— Прошу тебя вместе с Питером отправиться в путь и найти остальных.

— Кого?

— Экспедиции, еще не прибывшие к назначенным им системам. Тех, кто сбился с курса, кто не вовремя начал разгон или торможение и кто нарвался на любую из десятка возможных проблем. Некоторые окажутся погибшими, а некоторые — если верить Эксфорду — непохожими ни на что, нам известное. Тем не менее ни одна из экспедиций не должна выпасть из вашего внимания. Возможно, некоторые еще ждут помощи. Конечно, я знаю, что они — лишь иголки в очень большом стоге сена. Но полагаю, твоя башня способна найти их скорее, чем иголки. Задача стоит усилий: нам будут нужны все, кого еще можно найти.

Люция не торопилась с ответом, но Сол знала, что идея ей понравится.

— Можешь стартовать, как только все обдумаешь, — добавила Сол в ответ на молчание.

— Там были другие мои копии, — наконец откликнулась Люция. — А также и копии Питера.

Сол кивнула.

— И кроме того, ты опять займешься исследованиями.

— Что, если по пути мы пересечемся с Эксфордом?

— Не обращай на него внимания, — ответила Сол. — Не слушай его и старайся не приближаться к нему ни под каким видом.

— Хорошо. И кто знает, возможно, мы когда-нибудь встретим Тор?

Сол не могла разделить энтузиазма Люции, с которым та оценивала вероятность встречи. Живо представив себе «танец» гибридизированной энграммы Тор, исполненный в паре с Оком, Сол вспомнила и о случившемся после: об их исчезновении из системы HD-92719 в закрывшемся со вспышкой окне. С тех пор никто не видел Тор, как не было и следов Морских Звезд или их многочисленных приспешников. Сол только надеялась, что вовсе не ее собственная остановка в Солнечной системе была причиной, вынудившей Тор совершить что-то вроде суицида. Выглядело так, словно для Тор оказалось недостаточным нырнуть с головой в Источник Всего.

Если мысль о самопожертвовании Тор ради остальных окажется правдой, тогда чувство вины, обуревавшее Сол, должно стать еще сильнее. Возможно, причиной тому были воспоминания, данные ее энграмме? Где проходит граница личной ответственности за собственную копию?

— Если увидишь ее, — сказала она, — передай: мы ждем возвращения в любое время. И еще: скажи, что... — Она замялась, вспоминая последнюю встречу с Тор. — Скажи, что я устала от бремени власти.

— Ты действительно так считаешь?

— Да, — подтвердила она, думая о чем-то своем и облегченно улыбаясь. — Иногда, да.

Счастье — быть живой...

Но, даже смеясь, Сол не оставляла своих сомнений. Диск Люции, так же, как и маркеры смерти, расставленные Юлами, — это не более чем тотемы, причем поставленные не для того, чтобы их кто-либо увидел. Просто

жест, без цели брошенный звездам, словно вызов Вселенной за то, что Вселенная их игнорирует. Игнорирует — и это бесспорно. Вселенной безразлично, что все — диски или маркеры, энграммы или люди — падает в бездну одно за другим, стертые в пыль и забытое навеки.

Теперь Сол обрела еще большую решимость, чтобы и дальше бороться с «естественным» ходом событий. Она напишет свою последнюю волю прямо по звездному небу — не важно, какими средствами. И если попытка не увенчается успехом — пусть так и будет. Отныне, пройдя на волосок от бессмысленной жертвенности, она поклянется сделать все, чтобы этого не повторилось. Какая бы жизнь ее ни ждала, лучшей альтернативы не будет.

— Итак, нам все еще ничего неизвестно, что дальше? — Эландер оторвал взгляд от виртуальной презентации, подготовленной Робом Сингхом. Его способности к восприятию данных КоннЦентра несколько улучшились, но сам интерфейс все еще оставался неприятным. — Ведь ты именно это собирался сказать, не так ли, Роб?

Сингх кашлянул, прочищая горло. Тощий и длинный, с когда-то совсем черными, а теперь несколько побелевшими волосами, Роб напоминал скорее школьного учителя, чем космонавта и пилота.

— Это как орех расколоть, — сказал он. — По крайней мере я могу объяснить разницу между тем, чего мы точно не знаем, и тем, о чем думаем, что не знаем.

— Я и сам могу. — Эландер начал загибать пальцы на руке. — Мы не знаем, откуда пришли Морские Звезды и Прядильщики.

— Не знаем, — подтвердил Сингх. — Но...

— Мы не знаем, куда они направляются.

— Не знаем, и тем не менее...

— Мы не знаем, могут ли они вернуться.

— Если позволишь...

— Наконец, мы даже не знаем, почему сначала они пришли именно сюда. Так?

— А теперь о том, что, я полагаю, известно нам в точности. — Впрочем, судя по тону, энтузиазм Роба не был основательно подкреплён. — Так вот, на самом деле мы не знаем смысла их действий. По всему выходит — люди оказались на их пути случайно.

— То есть, по-твоему, это вовсе не существа из обратного нашему потоку времени, «скрывающие» таким образом следы своего пребывания?

Эландер уже слышал эту байку после своего прибытия к Солнечной системе. Теория казалась достойной внимания и складной, но лично он не особенно ей доверял.

К его удивлению, того же мнения придерживался и Сингх.

— Боюсь, это рассуждение скорее о желаемом, чем действительном. Шансы разумных существ на выживание во Вселенной, находящейся в преддверии своей «тепловой смерти», чрезвычайно малы. И сделай это мы сами — все равно не станем чем-то значительным, как не сможем стать и могущественной расой, такой, как встреченные нами чужие создания. Масштабы времени, о которых мы говорим, фантастически огромны.

— Насколько именно?

— Сегодняшняя оценка дает момент срабатывания «счетчика», связанного с энтропией, на цифрах от пяти- до десятикратного возраста нашей Вселенной.

Масштабы, и в самом деле тяжело доходящие до сознания, особенно учитывая один факт: человечеству удалось продержаться и пережить последние две недели только чудом. Возможность прохода через точку «выключения» и нового развития — уже в обратном направлении — казалась совершенно невысказанной.

— Не то чтобы я отверг сценарий обратного потока времени, — продолжал рассуждать Сингх. — В действительности сейчас вообще неуместно говорить о выводе каких-либо правил. Лично я склоняюсь к реальности простого случая — такая миграция, или несколько, могли попасть к нам из другой Вселенной. Так же, как и эти, как их там... те, кого А|как-их-там|а/рилы именовали «Эксклюзив».

Эландер кивнул.

— Да, именно так они называли Экосистему.

— А если все эти расы пришли из различных Вселенных, что это означает?

— Нет, я не знаю, может, поделишься?

Сингх широко улыбнулся.

— Это, конечно же, значит, что твоя теория квантовой эволюции имеет право на существование. Возможно, человечество осталось единственной разумной жизнью, сумевшей развиться в нашей Вселенной.

— А еще это проливает свет на нестыковки материалов из Картографической, а также Библиотеки, — заме-

тила Инари, слушавшая, как и многие, изложение ситуации в трактовке Сингха.

Смоделированный в виртуальном пространстве лекционный зал прекрасно отражал обстановку подобного собрания конца XX века, с обшарпанными стенами и исписанными мелом досками — короче, всем, что явственно напомнило Эландеру его собственные, точнее, полученные от оригинала впечатления. В реальности же всё, что осталось от разума человечества, сбилось в кучу на борту связки из семидесяти внепространственных кораблей, обращающихся по синхронной орбите вокруг Луны, а точнее — в относительной неподвижности зависших над руинами базы Юй.

— Если Прядильщики пришли из другой Вселенной, — продолжила Инари, — хотя бы немного отличной от нашей, то пробелы в информации не предумышленны. Это лишь свидетельство их отличия.

Сингх кивнул в знак согласия.

— Что ж, это имеет смысл, не так ли?

— Так же, как и все, что происходит вокруг нас, — скептически заметила Клео Сэмсон, сердито глядя со своего места в конце длинного стола. Она все еще переживала утрату родной Сагарси — обидную до слез потерю, случившуюся при последнем нападении Морских Звезд. — Если все эти создания — не из нашего пространства и времени, если мы не значим для них ничего, тогда зачем Дары? И вообще зачем с нами связываться?

— Вероятно, мы имели значение для кого-то еще. Если не для самих Морских Звезд или Прядильщиков, то,

возможно, для тех видов, что путешествуют вместе с ними. Нам известно по крайней мере о шести попутчиках внутри «Эксклюжения».

— Мы и сами вполне могли стать седьмым — в случае более плохого для нас сценария.

— Что может быть хуже? — спросил Эли Дженовезе с Деметры.

— Послушай, мы все еще живы, не так ли? — Выражение лица Сингха стало жестким. — Не имея Даров, мы не имели бы и шанса выжить после встречи с Морскими Звездами.

— Во-первых, не имея Даров, мы, возможно, не встретились бы с Морскими Звездами, — возразила Джеми Си-вио с Земины.

— Вот это вопрос! На триллион долларов, не правда ли? — парировал Эландер. — Пытались ли Прядильщики дать нам средство борьбы с Морскими Звездами, или нас просто использовали для диверсии, пока сами Прядильщики скрывались на Пи-1 Большой Медведицы?

— Вероятно, и то, и другое, — вмешался Сингх. — Следует помнить, с чем, собственно, мы имеем дело. Прежде всего это огромное количество видов, взаимодействующих друг с другом около ядра гиперразумного вида. Стоит ли ядро из форм органической жизни, или искусственного разума, или из чего-то еще — мы вряд ли узнаем, и это не слишком важно. Для нас имеет значение только окружение, поскольку именно с ним мы взаимодействуем. А у него могут быть собственные приоритеты — совпадающие или не связанные с целями Прядильщиков.

Две различных группы с совершенно разными планами могли прийти к сходной и простой тактике с одинаково запутанными результатами: одна раздает Дары, другая заставляет Дары говорить только с Питером, а третья выбирает Люцию — первое встреченное ими человеческое существо, — на роль первого жильца Темной Комнаты. Я вижу много возможностей и мало согласованности.

— Не следует опускать и вероятность разнонаправленности вектора времени, — добавила Инари.

— Что сразу поднимает ряд сложных аспектов, — обозначил проблему Сингх. — Если Прядильщики идут в прямом направлении вектора времени, а Морские Звезды — в обратном, это делает благодетелями оба вида, естественно, в их собственных глазах. Если же они следуют по противоположному временному кругу — оба вида автоматически становятся разрушителями.

— А если Морские Звезды — это Прядильщики, идущие обратно, то есть к большому взрыву? — спросил Сивео.

Инари тихонько и протяжно присвистнула.

— Вот это будет полный абсурд.

— Пожалуй. — Лицо Сингха приняло откровенно скупающее выражение. — Раз мы приняли саму возможность двунаправленного хода времени, значит, неизбежно придем к весьма странным моментам, а именно разрывам непрерывности или, как это описывала Люция, событиям бессистемным, с необычными особенностями. Как именно работает принцип разрыва непрерывности, я лично не имею ни малейшего понятия. Спроси меня месяц назад, мой ответ был бы: в макром мире такое решительно невоз-

можно. Элементарные частицы — пожалуйста. Атомы и небольшие молекулы — возможно, но маловероятно. Целые миры? Никогда!

— Полагаю, наша проблема — в ограниченности способностей к восприятию понятий, — заключил Эландер. — Мне вполне симпатична идея о бессистемных и необычных событиях, хотя, наверное, это самое простое объяснение из возможных. Должно существовать что-то, о чем мы еще не догадываемся.

— Или что-то, о чем мы не в состоянии подумать, — продолжила его мысль Сэмсон.

— Если все это было разрывом непрерывности, чем оно должно закончиться? — вдруг спросил Сивيو.

— И, разумеется, с чего началось? — тут же развил идею Сингх. — Зависит от позиций, с которых мы будем смотреть.

— Возможно, этим разрывом была миссия, отправленная к Морским Звездам, — предложила идею Инари. — Ведь она имела определенный эффект.

— Слишком запоздавший, — отметил Сивيو. — Нападения продолжались и после вашего возвращения.

— Может быть, в конце помогло последнее вмешательство Тор, — произнес Дженовезе.

Сингх устало повел плечами и глубоко вздохнул.

— Возможно, верны обе теории. Возможно, мы так и не узнаем ответа. А объяснение должно быть. Не верю я, что целостное явление может появиться ниоткуда и просто так.

— Возможно, что «ниоткуда» относится к пространству нашей Вселенной, — заметила Инари.

— Был это разрыв непрерывности, или они убрались в свою Вселенную, — раздраженно проговорил Эландер, — в конце концов можно вздохнуть свободно. Мы ощутили это, будучи по другую сторону.

— По воле случая, — заметил Дженовезе. — Не назовешь убедительной победой.

— Но мы победили, — ответил Питер. — Вот что сейчас главное.

Сингх вновь устало пожал плечами. Теперь Эландер начинал немного сочувствовать Робу. Пилот в отставке попал в трудное положение — он пытался объяснить то, чего не понимал и не мог понять. И как объяснить суть того, что вообще непостижимо?

Минутная пауза оставила собрание в молчании. Эландер вспомнил слова, сказанные Юэем, когда Питер задал ему вопрос, правда ли все, сказанное Юэем.

«Я/мы не верим в правду, — ответил тогда Юэй. — Поскольку мы не можем видеть правды, которая не может быть высказана».

Это сильно напоминало теперешние ощущения самого Питера. Из всех необычных версий, высказанных о сути Двulichия, ни одна не казалась ему вполне обоснованной. Он сомневался в том, что они вообще что-то знают, и пытался определить, какая из теорий самая невероятная. По мере того, как ужас космических маршрутов пусть медленно, но уходил в прошлое — вопрос становился все менее существенным.

«Не существует правды/неправды, — говорил тогда Юэй. — Существуют лишь степени соответствия».

Воспоминание о потерянном «внеземном» друге ввергло Питера в еще более глубокую меланхолию.

— Так что теперь? — спросил Сингх. — Поскольку мы теперь по другую сторону, хочется понять, что же делать дальше.

— О да, это тема, — заметил Дженовезе.

— Лично я вижу нас и Юлов, идущих во времени и пространстве раздельно, каждый своим путем, — сказал Сивиио. — Теперь у них есть свой дом, о котором нужно заботиться; у нас он тоже есть.

— В случае, если мы решим остаться здесь, — вполголоса заметила Сэмсон.

Сивиио кивнул.

— Ни у кого из нас нет избыточных ресурсов. Мы имеем только необходимое — то, что дает некоторую свободу действий. Сол предполагает сделать энграммы более устойчивыми.

С этими словами он взглянул на Инари, которую все еще раздражали эксперименты Сол.

— Если ее работа увенчается успехом, у нас возникнет дополнительный шанс. Став стабильными или по крайней мере точно зная пределы собственных возможностей, мы сможем говорить об условиях и предпочтениях.

— Что толку задумываться о событиях, только еще предстоящих, — возразила Инари. — Мы знаем только то, что ничего не знаем.

— Не говоря уже о том, что может последовать дальше, — добавил Сингх. Он обвел взглядом всех, находившихся в виртуальном зале, заглядывая в глаза каждому.

Мысль была совсем не та, с которой хотелось бы примириться. — Позади Прядильщиков остался свой след. И неизвестно, что еще придет за Морскими Звездами из пространства, недоступного для Ока.

— То есть необходимо принять меры и задраить люки, готовясь к худшему, — резюмировала Сэмсон. — Как это еще?.. Стойко переносить трудности и лишения и не жалеть даже своей жизни?

— А что остается? — спросил ее Сивео.

Эландер ушел из обсуждения, он слишком устал от разговоров и от постоянной борьбы с дезориентирующим интерфейсом КоннЦентра. Что бы они там ни спланировали — он не сомневался, Вселенная удивит всех еще не раз. Что же, он предоставит им это счастье — решать... вместе с грузом ответственности и комплексами вины.

Питер решил пройтись по коридорам жилища Лючии. Мотивы, двигавшие всеми этими чужими существами, с огнем и мечом прошедшими сквозь Освоенный Космос, оставались совершенно непонятными. Только одна мысль еще вселяла надежду: Лючия первой наткнулась на них близ Пи-1 Большой Медведицы, и эта случайная встреча имела большее значение, чем все, что за ней последовало. Если Прядильщики и выбрали Питера, то основываясь на ее личных впечатлениях, а вовсе не потому, что его энграмма испытывала влияние нестабильности. Лючия не могла знать этого факта, и Питера его открытие успокаивало.

Едва он завершил первый круг по коридорам, как услышал позади легкие шаги — что казалось странным,

поскольку Питер считал себя единственным пассажиром, физически находившимся на борту.

Обернувшись, он увидел Фрэнка Эксфорда, приближающегося к нему из дальнего конца коридора.

— Как ты...

— Расслабься, Питер, это только иллюзия, — успокоил его экс-генерал, примирительно поднимая руки и останавливаясь.

Питеру не хотелось расслабляться.

— Ты влез в мое сознание?

— Думаешь, я рискнул бы — после того, что ты сделал с 1313-м и 1041-м? — Эландер засмеялся. — Сам-то я — 1699-й.

Эландера не занимали его упражнения в остроумии.

— Что тебе нужно, Фрэнк? Пришел попрощаться?

— Скорее, сказать «до свидания»! — Эксфорд снова улыбнулся. — Хочу, чтобы ты напоследок узнал: я ухожу лишь потому, что у вас нет ничего мне полезного. И знайте: я вернусь, как только ситуация изменится.

— Не думай, что мы окажемся к этому не готовы.

— Я совершенно уверен, что вы сами хотели бы так думать, — ответил Эксфорд. — Но все не так просто, и в глубине души вы это понимаете. Питер, посмотри же в глаза правде: вам нечем дать отпор такому противнику, как я.

Изображение Эксфорда казалось столь реалистичным, что Питер боролся с желанием ударить его.

— Играть на понижение? В данном случае это ошибка, Фрэнк.

Эксфорд довольно хохотнул.

— Не надо шутить над собой, Питер. Обычно ты соображаешь хорошо, но сейчас — просто не идешь, а ломишься. Кстати, таким тебя сделал Практик. Иначе ты поступил бы, как я.

— То есть спасся бегством?

— Ушел, расширяя свой ареал, — мягко поправил его Эксфорд. — Раскрыл бы свои возможности.

Эландер покачал головой.

— Ты напоминаешь заезженную пластинку, Фрэнк. Речи твои идут по накатанной колее — в свое время так же шли мои.

— Если это и колея, то с более высоким предназначением.

— Почему же ты попытался вернуться? Почему приветствовал наше появление тогда, на Веге? Я отвечаю: тебе необходимы другие люди, чтобы чувствовать себя выше прочих.

И я ставлю все, что имею, на то, что рано или поздно ты погоришь — сам, исключительно по своей инициативе. Еще десять лет, возможно, меньше — и тебе конец. А мы продолжим движение вперед и станем только сильнее. Нам достаточно лишь игнорировать твое существование, и тогда Фрэнк Эксфорд выйдет в тираж, безо всякого насилия.

Эксфорд поджал губы, сложив их в злую линию.

— Ты сам не представляешь, о чем толкуешь.

Эландер резко засмеялся.

— Если на то пошло — чем ты недоволен?

Эксфорд посмотрел на него, и на один миг Питеру показалось, что он хотел бы поговорить. Но нет — не произнеся ни слова, Эксфорд просто исчез без следа.

— С кем это ты разговаривал? — спросила Лючия, и звук ее голоса наполнил пустые коридоры.

Питер осмотрелся, но никого не увидел.

— Лючия, где ты?

— Внизу, на Луне, — ответил ему голос. — Я здесь вместе с Сол. Ей хочется обсудить одну из своих идей.

— Насчет того, чтобы ты и я отправились на поиски остальных? — поинтересовался Питер. — Да, Лючия, она уже говорила со мной об этом. Еще она обещала после нашего возвращения взглянуть на твое «железо». Это награда или взятка — не знаю, что именно.

— Поскольку все мы получим, что хотим... какая разница? Ей достанется больше энграмм, колонии — больше рабочих рук, а мне... — Лючия замаялась. — А я обрету самое себя.

Питер улыбнулся. Его чувства к оригиналу Лючии уже не имели значения, равно как и ее предательство по отношению к нему тогда, на Сагарси. Все правильно. Он научился воспринимать ее общество по-иному.

— С той оговоркой, что это будешь уже не ты — верно, Лючия?

Ее смех эхом разнесся по коридору.

— Питер, перестань, не будем повторяться!

Хмыкнув, он повернулся и зашагал обратно в Темную Комнату, размышляя о том, что же его оригинал мог сказать, узнай Эландер, к чему в итоге пришли они с Лючией. Без сомнения, выводы были бы такими: это уже не

Питер; гибридная особь — полностью новое существо; любая его связь с другой личностью — чистый самообман.

Правда, прежний Эландер оказывался неправ множество раз и так основательно, что новый должен быть счастлив его окончательному уходу.

— И все-таки с кем ты только что разговаривал? — снова спросила его Лючия.

Не замедлив шага, Питер покачал головой:

— Тебе просто показалось.

— 1.0

Тор

Началось

Где-то в глубине конструкции, называемой «Тор» теми досадными кусочками интеллекта, что составляли ей компанию по дороге в вечность, одна часть ее сознания пристально смотрела в распаханную Вселенную, чувствуя благоговейное изумление. Она наблюдала за частицами, пролетавшими мимо подобно звездам, она видела пространство во всем великолепии его сверкающих измерений, она смотрела, как время сплетается в косы, извиваясь и щелкая, точно кнут. Она знала о странном, проходящем насквозь ощущении, о том, названия чему у нее еще не нашлось.

Все

Иссушив изнутри, свет Ока лишил ее всяких иллюзий и всякой надежды понять разум создавших и направляющих это согласно своей воле. Невозможно влиться в их разум —

конечно, если это действительно разум. Он за пределами встреченного до Нексуса и того, что было после него. Она — песчинка, случайно прошедшая мимо жерновов, в поисках изумительного обещанного ей близкого моря.

Где

Она стояла под бесконечным потоком фотонов. Смотреть так же трудно, как искать соломинку в грудке иголок. Сощурившись и смутившись, окружив себя новыми ощущениями, она думала, что могла остаться в HD-92719. Яркое солнце сияло бесконечной радугой красок. Планеты она видела с точностью до молекул. Состав атмосферы и ядра, магнитные поля и все структуры открывались ее поразительным чувствам. Волны гравитационных взаимодействий, вызванные движением планет, казались результатом ее присутствия.

Казалось, она бредит. Еще одна ее часть не могла поверить, что осталась жива — все равно, в какой форме. Она нырнула внутрь Ока. Что представляли собой ее мысли? Куда, по их мнению, она попала?

Находится

Где-то в путанице ощущений — там же, где лежит и ее уверенность, все действия имеют причину. Она чувствовала — вокруг действуют гигантские силы; беспомощно взирая на кувыркающиеся среди звезд планеты, она словно бы проходила через центр светила HD-92719.

Гнет внешних сил был устрашающим. Казалось, она зажата, просвечена насквозь, перерисована, изучена и понята целиком. Ее словно растворили своим пристальным взглядом существа, которых она, наверное, могла бы назвать богами — если бы верила. Но она утратила себя. И наконец, она снова стала другим существом, клубком, оказавшимся распутанным и ясным до самой сути.

Дом

Вернувшись к самой себе, она увидела звезды — теперь они стали просто звездами. Они проходили мимо ее окна так же просто, как падает дождь. Не как астрофизик, но изначально зная о движении звезд около Солнца, она всегда представляла себе их естественное смещение. Странно, но теперь казалось — они движутся в обратном направлении...

Мой

Слова получили новое значение. Она следовала за Оком, перепрыгивая с одного места на другое по следам эмиссаров меньшего ранга. Или наоборот — эти эмиссары, куттеры и «Трезубцы» следовали за Оком? Она понимала: все зависело от места, которое занимала она сама. Теперь, устремляясь вперед вместе с Оком и наблюдая все с обратной стороны, она сомневалась, в порядке ли ее память? Приходили Морские Звезды последними, или они всегда прибывали первыми? Следовало ли Око за ней, или она

шла за Оком? Шла ли она впереди в этот момент настоящего времени, или двигалась по следам остальных? Наконец, смогла ли она увести Морских Звезд или, напротив, обрушила их лавину на головы человечества, спровоцировав «бессистемное и необычное событие», «разрыв непрерывности»? В камере ли Вильсона, или в ее воспаленном мозгу — но внутри оставалась лишь одна определенность, лишь одна мысль казалась чистой и яркой: «Я еще здесь». Не имело значения, кто она и куда идет, как безразличным казалось то, что она уже была здесь прежде и что скоро в ее будущем наступит прошлое, когда ее еще не будет...

Она все еще существовала — и это единственное, что имело смысл.

На мгновение...

Приложение 1

СИСТЕМА МОДИФИЦИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ ПО СТАНДАРТУ МАКСА ПЛАНКА

После серьезных неудач, постигших космические экспедиции в конце двадцатого и начале двадцать первого столетий, Околоземная звездная исследовательская программа (ОЗИ-ПРО) разработала систему космических единиц измерения для предотвращения разночтений в данных и компьютерных программах, используемых исследователями различных наций, участвовавших в космическом проекте. В таблицах приведена окончательная редакция, принятая ОЗИ-ПРО в 2050 г.

В качестве основной единицы в системе использована постоянная Планка, а также применены и другие, вспомогательные физические константы.

1 новая секунда (с)		= 0,54 старой секунды
1 новая минута	= 100 новых секунд	= 0,90 старой минуты (54 старые секунды)
1 новый час	= 100 новых минут	= 1,5 старых часа (90 старых минут)
1 новые сутки	= 20 новых часов	= 1,2 старых суток (30 старых часов)
1 новая неделя	= 5 новых суток	= 0,89 старой недели (6,2 старых дней)
1 новый месяц	= 6 новых недель	= 1,2 старого месяца (5,3 старых недель)

Наследники Земли

1 новый год	= 10 новых месяцев	= 1,025 старого года (12 старых месяцев)
1 новый сантиметр (см)		= 1,6 старого см/ 0,64 дюйма
1 новый дециметр (дм)	= 10 новых см	= 6,5 дюймов
1 новый метр (м)	= 10 новых дм	= 1,6 старого м/3,3 фута
3 новых метра		= 10 футов
1 новый километр (км)	= 1000 новых м	= 0,97 мили
1 новый гектар (га)	= 2,6 старых га	= 6,4 акра
1 новый литр (л) = 1 куб. дециметр (куб. дм)	= 4,2 старых л	= 1,1 галлона
1 новый грамм (г)		= 2,2 старых г
1 новый килограмм (кг)	= 1000 новых г	= 4,8 старых фунтов
1 новая тонна (т)	= 1000 новых кг	= 2,1 старых т
1 новый ампер (А)		= 2,972 старых А

(новая единица)	(по Цельсию)	(по Фаренгейту)	(по Кельвину)
1°	= 1,415°	= 2,563°	= 1,415°
0°	= -273,15°	= -459,67°	= 0° (абсолютный нуль)
193°	= 0°	= 32°	= 273,15° (точка замерзания воды)
264°	= 100°	= 212°	= 373,15° (точка кипения воды)

С (скорость света)	= $1,00 \times 10^8$ м/с
1 световой год	= $6,00 \times 10^{15}$ м
1 световой час	= $1,00 \times 10^{11}$ м

Шон Уильямс и Шейн Дикс

1 парсек	= $2,0 \times 10^{16}$ м
1g	= 1,0 световой год/год ²
1 солнечный радиус	= 430 000 км
1 радиус Земли	= 4 000 км (по экватору)
Геостационарная орбита	= 22 220 км (Земля)

Приложение 2

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Люди

Питер Эландер («Джеффри Мерси»)

Питер Эландер («Майкл Мейер»)

Питер Эландер («Фред Разио»)

Питер Эландер («Фрэнк Типлер»)

Фрэнсис Эксфорд (996)

Фрэнсис Эксфорд (1041)

Фрэнсис Эксфорд (1313)

Фрэнсис Эксфорд (1699)

Лючия Бенк («Андре Линде»)

Эли Дженовезе («Фримен Дайсон»)

Кэрил Хацис (Солнечная система)

Кэрил Хацис («Роджер Энджел»)

Кэрил Хацис («Дебра Фицхер»)

Кэрил Хацис («Мартин Хис»)

Кэрил Хацис («Мичио Каки»)

Кэрил Хацис («С.В. Красников»)

Кэрил Хацис («Тесс Нельсон»)

Винс Молер («Джеймс Дж. Фунаро»)

Оуэн Норсуорси («Фримен Дайсон»)

Кингсли Оборн («Маркус Чон»)

Кингсли Оборн («Алиса Куиллен»)

Клео Сэмсон («Маркус Чон»)

Клео Сэмсон («Фрэнк Дрейк»)

Дональд Шевенин («Фрэнк Дрейк»)

Роб Сингх («Маркус Чон»)

Роб Сингх («Фрэнк Дрейк»)

Джейми Сивлио («Фримен Дайсон»)

Юлы/Гозлы

Юэй/Эллил (конъюгатор)

Вррел/Эпан

Чужие

А|как|а/риил

Астероид

Управляющие интерпространствами

Черные жуки

Нексус

Практик

Плликс

Прядильщики

Морские Звезды

Приложение 3

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ РЕГИСТР

№ п/п	Звездная система (цель экспедиции)	Исследователь- ский космический корабль	Первичное поселение
13	23 Волопаса	«Марои Йоши»	(неизвестно)
17	Хи Геркулеса	«Джеффри Мэрс»	Вахагн
31	Бета Гидры	«Карл Саган»	Яркая
44	BSC-5581	«Сет Шостак»	Геба
95	94 Водолея	«Ларри Лемке»	(неизвестно)
154	HD-92719	«С.В. Красников»	Тор
163	Тау Кита	«Брайан Шабойер»	Новая Франция
180	Дзибан	«Джеффри Лендис»	(неизвестно)
182	Альтаир	«Дидье Кело»	(экспедиция погибла)
183	Ван Маанен-2	«Стивен Уайнберг»	Аретия
205	Тета Персея	«Дебра Фишчер»	Махатала

Продолжение таблицы

№ п/п	Звездная система (цель экспедиции)	Исследователь- ский космический корабль	Первичное поселение
219	BD-14 2621	«Дуглас Лин»	Медя
253	Гамма Змеи	«Стивен Хоукинг»	Юнона
267	Мю Алтаря	«В.С. Сафронов»	Пан
278	HD-113283	«Ли Смолин»	Фу-кси
306	Бета Гончих Псов	«Зигфрид Фрэнк»	Амун
321	HD-132142	«Фримен Дайсон»	Деметра
340	HD-165401	«Мичио Каки»	(неизвестно)
344	BSC-8477	«Анна Джексон»	(неизвестно)
373	6 Кита	«Хитер Хаузер»	Сильванус
387	BSC-8061	«Джилл Тартер»	Хеймдалль
391	Пи-1 Большой Медведицы	«Андре Линде»	Цзян Лао
400	BSC-7914	«Фред Расио»	Эос
402	HD-203244	«Рональд Брейсуэлл»	Фудзин
416	Дельта Павлина	«Мартин Фогт»	Эгерия
477	Гиппарх-1599	«Роджер Энджел»	Ю-Кван
512	Голова Гидры	«Майкл Мэйджер»	Афина
538	61 Большой Медведицы	«Фред Адамс»	Гера
543	Дзета Золотой Рыбки	«Стивен Фогт»	Хаммон

Продолжение таблицы

№ п/п	Звездная система (цель экспедиции)	Исследователь- ский космический корабль	Первичное поселение
564	Гамма Павлина	«Джек Лиссауэр»	Диана
639	Пси Козерога	«Тесс Нельсон»	Инари
647	Процион	«Филип Армитаж»	(экспедиция погибла)
648	Звезда Лайтена	«Алан Босс»	Юмис
666	Вега	«Мэттью Торнтон»	(нет)
707	АС + 48 1595-89	«Фрэнк Шу»	Эя
709	Сириус	«Дэвид Дейч»	Сотис
711	Лямбда Аурига	«Дональд Браунли»	Гайомар
713	BSC-5423	«Джеймс Дж. Фунаро»	Земина
726	BD + 14 2889	«Норман Мюррей»	(экспедиция погибла)
754	Гиппарх №101997	«Эми Райнс»	Бальдур
755	Дзета Змеи	«Генри Труп»	Рама
784	Гиппарх №64583	«Роберт Хаберле»	Адаммас
794	Аселлус Примус	«Шелли Райт»	(экспедиция погибла)
805	Дзета 1-2 Сетки	«Пол Дэвис»	Татенен
833	Муффрид	«Дэвид Содерблом»	(экспедиция погибла)
835	HD-194640	«Кэрол Стокер»	Варуна

Продолжение таблицы

№ п/п	Звездная система (цель экспедиции)	Исследователь- ский космический корабль	Первичное поселение
842	Эпсилон Водолея	«Фрэнк Типлер»	Адрастея
861	Альфа Столовой горы	«Субрахманьян Чандрасекар»	Пагу
906	56 Эридана	«Мартин Хис»	Гу Мань
919	64 Рыбы	«Мигель Алькубьер»	Ильмаринен
934	10 Торус	«Алиса Квиллен»	Шанг-Ди
950	Грумбридж 1830	«Сара Мэнли»	Перенди
992	BSC-5070	«Маркус Чоун»	Расмуссен

Приложение 4

ТАБЛИЦА СОБЫТИЙ

Всемирный календарь		Летоисчисление космических миссий
17 декабря 1988 г.	Родился Питер Стэнмор Эландер	
26 ноября 2049 г.	Активированы энграммы ОЗИ-ПРО	29.09.2049 г.
1 января 2050 г.	Начало запусков экспедиций ОЗИ-ПРО	01.01.2050 г.
8 июля 2062 г.	Спайк	03.03.2062 г.
	Проход Люции Бенк по системе Пи-1 Большой Медведицы	18.03.2117 г.
	Проблемы с энграммой Питера Эландера в Эпсилон Водолея	01.2151 г.
	На пространстве Освоенного Космоса появляются Прядильщики	08.2160 г.
10 июля 2163 г.	В Эпсилоне Водолея прибывают Дары	17.08.2160 г.
	Адрастея (Эпсилон Водолея) подвергается нападению	26.08.2160 г.

Продолжение таблицы

Всемирный календарь		Летоисчисление космических миссий
24 июля 2163 г.	Нападение на Солнечную систему	28.08.2160 г.
	Знакомство с Практиком	15.09.2160 г.
	Энграмма Люции Бенк (Цзян Ляо) восстановлена при участии Кэрил Хацис	18.09.2160 г.
	Морские Звезды нападают на Бейд	19.09.2160 г.
	Разрушены Сотис (Сириус), Рама (Дзета Змеи), Хаммон (Дзета Золотой Рыбки), Гера (61 Большой Медведицы) и Инари (Пси Козерога)	
	Люция Бенк попадает на Сотис	20.09.2160 г.
28 августа 2163 г.	Сагарси (BSC-5148) встречает Прядильщиков	26.09.2160 г.
	Уход «Мантиссы-А»	27.09.2160 г.
	Старт миссии Тор	29.09.2160 г.
	Нападение на Расмуссен (BSC-5070)	30.09.2160 г.
	В Пи-1 Большой Медведицы развязана война	01.10.2160 г.
	Атакованы Земина (BSC-5423) и Деметра (HD-132142)	02.10.2160 г.
	Атакован Геб (BSC-5581)	03.10.2160 г.
	Возвращение миссии Тор	03.10.2160 г.
	Атакован Сагарси (BSC-5148)	04.10.2160 г.
	Эллил колонизирует новый мир	04.10.2160 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Слова благодарности направлены нами в адрес множества людей. Надеемся, мы не слишком надоели. Искреннее чувство нашей признательности все растет и растет, а это — единственная возможность вас отблагодарить. (Уж извините, ребята.)

Отдельное спасибо Джинджер Баченан, предоставившей ту помощь, в которой мы особенно нуждались. Благодарим и Ричарда Кертиса, Стефани Смит и Шелли Шапиро за качества, присущие истинной добродетели. Ральфа Буттиге из «Инфинитас» и Джастин Экройда из «Слоу Глас» — за твердокаменную поддержку, оказанную ими на переднем крае.

Спасибо и Эрику Макс Френсису, Уинчеллу Чангу, Клаусу Борниху — по основаниям, изложенным в «Послесловии» к нашей предыдущей книге. А также — Маркусу Чону (реальная личность, автор книги «Следующая дверь Вселенной») за сделанные им обобщения многих восхитительных мыслей в столь компактном издании. Громкие хвалы Наде Дикс, Ванессе Хопс, Робу Худу, Ким Селлинг и еще многим другим, друзьям и родствен-

никам, вдохновлявшим нас и помогавшим в течение целого года.

Кажется невероятным, чтобы при такой поддержке мы могли сделать какие-либо ошибки. Тем не менее нам это удалось — и мы просим снять ответственность за это со всех здесь перечисленных. Спасибо!

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Уильямс Шон и Дикс Шейн

Наследники Земли

Фантастический роман

Редактор О. Скуднев

Художественный редактор О. Адаскина

Компьютерная верстка: Р. Рыдалин

Технический редактор Т. Сафаришвили

Младший редактор Е. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»

143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Долгожданный контакт человечества и «чужих» наконец СОСТОЯЛСЯ! Представители неизвестной инопланетной цивилизации преподносят людям БЕСЦЕННЫЙ ПОДАРОК — возводят на одной из планет, ПОДЛЕЖАЩИХ КОЛОНИЗАЦИИ ЗЕМЛЯН, ГИГАНТСКИЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ о Вселенной. Предложение мира?

Приглашение к сотрудничеству?

Нет. Колоссальная диверсия, целью которой было — и СТАЛО! — уничтожение Земли.

Однако опасность угрожает и остаткам человечества, рассеянным по отдаленным колонизированным планетам...

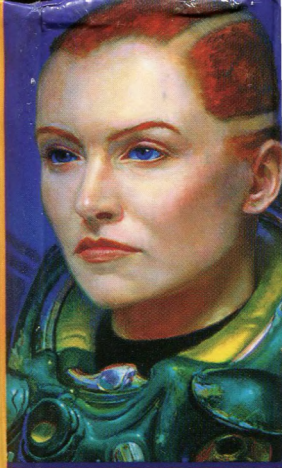
Загадочная негуманоидная цивилизация Морских Звезд, все дальше распространяясь по Галактике, сметает на своем пути ВСЕ ЖИВОЕ.

Отчаянная попытка вступить с Морскими Звездами в контакт терпит сокрушительный крах.

Земляне присоединяются к вечным врагам Морских Звезд — загадочным Прядильщикам...

«Увлекательные космические приключения, вызывающие в памяти «старую классику» американской фантастики».

«Locus»

ШОН
Уильямс
ШЕИ-ДИКС

НАСЛЕДНИКИ ЗЕМЛИ

ISBN 5-17-034342-6

9 785170 343423